О. Н. Васильева-Шведе
Г. В. Степанов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ

О. К ВАСИЛЬЕВА- ШВЕДЕ
Г В СТЕПАНОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ

ДЛЯ ИНСТИТУТОВ И ФАКУЛЬТЕТОВ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для филологических факультетов университетов и институтов и факультетов иностранных языков

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА» МОСКВА 1972

4И (Исп)
В 19

7-1-4
174-
72

ОТ АВТОРОВ

Настоящий труд является первым в русской и советской испанистике опытом создания теоретической грамматики испанского языка.

При создании книги авторы руководствовались «Программой по теоретической грамматике испанского языка», утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования СССР, и исходили из того, что данный учебник предназначается для студентов старших курсов испанских отделений филологических факультетов университетов и языковых вузов.

Книга написана на основании самостоятельного исследования авторами большого языкового материала, с учетом достижений советских и зарубежных испанистов.

В соответствии с задачами теоретического курса авторы стремились дать более углубленное и детальное описание тех проблем грамматического строя испанского языка, которые являются наиболее трудными и спорными в теоретическом отношении. В связи с этим в ряде разделов «Теоретической грамматики», а именно в тех, где излагались результаты собственных исследований и выводы, новые (например, вид) или не совпадающие (например, артикль, причастие, герундий и др.) с традиционной испанской грамматикой, давалась более подробная и обстоятельная аргументация, чем в тех случаях, когда авторы ограничивались освещением современного состояния проблемы и высказывали суждение о наиболее приемлемой точке зрения.

Авторы старались дать по возможности всестороннюю характеристику морфологии и синтаксиса частей речи испанского языка в его современном состоянии, но с учетом закономерностей развития грамматического строя и живых тенденций его движения.

В качестве иллюстративного материала использовались тексты литературных произведений различных жанров и стилей современных испанских и латиноамериканских авторов.

Принимая во внимание задачи теоретического курса и ограниченный объем книги, а также во избежание повторений, авторы сосредоточили свое основное внимание на теоретическом рассмотрении соответствующих проблем, рассчитывая, что более подробные сведения нормативного характера учащиеся могут почерпнуть из грамматики тех же авторов (2-е изд., М., Изд-во «Высшая школа»,1963).

Авторы стремились к тому, чтобы данный учебник отвечал основному назначению курса теоретической грамматики — способствовать развитию у студентов самостоятельного лингвистического мышления, прививая им навыки вдумчивого анализа и теоретического осмысления языкового материала.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Как любай наука, теория грамматики или теоретическая грамматика в процессе своего развития создала систему основных понятий, с помощью которых она определяет как предмет науки, так и метод его изучения. Предметом грамматики как науки является грамматический строй языка, т.е. совокупность закономерностей, управляющих способами образования и изменения слов и определяющих правила сочетания слов в предложении и сочетания предложений между собой. Основными понятиями грамматики являются грамматическое значение, грамматическая форма и грамматическая категория.

Грамматическим з н а ч е н и е м [1] называется обобщенное значение элементов (частей слова и отдельных несамостоятельных слов), дополняющих основную (вещественную или лексическую) часть слова[2], а также обобщенное значение элементов построения (отдельных самостоятельных слов), находящихся в определенных синтаксиче-

[1] «Грамматика — это тоже «семантика», — пишет Э. Косериу, — в той степени, в которой она занимается содержанием (contenu) грамматических форм». И далее: «Формы выражения «множествен ности», даже внутри одного языка, могут быть совершенно различ ными; они объединяются только по их функциональной значимости (fonction significative), которая называется в данном случае «мно жественностью» (Pour une sémantique diachronique structurale. — « Travaux de ling, et de lit. », Strasbourg, стр. 141).

[2] Е Д. Поливанов называет вещественную часть слова *лекси ческой* или *материальной* морфемой в отличие от морфем, выражаю щих морфологические значения. Эти последние он называет формаль ными морфемами или формантами (Введение в языкознание для восто коведных вузов Л., 1928, стр 24).

ских связях, независимо от лексического значения сочетаемых слов. И тот и другой вид отношений отражают в конечном счете (через связь понятий) отношения реальной действительности.

Элемент -s, дополняющий вещественные части таких слов, как mesa-s, hombre-s, idea-s и т.д., обладает свойством обобщенно передавать значение множественности (грамматическое значение множественности). В построениях soy alabado, eres alabado, es alabado и т.д. служебный глагол ser в сочетании с причастной формой основного глагола alabar, передает значение пассивного действия (грамматическое значение пассива). В выражениях la lluvia moja la tierra, el tren recorría la sabana расположение (последовательность) элементов словосочетания является грамматически значимым в том смысле, что первые два существительных (la lluvia, el tren) имеют грамматическое значение подлежащего, а вторые (la tierra, la sabana) — грамматическое значение прямого дополнения.

Коррелятом грамматического значения является грамматическая ф о р м а. Иными словами, грамматическое значение обязательно предполагает соответствующую материальную форму выражения. Грамматической формой как раз и называются те элементы языка (части слова, отдельные слова, значащая последовательность построе-ния), которые дают возможность последовательно передавать то или иное грамматическое значение.

Так, например, грамматической формой выражения грамматического значения характеристики действия является суффикс **-mente** в словах типа alegremente, pasivamente. В личных формах escribo, escribes, escribe грамматические формы -o, -es, -e, дополняющие значимую основу **глагола** escrib-, передают соответственно грамматические значения I, II, III лица единственного числа.

В глагольной форме he venido (has venido, ha venido и т.д.) грамматическое значение прошедшего времени, связанного с настоящим (Presente perfecto), передается посредством личной формы глагола haber, дополняющей вещественную часть глагола в форме причастия.

В испанском языке, как и в других языках, известны случаи, когда грамматическое значение не располагает индивидуальной, закрепленной за ним одним формой выражения. Так, слово español может быть отнесено нами к классу слов с грамматическим значением существительности (испанец) и к классу слов с грамматическим значе-

нием атрибутивности (испанский). Однако этот «трудный» случай создан нами искусственно, ибо мы оперируем словом español как «изолированным» словом, как элементом словаря, а не грамматики. Рассматривая слово español в грамматическом аспекте, мы обнаружим, что за данной фонетической оболочкой скрываются (или, точнее, обнаруживаются) две лексемы, каждая из которых обладает различной совокупностью категориальных, парадигматических и синтагматических характеристик[1]. Одна лексема español имеет значение предметности, может иметь словоизменительные формы рода (español — española) и числа (español — españoles), выступать в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения и т.д. — это существительное español 'испанец'. Другая лексема не обладает всем набором перечисленных выше характеристик и, в частности, не имеет значения предметности (но имеет значение атрибутивности) — это прилагательное español 'испанский'.

Выражение отношения может быть достигнуто и вне грамматического значения. Это происходит в тех случаях, когда отношение выражается не при помощи части слова, служебного слова или значащего расположения частей словосочетания, а при помощи отдельного самостоятельного слова или группы слов. Так, например, значение множественности в выражении mucho guerrillero 'много партизан' не имеет характера грамматического значения, поскольку представление о множестве достигается здесь не при помощи специальной грамматической формы (muchos) guerrilleros, а вследствие использования самостоятельного слова mucho, комбинирующегося с существительным в единственном числе. Значение повторности действия в выражении habló más de una vez 'говорил неоднократно' выражается не формой глагола hablar, а группой слов más de una vez и, следовательно, не имеет грамматического значения.

Грамматическая категория — одно из самых широких и емких понятий теории грамматики — объединяет лингвистические элементы по признаку их наиболее общих свойств, проявляющихся в единстве грамматического значения и грамматической формы.

[1] А. А. Реформатский считает, что о слове следует говорить в лексикологии, а термином «лексема» (ср. морфема) обозначается «слово в совокупности всех его словоизменительных форм» («Введение в языкознание», М., 1960, стр. 205)·

Прилагательное bueno может иметь грамматическое значение мужского рода (bueno) и грамматическое значение женского рода (buena). Общим грамматическим свойством в данном случае является изменяемость лексемы bueno по родам. Это общее свойство есть проявление грамматической категории рода, которой охватываются все без исключения слова, входящие в состав данной части речи, в том числе и слова с иной оппозицией формальных элементов (например, español — española). В отдельных лексемах формальное выражение принадлежности к тому или иному роду может определяться не частью слова, а видом синтаксической связи: (la) verde carne, (el) pelo verde; (la) araña gris, (el) cielo gris.

На основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что единство грамматической категории зиждется на сходстве (общности) грамматических значений (род: мужской и женский), а не на единстве грамматических форм (bueno — buena, español — española, verde — verde).

Грамматическое значение рода могут иметь слова различных разрядов, например: артикли (el — la), притяжательные местоимения (suyo — suya), указательные местоимения (este — esta, ese — esa, aquel — aquella), имена существительные. Следовательно, грамматическая категория может объединить грамматические значения разных разрядов слов.

Из этих примеров можно сделать важный вывод о том, что грамматическая категория всегда о б ъ е д и н я е т какое-то количество частных грамматических значений (больше одного) либо в пределах одного разряда слов, либо в пределах нескольких разрядов. Грамматическую категорию не следует смешивать с грамматическим значением. Грамматическая категория реально существует (и может быть научно определена) там, где имеется объединение грамматических значений (т.е. не менее двух). Так, грамматическое значение мужского рода имени существительного (или прилагательного) не составляет само по себе грамматической категории. Грамматическое же значение выделяется нами в самостоятельное индивидуальное значение, хотя реальное его существование обусловливается наличием другого (как минимум) или других индивидуальных значений (мужской род — женский род, значение I лица глагола — значение II, III лиц глагола).

Грамматическая категория, возникающая при наличии двух (как минимум) грамматических значений, не может существовать, однако, «сама по себе», без наличия других грамматических категорий, т.е. здесь тоже обязательно предполагается противопоставление. Тем не менее характер противопоставлений в системе значений и в системе категорий различен. В системе значений противопоставления носят, так сказать, «однородный» характер (по роду, по числу, в некоторых языках — по падежу и т.д.), в системе категорий такой однородности нет: категория числа противопоставляется всем прочим категориям; категория рода не предполагает наличия какой-то конкретной категории, например: времени, лица или падежа.

В соответствии с этим вряд ли целесообразно говорить о грамматической категории существительного, подлежащего или прямого дополнения. Почему? Потому что «грамматическая категория существительного» не объединяет существительных с разными грамматическими значениями: все существительные имеют сходный набор частных грамматических значений. «Грамматическая категория подлежащего» не располагает «внутри себя» индивидуальными грамматическими значениями, которые могли бы быть противопоставлены друг другу. Следовательно, в данных случаях целесообразно говорить о грамматическом значении существительное™, которое в пределах категорий частей речи, противополагается грамматическому значению качества (прилагательные), действия (глаголы) и т.д.; целесообразнее говорить о грамматическом значении подлежащего, которое в пределах категории членов предложения противопоставляется грамматическому значению прямого дополнения, сказуемого и т.д.

Таким образом, грамматические понятия числа и рода противопоставляются не в виде грамматических значений, а в виде грамматических категорий.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что грамматические категории могут различаться по степени обобщенности. Имя существительное как лексема со сложной структурой имеет совокупность грамматических значений[1], каждое из которых относится к разным грамматическим категориям: грамматические значения мужского и женского рода — к категории рода, значения единственного и мно-

[1] Е. Д. Поливанов говорит в подобных случаях о «совокупности идей» (Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 13).

жественного числа — к категории числа, значение предметности — к категории частей речи. Ясно, что категория частей речи по сравнению, например, с категорией числа является более абстрактной категорией. Приведем еще один пример.

Слова с грамматическим значением действия относятся к классу глаголов (грамматическое значение глагольности). Глагол обладает различными временными значениями (грамматическое значение времени), которые в своей совокупности составляют грамматическую категорию времени. В категории времени можно выделить ряд грамматических значений прошедшего времени. Основанием для выделения грамматических значений прошедшего времени является наличие грамматических значений настоящего времени и будущего времени. Различные грамматические значения прошедшего времени составляют более конкретную грамматическую категорию прошедшего времени. Внутри категории прошедшего времени можно выделить грамматические значения предшествования (например, pluscuamperfecto, pasado anterior), которые объединены в еще более конкретную грамматическую категорию предшествования и т.д.

Задача теоретической грамматики состоит в исследовании (обнаружении), доказательстве необходимости выделения и описании грамматических категорий данного языка, грамматических значений и формальных способов их выражения.

В соответствии со спецификой типов грамматического значения (например, значение отношения, выраженное частью слова, и значение отношения, выраженное при помощи того или иного вида сочетания слов) грамматика делится на морфологию и синтаксис.

Вся история испанской грамматической мысли свидетельствует о стремлении разграничить эти два основных раздела грамматики[1]. Один из распространенных принципов деления состоит в том, что за морфологией закрепляется задача изучения формы слов, а за синтаксисом — значения этих форм. В соответствии с этим принципом морфология рассматривалась как учение о слове, а синтаксис — как учение о предложении и его типах. Другая точка

[1] См. по этому поводу: A. L l ó r e n t e M a l d o n a d o. Morfología y Sintaxis. El problema de la división de la gramática. Granada, 1955.

зрения состояла в том, что морфология, занимаясь изучением внешних форм слова, должна учитывать и внутреннюю их форму, т.е. изучать ф у н к ц и ю этих форм и передаваемое ими з н а ч е н и е. Синтаксис рассматривался как раздел грамматики, изучающий предложение. Сторонникам разделения грамматики на морфологию и синтаксис противостояли и противостоят ученые, считающие, что такое разделение не может быть проведено.

Трудности разделения коренятся в специфике самого объекта изучения — языка, в котором формальные и содержательные элементы неразрывно связаны.

Дело осложняется еще и тем, что связь формальных показателей и грамматических значений не стереотипна: единства представлены в языке сложными и разнообразными структурами.

Очевидно, наиболее правильной постановкой вопроса является следующая. Несмотря на нерасторжимость формальных и содержательных элементов языка, разделение грамматики на морфологию и синтаксис является допустимым методологически и оправданным с практической точки зрения. Рассматривая морфологию как учение об изменении слов и их образовании, нельзя не учитывать норм реального функционирования слова [x]. В морфологии должны найти отражение как максимально абстрагированные характеристики устройства слова, так и значимая сторона этого устройства. По существу речь идет о том, чтобы морфология устанавливала репертуар формальных средств и грамматических значений, присущих слову, с учетом синтаксических свойств этого отдельного слова (лексемы).

Вопрос о с л о в о о б р а з о в а н и и и его отношении к грамматике до сих пор не получил достаточно четкого освещения. Большинство ученых признает наличие связи словообразования и с грамматикой и с лексикологией. Однако признание этой двоякой связи вовсе не означает единства точек зрения на место словообразования

[1] Именно слова, а не морфемы, которую, очевидно, нельзя принять в качестве центральной единицы лингвистического исследования, как делают дескриптивисты. «Понимание речи как последовательности морфемных сегментов, — пишут Н. Д. Арутюнова и Е. С. Кубрякова, — а морфем, как сырья,... из которого создается высказывание, не отражает подлинной картины использования языка как средства общения.» (Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 233).

среди других лингвистических дисциплин. Одни рассматривают словообразование как особый раздел грамматики (наряду с морфологией и синтаксисом), другие — как часть морфологии, третьи — как раздел лексикологии. Некоторые ученые считают необходимым выделить словообразование в отдельную самостоятельную дисциплину[1]. Отсутствие четких представлений о словообразовании как об особом предмете науки, точной собственной терминологии, научно обоснованных понятий приводит к смешению собственно словообразовательного анализа с морфологическим, с одной стороны, и к подмене грамматического (морфологического) анализа лексикологическим — с другой[2].

При морфологическом анализе состава слова в нем прежде всего выделяется основа. Это выделение осуществляется путем отсечения грамматических показателей (например, в слове rehacer путем отсечения показателя инфинитива -ег выделяется основа rehac-. Далее из состава основы выделяется корень и общее членение выглядит так: re-hac-er).

При словообразовательном анализе слова выделяется производящая основа и те элементы, которые создают анализируемое слово (rehac-er).

Примером смешения принципа морфологического и лексикологического подхода к производному слову (производное слово — понятие, относящееся к словообразованию) является раздел «Суффиксы существительных» в «Грамматике» Рафаэля Секо. Так, наряду с группой «суффиксов абстрактных имен, указывающих на качество»: frag-ancia, crud-eza, amarg-or и т.д. (лексикологический подход), автор выделяет группу «отглагольных существительных, восходящих непосредственно к глагольным корням, оформляемых добавлением о, е, а»: costo, coste, costa (морфологический подход).

Не решая окончательно вопроса о месте словообразования среди других лингвистических дисциплин, в теоретическом курсе грамматики следует, вероятно, исходить из наличия связи (иногда неразрывной) между грамматикой (главным образом морфологией) и словообразованием.

[1] Эта точка зрения четко сформулирована Е. С. Кубряковой в работе «Что такое словообразование», М., 1965.

[2] В испанистической литературе наиболее основательно эти проблемы (и другие, более частные вопросы) освещены в книге Н. Д. Арутюновой «Очерки по словообразованию в современном испанском языке», М., 1961.

Вследствие этого грамматист необходимо должен учитывать все то, что может подлежать ведению грамматики. Такой «односторонний» подход мог бы нанести ущерб словообразованию как науке о типизированных способах создания новых слов, но он оправдан с точки зрения грамматики, одним из основных объектов изучения которой также является слово.

Из всех типов словообразования, свойственных испанскому языку, — суффиксальное, префиксальное словообразование, словосложение, конверсия, лексикализация грамматических форм и т.д. — наиболее тесную связь с грамматикой обнаруживает суффиксальный тип словообразования (собственная деривация)[1].

Суффиксы выполняют две функции[2]: 1) словообразовательную, прибавляя к производящему слову элемент лексического значения: puñ+ada, pat+ada, palm+ada, где суффикс **-ada** передает общее значение удара, наносимого предметом, обозначенным в основе; 2) грамматическую, указывая на принадлежность вновь созданного слова к той или иной части речи: blanqu+eza, fiel-¡-mente, где суффикс **-eza** свидетельствует о принадлежности слова blanqueza к существительным, а суффикс **-mente** — о принадлежности слова fielmente к наречиям.

Из этих примеров видно, что, с одной стороны, суффикс как элемент словообразования характеризуется своей смысловой, лексической, а не грамматической направленностью, однако, будучи элементом грамматики, суффикс выступает в роли классифицирующего форманта, т.е. в роли показателя принадлежности слова к той или иной части речи.

Учитывая эту грамматическую функцию суффикса, можно при описании частей речи дать опознавательный перечень суффиксов, позволяющих определять категориальную принадлежность слов.

К числу грамматических функций суффикса можно также отнести его способность выражать регулярное отношение между значением производящей основы и значением (семантикой) создаваемого слова. Так, слова, образо-

[1] По поводу общеграмматического значения суффиксов см.: Р. А. Будагов. Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 1, 1952, стр. 105 и след.

[2] О двух функциях суффиксов см.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961 (глава «О функции суффиксов», стр. 88 — 114).

ванные от глагольной основы с помощью суффикса **-dor:** trabaja-dor, crea-dor, ara-dor, pesca-dor, при всей пестроте возникающих лексических значений объединяются в разряд, имеющий общее значение активного исполнителя действия. В данном случае именно суффикс **-dor** является выразителем этого типа отношения между любой производящей отглагольной основой и возникающим новым значением.

Связь суффиксального словообразования с грамматикой проявляется еще и в том, что суффиксы субъективной оценки (уменьшительные, ласкательные, увеличительные, уничижительные) очень сходны с элементами словоизменения (формообразования), поскольку прибавление их к производящей основе не затрагивает семантику, не переводит новое слово в другую часть речи. Роль этих суффиксов состоит в указании на отношение говорящего к обозначаемому предмету (hijo 'сын' — hijito 'сыночек') или (дополнительно) и на стилистическую принадлежность слова (ср. cerca 'близко' — cerquita 'близехонько').

Испанские префиксы не обладают классифицирующей грамматической функцией, поскольку они сами по себе не переводят вновь созданное слово в другую (в отличие от исходной) часть речи: el militarismo — el anti+militarismo, el amor — el des+amor. Изменение значений целиком относится к области семантики, а потому и сама классификация префиксов («выражающие привативность», «выражающие противоположность значению основы» и т.д.) может носить только семантический характер, а не грамматический.

Иначе обстоит дело с конверсией, т.е. со способом словообразования, осуществляемым путем перевода (транспозиции, транспонирования) слова одной части речи в другую. Словообразование по конверсии это не только и не просто образование новых слов (лексикология)[1], но и образование слов с опорой на их категориальные характе-

[1] Впрочем, есть и другая точка зрения: «Словообразование есть словообразование, т.е. образование слов, а не частей речи», — пишет О. П. Суник (Общая теория частей речи. М —Л., 1966, стр. 53). На следующей странице, однако, автор делает интересное замечание: «Разумеется, при словообразовании путем конверсии и морфологические, и синтаксические признаки слов, отличающие их друг от друга, не исчезают полностью, так же как не исчезает совокупность и взаимодействие указанных признаков. Особенность парадигмы слова, наличие ее или отсутствие, строгая дифференциация синтаксических функций и лексических значений как раз и харак-

ристики, подключение нового слова к другой парадигме (грамматика). Ср. comer — el comer (los comeres).

К компетенции грамматики относится и вопрос о предрасположенности одних частей речи к переходу в другие части речи, например: инфинитива в существительные, прилагательных в наречия и т.д.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что при конверсии «обращенные» слова могут сохранять в той или иной степени грамматические признаки, характерные для исходной среды. Так, например, существительные, возникшие из причастий, la llegada, la entrada в сочетаниях la llegada a la ciudad, la entrada en la ciudad сохраняют особенности глагольного управления (llegar a, entrar en). История описания грамматического строя испанского языка отражена в грамматиках разных типов и назначений.

Логическая грамматика не получила на испанской почве классического воплощения[1], хотя мысль о необхо-димости создания всеобщей грамматики и пуристические устремления испанских грамматистов возникали и реализовались под явным влиянием логицистов (французских). Первой научной описательной грамматикой явилось исследование венесуэльца Андреса Бельо "Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos" (Santiago de Chile, 1847). Установка на непредубежденное описание языка, а не претензия на регламен-тирование языкового узуса — отличительная черта «Грам-матики» Бельо: «Я принимаю язык таким, каков он есть на самом деле: без воображаемых эллипсисов, без каких-либо других объяснений, кроме тех, которые предполагают иллюстрацию употреблений через сами употребления» (стр. IV)[2]. Эта установка в самом общем виде была харак-

теризует конверсию как один из способов словопроизводства, в различной мере распространенный в языках различных типов, групп и семей» (стр. 54).

[1] Логистическая концепция, по существу, лежит в основе тру да Франсиско Санчеса де лас Бросас "Minerva, Seu de Causis Lin guae Latinae" (Salamanca, 1587). Как это случилось в истории Испа нии, испанские логицисты восприняли логистические идеи не от Санчеса, а во французском варианте.

О логицизме в грамматике см.: E. C o s e r i u. Logicismo y antilogicismo en la gramática. - Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid, 1962, стр. 235-260.

[2] По поводу грамматических концепций А. Бельо см.: A. R o s e η b l a t. El pensamiento gramatical de Bello. Caracas, 1961;

терна и для составителя первой испанской грамматики (1492 г.) — Антонио де Небрихи. В дальнейшем мысли и установки А. Бельо были развиты и уточнены колумбийцем Руфино Хосе Куэрво сначала в книге "Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano. Con frecuente referencia al de los países de Hispano-América." (Bogotá, 1867—1872), а затем в "Notas a la "Gramática de la lengua castellana de D. Andrés Bello" (Bogotá, 1874).

Психологический принцип объяснения грамматических явлений характеризует отчасти известную работу Родольфо Ленца "La oración y sus partes" (Madrid, 1920).

Исторические грамматики представлены трудами Р. Менендеса Пидаля "Manual elemental de gramática histórica española" (Madrid, 1905), где освещаются вопросы исторической фонетики и морфологии, и Ф. Хансена "Gramática histórica de la lengua castellana" (Halle, 1913), где частично затрагиваются также вопросы исторического синтаксиса. Однако обе эти работы не претендуют на последовательное описание процесса развития, а тяготеют к синхроническому способу подачи материала («по старому срезу»).

В ряде грамматик использовался принцип сопоставления испанского языка (его грамматики и стилистики) с другими романскими и неромanскими языками (M. Criado de Val. Fisionomía del idioma español. Madrid, 1958). В книге содержатся элементы анализа в духе «умеренного структурализма». Характеристика фонологического и морфологического строя испанского языка нашла интересное отражение в работе Н. А. Катагощиной и Е. М. Вольф «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская группа», М., 1968.

Попытка структурального освещения вопросов грамматического строя испанского языка нашла едва ли не единственное отражение в работе Э. Аларкоса Льорак "Gramática estructural. Según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española" (Madrid, 1951).

Основной нормативной грамматикой в Испании, начиная с первого издания 1771 года, является Gramática

J. B. Selva. Trascendencia de la gramática de Bello y estado actual de los estudios gramaticales; L. I. Piccardo. Dos momentos en la historia de la gramática española. Nebrija y Bello. — Estudios gramaticales. Montevideo, 1962; Г. В. Степанов. К столетию со дня смерти Андреса Бельо. — «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы. Вып. 1, 1966, № 2, стр. 153 — 154.

de la lengua española, созданная Испанской академией (Real Academia Española). *0%* первого до последнего издания составители почти не меняли принятой установки на нормирующую, регулирующую роль грамматики. В основании «Грамматики» трудно усмотреть какую-то единую научную концепцию, хотя цель ее совпадает с целью почти всех работ этого рода, созданных в донаучный период: грамматика традиционно понимается «как искусство правильно говорить и писать»[1]. Вместе с тем в ней собран колоссальный материал, преподносимый в форме детализованного кодекса правил, который может быть при строгом критическом подходе использован в практическом преподавании языка.

Удачной попыткой модернизировать школьную грамматику и построить ее на единых научных началах является двухтомная «Грамматика испанского языка» Амадо Алонсо и П. Энрикеса Уренья (Gramática castellana. Primer curso. B.-A., 1938; Segundo curso, B.-A., 1939).

Отличие нормативной грамматики от теоретической состоит не в том, что первая — ненаучная, а вторая — научная. Оба типа грамматики должны строиться на научной основе (практическая грамматика обязана опираться на результаты теоретической грамматики), но каждая из них преследует особые цели и по-разному описывает грамматический строй языка. Нормативная грамматика ставит перед собой практические задачи и представляет собой, выражаясь словами Л. В. Щербы, «сборник правил речевого поведения»[2]. Теоретическая грамматика преследует научную цель, которая состоит в том, чтобы правильно

[1] Пуристические крайности Испанской академии хорошо известны. Жесткий курс этого органа в реализации лозунга «Очищать, узаконивать, придавать блеск» (Limpiar, fijar y dar esplendor) объясняется отсутствием подлинно исторической точки зрения на языковую нормативность. Академия никогда не учитывала различия между современным языком и языком классического периода. Отсюда навязывание в качестве идеальных образцов современного употребления форм и конструкций, взятых из языка авторитетных писателей XVII в. Л. В. Щерба писал по поводу нормализации: «Я думаю, что и в так называемой нормативной грамматике чрезмерная нормализация зловредна: она выхолащивает язык, лишая его гибкости. Никогда не надо забывать отрицательного примера Французской академии» («Избранные работы по языкознанию и фонетике». Т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 16).

[2] Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 13.

описать «существующие в языке категории»[1] и упорядочить «лингвистический опыт в виде системы»[2]. Научность теоретической грамматики определяется также и тем, что она должна строиться с учетом достижения научной мысли как в области общей теории грамматики, так и в области испанистики.

Научное описание грамматики современного языка должно проводиться в синхроническом плане. Строго синхронное описание языка вообще и его грамматического строя в частности представляет большие трудности. Б. Мальмберг сочувственно цитирует то место из «Курса» Ф. де Соссюра, где швейцарский ученый подчеркивает, что факты эволюции легче поддаются описанию, чем сосуществующие в определенный момент «значимости» (valeurs) и «отношения» (rapports)[3].

Состояние языка (по Соссюру) — это не точка, неимеющая измерения, а некоторая временная протяженность, характеризующаяся минимальными языковыми трансформациями, которыми можно пренебречь при синхронном описании языка.

Временная «глубина» слоя, подлежащего описанию, избирается исследователем, таким образом, в соответствии с представлением о минимальных изменениях, которые (по предварительным данным) могли произойти в соответствующей сфере языка.

Устойчивость грамматического строя позволяет делать больший временной «допуск», нежели, например, при синхронном описании фонетической системы современного языка. Поэтому при описании грамматики современного испанского языка (в литературной его форме) можно считать оправданным использование фактов языка XX в. и даже конца XIX в.

Принцип синхронического описания грамматического строя языка отнюдь не исключает возможность и необходимость использования диахронических аргументов, поскольку язык при всей устойчивости грамматики является динамической, а не статической системой. Диахронические аргументы при синхронном описании не только желатель-

[1] Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 12.

[2] Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 13.

[3] B. M a l m b e r g. Synchrohie et diachronie. X[e] Congres international des linguistes. Bucarest, 28. VIII - 2. IX, 1967, стр. 1.

ны, но, порой, и необходимы, ибо грамматика, занимаясь выяснением функционирования языковой системы, не может отрешиться от того факта, что и категория отношений и категория значений обнаруживает себя лишь в историческом развитии[1]. Историческая точка зрения «может быть применена без противоречий к синхронному языку: с исторической точки зрения синхронный язык — это актуальная система старых и новых языковых традиций»[2].

Трудность научного описания грамматики современного языка состоит, помимо всего прочего, в выборе самого объекта описания. Испанский язык существует на огромной территории, включающей два десятка самостоятельных национальных государств и являет собой сложное единство местных национальных норм речи и вариантов социальной нормативности в каждом национальном ареале[3]. В связи с этим необходимо встает вопрос о том, на какую территориальную и социальную норму речи следует ориентироваться при создании теоретической грамматики испанского языка. Тот факт, что в обширном испаноязычном ареале исторически сложились особые нормы культурного уровня (в пределах каждого национального варианта), требует уточнения такого оценочного понятия как «единая образцовая норма»[4].

Следует заметить, что нас в первую очередь интересует нормативность и образцовость в применении к грамматическому ярусу языка в его письменно-литературной разновидности. Испанский язык, существующий в двух десятках вариантов, имеет минимум локальных особенностей в

[1] Ср. Р. А. Будагов. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния. — «Вопросы языкознания», 1958, №4, стр. 37—50 (особенно стр. 44, 50).

[2] Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. Перевод с испанского. — «Новое в лингвистике». Вып. III, М., 1963, стр. 179.

[3] «Исторический язык, — пишет Э. Косериу, — может охватывать не только несколько норм, но также и несколько систем... Таким образом, «испанский язык» — это «архисистема», которая включает в себя несколько функциональных систем. Равновесие между системами, включенными в архисистему, можно назвать *исторической нормой*» (Синхрония, диахрония и история, стр. 175 — 176).

О сосуществовании различных подсистем («систем») в пределах одного состояния языка см.: Ch. C. Fries, R. L. Pike. Coexistent Phonemic Systems. — "Language", vol. XXV, No. 29, 1949.

[4] По поводу «общезначимой нормы», «образцовости» и т.д. см.: Г. Паульь. Принципы истории языка. Перевод с немецкого. М., 1960, стр. 471—493; A. Rosenblat. El criterio de corrección lingüística. Unidad o pluralidad de normas en el español de España y América. Bogotá, 1967.

письменно-литературной форме, достигая максимума в низшем диалектном уровне. Из всех ярусов языка грамматика обнаруживает наименьшую вариативность. Основу местной дифференциации составляют фонетика и лексика. Однако грамматическая вариативность все же существует. Поэтому вопрос о выборе грамматической нормы не может игнорироваться. В качестве такой единой образцовой нормы должен, очевидно, быть выбран испанский (европейский) языковой стандарт.

Полуостровная испанская норма сложилась в конкретной географической и социальной среде и стала своеобразным идеалом языка именно для этой среды. Ее предписания отражали и отражают тенденцию к национальному единству, общепонятности и общедоступности форм выражения в условиях многодиалектности Пиренейского полуострова. Она существует в этой среде в качестве некоего идеального задания, согласно которому языковые средства выражения должны сохранять свой общезначимый характер в пределах данной национальной общности. С возникновением испаноязычного американского ареала, где стали вырабатываться собственные речевые нормы, универсальность испанского стандарта была несколько подорвана. Тем не менее европейский испанский стандарт воспринимается большинством культурных латиноамериканцев (не говоря уже об испанцах) в качестве образцовой нормы общеиспанского языка. Эта точка зрения обосновывается высоким авторитетом испанских литературных образцов и «изначальностью» полуостровного типа речи[1].

Под образцовой нормой испанского языка следует, видимо, понимать тот общеупотребительный во всех странах испанской речи язык, который характеризуется отсутствием элементов, вызывающих представление об их локальной ограниченности или об исключительной принадлежности к тому или иному социальному типу речи. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с абстракцией, реальность которой подтверждается, однако, единством грамматического строя языка, отражаемого в литературных текстах Испании и других испаноязычных стран.

[1] К этому следует добавить, что структурно-организованная поэтическая речь на испанском языке сохраняет во всех странах традицию кастильской поэзии не только в "жанровом отношении, но и в смысле использования звуковых возможностей испанского стандарта при том, что фонологический состав испанского языка Америки изменился.

Части речи

Вопрос о частях речи принадлежит к числу важнейших в теоретической грамматике. Важность этой проблемы заключается в том, что от исходных позиций в классификации слов конкретного языка «по частям речи» зависит достоверность интерпретации многих существенных явлений грамматического строя изучаемого языка.

Вместе с тем история изучения частей речи в разных языках и в испанском языке, в частности, обнаруживает, пожалуй, самое большое число сталкивающихся мнений и суждений. Эти противоречия касаются в первую очередь вопроса о лингвистической природе частей речи и, как следствие, об их количестве в изучаемом языке.

Споры по поводу частей речи являются отражением различных взглядов на язык вообще и на его грамматический строй в частности.

Нельзя не отметить, что постоянным импульсом к более глубокому осмыслению проблемы частей речи является не только нормальное научное побуждение или научный азарт, закономерно вспыхивающий при всяком новом повороте (или завихрении) грамматической мысли, но и все возрастающие требования, предъявляемые к практической нормативной грамматике, которая предназначается как для самих носителей данного языка, так и для иностранцев.

Грамматисты-теоретики взяли за правило сурово критиковать догматизм так называемых «школьных грамматик».

В оправдание составителей школьных грамматик можно указать на ряд теоретических работ, в которых грамматика смешивается с логикой, имя с вещью и т.д. Ср. следующее

утверждение авторов испанской академической грамматики о грамматическом роде. «Род — это грамматическая форма, которая служит для того, чтобы указывать пол лица или животного, которая приписывает тот или иной пол предметам или указывает на то, что предметам вовсе не приписывается никакого пола».

В испанской грамматической литературе в применении к частям речи издавна утвердился термин partes de la oración. Традиционное употребление термина именно в этом значении избавило его от нежелательной двусмысленности (partes de la oración могло обозначать также понятие «члены предложения»). Термин partes del discurso, восходящий к александрийским грамматикам (во фр. parties du discours, ср. англ. parts of speech), не привился на испанской почве. Попытки ввести термин clases de palabras не имели успеха, поскольку деление на «классы слов» может проводиться по самым различным основаниям.

Антонио де Небриха, которого называют первым теоретиком «романского народного языка» выделяет десять частей речи: имя, местоимение, артикль, глагол, причастие, герундий, nombre participial infinito, предлог, наречие, союз. Кристобаль де Вильялон и тремя с половиной столетиями позже Гонсало Корреас называют три части речи: имя, глагол, частица. Грамматика Испанской академии до 13-го издания (1870) называла девять частей речи: имя, местоимение, артикль, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие. После 1870 г. и до 1917 г. в Грамматике академии фигурирует десять частей речи: имя было разбито на две части речи — имя существительное и имя прилагательное. В последующих изданиях из репертуара частей речи было исключено причастие. В середине прошлого столетия А. Бельо предложил выделить семь частей речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз и междометие. Р. Ленц в отличие от А. Бельо исключает междометие из репертуара частей речи. Тот же репертуар, что и у Р. Ленца, определяют Амадо Алонсо и П. Энрикес Уренья.

Грамматисты выдвигают различные принципы классификации слов по частям речи.

М о р ф о л о г и ч е с к и й принцип, выдвинутый еще Варроном и не потерявший своей привлекательности до сих пор, состоит в выяснении формально-грамматических (морфологических) признаков, которые свойственны определенным группам слов. Так, например, в группу имени

входят слова, имеющие формальные признаки числа и рода, а в группу глагола — слова, обладающие свойством изменяться по формам числа, лица, времени, наклонения. Остальные слова относятся к частицам, характеризующимся неизменяемостью. Нетрудно заметить, что морфологический критерий, хотя он и способствует выяснению отдельных частнограмматических характеристик различных классов слов, все же недостаточен для выделения частей речи.

Функциональный или синтаксический критерий состоит в распределении слов по классам в соответствии с их ролью в предложении. В испанской грамматической литературе этот принцип наиболее четко был сформулирован Андресом Бельо и имел многих последователей. Так, А. Бельо относит к существительным все слова, которые могут выполнять функцию подлежащего. Ср. принцип выделения существительных у некоторых других грамматиков-испанистов:

«Любое слово, становясь подлежащим, превращается в существительное»[1].

«Любое слово или выражение, которое выполняет функцию подлежащего, приобретает в этом случае значение существительного»[2].

«Существительное может естественным образом быть заменено в этих своих функциях (в функциях подлежащего — *Авторы)* другими элементами, вследствие чего они сближаются и по функциям, и по значению с существительным» (Criado de Val, 41).

Вряд ли можно считать функциональный критерий достаточным основанием для классификации слов по частям речи. Ведь ясно, что слова, взятые в своей словарной форме, вне предложения, тоже имеют какие-то признаки, позволяющие воспринимать слово trabajador как существительное, trabajar как глагол, trabajosa как прилагательное, trabajosamente как наречие и т.д. Кроме того, грамматическое значение существительного не сводится к его способности выступать в функции подлежащего, а грамматическое значение глагола нельзя сводить к предикатив-

[1] Lacau & Rosetti. Castellano. Buenos Aires, 1962, I, стр. 37.

[2] Marina López Blanquet. Lecciones de lenguaje. Montevideo, 1963, I, стр. 65.

ности. Не случайно функциональный принцип выделения частей речи подвергался резкой критике[1].

Сторонники л о г и ч е с к о г о принципа классификации (criterio lógico — objetivo) исходят из представления о том, что части речи соответствуют обозначаемой ими реальности и логическим категориям, в которых понимается эта расчлененная реальность. Эти идеи ведут свое на-" чало от французских философов-рационалистов XVII столетия и довольно прочно утвердились в западноевропейской грамматике. По мнению логицистов, имя существительное соответствует понятию субстанции, имя прилагательное — понятию качества, глагол — понятию действия и т.д. Однако факты языка показывают, что существительное с логико-понятийной точки зрения может обозначать не только субстанцию, но и качество (fealdad, timidez), действие (marcha, trabajo); глагол может обозначать не только действие, но и состояние (duerme), качество (blanquea) и т.д.

Особый — условно: « п с и х о л о г и ч е с к и й » — принцип классификации выдвинули в своей знаменитой «Грамматике испанского языка» Амадо Алонсо и П. Энрикес Уренья. Авторы, исходя из идей А. Пфендера о логических понятиях в их отношении к действительности, считают, что части речи соответствуют не самим формам проявления бытия, а способам их мыслить и репрезентировать. Их рассуждения сводятся к следующему. Реальный факт, оставаясь неизменным, может иметь варианты его осмысления и репрезентации. Так, сказав el resplandor solar 'солнечный блеск' или el sol resplandeciente 'солнце блистающее', мы отразили один и тот же реальный факт. В реальной действительности солнце — это всегда независимый объект, а блеск есть нечто зависящее от него. Однако в языке это отношение может носить прямо противоположный характер. Это происходит в том случае, если блеск мы делаем независимым понятием, а солнце — понятием зависимым, выраженным производной формой «солнечный» (Gram., I, 43). В соответствии с этими рассуждениями имена существительные определяются как «слова, с помощью которых мы обозначаем предметы, мыслимые как независимые понятия (вариант: мыслимые в формах независимых понятий), а глаголы — «как такие формы

[1] См., например: V. B г ó π d a 1. L'autonomie de la Syntaxe. - «Journal de Psychologie », P., 1933, XXX, стр. 217-224.

языка, при помощи которых реальность мыслится нами как поведение предметов».

Луис Хуан Пиккардо, критикуя концепцию А. Алонсо и П. Энрикеса Уреньи, указывает, в частности, на невозможность подведения под категорию «глагол» безличных глаголов, глаголов-связок и пассивных глагольных форм, поскольку ни один из этих типов не передает «поведения подлежащего»[1].

Пожалуй, главный недостаток разбираемой концепции состоит в недостаточно четком и строгом различении п о н я т и я субстанциональности (т.е. категории мысли) и с л о в а, обозначающего субстанцию (т.е. формы выражения), хотя самый факт введения в научный обиход категорий реального предмета, человеческого понятия о нем и языковой формы выражения свидетельствует о правильных поисках пути перевода действительности в язык.

Л. Х. Пиккардо в поисках «чисто лингвистических оснований» для выделения частей речи своеобразно использует идеи К. Бюлера о «символических полях» и предлагает с и н т а г м а т и ч е с к и й принцип классификации. Согласно этому принципу слова рассматриваются как потенциальные члены определенных синтагм, они распределяются в памяти носителя языка по своему общему значению (valor común), которое определяется синтагматическими возможностями этих слов. По Соссюру, на идеи которого также опирается Л. Х. Пиккардо, синтагма относится к речи, а не к языку. Автору не удается согласовать синтагматику с парадигматикой, хотя значение последней для классификации по частям речи он «не осмеливается сбрасывать со счета». Остается также не объясненным тот факт, почему изолированные слова perro и comí (пример самого автора) мы безошибочно относим к различным частям речи.

Многообразие выдвигаемых принципов классификации иногда порождает скептическое отношение к возможности и необходимости создать приемлемую классификацию частей речи. Однако позволительно рассуждать и иначе: возможность разных подходов к классификации не отрицает, а подтверждает объективное существование грамматических классов слов, называемых частями речи. Тот факт, что классификационная схема или модель (как угодно) выяв-

[1] L u i s J u a n P i c c a r d o. El concepto de "Partes de la Oración". — В кн.: "Estudios gramaticales". Montevideo, 1962, стр. 42.

ляет пограничные случаи, только подтверждает объективность типовых «чистых» элементов членения.

Наиболее перспективным, на наш взгляд, принципом членения по частям речи является принцип выделения их по наиболее абстрактному грамматическому значению, в зависимости от которого каждая часть речи обладает набором грамматических свойств (морфологических, синтаксических, структурно-словообразовательных, синтагматических), частично совпадающих, но непременно обнаруживающих расхождения. В основу выделения наиболее абстрактного грамматического значения следует, очевидно, положить семасиологический принцип, в соответствии с которым слова классифицируются на разряды (части речи) со значением предметности, качества, действия, обобщающего указания, и т.д.[1]. В соответствии с этим принципом в современном испанском языке можно выделить следующие части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, междометие. С морфологической точки зрения они могут быть разделены на изменяемые (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол) и неизменяемые (наречие, предлог, союз, междометие). С синтаксической точки зрения — на самостоятельные (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, междометие) и служебные (предлог, союз). Это синтаксическое деление «морфологично» в том смысле, что принадлежность слов к той или иной категории является одним из дополнительных признаков каждой части речи.

Грамматическая природа слов, сложная сама по себе, еще более осложняется вследствие переплетения грамматических значений с неграмматическими. Если принять во внимание, что живому языку свойственно развиваться, «флуктуировать», то становится ясным, как трудно добиваться последовательной грамматической классификации по частям речи. По целому ряду вопросов, связанных с причислением слов к той или иной части речи, к тому или иному разряду внутри уже выделенной части речи, до сих

[1] М. И. Стеблин-Каменский следующим образом говорит о принципах выделения частей речи: «...любая группировка слов, если она не является чисто фонетической, не может не объединяться чем-то общим из области значения, поскольку только наличие значения и делает слово словом» (Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 24).

пор ведутся споры. Все эти вопросы будут затронуты при рассмотрении отдельных элементов принятой классификации.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Основным категориальным признаком имени существительного как части речи является его семасиологическое свойство передавать значение предметности[1]. Более частными категориями имени существительного являются: категория рода, числа, соотнесенности. Оно характеризуется также определенными синтаксическими свойствами и принадлежностью к специфическим словообразовательным моделям.

По своему значению имена существительные обычно делят на несколько разрядов: существительные нарицательные (montaña, idea, hombre) и имена собственные (Juan, María, España, Granada); имена нарицательные в свою очередь образуют несколько подразрядов: предметные или конкретные (naranja, mesa, pino), отвлеченные или абстрактные (hermosura, solidaridad, movimiento, turismo), вещественные (agua, pan, níquel, madera, arena, paja). Предметные имена могут противопоставляться именам вещественным по признаку считаемости — несчитаемости (или исчисляемости — неисчисляемости).

Такого рода деление по лексическо-семантическому принципу проводится потому, что в различных разрядах и подразрядах существительных связь с теми или иными грамматическими категориями проявляется неодинаково.

РОД ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория рода имен существительных весьма своеобразна в том отношении, что разделение по родам, как правило, отсутствует в пределах одного слова (лексемы), но наличествует в составе всех имен существительных. Этим, между прочим, имя существительное отличается от имени

*См.: М. А. Г а б и н с к и й. Об общеязыковых признаках частей речи. — «Проблемы языкознания». Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967, стр. 55.

прилагательного. В классе прилагательных противопоставление по признакам рода реализуется в пределах отдельного слова: bueno — buena, hermoso — hermosa. Таким образом, категория рода в разряде существительных носит за некоторым исключением чисто классификационный характер; грамматическое значение рода весьма условно (формально), ибо реальные связи с действительностью (кроме параллелизма пол — род) либо полностью отсутствуют, либо затенены.

В отличие от Грамматики Испанской академии, называющей шесть грамматических родов (masculino, femenino, neutro, epiceno, común, ambiguo), большинство грамматистов выделяет два рода: мужской и женский. Более «грамматический подход» к распределению существительных по родам провел А. Бельо[1]. В основу своего деления он положил принцип согласования существительных и прилагательных: те существительные, которые сочетаются с прилагательным, оканчивающимся на -о (в случае прилагательного двух окончаний), относятся к мужскому роду, а сочетающиеся с прилагательным на -а — к женскому (Bello, 13). По существу этой же точки зрения придерживаются А. Алонсо и П. Энрикес Уренья (Gram., II, 56).

В сравнении с попыткой А. Бельо решить вопрос о категории рода в чисто грамматическом плане[2] классификация академической грамматики обнаруживает соответствие между естественным разделением предметов по признаку пола, одушевленности, неодушевленности и т.д. Любопытно отметить, что автор наиболее пространной монографии о категории рода в испанском (свыше 1100 страниц) Эстебан Родригес Эррера[3], признавая «грамматическими» два рода, вместе с тем считает, что род не всегда сводится к грамматическому понятию (accidente gramatical), но отражает естественное разделение лиц, животных и растений по признакам пола. Среди современных грамматистов имеется немало сторонников именно натур ального принципа классификации. В ряде случаев стремление к

[1] Напомним, что «Грамматика» А. Бельо вышла в 1847 г.

[2] Подобного рода грамматический принцип проводит О. Еспер сен. Ср. в связи с этим его замечание о среднем индоевропейском роде: «...его главная особенность состоит в том, что он не различает именительного и винительного падежей». (Философия грамматики. Перевод с английского. М., 1958, стр. 265).

[3] Esteban Rodríguez Herrera. Observaciones acerca del género de los nombres. Vols. I-II. La Habana, 1947.

строгой классификации в соответствии с полом, вплоть до учета «существ с неярко выраженными признаками пола», похоже на попытку возродить теорию романтиков о сексуализации природы в индоевропейском языке, будто бы произошедшей под влиянием поэтической интуиции носителей индоевропейского праязыка.

Дать исчерпывающие и всеобъемлющие правила определения рода существительных по семантическому или по формальному признаку не представляется возможным. Более или менее точную ориентацию в этом вопросе по формальным признакам (окончания существительных) получить все же можно. Однако сразу следует оговориться, что схема, предлагаемая ниже, носит «идеальный» характер, но не в смысле идеально точного распределения слов на разряды мужского и женского рода, а в смысле некоторого огрубления языковой реальности и относительной достоверности распределения по родам. Системный характер противопоставления существительных мужского и женского рода по их окончаниям может быть выражен противопоставлением окончания -а, характеризующего женский род, окончанию не -а, характеризующему мужской род[1].

Таким образом, женский род имеет свой определенный (отмеченный) признак. Иначе говоря, у существительных женский род маркирован. С наибольшей точностью эта схема может быть приложена к подразряду существительных, обозначающих лиц и животных: hermana — hermano, muchacha — muchacho, perra — perro, gata — gato; profesora — profesor, señora — señor, leona — león, ratona — ratón; presidenta — presidente, sirvienta — sirviente. Подобные противопоставления Н. А. Катагощина и Е. М. Вольф называют «лексическим противопоставлением по роду»[2]. Сюда же следует, очевидно, причислить пары слов, структура которых, при сохранении основных признаков корреляции, осложнена различием в суффиксах: heroína — héroe, alcaldesa — alcalde, reina — rey, condesa — conde, gallina — gallo.

Тенденция к установлению подобной корреляции для существительных с противопоставленными словоформа-

[1] См.: И. А. Мельчук. Статистика и зависимость рода французских существительных от их окончания. — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», М., 1958, № 7, стр. 19 и след.

[2] «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков». Иберо-романская подгруппа. М., 1968, стр. 86.

ми наблюдается в разговорном языке Испании и особенно стран Латинской Америки: tigre— tigra, tigresa; testigo — testiga, pianista — pianisto, coyote — coyota, cabra — cabro, oveja — ovejo, chofer — choferesa (N. Guillen), tipo — tipa (las tipas de esta escuela — M. Delibes).

Вне «лексической» корреляции противопоставление -а — не -а также является господствующим: ср. ж.р.: mesa, idea, cueva, montaña, pierna, marcha; м.р.: prado, cielo, banco, papel, sol, andén.

Среди неотмеченных признаков существительных муж ского рода наиболее частотным- является окончание -о. Неслучайно в качестве варианта «идеальной» схемы рас пределения выдвигается модель -а о[1]. Исключениями являются (для женского рода): существительные, оканчивающиеся на **-ie, -umbre, -d, -z** (кроме arroz, ajedrez, lápiz, maíz), **-ion** (кроме avión, camión), -zón (кроме corazón); слова — mano, foto, radio; parte, noche, calle, muerte, gente, base и некоторые другие на -е, а также ley, labor, cárcel, sal, flor, señal, слова греческого происхождения на -ma, имеющие более двух слогов, и слова-омонимы, у которых различие рода связано с различием в значении: la frente 'лоб' — el frente 'фронт', la orden 'приказ' — el orden 'порядок' и некоторые другие.

Количество существительных мужского рода на -е значительно больше, чем слов женского рода на -е. Основанием для того, чтобы приписать существительным на -е статус мужского рода, может служить, вероятно, и наличие «лексических» противопоставлений типа monje — monja[2], jefe — jefa, estudiante — estudianta.

Репертуар однокоренных существительных мужского рода на -е и на -о и женского рода на -а постоянно увеличивается за счет отглагольного образования типа costo — coste — costa, alcanzo — alcance — alcanza, cierno — cierne — cierna. Наиболее часто используются «морфологические оформители»[3] -о, -а: abundo, acuerdo, adorno, castigo, alivio,

[1] См., например: A. R o s e n b l a t. Morfología del género en español. Comportamiento de las terminaciones -o, -a, NRFH, 1962, N 1/2, стр. 31-80.

[2] Н. Д. Арутюнова определяет -е как морфему мужского рода, а в словах женского рода не считает -е морфемой. См.: Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков, стр. 86, примечание 3.

[3] Термин Н. Д. Арутюновой (см.: Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 131).

comando; estima, compra, liga, dura, toma, espera, pesca, mezcla.

Флективные оформители -o, -a в однокоренных существительных регулярно используются в испанском в целях семантической дифференциации: ramo 'букет' — rama 'ветвь, отрасль', pozo 'колодец' — poza 'лужа', pomo 'яблоня' — poma 'яблоко'.

В ходе развития испанского языка подобные оппозиции использовались и используются для дифференциации обозначений предметов по размеру: cesta 'большая корзина' — cesto 'корзинка', caldera — 'большой котел' — caldero 'котел небольшого размера'.

Испанский грамматический род в целом не связан с биологическим полом. Однако, как мы видели из предыдущих примеров, такая связь в ряде подклассов существительных имеется: название лиц мужского пола всегда обозначается именами мужского рода, а название лиц женского пола — именами женского рода. О наличии такой связи свидетельствуют факты смены категории рода в пользу соотнесенности с полом. Так, целая группа слов с окончанием -a: la centinela, la camarada 'товарищ, сожитель (по комнате)', la guarda, la espía в XVI в. переходит в категорию мужского рода: el centinela, el camarada и т.д.

Примерно ту же картину мы видим и в подклассе существительных, обозначающих животных, хотя здесь нередки случаи, когда имя существительное фигурирует только в одном из родовых разрядов: el milano 'коршун' (самец и самка), la liebre 'заяц и зайчиха'. Кроме того, специфичным для данного подкласса является наличие особых слов, обозначающих представителей мужского пола (разряд мужского рода) и женского пола (разряд женского рода): buey 'бык' — vaca 'корова', caballo — yegua и т.д.

Исторические колебания в роде некоторых имен существительных, обозначающих предметы, свидетельствуют о несвязанности грамматического рода с полом с одной стороны, а с другой, помогают яснее понять роль морфемы в распределении слов по родам. Характерно, что колебания наблюдаются в репертуаре морфем с неотмеченным признаком. Статус морфем мужского рода, как мы видели, приписывается морфемам -o, -e, некоторым суффиксам (-aje, -or, -al). Наименьшую податливость к закрепленности за тем или иным разрядом проявляли (и проявляют в некоторых случаях до сих пор) односложные существи-

тельные pro, nuez, crin, fin, sal, cal, par, hiél, miel, red, flor, col, coz, boj, troj, res, vals, film, jazz, mar[1]. Это связано, очевидно, с тем обстоятельством, что окончания этих существительных не приобретают в сознании говорящих статуса флексии. Тем не менее нормативные грамматики и обычай закрепили за рядом односложных слов грамматическое значение мужского рода: sol, pan, as, pie, mes, fiel, boj, fin, son, mal, chai, par, pus, haz, vals и некоторые другие. Большинство существительных причисляется к женскому роду: paz, cruz, luz, fe, vid, lid, sal, cal, crin, miel, hiél, piel, voz, hoz, coz, toz, troj, flor, col, res, mies, sed, red, ley и некоторые другие. Колебания наблюдаются в сравнительно небольшом количестве случаев: pro, prez, buz, mar и некоторые другие.

Колебание в роде наблюдается и у некоторых существительных многосложных: (el, la) azúcar, dote, mimbre, margen.

Вариативность форм рода зависит от выбора, реализованного в той или иной географической или социальной среде, в том или ином литературном стиле или жанре. Так, например, мужской род el mar доминирует в литературном испанском языке. А. Розенблат приводит следующие статистические данные, заимствованные у О. К. Лундеберга: у М. де Унамуно, Валье-Инклана и Габриеля Миро форма la mar отсутствует; у Асорина на 2 формы la mar приходится 30 форм el mar, у Барохи это соотношение выражается 5 против 197, у Валеры 5 против 47 и только у Переды 44 против 9[2]. Подобные факты противоречат утверждению Грамматики Академии о более частом употреблении формы женского рода (стр. 17). Женский род la mar используется в сельском просторечии Пуэрто Рико, в литературе гаучо Аргентины, в народно-разговорной речи Венесуэлы, в поэтическом стиле испанских писателей, в разговорном языке рыбаков (и вообще прибрежных жителей) Испании, Кубы и др. стран. В романе А. Паласио Вальдеса «Хосе» на первых четырех страницах мы встречаем: cerca de la mar; los rumores de la mar; frente al mar; el mar penetra; los ruidos de la mar; los hombres salen a la mar; desde la mar a la taberna... desde casa otra vez a la mar; se despide para el mar; la mar en calma.

[1] A. Rosenblat. Vacilaciones de género en los monosílabos. Caracas, 1951.

[2] Там же, стр. 14—15.

Такое скопление la mar объясняется маринистской темой произведения и свидетельствует о стилистической нагрузке форм 1a таг, перемежающихся с el таг. Ср. у А. М. Матуте: Estos últimos eran por lo general hijos de pescadores, que solían salir a la mar en la lancha del padre; у А. Гроссо: con mar tendida y viento de Levante; la mar bella; La mar era ahora de leva y el viento terral. Форма (la) mar сохранилась в ряде фразеологизмов и сложных слов: hacerse a la mar, altamar, bajamar, pleamar. Она используется также в сочетаниях вроде la mar de gente для передачи большого количества, высшей степени качества и т.д. В сборнике рассказов Х. Гойтисоло "Para vivir aquí" мы встречаем: y hacía y deshacía proyectos, la mar de excitado; Es de uno de esos temperamentos... la mar de frío; Las guardias de Ayuso son la mar de célebres; era un muchacho la mar de servicial; su espectáculo tuvo la mar de éxito; hace la mar de tiempo que están así.

Фортул-Уртадо относит подобные употребления la mar к фамильярным: «Имеется также фамильярное выражение 1a mar, служащее для обозначения большого количества» (147).

Существительные, обозначающие лиц и животных, прочно связаны грамматическим параллелизмом родовых форм, однако мужской род менее выразительно, чем женский род, передает соотнесенность с полом. Вероятно поэтому слова мужского рода могут выступать «заместителями» и того и другого пола, т.е. передавать общее родовое (в биологическом смысле) понятие: Así como la zorra y el zorrb tienen para ellos (=los niños) un punto cómico, el lobo borra toda sonrisa de sus labios. El raposo es la picaresca, el lobo el drama (A. M. Matute). В словах la zorra, el zorro различие в грамматическом роде передает различие по признаку пола. Синоним слова zorro — raposo употреблен в мужском роде как заместитель zorra и zorro. Существительное lobo в обоих случаях фигурирует как общеродовое понятие.

К этому же типу явлений, основанных на свойстве существительных мужского рода, нужно отнести употребление имен мужского рода во множественном числе, замещающих названия разнополых существ: padres 'родители' (padre+madre), reyes 'короли' (rey+reina), hermanos, hijos и т.д.:

Sus dos hijos, Juan y Perfecta, acababan de casarse (B. Pérez Gal dos).

Хотя формы рода у подавляющего числа существительных немотивированы и бессодержательны, все же можно

отметить некоторую последовательность в распределении отдельных групп имен по родам в зависимости от их значения. К именам мужского рода относятся, например: названия дней недели (lunes, martes, miércoles, jueves, viernes, sábado, domingo); названия месяцев (enero, febrero, marzo, abril, mayo, junio и т.д.); названия стран света (norte, sur, este, oeste); названия нот (do, re, mi и т.д.); названия рек, озер, морей, гор, вулканов (Tajo, Neva, Ladoga, Mediterráneo, Pirineos, Etna). Исключения в последней группе незначительны. Мужской род в этих названиях определился, видимо, по грамматическому роду имен нарицательных: el río, el lago, el mar, el monte (el cerro), el volcán.

К именам женского рода относятся: названия стран, провинций, городов, деревень и др. населенных мест, имеющих окончание -a: España, Andalucía, Barcelona, Argamasilla (названия, оканчивающиеся не на -a, в большинстве случаев принадлежат к мужскому роду).

Смысловая связь имен собственных этого подразряда с именами нарицательными, видимо, не столь велика в настоящее время, чтобы определять род географического названия. Формальный признак оказывается более существенным в восприятии рода: *Barcelona* es mi pueblo y se puede decir que la conozco desde que terminó la guerra (C. Laforet). В названиях с неотмеченным признаком (Chicago, Madrid, Montevideo, París, Berlín, Leningrad, Moscú) варьирование в роде (тот или иной вариант узнается по синтаксическим приметам) может указывать на различное использование имени собственного. Если имеется в виду значение «крупный населенный пункт, управляемый по особому административному положению» (la ciudad), то названию приписывается женский род (род существительного ciudad). Если имеется в виду значение «население города» (el pueblo), то тому же имени приписывается мужской род (род существительного pueblo): *Montevideo* vive *orgulloso* como pueblo, y es *bella* como ciudad (Пример из книги Э. Родригеса Эрреры "Observaciones acerca del género de los nombres", II, 565). Ср. Esto lo sabe *iodo Los Angeles* (H. Quiroga).

Формами выявления рода имен существительных, помимо окончаний, являются суффиксы, а также согласование с артиклем, местоимениями или прилагательными, модифицирующими существительное.

ЧИСЛО ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Грамматическая категория числа существительных в испанском реализуется двумя грамматическими значениями: единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специальной морфемы; значение множественного числа передается в основной массе существительных морфемами -s (модель I типа): rosa — rosas, ciervo — ciervos и -es (модель II типа): señal — señales.

Особую группу слов составляют существительные, оканчивающиеся на -s и несущие ударение на предпоследнем слоге: martes 'вторник' — martes 'вторники'; crisis 'кризис'— crisis 'кризисы'; sacacorchos 'штопор' —sacacorchos 'штопоры'. Ср.: tras las mitosis; con esa mitosis (L. Martín-Santos).

Отсутствие различающихся форм (по флексии) единственного и множественного числа в словах типа martes, sacacorchos и т.д. не лишает их грамматических значений единственности и множественности. В этих случаях соответствующие значения передаются (воспринимаются) посредством синтаксических форм словосочетаний (согласование): bellísimos arco-iris (T. P. Mechín).

В испанском языке варьирование основ не используется при образовании множественного числа. Акцентологические изменения типа carácter — caracteres, régimen — regímenes не являются распространенной грамматической формой, выражения числа; она наблюдается в единичных словах.

Существительные, оканчивающиеся на ударенный гласный, реализуют формы множественного числа по моделям I и II типа: либо alhelí — alhelís (как rosa — rosas), либо alhelí — alhelíes (как señal — señales). Ср., например: ¡Como se acabaron los tés de las Mengánezl; Ya ellas no toman té (R. Gallegos).

Типовая модель образования множественного числа существительных с исходом на согласный (señal — señales) не реализуется в тех словах (с исходом на согласный), которые были заимствованы в новое время из других языков. Такие слова, оканчивающиеся на согласный, как bóer, club, soviet, fiord оформляются не при помощи -es, а добавлением -s: boers, clubs, soviets, fiords. Los campos se habían poblado de *chalets* (J. Goytisolo); para acreditarse el set... completo de cinco *sets* ("Gráfico"); en los momentos de sus *films* (H. Quiroga); amigos de *cabarets* (F. García

Lorca); los mil *complots* (M. Cañé). Следует заметить, что подобное оформление расходится с тем, которое наблюдается в языках-источниках: например, норвежское fjord имеет во множественном числе форму fjordar, а русское 'совет — советы'.

В этой связи следует объяснить одно исключение, фигурирующее во всех нормативных грамматиках: lord имеет коррелятивную форму множественного числа lores, а не lords, как можно было бы ожидать.

Подавляющее большинство слов разбираемого типа имеют в единственном числе окончания, не свойственные испанскому языку: boicot, club, clown, film, flirt, girl, hall, snob, whisky, argot, ballet, cabaret, coñac, mujik и т.д. В связи с постепенным усвоением этих слов происходит перестройка оформления множественного числа. Наряду с «газетными» формами argots, chofers (или даже chauffeurs), bunkers, panzers и т.д. в ряде слов намечается литературно-нормативное противопоставление autocar— autocares: emplean los *autocares* que van al pueblo (J. Goytisolo); son conocidos *esportomanes* (T. P. Mechín); uno de sus últimos *matches* ("Gráfico"); nuevos *clubes* sociales (G. de Granada).

Другая тенденция, характерная для разговорного языка, состоит в упразднении непривычных для испанского языка сочетаний согласных звуков, вследствие чего возникают формы: sovies, accesis, cabarés. Создается следующая (новая) система противопоставлений: soviet — sovies, accésit — accesis, cabaret — cabarés. Именно такого рода тенденция проявилась в противопоставлении lord — lores.

Формы множественного числа типа clus, sovies могут привести (и приводят) к изменению звукового облика форм единственного числа: no podía entra (entrar) en ningún clú (J. Goytisolo).

Возможно, что формы множественного числа в недавно заимствованных словах типа clus возникают от «неправильной» формы clú (ср. редкий пример перестройки relo(j) — relós, где заимствованное в XIV в. из каталанского языка слово reloj < rellotge проявляет тенденцию к утере фонемы [x] в нехарактерной для испанского языка позиции конца слова.

Слова, оканчивающиеся на -s, независимо от того, является ли это -s унаследованным, этимологическим (martes) или приобретенным на испанской почве в связи с особенностями модели словообразования (sacacorchos из sa-

ca+corchos, где -s исторически передавала форму множественного числа), в нормативном литературном языке ведут себя одинаково. В разговорном языке различных стран обширного испанского ареала наблюдается тенденция, направленная, как это ни парадоксально звучит, к сохранению типовых нормативных моделей противопоставления. Она состоит в том, что слова, содержащие в единственном числе этимологическое -s, теряют его, но сохраняют в формах множественного числа: marte (нормативное martes) — martes, sacacorcho (sacacorchos) — sacacorchos. Сходные явления наблюдались и в староиспанский период, когда в существительных типа (el) pechos (<pectus), (el) tiempos (<tempus) этимологическое -s было утеряно, и возникли ныне нормативные («антиэтимологические» с исторической точки зрения) формы pecho, tiempo, которым стали противопоставляться как формы множественного числа pechos, tiempos.

Другая тенденция, наблюдающаяся в просторечии, проявляется в словах с ударенной конечной гласной: вместо нормативного противопоставления café — cafés, té — tés, pie — pies возникают либо café — cafeses, либо cafés — cafeses.

Большинство существительных употребляется в единственном и множественном числе.

Некоторые слова употребляются только в единственном числе (singularia tantum). Грамматически их определить трудно. Это имена существительные, обозначающие: 1) единичные предметы, известные в «единственном экземпляре» (el sol, el horizonte, la luna); 2) вещество, т.е. предмет, мыслимый без отношения к счету[1] (el agua, la leche, el ta-

[1] Во французском языке разряд неисчисляемых существительных получает грамматическую интерпретацию: «Отличительной особенностью французского языка, — пишет С. С. Павлов, — не только в кругу индоевропейских языков, но и в кругу романских языков, является наличие в нем специальной морфологической формы для выражения неисчисляемости — партитивного артикля. Наличие этой формы позволяет в системе грамматических форм имени противопоставлять не только единичность множественности, но и исчисляемость — неисчисляемости.» (Категория числа в системе имен существительных во французском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1955, стр. 3).

В испанском языке понятие частичности не имеет характера грамматического значения партитивности и не имеет соответствующих грамматических форм выражения. Несколько иначе рассуждает по этому поводу М. Криадо де Валь (См. M. Criado de Val, 93).

baco, la paja, la arena); 3) абстрактные понятия (el marxismo, la inmortalidad); 4) собирательные понятия (el campesinado, el follaje, la soldadesca); 5) имена собственные (Juan, Roma, España).

В группе существительных, обозначающих вещество, идея множественности заложена в форме единственного числа, что видно хотя бы из следующего примера, где имена вещественные несчитаемые сополагаются с именами считаемыми в форме множественного числа: le obsequian con dinero, vino, gallinas, huevos, miel (A. M. Matute).

Имена существительные неисчисляемые, оставаясь таковыми, т.е. обозначая вещество или совокупность частиц, не имеют форм множественного числа. Однако в испанском языке, как и в других языках, эти же слова, употребленные в иных значениях, приобретают способность принимать формы множественного числа. Так, например, слово níquel, обозначающее металл «никель», не может выступать во множественном числе, но слово níquel в значении «никелевая монета» таким свойством обладает: le pago tres níqueles (J. Goytisolo). Следовательно, níquel (металл) не имеет соотносительной формы множественного числа; форма множественного числа слова níqueles 'никелевые монеты' имеет соотносительную форму единственного числа: un níquel '(°Д^{на}) никелевая монета'.

Ср. другой пример: Manuel enciende un tabaco en calma (J. Goytisolo). Слово tabaco в данном значении допускает форму множественного числа tabacos (unos tabacos, sendos tabacos и т.д.).

Nos bebimos un uisqui en el bar (J. Goytisolo).

Ayuso encargó una ronda de ginebras dobles con hielo (J. Goytisolo).

Примеры подобного рода показывают, как грамматика используется для расширения лексического состава языка. При этом слово с новым значением не просто «занимает» свободную форму множественного числа (у слова níquel (металл) форма множественного числа свободна), но создает собственную корреляцию níqueles — níquel, подобно другим исчисляемым существительным.

Ср. также agua 'вода' — aguas 'переливчатость' (о тканях, драгоценных камнях).

Те же явления мы наблюдаем и в словах с «исходным» абстрактным значением. Будучи употребленными в «производных» конкретных значениях, существительные соз-

дают обычную корреляцию: единственное число — множественное число. Так, например, существительное с абстрактным значением celebridad 'знаменитость' не может иметь формы множественного числа, а слово celebridad с конкретным значением 'знаменитый человек' (es una celebridad) приобретает способность употребляться в форме множественного числа (Ср. «производные» конкретные значения: es una capacidad 'это способный человек'; es una nulidad 'это ничтожный человек' и т.д.) Ср. другие примеры: en el equipo nacional quedan aún los jóvenes, *las esperanzas* ("Gráfico"); con este motivo ofrecerá una recepción en su domicilio a *sus amistades* (La Prensa).

Понятие собирательности, коллективности не относится к числу грамматических значений. Собирательные имена существительные характеризуются отсутствием (негативный признак) у них формы множественного числа. Однако понятийное восприятие собирательности — множественности приводит к тому, что в синтаксическом построении это неграмматическое значение имени иногда грамматически объективируется в согласующихся с именем элементах построения (согласование ad sensum, т.е. «по смыслу»):

Advierte a *la gente* que *les* esperaré hasta el primero dé octubre (A. M. Matute).

Некоторые существительные в форме единственного числа, обозначающие лицо, животное или предмет, могут приобретать значение собирательности — множественности. В этих случаях имя существительное определяется прилагательными mucho, tanto: entre *tanta mujer* amable (J. Martí); Al ver *tanto guerrillero* junto se me ensanchaba el alma (J. Izcaray); *Mucho tigre* y *mucha culebra* he matado (J. E. Rivera); aquí hay *mucho cochemonte, mucha casampulga, mucho animal* (A. Asturias). Ср. в русском языке: 'Всякого зверя и в степях и в лесах было невероятное количество' (Аксаков).

Имена собственные, по самой своей природе являющиеся singularia tantum, в ряде случаев могут приобретать формы множественного числа: 1) имена, обозначающие некоторую совокупность: названия гор, долин, политических или административных единиц (los Pirineos, los Estados Unidos); 2) имена, которые даются множеству лиц или служат названиями нескольких населенных пунктов и т.д. (Marías, Juanes, Romas); 3) фамилии, принадлежащие нескольким членам семьи: ninguno de los Escipiones (J. Valera); 4) имена, используемые для передачи значения «лица, подобные

тому-то» (Edisons, Marconis); 5) имена, употребляемые метонимически (dos Goyas, т.е. «два полотна Гойи»); 6) названия и имена, используемые метафорически: Hay *dos Españas,* la de la tierra.... y la de la sangre (L. Felipe Rodríguez); Se habla de *dos Góngoras*. El Góngora culto y el Góngora llanista (F. García Lorca). К этому перечню, который обычно фигурирует в грамматиках[1], Э. Косериу добавляет такие названия, как Los Alamos, Las Vegas, лат. Athenae, рум, Bucuresti, Iasi. Автор относит имена четвертой и пятой групп к разряду нарицательных[2]. То же можно сказать и об именах нашей шестой группы. Множественное число имен первой, второй и третьей групп коренным образом отличается от грамматического значения множественности имен нарицательных. Это отличие состоит — по мнению Э. Косериу — в том, что два имени Juan, которые даются разным индивидам, имеют одинаковую (общую) материальную оболочку, но соотносятся с различными обозначаемыми, а потому не составляют одного слова. Иначе говоря, составляя единый знак, они являются «символами» разных «предметов». Следовательно, множественное число Juanes передает множественность названий, соотнесенных с разными индивидами, в отличие, например, от множественного числа soldados, которое передает значение множественности лиц, обозначаемых словом soldado. Множественное число названий архипелагов (Baleares, Azores, Canarias), гор (los Pirineos, los Alpes) передает «множество в единстве» и не предполагает множества одних и тех же предметов. Один из островов архипелага Azores не есть *una Azor,* а *una de las Azores*[3].

Важной особенностью форм единственного числа является их способность обобщенно обозначать весь класс предметов:

Honda modorra bajo la cruda luz canicular: *la hoja* está inmóvil en *la rama* del árbol... (R. Gallegos).

В испанском языке, как и в других языках, и, в частности, в русском, имеется довольно обширная группа слов, которые употребляются только во множественном числе

[1] Ср. также; О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 75.

[2] E. Coseriu. El plural en los nombres propios. —Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid, 1962, стр. 262 и след.

[3] Там же, стр. 274 и след.

tyluralia tantum). Существительные этого разряда, так же как и singularia tantum, не поддаются грамматическому определению. С семантической точки зрения они характеризуются значением многосоставности в широком смысле этого слова. Сюда входят слова, обозначающие: 1) парные или составные предметы (las tijeras, los anteojos, las andas); 2) множественную совокупность предметов (los víveres, los cereales, las credenciales, las finanzas); 3) множественную совокупность действий, состояний, промежутков времени (los modales, las vacaciones). Сюда же можно отнести некоторые географические названия (los Andes, Canarias, Azores).

В различных языках к разряду pluralia tantum относятся разные слова. Ср. русск. сани — исп. trineo, русск. свадьба — исп. bodas, русск. дрожжи — исп. levadura, русск. канун — исп. vísperas.

О категории соотнесенности см. раздел «Артикль».

ВОПРОС О СКЛОНЯЕМОСТИ ИСПАНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Грамматика Испанской академии считает целесообразным сохранить традиционное (т.е. идущее от латинской грамматики) различение падежей, их функций и значений в системе имени существительного. Согласно утверждению авторов Грамматики, категория падежа известна в классе местоимений; что касается прилагательных, то они несклоняемы, поскольку склоняемость есть свойство существительного (Gram. Ac, 169—174).

Отсутствие падежей в системе имен существительных испанского языка можно было бы доказать ссылкой на отсутствие падежных противопоставлений, ибо необходимым постулатом синхронического изучения языка является противопоставленность грамматических значений. Однако постулат о противопоставленности грамматических значений еще ничего не значит, если не определить точно, что является слагаемыми категорий грамматики. В соответствии с тем, что было сказано выше о грамматическом значении и грамматической форме, нельзя признать, что существительное luna имеет несколько падежей, ибо никаким формальным показателем для обнаружения отдельных грамматических значений это слово само по себе не распо-

лагает. Однако на это можно возразить, примерно, следующее: хотя, действительно, существительное luna имеет одну единственную словоформу, «значения падежа» могут выражаться служебными элементами, находящимися вне слова. Эти служебные элементы — предлоги, а потому «формы» luna, de luna и др. следует считать противопоставленными, наподобие латинских luna — lunae. Если встать на такую точку зрения, то репертуар формальных средств выражения падежных отношений необходимо расширить, прибавив сюда порядок слов, которому также можно придать значение «формального элемента»: la lluvia moja la tierra (ср. la tierra la moja la lluvia). Но в связи с последним примером можно было бы сказать, что и местоимение 1a превращается в «формальный элемент», выражающий «грамматическое значение» падежа. Приняв такую точку зрения, мы попали бы в затруднительное положение, выйдя из сферы имени существительного и перейдя в сферу местоимений, где падеж реализуется не синтаксически, а флективно. Иначе говоря, мы должны были бы констатировать, что для существительных и местоимений существуют принципиально различные формы выражения грамматического значения падежа: для существительных — синтаксические (комбинации с предлогами, порядок слов, использование местоимений), для местоимений — морфологические и синтаксические.

Отсутствие однотипных формальных средств выражения грамматического значения падежа ставит под сомнение правомерность соположения существительных и местоимений и отнесения их к категории склоняемых слов. В соответствии с нашим пониманием природы грамматической категории имена существительные в испанском языке не обладают категорией склоняемости[1].

[2] *Ср.* высказывание Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой по поводу грамматической природы падежа: «Падежом... называется морфологическая категория имени... Категория падежа выполняет в языке синтаксическую функцию... Вместе с тем было бы неправильным считать, что категория падежа — категория синтаксическая, а не морфологическая, так как падежом является не всякое выражение отношения между словами, а только выражение этого отношения при помощи ф о р м ы с л о в а» (Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 98).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

В предложении имя существительное может выполнять разнообразные функции, представляя в виде предметов (в широком смысле) различные члены предложения:

1. подлежащее:

Sonaba *el teléfono* (L. Martín-Santos); *María* bajó del tranvía (F. Avalos).

2. прямое дополнение:

El joven levantó *la mano* (F. Avalos); Estoy viendo *a mis compañeros* de colegio[1]; estoy viendo *la plaza San Martín* (A. Cap devil a).

3.именную часть сказуемого (предикативный член):

La niña era *sobrina* de las dos viejas (A. M. Matute).

4.косвенное дополнение:

Era una casita *con una puerta y una ventana* (A. M. Matute); Levanté la cabeza *hacia la casa* (C. Laforet).

5. обстоятельство, являясь смысловым стержнем этого чле на предложения:

María subió las escaleras respirando *con dificultad* (F. Avalos); Recuerdo que *en pocos minutos* me quedé sola *en la gran acera* (C. Laforet).

6. определение:

Sombrerito *de hule;* silencio *de cal* y *mirto* (F. García Lorca).

[1] Оформление прямого дополнения, обозначающего лицо, при помощи предлога a относится к числу характерных черт испанского синтаксиса. Из всех романских языков только в португальском и в некоторых южно-итальянских говорах отмечается подобное оформление. В румынском языке типологически сходной является конструкция с предлогом ре (лат. per). В отличие от распространенного мнения об архаичности этой конструкции, Йоргу Йордан считает ее синтаксическим новшеством. См.: I o r g u I o r d a n. El español ¿area lingüística arcaica? Отд. оттиск из RFE. 1965 (1966), XLVIII, стр. 178; его же: Paralelos lingüísticos romana-españoles. Отд. оттиск из Actas del segundo congreso internacional de hispanistas. Holanda, 1967, стр. 348-349.

7. приложение:

Su amiga *huérfana* desde la niñez, nunca la defendía (A. Palacio Valdés).

Представляя в виде предмета различные качества, свойства самих предметов реальной действительности, существительное может использоваться для обозначения качественной характеристики другого существительного, сближаясь в функциональном плане с прилагательными: el mitin *relámpago,* las noticias *bomba,* color *botella,* traje *sastre,* traje *televisión* (т.е. домашнее платье, которое надевают дома, когда включен телевизор и небрежность в туалете незаметна). Ср. также: las manchas de color *rubí* (A. M. Matute).

Существительное, употребляемое отдельно, не может быть предикатом. Однако в назывных предложениях отдельное существительное или существительное с зависимыми словами как бы совмещает в себе одном и «подлежащее» и «сказуемое».

Gibraltar... Hotel Victoria... Mes de marzo... Simpatía y buena acogida en las Autoridades Inglesas. Días grises; inquietudes, dificultades económicas, soledad, incertidumbre (F. Gonzálbez)

СУБСТАНТИВАЦИЯ

Субстантивация является одним из самых распространенных способов перехода из одной части речи в другую. Практически субстантивироваться может любая часть речи, любое словосочетание и целые предложения. Приведем несколько примеров из разных авторов:

Los tres *noes* (название стихотворения). Primer *no*... Segundo *no*... Tercer *no*... (R. Alberti); *freses, cincos, seises*... ganan; ases, *doces, cuatros*... pierden; una mujer perdida en sus *ayeres;* según *segunes;* Algún *ninguno* de los maiceros; Se preguntaba *el porqué* de aquella vigilancia; le tardaba *el andar, el alejarse, el irse;* generalmente, eso *del pensar* viene *del leer* (A. Asturias); Luego ¿cuál es *el pero* que usted le pone?; ese *es aquel* un poco que no me atrevía a decirle anteriormente (C. Villaverde); Pero es ya [es cojo — *Авторы],* con' *el ya* (A. Nazoa); Con un "sí *me planto yo en Pekín";* ni *síes* ni *cuándos* (A. Palacio Valdés); no se quitaba de la boca un *"aprende a Lorenzo"* (R. Gallegos).

Ср. характерный случай «опредмечивания» в поэтическом языке Лорки:

Llevo *el No* que me diste,
en la palma de la mano,
como un limón de cera casi
blanco

Изучая явление субстантивации, необходимо, очевидно, различать: 1) явление совершившейся субстантивации, т.е. исторически совершившегося перехода одной части речи в другую (в нашем случае в класс существительных) и 2) явление субстантивации, реализующейся в данном акте речи, в данном предложении.

Явление совершившейся субстантивации представляет интерес в первую очередь для лексиколога, поскольку речь идет о слове, хотя и возникшем в результате смены грамматического класса, но уже существующем в языке как самостоятельная лексическая единица[1].

В подобных случаях речь идет о метонимии и, следовательно, мы имеем дело с возникновением нового слова, например, el pagaré (los pagarés), сосуществующим с формой другого слова: pagaré (форма 1 л. ед. ч. буд. вр. глагола pagar). Ср. el puro 'сигара', puro, -a'чистый, чистая'; el ciego 'слепец', ciego, -a 'слепой, слепая' и т.д.

Субстантивация, реализующаяся в данном предложении, интересует в первую очередь грамматиста, поскольку предполагает выяснение условий, при которых части речи, не имеющие предметного значения, переходят в разряд слов, для которых характерно значение предметности.

Что же является опознавательным признаком субстантивации? В испанской грамматической литературе на этот счет можно отметить две крайние точки зрения.

А. Бельо считает, что основным признаком существительного является его способность выполнять в предложении функции подлежащего. Этими способностями не обладает никакая другая часть речи. Даже прилагательное, выступающее в функции подлежащего, не является, по мнению А. Бельо, прилагательным, а должно квалифицироваться как «субстантивированное прилагательное».

Грамматика Испанской академии, напротив, считает,

[1] Хосе Педро Рона предлагает называть этот вид субстантивации «лексической», см. его работу "El metalenguaje en el análisis oracional," Rio de Janeiro, 1967, стр. 166.

что в качестве подлежащего, кроме существительного «в третьем лице (?) с артиклем или без него» может функционировать любая часть речи или целое предложение (Gram. Ac, 156).

Между этими крайними суждениями имеются и другие (например: «подлежащим может быть существительное или субстантивированное слово», «подлежащим может служить существительное или слово, которое выполняет его функцию»), однако разница между ними состоит в том, что: 1) любое слово, будучи подлежащим, должно рассматриваться как превратившееся в существительное; 2) любое слово, будучи субстантивированным, продолжает принадлежать к исходным частям речи.

Совершенно очевидно, что функциональный признак не является достаточным для определения смысла и значения субстантивации. В самом деле, в качестве подлежащего может выступать, например, местоимение, и при этом оно не перестает быть местоимением, поскольку не меняет ни своей формы, ни своего значения:

Eso es fidelidad a una idea (M. Delibes).

Смысл субстантивации, совершающейся в предложении, состоит в том, что части речи не-субстантивы, нормально и регулярно выступающие как прилагательные, глаголы, наречия, предлоги и т.д., в конкретном речевом акте могут приобретать признаки, свойственные категории существительных[1]. Х. П. Рона относит этот тип субстантивации к р е ч и (habla), а не к я з ы к у (lengua)[2].

Однако субстантивация — явление сложное. Оно включает в себя разные типы и степени опредмечивания. Возьмем следующий пример: amado o avisado suponen un agente (Roca Pons) —(формы) amado или avisado предполагают (на-, личие) агента (действия).

Х. П. Рона называет подобного рода субстантивированные части речи «метасубстантивами». В своих рассуждениях по поводу «метасубстантивации» он опирается на положения Ф. де Соссюра о природе языкового знака и на некоторые логические парадоксы, исследованные Бертраном Расселом. Каждое слово языка омонимично в том смысле, что, помимо «нормального значения», оно является названием

[x]Ср.: E. C o s e r i u. Logicismo y antilogicismo en la gramática. — Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid, 1962, стр. 237.

[2] J. P. R o ñ a . El metalenguaje en el análisis oracional, стр. 161.

самого себя, т.е., иначе говоря, знак может обозначать другие предметы и самого себя. Это различие в обозначении является частным случаем проявления различия между языком (lenguaje), который передает информацию о других предметах, и метаязыком (metalenguaje), который передает информацию о самом языке. В соответствии с этим делением различаются обычные з н а к и (в языке) и м е т а з н а к и (в метаязыке).

В отличие от грамматистов копенгагенской школы, Х. П. Рона считает, что метазнаки существуют не только в метаязыке, но и в обычном языке. Так, во фразе обычного языка Habéis es un verbo conjugado слово habéis является ме-тазнаком, поскольку он передает не значение глагола haber в одной из форм спряжения, а обозначает самого себя. Субстантивность метазнака абсолютно не зависит от того, является ли субстантивом то слово, которое оно в данном случае обозначает. Слово любого класса, будучи метазнаком, т.е. названием самого себя, является тем самым метасубстантивом. Таким образом, в обычном языке мы можем иметь следующие пары: mesa (существительное) — mesa (метасуществительное), jugamos (глагол) — jugamos (метасуществительное), grande (прилагательное) — grande (метасуществительное), de (предлог) — de (метасуществительное).

Помимо различий в значении между знаками и метазнаками наблюдаются различия в формальном плане: 1) если знак является неизменяемым словом, то он не может иметь и множественного числа (например, союз pero), будучи же метазнаком, т.е. существительным (по Роне, метасуществительным), он может иметь как единственное число, так и множественное (pero — peros); 2) знак (если он не является существительным) не допускает сочетаний с детерминативами, тогда как метазнак, как и всякое существительное, может иметь артикль и другие детерминативы (el pero, esos peros); 3) метазнак, будучи существительным, согласуется с другими словами в соответствии с правилами, характерными для существительных (Tú es un pronombre). Знак же, представляющий все иные части речи (кроме существительного), не может согласовываться по правилам существительных.

Соображения Х.П. Роны интересны. Однако, по нашему мнению, они нуждаются в некоторых уточнениях. Во-первых, следует отметить, что примеры вроде *Lima* tiene cuatro letras или *Habés* es *un habéis* deformado с одной стороны

и Tantas letras tiene *un no* como *un sí* или No me agradan *esos peros* неоднородны с точки зрения содержания. В первых двух примерах слова Lima, habés, habéis могут в известном смысле рассматриваться в качестве метазнаков. Действительно, когда мы говорим hermoso se escribe con h, то слово hermoso является знаком самого этого слова и обычное его значение в данном высказывании не играет никакой роли. Значение предметности возникает здесь, очевидно, не только потому, что это метазнак и не только потому, что слово hermoso является подлежащим, а вследствие соотнесенности с разрядом родовых наименований типа verbo, palabra, adjetivo, forma и т.д. Ср.:

Verbos como nacer, salir, cenar o *expresiones* como escribir una carta, leer un libro, etc. tienen el mismo aspecto en el presente y en el imperfecto; *Los interrogativos* ¿dónde? ¿cuándo? no ofrecen grandes dificultades; *las variedades* muero, morimos o muramos no tienen carácter significativo (Roca Pons).

Предложение Х. П. Роны рассматривать метазнаки, встречающиеся в обычном языке, как существительные (или как метасуществительные) охватывает только ограниченные случаи «самоназывания».

В большинстве случаев субстантивация как раз и состоит в том, что слово не-субстантив приобретает своеобразное предметное значение и, обретя эту предметность, становится существительным со всеми вытекающими отсюда «грамматическими последствиями».

В предложении Luego ¿cuál es *el pero* que usted le pone? (C. Villaverde) слово pero является не столько названием самого себя (Ср.: Pero es una conjunción; Pero tiene cuatro letras и т.д.), сколько своеобразным знаком, передающим в общей форме содержание того «предмета», который имеет в качестве синонимов «настоящие» существительные, передающие значения «возражение», «оговорка» и т.д. Это общее содержание достаточно устойчиво сохраняется во всех случаях подобных употреблений.

В предложениях Se preguntaban *el porqué* de aquella vigilancia (A. Asturias); Pancho nos explicó *el por qué* de su visita (C. Fallas) предметное значение причины ясно понимается из контекста. Ср.: Ni los muchachos... sabían explicar *el cómo* de la desgracia (B. Soler).

Наличие форм множественного числа является одним из дополнительных показателей субстантивации слова, обрет-

шего предметное значение. Ср.: hasta ayer, hasta *un ayer* no tan remoto (A. Capdevila); una mujer perdida en *sus ayeres* (A. Asturias)

Однако формы множественного числа могут и не реализоваться в силу свойства смысловой предметности:

Y *roncar* de congos. *Croar* de ranas. Y *zumbido* de zancudos (C. Fallas); en esta vida el todo es *decidirse* (A. Asturias).

В ряде случаев формы множественного числа исключены в силу грамматических свойств субстантивированных элементов. Чаще всего это происходит при субстантивации инфинитивов с зависимыми словами:

Le tardaba *el andar, el alejarse, el irse* (A. Asturias); *el oírte* me hace bien (R. Valle-Inclán).

Субстантивированные формы el alejarse, el irse, el oírte, не имеющие форм множественного числа, могут рассматриваться как своеобразные "singularia tantum".

То же можно сказать и о субстантивации целых предложений:

Él mismo sintió como culpa suya *el no poder prestar ningún auxilio a los desgraciados, el no tener nada que decirles, y el crecer de valor* (A. Nazoa).

Напротив, наличие формы множественного числа чаще всего свидетельствует о «лексической субстантивации»:

El me enseñó *los saberes* del resero (A. Asturias).

Хотя субстантивироваться может слово, принадлежащее к любой части речи, а также словосочетание и целое предложение, наиболее часто транспонируются в разряд существительных имена прилагательные. Это происходит потому, что у имен существительных и прилагательных есть нечто общее как с точки зрения морфологических свойств (наличие категории рода, числа), так и в функциональном плане (эти имена могут выполнять сходные функции в предложении).

Субстантивироваться могут обе родовые формы прилагательных в единственном и во множественном числе. Особенностью субстантивации прилагательного в форме женского рода является, как правило, соотнесенность с существительным женского рода («замена существительного»), обозначенным в тексте или подразумеваемым:

— ¡Juana, Juana! — llamó Enriqueta. — ¿Qué? — contestó *la* *aludida,* volviéndose; María esperó mientras ***la*** *joven* entraba en un despacho (F. Avalos).

Во втором предложении la joven соотносится с упоминаемой в предыдущем абзаце una mecanógrafa.

К этому же типу «преходящей субстантивации» (sustantivación transitoria, pasajera) могут относиться и имена прилагательные в форме мужского рода:

En el grupo de niños... "Nadie dice que queremos dejarte solo" — dijo *el más pequeño* (J. Goytisoío).

Однако для субстантивации формы мужского рода контекстуальная соотнесенность с именем существительным необязательна:

El rojo de la tierra (A. M. Matute); *El diminutivo* no tiene más misión que la de limitar; *el endecasílabo* con sus guantes perfumados; *El interior* del recinto es angustioso; En *el blanco* infinito, nieve, nardo y salina (F. García Lorca).

Выше мы уже отмечали, что форма мужского рода имеет общеродовой характер. Ср.: *el ella* del romance me sumía (F. García Lorca).

Следует иметь в виду, что наличие артикля el при субстантивируемом прилагательном необязательно, поскольку имеются и другие способы транспозиции и ее обнаружения в тексте:

Verde que te quiero *verde* (F. García Lorca); Discierne *bueno* y *malo* en la armonía (T. Ir i arte).

В испанском языке, в отличие от других романских языков, транспозиция прилагательных в класс существительных достигается при помощи lo:

Lo ideal era ir de un lugar a otro (J. Goytisoío); Dingo y Perico pertenecían ya a *lo huido,* a *lo no vivo* (A. M. Matute); Baila sobre *lo verde;* Las gentes iban a *lo verde* (F. García Lorca); Y luego *lo escuchado* vivió en mi mente; *Lo ajeno* a veces se conoce, a veces se supone (E. Barrios); entre *lo oscuro* del anochecer (C. Fallas); En *lo empinado* de un monte (A. Asturias).

Как видно из приведенных примеров, конструкция с lo наиболее часто выступает в качестве так называемого «партитивного атрибута» (lo empinado de un monte).

По своему значению lo+прилагательное синонимично производным имен качества: lo verde — la verdura, lo oscuro — la oscuridad, lo sereno — la serenidad и т.д.

Важная особенность конструкции с lo состоит в том, что прилагательное может фигурировать во всем разнообразии форм рода и числа, *m.e.,* иначе говоря, сохраняет признаки категории согласования, характерной для имен прилагательных:

en *lo fría* que está el agua (F. García Lorca); *Lo contento* que se va a poner Chepe (м. р.) con esto (C. Fallas); Sin ser visto *lo afanados* que estaban ellos en el juego (J. Valera).

Тем же способом могут субстантивироваться наречия:

Pepita Jiménez... ha sabido por mi padre *lo mucho* que me gustan las huertas de por aquí (J. Valera).

Известны также конструкции lo с существительными, что относится к весьма своеобразному явлению вторичной субстантивации[1]:

le contaré *lo egoísta* que has sido y *lo amiga* que fuiste de los radicales (J. Goytisolo).

Возможность вторично субстантивировать существительное возникает в связи с функциональным сближением имени существительного с именем прилагательным. В конструкции с lo существительное теряет свою изначальную предметность, приобретая возможность представить в опредмеченном виде характерные с в о й с т в а , к а ч е с т в а этого предмета.

«Опредмеченные» прилагательные и вторично «опредмеченные» существительные чаще всего используются в разрывных придаточных предложениях, в которых выделяемое при помощи lo существительное переносится из придаточного предложения в главное. Ср. (le contaré) que fuiste amiga — le contaré lo amiga que fuiste.

Поскольку lo не дублирует морфологических признаков субстантивированного слова (lo amiga, а не la amiga), то роль его, очевидно, сводится к обозначению синтаксической функции выделяемого слова. Иначе говоря, благодаря lo, слово конституируется в член предложения предметного значения.

[1] См.: Н. Д. А р у т ю н о в а . Вопросы морфологии и функционирования имен в испанском языке. — В сб.: «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 169.

Конструкции этого типа носят эмфатический характер[1].

Итак, грамматика занимается теми видами перехода одной части речи в другую, которые осуществляются в конкретном высказывании. Субстантивация, если только речь идет не о совершившейся «лексической субстантивации», также происходит в конкретном акте речи. Поскольку основные грамматические категории принадлежат не только языку (langue, lengua), но и речи (parole, habla), то грамматист вправе рассматривать случаи перехода различных частей речи в существительные не как «неустойчивость» или «зыбкость» грамматических категорий, а, напротив, как подтверждение реальности их существования и в языке и в речи. Иначе говоря, прилагательное (или слово любой другой части речи), перешедшее в категорию существительного, это не «прилагательное, выполняющее функцию существительного», а просто существительное, обладающее в данном предложении всеми основными категориальными признаками этого класса слов.

В связи с наличием конструкций с lo, который относится грамматистами к артиклям среднего рода, встает вопрос о среднем роде в классе имен существительных.

«Что касается рода, то возникает вопрос: Сколько родов в испанском языке? — пишет Э. Аларкос Льорак. — Наличие мужского и женского рода не вызывает сомнений. А средний род? Он проявляется только в так называемых «субстантивированных прилагательных абстрактного значения» (и в комбинации с артиклем): lo bueno, lo malo, а также в некоторых местоимениях: lo, ello, esto, nada».[2]

Как показывают приведенные выше примеры, прилагательные, субстантивируемые при помощи lo не теряют признаков парадигматических изменений и свойства согласования, о чем свидетельствуют формы типа lo bueno — lo buena, lo buenos — lo buenas. То же самое можно сказать

[1] См.: Н. Д. Арутюнова. Трудности перевода с испанского языка на русский. М., 1965, стр. 87—88.

[2] E. Alarcos Llorach. Gramática estructural. M., 1951, стр. 67. Некоторые авторы вообще не затрагивают вопрос о среднем роде. Ср., например: «... так как в испанском (и во французском) языке только два рода...» (И. А. Мельчук. Статистика и зависимость рода французских существительных от их окончания. — «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», М., 1958, № 7, стр. 16). Н. А. Катагощина и Е. М. Вольф говорят только о бинарном противопоставлении мужского и женского рода (Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберороманская группа. М., 1968, стр. 85).

и о существительных, подвергающихся вторичной субстантивации: lo amigo — lo amiga. Отсюда можно сделать вывод о том, что lo не переводит субстантивированные слова в категорию среднего рода. Разница el bueno и lo bueno заключается не в различной родовой принадлежности этих слов, а в семантике: в первом случае опредмечивание качества носит конкретный характер, а во втором — обобщающий и абстрактный.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Способы образования существительных испанского языка опираются на использование разнообразных морфологических средств: суффиксов, префиксов, моделей словосложения. Наиболее активно используется суффиксальная система. Количество суффиксов, вводящих новое слово в лексико-грамматический класс существительных, достаточно велико: **-ada, -ado, -al, -ar, -anza, -azo, -ción, -dera, -dero, -dor, -dad, -ero, -era, -ería, -eza, -ez, -ismo, -ista, -ante, -iente, -miento** и др. Только суффиксы nomina agentis и instrumenti **(-dor, -ante, -¡ente** и некоторые др.) являются общими для существительных и прилагательных.

Лексико-семантическое разнообразие типов существительных создается как за счет разнообразия значений суффиксов и основ, так и за счет структурного различия производящих основ (именные, глагольные).

В испанском языке имеется развитая система суффиксов субъективной оценки, при помощи которых говорящий придает имени существительному различные оттенки значений; уменьшительно-ласкательных или увеличительно-уничижительных: **-ito (-cito, -ecito), -illo (-cilio, -ecillo), -ico (-cico, -ecico), -azo, -ón, -ote, -uco, -acho, -astro, -ín.** Ср., например:

Casi todos tenían apodo. Mojarra llamaban a la de ojos grandes; si era de poca estatura *Mojarrita,* y si era ya tarda y jamona *Mojarrona* (A. Asturias).

АРТИКЛЬ

В качестве эпиграфа к данной главе можно было бы взять следующий «обмен мнениями» из «Диалога о языке» (1536) Хуана де Вальдеса: Кориолан: «Скажите мне, вы придаете большое значение употреблению так называемых

артиклей?». Вальдес: «Я вам отвечу на это, что придаю такое значение, что для нас кастильцев иностранец, правильно употребляющий артикли, — диво. А потому я советую вам обратить на него особое внимание» (Juan de Valdés).

Нельзя сказать, чтобы грамматисты не следовали совету знаменитого гуманиста, и тем не менее, по прошествии четырех столетий можно встретить весьма пессимистические суждения по поводу возможности определения природы и функций артикля: «До сих пор, — пишет Педро Фортул-Уртадо в 1922 году, — грамматики не дали нам удовлетворительного определения артикля и, вероятно, никогда его не дадут. Что касается меня, то я не буду даже пытаться сделать это, ибо убежден в бесплодности подобных попыток» (Fortoul-Hurtado, 159).

Не случайно, такой тонкий знаток испанской грамматики, как Амадо Алонсо, назвал проблему артикля «казуистической»[1].

Чем же вызваны трудности определения грамматического значения артикля? Вряд ли можно назвать другой элемент грамматической системы испанского языка, который столь значительно эволюционировал бы в исторически обозримое время. В самом деле, если мы рассмотрим историю такой части речи, как имя прилагательное, то должны будем признать, что и в семасиологическом смысле и в функциональном отношении оно мало изменилось на протяжении нескольких веков. Иначе обстоит дело с артиклем. Так, например, определенный артикль, возникший из латинского указательного местоимения (el<ille, la <illa), не сразу порывает связь с системой местоимений, хотя содержание указательное™ оказывается в нем затененным. Наличие указательности, хотя бы и ослабленной, предуказывает возможность сочетания артикля с именами, обозначающими конкретные предметы: por aduzir las arcas (Cid.). Напротив, то же самое содержание указательности ограничивало возможность использования артикля с именами абстрактного значения[2]: consejo es aguisado (Cid); dexó bondat e priso follín (Vida de Santa María).

Преимущественное употребление артикля (в староис-

[1] A m a d o A l o n s o. Estilística y gramática del artículo en español. — Estudios lingüísticos. Temas españoles. M., 1954, стр. 181.

[2] Ср.: "Los nombres comunes abstractos se resisten más a tomar el artículo". Cantar de mío Cid. Texto, gramática y vocabulario por R. Menéndez Pidal. I, § 109, Madrid, 1908, стр. 300.

панском) с существительными в функции подлежащего и прямого дополнения заставляет думать о том, что артикль уже на ранних этапах своего развития нес особую грамматическую нагрузку, являясь оформителем существительных, выступающих в главных синтаксических функциях. В этом нельзя не видеть своеобразной компенсации исчезнувших латинских флексий, которые достаточно четко указывали на синтаксическую функцию имени, например, подлежащего: Otorgado gelo avie *el abbat* de grado (Cid); прямого дополнения: a *las* sues *fijas* en bra?o las prendía (Cid). С другой стороны, артикль, как правило, отсутствовал при существительных в функции второстепенных членов предложения: *Por tierra* andidiste; pusieronte *en cruz por nombre* en Golgotá (Cid).

Таким образом, уже в староиспанском языке функции артикля были достаточно сложны: наряду с этимологическими (указательными) значениями артикль выражал и собственно грамматические. Сопоставление таких примеров из «Сида», как pusieronte en cruz с членными формами существительного свидетельствует о том, что отсутствие артикля в pusieronte en cruz (где существительное выполняет функцию второстепенного члена предложения) грамматически противопоставляется членным формам существительного в функции подлежащего или прямого дополнения (см. типичные примеры выше). Сопоставление же en cruz с другим примером в том же микроконтексте — en la cruz воспроизводит иную корреляцию, которая напоминает нынешнюю una cruz (первое упоминание) — la cruz (вторичное упоминание). Тот факт, что «неграмматическое» использование la cruz (en la cruz) делает возможным противопоставление грамматическому нечленному en cruz, заставляет думать о возникновении новой грамматической корреляции, которая, однако, не носит всеобщего характера вследствие существенного ограничения: имена абстрактного значения длительное время «оказывают сопротивление артиклю» (А. Алонсо).

Дальнейшее усложнение с и с т е м ы артикля, вызванное снятием прежних ограничений (как грамматических, так и лексических) и подключением неопределенного артикля, возникшего на базе латинских числительных un (<unum), una (<unam), существенно меняет как характер корреляций, так и грамматическое значение коррелирующих элементов. В новые системные отношения втягиваются и нечленные формы имени.

Трудность описания функций артикля состоит, помимо всего прочего, еще и в том, что в различных языках, располагающих артиклем, помимо общих, так сказать «инвариантных», примет и свойств имеются весьма, существенные расхождения как в особенностях употребления, так и в репертуаре форм артикля. Достаточно привести следующие примеры: франц. яз. il porte la barbe — исп. яз. lleva una barba; франц. яз. il lit toujours les journaux — исп. яз. siempre lee periódicos[1], исп. яз. el hombre es mortal — англ. яз. man is mortal; исп. яз. casa tan barata no la encuentres fácilmente — нем. яз. ein so billiges Haus[2].

Артикль lo, причисляемый к системе испанского артикля, неизвестен другим романским языкам.

Для русского учащегося усвоение норм употребления артикля представляет особую сложность в связи с отсутствием в русском языке членного оформления имени[3].

Традиционная грамматика рассматривает артикль как часть речи, которая служит для определения имени существительного и выражает род и число существительного. Это определение, хотя и не во всем противоречит грамматической действительности, все же мало объясняет грамматическую сущность артикля. Принимая утверждение о том, что артикль является частью речи, нужно подчеркнуть, что он обладает такими грамматическими приметами, которые ставят его внутри системы частей речи в особое, исключительное положение. С одной стороны, артикль представляет собой отдельное слово, с другой стороны, он никогда не употребляется самостоятельно. По этому, второму своему признаку артикль может быть отнесен к подклассу служебных слов. Однако и в подклассе служебных слов он сохраняет индивидуальные особенности: в отличие от типично служебных частей речи, предлога и союза, он не передает отношений ни между словами (предлог), ни между предложениями (союз), а прикреплен только к одной части речи — имени существительному. Эта закрепленность за именем не означает, однако, что имя существительное обязательно должно сопровождаться артиклем. Это значит только то,

[1] Примеры заимствованы из книги Ю. С. Степанова «Структура французского языка», М., 1965, стр. 64—65.

[2] Примеры см.: А. А l o n s o. Ук. соч., стр. 152.

[3] Постпозитивное употребление указательного местоимения, сходного с артиклем, мой — ее отец, добрую — ту женщину, известно только в диалектах (см.: А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 491—492).

что, сопутствуя имени, артикль сообщает ему некоторые специфические значения и оттенки значений.

Поскольку употребление артикля при имени не обязательно, а факультативно, то функции его нельзя сводить к передаче формальных показателей имени. Испанское имя достаточно хорошо в основной своей массе «самовыражает» грамматические категории рода и числа: (la) mesa — (las) mesas, (el) libro — (los) libros. Если даже принять во внимание тот факт, что в ряде случаев именная флексия не может четко диагностировать принадлежность к тому или иному грамматическому роду, то в качестве индикаторов могут выступать, например, прилагательные двух окончаний или местоимения. В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением Р. Ленца: «Артикль есть не что иное, как формальный придаток существительного, сходный с флективными и агглютинативными окончаниями, с суффиксами и префиксами, которые выражают число, грамматическую функцию (падежную) или иные отношения» (La oración y sus partes, 268).

Таким образом, можно сказать, что морфологические функции испанского артикля как показателя рода и числа существительных несколько ослаблены, например, по сравнению с французским артиклем. Следствием этого является большая дистанционность испанского артикля. Ср. следующие примеры: No se distingue en *la* ya muda *masa* (N. Guillen); venían a enriquecer *la* ya extraordinaria *colección* (R. Gallegos); *la* alegre y un poco revuelta *calle* de Aribau (C. Laforet); *la* hasta hace poco aparente *armonía* (La Prensa).

В примере: para expresar al o a los hombres (F. Toro-Garland) слитная форма al, предполагающая существительное в единственном числе nombre (al hombre o a los hombres) несет функцию чисто формального показателя рода и числа. Однако это редчайший случай изоляции артикля.

Слабая функционально-морфологическая «загруженность» испанского артикля подтверждается весьма частьши случаями дублирования морфологических признаков рода и числа, достаточно четко выраженными формами существительных и прилагательных: Los caballos negros son. **Las** herraduras son negras (F. García Lorca).

Среди грамматистов не было и нет единого мнения по поводу места артикля в системе частей речи. Антонио де Небриха в своей «Грамматике» (1492) упоминает артикль в числе десяти частей речи; Кристобаль де Вильялон (1558)

и Гонсало Корреас (1626) относят его к «частицам» (partículas), Грамматика Испанской академии твердо относит артикль к частям речи (во всех изданиях, начиная с издания 1771 г.); Андрее Бельо (1847) исключил его из репертуара частей речи; такой же точки зрения придерживаются Р. Ленц (1925), Амадо Алонсо и П. Энрикес Уренья (1938, 1939); М. Криадо де Валь (1958) причисляет артикль к детерминативам имени существительного (los determinantes), а современный американский грамматист Хосе Рока не решается отнести артикль к «настоящим частям речи» (ni el artículo puede ser considerado como verdadera parte de la oración — Roca, I, 205)[1].

Для причисления артикля к частям речи могут служить следующие основания. В семасиологическом плане артикль обладает особым значением, устанавливающим характер соотнесенности предмета, обозначаемого существительным, с предметами реальной действительности, отраженными в понятиях различного объема (общее—отдельное). Формы артикля обладают свойством морфологической изменяемости: они согласуются в роде и числе с существительными. Синтаксическая функция артикля состоит в том, что, являясь основной приметой имени существительного, он служит одним из основных индикаторов тех членов предложения, которые представлены в предложении именами существительными. В соответствии с этой своей функцией артикль может переводить в класс существительных слова любой другой части речи.

В грамматической литературе нет единого мнения также по поводу репертуара форм артикля. Современные грамматисты единодушны, пожалуй , только в одном: бесспорными артиклевыми формами являются el — **los, la — las, lo.** Однако уже в этом, малом наборе, не все формы равнозначны. Если артикль мужского рода el имеет своим коррелятом . артикль женского рода 1a, что является отражением корреляции существительное мужского рода (el amigo) — существительное женского рода (la amiga), то «артикль среднего рода Io» не коррелирует ни с **el**, ни с 1a, поскольку он не соотносится с существительными среднего рода, ибо таковых в испанском языке нет. Нарушение

[1] Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева пишут по поводу немецкого артикля: «Обычно к частям речи немецкого языка причисляют и артикль. Однако это продиктовано только грамматической традицией и по существу не имеет под собой основания» (Современный немецкий язык, М., 1957, стр. 60).

симметрии наблюдается и в том, что форма lo не имеет соотносительной формы множественного числа.

Еще одна важная особенность lo состоит в том, что, комбинируясь с именами прилагательными и субстантивируя их, он остается неизменным, тогда как прилагательные могут фигурировать во всем разнообразии своих родовых и числовых форм: lo bueno, lo buena, lo buenos, lo buenas.

В отличие от артикля el (или la), являющегося элементом триады el — **un** — «нулевая форма артикля», форма **lo+**прилагательное не имеет противопоставленных ему форм типа un bueno или bueno. Следовательно, формы с lo лишены основной функции артикля выступать формальным элементом выражения категории определенности | неопределенности, что выводит его за пределы с и с т е м ы - артиклей.

Форма lo связана с определенным артиклем единством происхождения (из указательных местоимений), а в функциональном плане связь с el, **un** проявляется в способности выступать в качестве субстантиватора.

В «Грамматике» Амадо Алонсо и П. Энрикеса Уреньи' фигурирует именно этот «малый набор». В специальной работе, посвященной грамматике и стилистике артикля в испанском языке (см. выше), А. Алонсо выдвинул ряд оснований, по которым он не считает возможным отнести к системе артикля формы **un (unos), una (unas):** 1) почти повсеместно эти формы несут ударение, что свидетельствует об их самостоятельности (неграмматичности), в отличие от форм el, la:ún toro, úna vaca, únos chicos, únas copas[1]; 2) допускают синонимическую замену: un или cierto día, un или algún día; 3) **un** коррелирует с otro: un hijo le ha salido listo y otro tonto; 4) **un** имеет своим антонимом ninguno: P. es un tonto; P. no es ningún tonto; 5) **un** выступает антецедентом que: P. tiene unas salidas que desconciertan; una blancura que deslumhra; 6) **un** в отличие от el употребляется без существительного (как любое прилагательное): unos se fueron hacia arriba y otros hacia abajo; 7) **un** используется в значении существительного: uno ha traído esta carta para usted[2].

Из всего этого делается вывод о том, что **un (una, unos, unas)** имеет прономинальное значение (иногда значение

[1] Насколько нам известно, в мадридском полудиалекте формы el, !a также несут на себе ударение: lá casa.

[2] A. A l o n s o . Ук. соч., стр. 184 — 185.

числительного: unos 20 días, unas 20 horas[1]) и близок к alguno, а не к артиклю.

Наиболее полный набор форм мы встречаем, например, в «Грамматике» М. Криадо де Валь: el — **los, la — las, lo, un(o) — unos, una — unas.** К этому добавляется грамматически значимое отсутствие (ausencia) артикля. В параграфе, озаглавленном «Партитивный артикль» (El artículo partitivo), хотя и отрицается наличие такового, но утверждается, что значение партитивности (грамматическое?) выражается тремя способами: 1) при помощи предлога de: Tomar tanto de carne y tanto de pescado; 2) при помощи усиливающегося наречия algo (+de): comer algo de pan; 3) при помощи «опущения определенного артикля» (la omisión del artículo definido): Bebo vino (Criado de Val, 89—94).

Совершенно очевидно, что и самый набор артиклевых форм и наилучший способ их наименования можно установить только после того, как будет определена функция форм, которые мы называем артиклевыми, доказано их системное взаимодействие.

Поскольку основным грамматическим значением имени существительного является предметность[2], а артикль оформляет только имя существительное, то артиклю в качестве его основной грамматической функции приписывается свойство опредмечивания. Однако не трудно доказать, что свойство опредмечивания или передача значения предметности не является ни основной, ни единственной функцией артикля. Во-первых, есть языки, в грамматической системе которых артикль отсутствует, но существительное не теряет своего основного категориального значения предметности. Во-вторых, в самом испанском языке (как и в других языках, имеющих артикль) существительное может не сопровождаться артиклем, не теряя при этом свойств, характерных для имени существительного.

Имя существительное, оставаясь существительным, никогда не утрачивает грамматического значения предметности, независимо от того, сопровождается ли оно артиклем или нет. Свойство опредмечивания проявляется в артикле (наряду с другими способами) в тех случаях, когда он (а не другие формы) выступают в качестве субстантиватора.

[1] В этих случаях формы unos, unas не несут ударения, как в случаях veinticinco в отличие от veinte y cinco.

[2] Р. Г. Пиотровский. Стилевое использование артикля у молдавских и румынских писателей. — «Проблемы сравнительной филологии», М.—Л., 1964, стр. 202.

Выделение категорий известности — неизвестности имело бы смысл, если бы под эти две категории можно было подвести все случаи использования артикля. Грамматические значения артикля шире и сложнее, нежели эмпирическое восприятие известных / неизвестных предметов, названных именами существительными. Что касается ситуаций, в которых один предмет может или должен восприниматься как известный, а другой как неизвестный, то они (эти ситуации) отражаются в речи довольно часто. Но об этом будет сказано несколько позже.

Поскольку артикль не является самостоятельным словом ни в лексическом, ни в грамматическом отношениях, а связан с именем существительным, то было бы разумно искать основания для употребления (соотв. неупотребления) и для определения функций артикля в свойствах имени.

Как уже говорилось выше, основным грамматическим значением имени существительного является предметность, обозначение физических тел и представление всего остального в том же комплексе категорий. Имя существительное обозначает понятия в различных объемах. В одном случае понятие отражает совокупность предметов, связанных общими свойствами («стол» вообще), в другом понятие соотносится с индивидуальным предметом («этот стол»). Индивидуальные предметы, как известно, обладают и общими свойствами. «Общее, — писал В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное».[1]

Это различие в объеме понятий находит свое отражение в использовании слов (существительных), называющих понятия в том или ином объеме. Существительные могут Передавать: 1) общепонятийную предметность, т.е. не соотноситься с определенным предметом; 2)обозначать самый предмет, представленный в соответствующем понятии, т.е. соотноситься с отдельным (именно этим) предметом («индивидуальный» предмет) или с отдельным (все равно каким) представителем данного класса предметов («видовой» предмет). Иначе говоря, существительные наряду с общепонятийной предметностью могут передавать индивидуально-видовую предметность.

Значение (неграмматическое) соотнесенности / несоотнесенности можно проиллюстрировать следующими примера-

[1] В. И. Ленин. Соч. Изд. 5, т. 29, стр. 318.

ми из русского языка: «Стул — это род мебели». В этом примере слово «стул» не соотносится ни с каким определенным стулом. «Возьмите вот этот стул и садитесь». В этом примере слово «стул» соотносится с определенным стулом. «Возьмите себе́ (какой-нибудь) стул и подсаживайтесь ко мне». Здесь слово «стул» не обозначает индивидуального конкретного предмета, а соотносится с любым, произвольно выбранным стулом (именно стулом, а не другим родом мебели). Хотя носители русского языка прекрасно понимают различные виды соотнесенности / несоотнесенности, мы не вправе говорить о том, что в русском языке существует грамматическая категория соотнесенности / несоотнесенности. В русском языке нет специализированных, регулярно воспроизводящихся форм при существительном для передачи подобного типа значений. Напротив, в испанском языке содержание соотнесенности / несоотнесенности имеет грамматическое значение, поскольку у него есть формальный коррелят — артикль. Наличие грамматического значения соотнесенности / несоотнесенности и наличие специальных форм выражения этого значения позволяет говорить о том, что в испанском языке существует грамматическая категория соотнесенности.

Диалектика соотношения общего и частного, содержащихся в понятиях различного объема, нашла отражение в диалектике грамматических норм употребления артикля.

В самом общем виде эти нормы сводятся к следующему: Для передачи существительным общего понятия (значение несоотнесенности) обычно используются формы el (la, **los,** las):

Quiero conocer *el día* y *la noche, el mar* y *la tierra* (A. M. Matute); *El lobo* es siempre lobo (J. Guillén); *El descanso* es el lujo de los pobres; *La curiosidad* es algo tan torpe (J. Goytisolo).

Для передачи существительным значения определенного предмета или явления (значение определенной соотнесенности) также обычно используются формы el (la, **los, las):**

El animal camina, baja hasta un río, bebe (N. Guillén); *La paz* significaba *la normalidad* (J. Goytisolo).

Если в первом примере определенность предмета (el animal) понимается нами без труда (именно это животное идет, спускается к реке, пьет), то понимание определенной

соотнесенности, выражаемой существительными абстрактного значения (la paz, la normalidad), несколько затруднено. Следует обратить внимание на тот факт, что в предложении La paz significaba la normalidad выражается не какое-то общее суждение, а речь идет о том, что для каких-то людей установление мира означало нормализацию их жизни. Следовательно, понятия, выражаемые словами la paz, la normalidad, фигурируют здесь не в самых общих своих значениях, а передают некое конкретное проявление общего понятия. Ср. еще один пример, иллюстрирующий значение определенной соотнесенности:

En este largo mes... todo pasó por mí: *la pena* y *la alegría, el gozo* y *la tristeza, la fe* y *la desazón* y *la desesperanza* (C. Cela).

На основании приведенных выше примеров можно сделать заключение, что определенный артикль сам по себе не дифференцирует имена, употребляющиеся обобщенно и индивидуально, что общепонятийная предметность и индивидуально соотнесенная предметность не находят специализированного отражения в формах определенного артикля и что оперирование формой одного артикля, по существу, не позволило бы нам ввести понятие грамматической категории соотнесенности и уравняло бы испанский язык с другими языками, которые, наподобие русского, не имеют грамматических средств выражения этой категории. С другой стороны, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в качестве формальных коррелятов, выражающих несоотнесенность и неопределенную соотнесенность, достаточно четко выступают формы el — un *{El lobo* es siempre lobo — salió *un gato)*. Эти же формы коррелируют и в другом «измерении»: определенной соотнесенности и неопределенной соотнесенности *(El animal* camina, baja hasta el río, bebe — salió *un gato)*.

Свойства имени существительного не исчерпываются способностью прямолинейно и однозначно передавать содержание таких мыслительных категорий, как общее и частное. Грамматические значения могут соотноситься и соотносятся с логическими значениями, но во многих случаях проявляют автономность, группируются по-своему в языковой сфере. Нюансировка грамматических значений, укладывающихся в общую грамматическую категорию соотнесенности, тем богаче и разнообразнее, чем богаче и разнообразнее смысловые, грамматические и лексические свой-

ства имени. Имена существительные могут обозначать конкретные предметы и абстрактные понятия, считаемые предметы и вещество, могут иметь единственное и множественное число, могут выступать в различных грамматических функциях: подлежащего, прямого дополнения и т.д.

Автономность грамматики проявилась, между прочим, и в том, что в ходе развития грамматической категории соотнесенности складывалась и усложнялась система артиклевых форм и наряду с использованием материально выраженных форм el, un и на фоне этих форм особый грамматический смысл приобрело нечленное употребление имени (некоторые грамматисты говорят в этом случае о существительном с «нулевым» артиклем). В современном испанском языке сложились триада: **el** — **un** — **отсутствие** артикля. Описание техники употребления артикля (включая нечленные формы имени) или того, о чем сигнализирует употребленный артикль, целесообразно начать с описания значений каждого элемента триады.

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ

К формам определенного артикля относятся: м. р. ед. ч. **el,** ж. р. ед. ч. 1a; м. р. мн. ч. **los,** ж. р. мн. ч. **las;** ср. р. lo. Определенный артикль единственного числа мужского рода имеет две слитные формы: al, возникшую из **a+el** и **del** — из **de** + **el**.

Определенный артикль, употребляясь с именами нарицательными, может придавать им прямо противоположные значения: обобщающее (несоотнесенность) и индивидуализирующее (соотнесенность с конкретным предметом). Вследствие этой омонимии (или полисемии) как раз и возникает трудность употребления определенного артикля и правильного восприятия его значений (функций). Поскольку в речи нам чаще всего приходится иметь дело с конкретной ситуацией, то правильнее было бы начать с описания условий проявления индивидуализирующей, выделяющей функции определенного артикля. Т.е., иначе говоря, мы должны будем найти те приметы, которые позволят диагностировать правильное употребление и понимание форм определенного артикля.

Определенный артикль представляет имя со значением определенной соотнесенности в следующих типичных случаях:

1. При вторичном упоминании предмета (так называемое «анафорическое» использование артикля), т.е. в случае, когда имя из неизвестного (при первом упоминании) стано вится известным (переводится в разряд известных):

Y una tarde, siendo invierno, llegó al pueblo una niña. *La niña* era sobrina de las dos viejas encargadas de Telégrafos (A. M. Matute).

В первой главе романа Уго Васта "Desierto de piedra" (глава называется "El desconocido", т.е. «Незнакомец») автор рассказывает о том, что появился какой-то человек (мужчина): tan espesa neblina envolvía la sierra que doña Silvestre no vió venir a un hombre a caballo del lado de la quebrada azul. В дальнейшем этот человек называется el desconocido: *El desconocido* tenía buenos modales; *El desconocido* guardó silencio; *El desconocido* se incorporó и т.д. Следует обратить внимание, что вторично лицо обозначается другим словом (un hombre — el desconocido) и что лексическое значение существительного desconocido 'незнакомец' не мешает этому существительному быть представленным в категории определенной соотнесенности.

Несмотря на регулярность последовательности un — el, нельзя утверждать, что un стопроцентно предуказывает появление el. Ср., например, es *un instante, un corto instante* (C. Cela). С другой стороны, наличие определенного артикля при вторичном употреблении существительного не всегда имеет своим антецедентом существительное с неопределенным артиклем:

El día llegará y en *el día* no podríamos aguantar su mirada (C. Cela).

2. Вне анафоры определенный артикль оформляет су ществительные, обозначающие предмет а) как единственно возможный в данной ситуации или в данном контексте либо б) как существующий «в единственном экземпляре», т.е. как и в первом случае, представляет имя со значением определенной соотнесенности:

а) Barquero ofrece *el mejor asiento* que tiene: esta silla. Siéntate (R. Gallegos); El cazador apuntó *la escopeta* y tiró *del gatillo* (G. López y Fuentes).

В последнем примере речь идет о том, что охотник прицелился не из какого-то ружья, а из того, которое было у него в руках; он спустил не какой-то курок, а курок данного ружья.

Определенный артикль употребляется с существительными, сопровождаемыми различного рода определениями, которые ставят обозначаемый предмет в положение единственно возможного в данной ситуации:

Estoy recorriendo *todas* las tiendas (F. Avalos); Los ojos *de Juan Padre* eran claros; por las mujeres pálidas *que lloran de bruces sobre la cama* (A. M. Matute).

b) Sobre una tapia aparecía *la luna* (C. Laforet); *El sol* le daba en plena cara (J. Goytisolo).

К этому же разряду имен, обозначающих предметы, известные в «единственном экземпляре», относятся названия индивидуальных, уникальных явлений, учреждений и т.д., например, el Renacimiento 'Возрождение', La Entente 'Антанта', las Cortes 'кортесы', el Duma 'Дума' и др. В категории определенной соотнесенности обычно выступают названия дней недели, месяцев, времен года (el domingo, el mayo, el verano).

Различение ситуации и контекста, о котором говорится в п. а), полезно делать потому, что в ряде случаев ситуация как таковая не описывается, и появление артикля вызывается не элементами речевого построения, а тем общим пониманием ситуации, о которой нам сообщает говорящий в расчете на то, что она будет верно понята слушающим. Ситуация понимается нами в очень широком смысле. Представим себе, что рассказ начинается с фразы La ciudad dormía (Город спал). Действие, обозначенное глаголом dormir, достаточно конкретно, а форма имперфекта достаточно хорошо конкретизирует сообщаемый факт, т.е., иначе говоря, хотя мы и не знаем, о каком конкретном городе идет речь (как он называется), мы понимаем конкретность этого города как «такого города, о котором будет идти речь», а не «города вообще» и не «одного (все равно какого) из городов» (ведь и по-русски мы не могли бы сказать: «Какой-то город спал» или «Город (по определению словарей: крупный населенный пункт, управляемый по особому положению) спал»).

Сравним с фразой La ciudad dormía другие: La ciudad goza de mayores preeminencias que las villas; La ciudad, hija mía, es un infierno (C. Laforet). В последних двух примерах артикль la, сопровождающий существительное ciudad, служит для передачи понятия в самом общем смысле, «внеситуативно», не соотносит существительное ни с каким конкретным городом.

3. Определенный артикль указывает на наличие определенной соотнесенности у существительных, сочетающихся с прилагательным в превосходной степени и с порядковым числительным:

Esta es *la mejor medalla* que podía darme la Agrupación (J. Izcaray); Y habló *el más viejo* de los viejos (G. López y Fuentes).

В первом примере артикль является и элементом формы (la+mejor) и показателем определенной соотнесенности существительного medalla. Во втором примере артикль совмещает в себе несколько функций: морфологическую, создавая форму превосходной степени, и категориальные, переводя прилагательное в разряд существительных и обозначая определенную соотнесенность этого вновь возникшего существительного.

Сочетаясь с порядковыми числительными, артикль не имеет морфологической функции и не является средством транспозиции порядкового числительного в разряд существительных:

Un navio de la retaguardia disparó *el* primer *tiro* (B. Pérez Gal dós).

Эти употребления артикля напоминают все те случаи, когда существительное обозначает предмет, единственно возможный в данной ситуации.

Определенный артикль может представлять имя и со значением несоотнесенности. В этом случае имя обозначает не понятие о каком-то определенном предмете, а обобщенное понятие обо всех предметах данного класса:

El león prefiere *los corderos* o *los cabritos* a *los terneros* (H. Wast); *El tiempo* — pérdida siempre irreparable; Los dos antípodas: *el amor* y *el desamor, El hombre* no muere cuando cesa de existir; *La educación* empieza en *la cuna* y acaba en *la tumba* (José de la Luz y Caballero); *El aire* es pesado; *El yodo* es un metaloide sólido (Enciclopedia cíclico-pedagó-gica).

Ср. еще несколько примеров из романа Уго Васта "Desierto de piedra":

Para los serranos no existe sino *el león* (курсив автора) una calamidad designada en forma genérica; Y así, la cacería de un león cualquiera es la cacería *del lión* (león), y los crímenes de una de esas fieras son vengados con cazar otro a diez

leguas del lugar de la hazaña; El muerto parece haber sido el criminal y ser el único de su especie, hasta que hay noticias de otro, que sigue siendo por antonomasia *el león.*

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ

К формам неопределенного артикля относятся: м. р. ед. ч. **un,** ж. р. ед. ч. **una.** Артикль ж. р. **una** встречается в усеченной форме **un.** Усечение происходит перед существительными женского рода, начинающимися на ударенное a- или ha-: un alma, un haba.

Грамматика Испанской академии и большинство других грамматик, как испанских, так и зарубежных, причисляет к формам неопределенного артикля **unos, unas,** считая **unos** формой множественного числа мужского рода, а **unas** — формой множественного числа женского рода. Эта точка зрения не получает достаточно веского обоснования. Как показывает анализ текстов, форма единственного числа **un,** сопровождающая имя существительное, имеет своим коррелятом в качестве формы множественного числа (в категории соотнесенности / несоотнесенности) не форму unos+существительное во множественном числе, а нечленную форму существительного во множественном числе:

No ser humano sino algo distinto que debe haber, que tiene que haber, en alguna parte del mundo, tal vez *un ángel, ángeles,* pero aquí no hay vida posible para los ángeles (M. Traba).

Ср. также реализацию противопоставления **un** — нечленная форма существительного, выраженного разными лексемами:

Eres como *un animal*— dije furiosa. — Tú y Juan sois como *bestias;* Empezaron a pasar *autos.* Subió *un tranvía* atestado de gente (C. Laforet); *Un relámpago* perforó la oscuridad de la noche. *Ráfagas* aisladas rumoreaban amenazadoramente en la arboleda (A. Gravina); se oyen *sílabas, vocales, frases,* ininteligibles, entrecortadas, *una risa* ahogada (M. Traba).

Нечленная форма имени существительного противопоставляется членной форме с определенным артиклем, выражая противопоставление значения неопределенной соотнесенности значению определенной соотнесенности:

...se acumulaban allí sin orden ni concierto, *libros, papeles* y *las figuras* de yeso que servían de modelo a los alumnos de Juan (C. Laforet).

Ср. уже приводившийся выше пример:

... un angel, ángeles, pero aquí no hay vida posible para los ángeles.

Здесь формы un angel, ángeles (неопределенная соотнесенность) противопоставлены форме los ángeles (определенная соотнесенность).

Подавляющее большинство примеров существительных с формой unos (unas) показывает, что в них на первый план выдвигается количественная характеристика (неопределенное количество, приблизительность), что несвойственно для значений, реализующихся в категории соотнесенности / несоотнесенности:

Y se detuvo a respirar *unos segundos* (J. Goytisolo); el resol de *unos días* de viaje (R. Gallegos); *Unos 300 a 400 jóvenes* universitarios abuchearon al ilustre visitante ("Nuestra palabra" 3.III.65); Trotaba *unos pasitos* adelante (C. Cela).

Количественная характеристика предмета, обозначаемого именем существительным, лежит совсем в иной плоскости. Это можно доказать примерами, в которых числительное un выступает с количественной характеристикой предмета:

Eran dos hombres, *una mujer y un niño* (C. Cela); con *la una mano* la sujetaba por la saya (C. Villaverde).

Этот последний пример весьма показателен. Он показателен в том смысле, что исключает понимание una как неопределенного артикля, ибо наличие двух артиклей при одном существительном невозможно.

Сближение форм unos, unas с функцией артикля, реализующего значение неопределенной соотнесенности, происходит в лексически ограниченной группе существительных, обозначающих такие парные предметы, как ojos 'глаза', pies 'ноги' и т.д.:

Florinda poseía el encanto y la frescura de la juventud, *un lindo* pelo y *unos hermosos ojos* (M. de Carrion); Ella tenía *unos pies* pequeños (A. M. Matute); En la habitación, sobre una silla, dejó el abrigo y sentándose en la cama cambió los zapatos por *unas alpargatas* (F. Avalos).

Йоргу Йордан и Константин Духаняну, авторы известной книги "Curs de gramática a limbii spaniole" (Bucuresti, 1963), указывая на особое значение формы **unos (unas)** в сочетании с существительными, обозначающими парные предметы (un grup de doua obiecte), делают интересное замечание о том, что в «непарном значении» подобные существительные употребляются в нечленной форме: en el mercado se venden zapatos de todas clases (стр. 9).

Именно лексическая ограниченность группы существительных «парного значения», в сочетании с которыми форма **unos (unas)** выполняет функцию артикля, заставляет исключить эту форму из репертуара артиклей и признать, что реальным коррелятом членных форм un hombre, una silla являются нечленные формы hombres, sillas.

Форму **unos (unas)** следует относить к неопределенным местоимениям, имеющим значение 'некоторые', 'несколько', 'кое-какие'[1].

Неопределенный артикль, так же как определенный, может иметь индивидуализирующее и обобщающее значение. Диалектика переплетения частного и общего, отраженная в имени, приводит к тому, что выделение конкретного предмета (точнее: названия конкретного предмета) не упраздняет возможности восприятия этого конкретного предмета в качестве заместителя всего класса предметов. Таким образом, создается определенный параллелизм между способами выражения частного (el hombre — un hombre) и общего (el hombre—un hombre). Следовательно, категорий частного и общего как грамматических категорий в испанском языке не существует. Выбор (и понимание) артиклевых форм определяется особыми основаниями. И форма el и форма **un,** приданные имени, по-разному индивидуализируют и по-разному обобщают.

Форма el, индивидуализируя название предмета, указывает на соотнесенность имени с этим одним предметом (который участвует в описываемой ситуации), но не содержит в себе указания на то, что этот предмет соотносится с неопределенным множеством себе подобных. То, что форма el при имени не предполагает наличия других предметов, подтверждается, в частности, тем, что этой формой сопро-

[x]См.: О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка. М., 1963, стр. 32. Ср. также: Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф. Испанский язык. Изд· **во МГУ, 1964, стр. 26.**

вождается и название конкретного предмета, известного в одном экземпляре (el sol, la tierra).

Напротив, форма un, индивидуализируя название предмета, указывает на соотнесенность имени с одним, произвольно выбранным или любым предметом в ряду ему подобных, т.е. содержит в себе указание на то, что этот предмет существует как один из представителей данного класса предметов.

Различие между любым (все равно каким) предметом и произвольно выбранным не имеет специальных форм выражения, а понимается из контекста, ситуации, общего содержания высказывания.

Miguel, trae *una silla* y siéntate (A. Palacio Valdés).

В этом примере речь идет о любом (все равно каком) стуле.

La mano de la brigadiera tembló... pero le señaló (a Miguel) de nuevo *una silla*.

В этом примере из того же текста речь идет о конкретном, но «произвольно выбранном» стуле.

Чтобы облегчить русскому учащемуся понимание определенной и неопределенной соотнесенности (не в грамматическом, а так сказать, в мыслительном плане), приведем следующий пример из Гоголя: «Во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем одним департаментом. Итак, *водном департаменте* служил один чиновник» («Шинель»). В первом случае слово «департамент» заставляет нас думать об определенном, конкретном департаменте («о котором идет дело»). Объясняя это явление в грамматических терминах, мы бы сказали, что существительное «департамент» («о котором идет дело») выражает в данном случае определенную соотнесенность (или просто: определенность). Гоголь, желая снять эту «определенную соотнесенность», переводит слово «департамент» в разряд «неопределенной соотнесенности» (или просто: неопределенности). Условившись называть определенный департамент «одним департаментом», автор и представляет нам его в «категории» неопределенности, т.е. на фоне многих подобных департаментов, и о конкретном чиновнике Акакии Акакиевиче Башмачкине он тоже сообщает нам как об одном из чиновников в массе подобных ему башмачки ных.

Подобное представление конкретного предмета в категории неопределенной соотнесенности мы наблюдаем в начальной фразе из «Дон Кихота»:

En *un lugar* de la Mancha, de cuyo nombre no quiero acordarme, no ha mucho tiempo que vivía un hidalgo. Ср. в связи с этим разные способы л е к с и ч е с к о й передачи неопределенности в различных русских переводах. В переводе под редакцией Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова: «В *некоем* селе Ламанчи, имени которого мне не хочется упоминать, не очень давно жил один идальго». В переводе М. В. Ватсон: «В *одном* местечке Ламанча, название которого не желаю вспоминать, жил не так давно идальго». В переводе А. Н. Любимова: «В *некоем* селе Ла-манчском, которого названия у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество...» Ср. в немецком переводе: In *einem* Dorfe der Mancha, auf dessen Ñamen ich mich nicht besinnen mag, lebte unlángst ein Junker.

Ср. сходный пример из повести П. Антонио де Аларкона "El sombrero de tres picos": En Andalucía, por ejemplo (pues precisamente aconteció en *una ciudad* de Andalucía lo que vais a oír). Общее между русскими, немецкими и испанскими примерами состоит в том, что и русское «в некоем местечке», и немецкое „in einem Dorfe", и испанское "en un lugar" или "en una ciudad" представляют читателю «местечко», „Dorf", "lugar", "ciudad" не как определенные «населенные пункты» (хотя писатель прекрасно знает, о каких «населенных пунктах» идет речь), а как такие «пункты», которые существуют на фоне множества подобных.

1. Неопределенный артикль представляет имя со значением неопределенной соотнесенности в следующих типичных случаях:

а) При первом упоминании предмета:

Cerca del camino serpenteaba *un arroyo.* Al pasar el arroyo el jefe... detuvo a sus compañeros (G. López y Fuentes).

Однако следующий пример показывает иное соотношение форм артикля:

Ayer me confesé: fui yo quien di el aviso *al sacerdote.* Vino *un curita* viejo y barbilampiño, *el padre* Santiago Luruena (C. Cela). Порядок следования артиклей el (sacerdote) — un (curita) — el (padre), кажется, нарушает правило о первом упоминании предмета. Дело заключается в том, что определенный артикль, вводящий первое существитель-

ное (el sacerdote), употреблен потому, что обозначение самого «предмета» (т.е. священника) в категории определенной соотнесенности предвосхищается в предшествующем контексте (ayer me confesé), а также определяется общей ситуацией: в небольшом селении имеется один священник. Второе упоминание (un curita) осуществляется в категории неопределенной соотнесенности, ибо обозначает священника как одного из представителей «духовных отцов», попов (здесь: curita 'попик'), т.е. как «видовое понятие» (см. ниже). В третьем случае то же лицо (el padre) обозначается в категории определенной соотнесенности (как уже знакомое лицо).

б) Когда имя существительное выступает в предикативной функции и по смыслу обозначает родовое понятие, под которое подводится видовое понятие:

El grisú es *un gas* parecido al hidrógeno... (Enciclopedia cíclico-pedagógica); El tabaco contiene un tóxico pero también es *una planta* medicinal (F. Ortiz); Siete Ombúes es *un pueblo* (A. Yunque); Los Estados Unidos: *una colmena* que rinde mucha cera, pero ninguna miel (José de la Luz y Caballero); Toda la selva... es *una inmensa araña* (F. García Lorca); Llegó la sangre al río. Todos los ríos eran *una sangre* (J. Guillen).

Когда грамматисты оперируют понятиями рода и вида, то они не ограничиваются примерами из тех наук, где эти понятия имеют строгое терминологическое употребление.

В речевой деятельности встречаются самые неожиданные отношения между «видом» и «родом». Вот как характеризуется, например, героиня повести П. Антонио де Аларкона "El sombrero de tres picos" сенья Фраскита: Es un hermoso animal; Es una estatua de la antigüedad helénica; Es una real moza; Es una sierpe, una sirena, un demonio; Pero es una buena mujer, es un ángel, es una criatura и наконец: es una chiquilla de cuatro años. А далее говорится: La chiquilla de cuarto años, esto es la seña Frasquita frisaría en los treinta. Из этой серии характеристик Фраскиты мы опустили только одно: Es la propia estampa de Eva. Здесь нет подведения «видового понятия» под «родовое», здесь есть категорическое уподобление одного «предмета» другому. Впрочем, в ряде случаев трудно признать за предикативным существительным значение более широкого понятия, чем то, которое выражает существительное в функции подлежащего:

El coche es *un Peugeut 403* (J. Coytisolo).

Однако анализ более широкого контекста убеждает нас в том, что между существительными el coche — un Peugeut 403 с помощью связки осуществляется подведение видового понятия el coche (ибо речь идет не об автомобиле вообще, а о конкретной машине) под родовое un Peugeut 403, поскольку «род» (класс) машин данной марки составляется из отдельных «видов» (экземпляров) данной конструкции. Примерно так же можно объяснить и следующее выражение из "Manual de gramática española" Рафаэля Секо: el periódico es un periódico determinado. Без учета контекста может показаться, что понятие, выражаемое формой el periódico, шире, чем то, которое заключено в un periódico determinado. Однако из предыдущего читателю должно быть ясно, что членная форма el periódico взята из примера tráeme el periódico de hoy, иллюстрирующего способ обозначения конкретного предмета (газеты). Следовательно, во фразе el periódico es un periódico determinado предмет (здесь «газета»), обозначаемый подлежащим как «видовое» понятие, подводится под более широкое «родовое» понятие «определенных предметов» (здесь «газет»).

2. Неопределенный артикль может представлять имя существительное со значением несоотнесенности. В этом случае имя существительное не соотносится с каким-то конкретным предметом, а указывает лишь на то, что любой представитель данного класса предметов причисляется именно к этому классу, замещает все предметы этого класса, обладает всеми признаками любого другого предмета данного класса. В этом обобщающем значении неопределенный артикль синонимичен определенному артиклю:

Un hombre de conciencia no defrauda los intereses de la verdad (J. Ribera y Tarragó); Hubiera querido ser hombre. *Un hombre* (A. M. Matute).

В первом примере замена un hombre на el hombre была бы возможной без существенного изменения смысла. Разница между построениями un + существительное — el + существительное состоит в том, что форма el как бы отграничивает все предметы того класса, которые названы именем, от всех других классов предметов, форма un как бы причисляет любой предмет, названный данным именем, к тому же самому классу. Членная форма с артиклем un как бы «вбирает» в себя все качественные характеристики

того класса предметов, которые она представляет (замещает). Поэтому в ряде случаев формы существительных с el и с un не могут взаимозаменяться: el hombre (= la humanidad) comienza a dominar las fuerzas de la naturaleza. Здесь подстановка un hombre была бы невозможна. Пример, в котором нечленная форма hombre (Hubiera querido ser *hombre)* приравнивается (это следует из содержания высказывания) членной форме un hombre *(Un hombre),* свидетельствует о наличии качественной характеристики в существительных, сопровождаемых артиклем un.

Имена вещественные с неопределенным артиклем переходят в разряд считаемых (исчисляемых):

El fumador busca específicamente *un tabaco,* ¡tal o cual tabaco! (F. Ortiz). Следовательно, el tabaco 'табак' и un tabaco 'сорт табака' — разные слова и «поведение» их в категории соотнесенности / несоотнесенности должно рассматриваться раздельно.

Имена абстрактного значения, употребляемые с неопределенным артиклем, часто покидают свой разряд и переходят в имена конкретного значения:

...pasando frío y calor para ganar *una miseria* (F. Avalos). Здесь una miseria означает 'мизерный, ничтожный заработок' и тоже противопоставляется абстрактному la miseria 'нищета' как особое слово. Ср. еще один пример:

Un turismo ('туристский автобус', а не 'туризм') me sigue a pocos minutos (J. Goytisolo).

Во многих случаях неопределенный артикль не переводит имя существительное в разряд имен конкретного (предметного) значения, а придает этому имени частное значение и представляет его (имя) в категории соотнесенности:

Pepe Rey sinitió *una emoción* profunda (B. Pérez Gal dós).

Обычно в этих случаях существительное сопровождается определениями.

ОТСУТСТВИЕ АРТИКЛЯ

В системе артиклевых форм так называемое «значимое отсутствие артикля» занимает особое место по сравнению с материально выраженными el, un. Отсутствие материальной выраженности затрудняет установление значений этого «нулевого» артикля. Следует обратить внимание на тот факт, что и в случаях, когда мы говорим о значениях el,

un, речь идет не о самостоятельном грамматическом значении el, un, а о грамматических значениях имени существительного, сопровождаемого этими формами. Таким образом, и в случаях отсутствия материально выраженных форм el, un необходимо определить грамматический смысл имени существительного, употребленного в нечленной форме. В связи с тем, что мы замечаем отсутствие артикля на фоне членных употреблений имени (членных форм имени), можно воспринимать это отсутствие не просто как отсутствие (в этом случае было бы неправомерно говорить о семантических вариантах отсутствия) и не как «третий» артикль, а именно как одну из форм выражения категории соотнесенности наряду с формами существительных, сопровождаемых определенным и неопределенным артиклем.

Нечленные формы имени выступают со значением несоотнесенности в следующих типичных случаях:

1. Когда существительное выступает в функции дополнения и теряет при этом ярко выраженный характер предметности, приобретая оттенок качественности:

El patio era *de tierra* (H. Quiroga); Florinda había llevado su olor *a pueblo* y *a supersticiones* (M. de Carrión).

2. Когда существительное выступает в обстоятельственных группах, теряя в известной мере свою предметную самостоятельность :

Rogelio la acogió *con autoridad* y *dulzura* (M. de Carrión); Doña Ana tomó su partido *con valor* (J. Valera); Vuelan *de hombre en hombre, de amor en dolor* de hombre, *de pena en regocijo* de hombre (A. Yunque).

В тех случаях, когда существительное отключено от обстоятельственной группы определениями (например, определительным придаточным предложением), оно употребляется в членной форме:

Me dirigí a casa de Santiago Hermida *con la esperanza* de que también fuera para ella (L. Felipe Rodríguez); Fue esa noche y la madre lo recibió *con una discreción,* que asombró a Nebel (H. Quiroga); *con la franqueza* que es propia de mi carácter (B. Pérez Gal dós).

В примере из романа Кармен Лафорет "Nada":

Llegué a *casa* con *dolor* de *cabeza;* me extrañó *el* gran *silencio* que había a *la hora* de *la cena* первые три существитель-

ные употреблены в нечленной форме casa, dolor, cabeza; вторая серия существительных выражает при помощи определенных артиклей определенную соотнесенность el silencio, la hora, la cena. Почему первые три фигурируют как несоотнесенные? Первое (casa) входит в наречный оборот a casa, второе (dolor) образует с предлогом con косвенное дополнение con dolor, третье (cabeza) при помощи предлога de модифицирует (определяет) предыдущее: (dolor) de cabeza.

3. Когда существительное является именной частью · сказуемого, не обозначая при этом родового понятия, но как бы акцентируя признак предмета с качественной стороны:

Por eso en Cuba es *mestizo* el blanco, es *mestizo* el negro y es *mestizo*... el mestizo (N. Guillén).

Пример этот чрезвычайно показателен для уяснения значения нечленной формы имени. Совершенно ясно, что такие термины, как «белый» (т.е. во всяком случае не метис), «негр» (т.е. тоже не метис) не могут подводиться под родовое понятие «метис». В третьем случае было бы и вовсе странно, просто невозможно, понимать отнесение метиса к родовому понятию «метис». Этот последний пример особенно наглядно свидетельствует о различном содержании членной и нечленной формы одного и того же имени. Особое значение существительного mestizo как раз и Позволяет приравнивать к нему el blanco (т.е. не метиса), el negro (тоже не метиса) и el mestizo (т.е. и самого метиса, «потомка от браков представителей различных человеческих рас»). Нечленная форма mestizo в предикативной функции характеризует здесь не принадлежность белого, негра и метиса к «потомкам от браков представителей различных человеческих рас», а с качественной стороны (например, по сходности положения в обществе). Ср. следующий пример:

Yo he nacido en este pueblo, soy *argentino*... Tarro es hijo de vascos, pero él no es vasco; Facón es hijo de calabreses, pero él no es *catabres;* Gol es hijo de dinamarqueses, pero él no es; Patasnegras es hijo de turcos, pero él no es *turco;* Bocha es hijo de alemanes, pero él no es *alemán;* Caroso es hijo de gallegos, pero él no es *gallego.* Y yo soy hijo de argentinos, porque mi papá y mi mamá son argentinos, nacidos en la Argentina; soy *argentino* (A. Yunque).

Кажется, что нечленное употребление существительного argentino в начале и в конце примера противоречит тому, что было сказано по поводу es mestizo. Однако следует обратить внимание на все остальные случаи: no es vasco, no es calabrés и т.д. В них как бы отрицается то, что утверждается в первой части каждой фразы: «Такой-то — сын родителей басков», но вместо ожидаемого «он баск» утверждается обратное. Значит здесь отрицается не национальная принадлежность, а наличие каких-то свойств, черт характера и т.д., которые давали бы право сыну родителей басков называться баском. В связи с этим выражение soy argentino должно пониматься как утверждение, что данный человек, сын родителей аргентинцев, является к тому же и настоящим аргентинцем.

4. Когда имя существительное обозначает вещество (имена вещественные):

¿No podría facilitarme un poco de *pan* y *carne?* (H. Wast).

Отсутствие артикля у существительного, выступающего в функции о б р а щ е н и я , требует особого объяснения. Обращение используется в особой речевой ситуации, предполагающей особую внелингвистическую ситуацию. В речевом плане мы имеем здесь диалогическую форму, а особенностью внелингвистической ситуации является присутствие лица (реального или предполагаемого), которому адресуется обращение. Имена, используемые в качестве обращения, señor, mamá, capitán и т.д., не называют самые «предметы», а служат для указания адресата (привлечения внимания адресата и т.д.), т.е. лица, к которому обращена речь. В ситуативном плане это единственное, конкретное лицо и, казалось бы, само имя señor, mamá, capitán должно было бы оформляться определенным артиклем (для выражения определенной соотнесенности). Но обращение не входит в состав сообщения, и поэтому имя не должно квалифицироваться как определенно соотнесенное или тем более как неопределенно соотнесенное.

Выше были перечислены наиболее типичные (т.е. наиболее часто встречающиеся) случаи использования членных (с el, un) и нечленных форм имени, В принципе всякое существительное может фигурировать как с определенным артиклем, так и с неопределенным или без артикля (soy el profesor, soy un profesor, soy profesor). Разумеется, свойства имени обозначать считаемые предметы или несчитаемые, конкретные или абстрактные влияют на преиму-

щественное использование тех или иных артиклевых форм имени или нечленных форм. Решающим обстоятельством для говорящего является понимание того, что имя должно быть представлено как соотнесенное или несоотнесенное. Говорящий знает (должен знать), какую форму имени он обязан употребить, чтобы представить это имя в соответствующей категории, ибо вне этой категории в современном языке имя существительное фигурировать не может.

Хотя в ряде случаев и существует грамматическая предуказанность использования той или иной членной или нечленной формы имени, решающим обстоятельством опять-таки является осмысление этого имени в категории соотнесенности / несоотнесенности. В следующем примере: Esta es *la* mejor medalla que podía darme la Agrupación (J. Izcaray) артикль la (la mejor medalla), будучи элементом формы превосходной степени прилагательного (la mejor), функционально выражает значение определенной соотнесенности. В примере: A *la* mañana siguiente se me preparaba una gran sorpresa (B. Peréz Galdós) определенный артикль la стоит не потому, что этого требует грамматическая форма (1a ... siguiente не составляют формы) и не потому, что существительное mañana сопровождается прилагательным siguiente, а потому, что это имя внутри категории соотнесенности / несоотнесенности должно быть представлено именно как определенное по общему смыслу высказывания: понятийный смысл определенной соотнесенности передается лексически словом siguiente (следующее за нынешним днем .первое утро), грамматический смысл передается посредством членной формы имени. Употребление другой членной формы (una mañana) или нечленной формы (mañana) привело бы к резкому конфликту грамматики с логикой (и просто со здравым смыслом), хотя употребление 1a при наличии siguiente может показаться тавтологичным, избыточным. Однако на самом деле здесь нет тавтологии, ибо элементы грамматики и лексики не лежат в одной плоскости, хотя и соотносятся определенным образом в сознании. Грамматика может проявить (и проявляет) автономию. Возьмем следующий пример: Ana llevaba *una* trenza, *una* única, gordísima trenza que le resbalaba sobre el pecho hasta la cintura (C. Lafo-ret). С логической, понятийной точки зрения прилагательное única (а прилагательное в превосходной степени gordísima и по форме), кажется, должно предуказывать определенную соотнесенность (уникальная и самая толстая

коса) и, следовательно, в грамматическом выражении нужно ожидать определенный артикль la única, gordísima trenza. Однако автор в нарушение привычного параллелизма понятийного и грамматического ставит артикль **una,** несколько модифицируя тем самым содержание высказывания: лексико-грамматические средства (única, gordísima) заставляет соотносить (в понятийном плане) существительное trenza с определенным предметом, а **una** грамматически не подтверждает этой определенной соотнесенности, наделяя все высказывание значением оценочности, поскольку артикль **una** «причисляет» уникальную, в высшей степени толстую косу к разряду уникальных, в высшей степени толстых кос и придает существительному значение неопределенной соотнесенности.

При практическом изучении так называемых «употреблений» артикля в большинстве случаев речь должна идти не о том, можно или нельзя употребить тот или иной артикль или «опустить» его, а о том, какое содержание передается благодаря выбору той или иной формы, соответствует ли выбранная форма намерению говорящего выразить данную мысль и вообще правильно ли формулируется сама мысль. Большинство «грамматических» запретов относится на самом деле не к области грамматики, а к области логики или здравого смысла. С глаголом contar нельзя употребить форму un dinero не потому, что глагол не допускает эту форму, а потому что существительное dinero с артиклем **un** не согласуется по смыслу. Считать можно только некую сумму денег (contar el dinero) или вообще вести счет деньгам (contar dinero). Если говорящий хочет выразить мысль, что такой-то человек любит деньги, то единственно правильным выражением этой мысли будет построение Fulano ama *el* dinero. Другие построения (ama dinero, ama un dinero) не выразили бы этой мысли. Бывает и так, что одна и та же мысль может быть выражена двумя способами. Так, él habla *castellano* и él habla *el castellano* передают одну и ту же мысль. Разница в значении трудно уловима. В первом случае мы имеем соответствие русскому «он говорит по-испански», а во втором — «он говорит на испанском языке». Первый способ можно сопоставить с «адвербиальным» обозначением техники говорения (ср. греч. barbarizein, лат. latine loqui), второй способ четко передает «субстанциональный» характер техники говорения[1].

[1]См.: E. C o s e r i u. Der Mensch und seine Sprache. Tubingen, 1968, стр. 69.

КАТЕГОРИЯ СООТНЕСЕННОСТИ В РАЗРЯДЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Имена собственные, как правило, не вовлекаются в категорию соотнесенности / несоотнесенности, - очевидно, вследствие специфики имени собственного, которое, в отличие от имени нарицательного, закреплено за данным лицом, служит для названия данной местности и не имеет свойства имен нарицательных обозначать общее и частное.

Однако имена собственные (лиц и географических названий) могут иногда вовлекаться в категорию соотнесенности и, следовательно, получать значение определенной и неопределенной соотнесенности:

Conque *un Luzardo* en la casa de *un Barquero... El Luzardo* no viene a matar y *el Barquero* ofrece el mejor asiento que tiene (R. Gallegos).

Первая пара имен собственных представлена в категории неопределенной соотнесенности, вторая — в категории определенной соотнесенности. В примере un Brasil, un Uruguay, una Argentina de oro (R. Darío) названия стран выступают в категории неопределенной соотнесенности, подобно именам нарицательным. Членное имя un Brasil (de oro) мыслится как бы на фоне подобных «предметов» с другими качествами и свойствами (un Brasil de café, un Brasil de hoy и т.д.). В разговорном языке имена лиц могут употребляться с определенным артиклем в категории определенной соотнесенности:

— Somos cinco y *la Martina* (примерно: моя Мартина) espera otro (J. Goytisolo); — Voy a venir con *el Rómulo,* con *el Rosendo* y *el Angelito* (A. Nazoa); — Hoy *la Luisa* no ha venido; — Seguro que una de ellas fue *la Encarna* (F. Avalos).

В ряде случаев определенный артикль употребляется с географическими названиями гор, рек, морей (los Pirineos, el Ebro, el Mar Negro), стран (el Perú, el Canadá), городов (la Coruña, la Haya). Однако эти членные формы (с определенным артиклем) не противопоставляются другим формам и, следовательно, не выступают в категории соотнесенности / несоотнесенности.

В заключение еще раз подчеркнем, что возможность выбора различных форм свидетельствует о том, что для грамматического оформления категории соотнесенности / несоотнесенности решающее значение имеют самые общие

свойства имени (обозначать общее и единичное), а не частные свойства имени (отражение конкретных понятий, абстрактных понятий, единственное и множественное число и т.д.) или семантика зависимых или управляющих слов.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Значением прилагательного как части речи является его свойство характеризовать качества или признаки, присущие предмету. Уже "в силу этого своего свойства прилагательное грамматически соотнесено с существительным. В испанском языке эта сопряженность проявляется в совпадении грамматических категорий рода и числа. Формы рода и числа прилагательных являются формами грамматического согласования с существительным. Наличие «особых вариантов для согласования»[1] позволяет формально обозначить синтаксические функции прилагательных, выступающих в качестве определения и именной части сказуемого[2]. В отличие от существительных, каждое из которых принадлежит к форме мужского или женского рода, прилагательные характеризуются мобильностью родовых форм и реализуют противопоставление по признаку рода в пределах одной лексемы.

При наличии морфологической или, точнее говоря, структурной близости прилагательных и существительных (принимая во внимание сходство способов словообразования тех и других имен) важным различительным (категориальным) признаком прилагательных является их свойство изменяться по степеням сравнения[3].

[1] Ср.: Ю. С. Мартемьянов, И. И. Мугдусиева. Французский язык. М., 1966, стр. 31.

[2] «Однако формы рода, числа и падежа имен прилагательных, — пишет В. В. Виноградов, — выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи» (Русский язык. М.-Л., 1947, стр. 182).

[3] Автор «Структурной грамматики» Э. Аларкос Льорак вслед за Ельмслевым характеризует прилагательное как группировку плерем (плеремой в глоссемантике называется единица содержания) CANG (где C — caso 'падеж', A — artículo 'артикль', N — número 'число', G — género 'род'). Если сопоставить эту формулу с морфематической формулой существительного CANG, то мы увидим, что они полностью совпадают. Единственное, что различает существительное и прилагательное, по мнению Э. Аларкоса, это возможность выбора определенного артикля и артикля среднего рода. Для существительных плерема A реализуется кинемой (единица выражения) el : el bueno, а для прилагательных кинемой lo : lo bueno (E. Alarcos Llorach. Gramática estructural, стр. 91—92).

Имена прилагательные можно разделить на два разряда: качественные и относительные. Качественные прилагательные обозначают признак (качество, свойство) предмета непосредственно, безотносительно к другому предмету: bandera *roja,* techo *bajo,* casa *pobre,* paso *ligero,* corral *abierto,* agua *dulce.* Относительные прилагательные выражают признак предмета не непосредственно, а как связанный с другим предметом, через отношение к другому предмету: vida *estudiántil,* año *escolar,* ciclo *anual,* revista *semanal,* rebaño *ovejuno,* sombrero *cordobés.* Такое деление не является традиционным в испанской грамматической литературе. Однако именно это деление представляется наиболее оправданным с грамматической точки зрения.

А. Бельо, придерживаясь чисто функционального принципа описания прилагательных, не делит их на разряды. Р. Секо, также опираясь на функциональные свойства прилагательного «сопровождать» и «модифицировать» существительное, напротив, предлагает разделить их «по значению» и «по конструктивному признаку» (por su construcción). По значению прилагательные делятся автором на качественные (calificativos) и определительные (determinativos), т.е. так же как в Грамматике Испанской академии (Gram. Ac, 27). В разряд определительных он включает все местоимения, могущие выступать в определительной функции (demostrativos, indefinidos, posesivos, cuantitativos, distributivos, interrogativos), а также все разряды числительных (cardinales, ordinales, múltiples, partitivos). По конструктивному признаку прилагательные делятся на атрибутивные и предикативные (Seco, 23—28). По-видимому, Р. Секо следует за Р. Ленцем, который также различал прилагательные в атрибутивной и предикативной функции, но в отличие от него некритически воспринял «деление по значению», предложенное Академией. Сам Р. Ленц предлагает несколько иное «деление по значению»: прилагательные типа bueno, malo он называет atributos cualitativos или calificativos (т.е. качественные); mucho, poco, alguno определяются им как adjetivos determinativos cuantitativos; «прилагательные указательные» (este libro, aquella casa) он предлагает называть determinativos locales (т.е. определительные прилагательные места). К этому разряду автор относит прилагательные exterior, interior, superior, anterior, posterior, cercano, lejano, отмечая при этом, что прилагательные anterior, posterior, cercano, lejano входят также в разряд determinativos temporales

(La oración..., 144—**146).** М. Криадо де Валь относит к прилагательным слова, которые служат «дополнением к существительному» (complemento al sustantivo), и называет их качественными или предикативными. К этой же части речи автор относит числительные на том основании, что они имеют «сравнительную» и «квалификативную» функции: Dada su función comparativa y calificadora, creemos que su más propio lugar está junto a las otras formas de comparación (M. Criado de Val, 78).

Наиболее традиционной классификацией в испанских грамматиках является деление прилагательных на качественные и определительные. Под определительными понимаются, по существу, все «прономинальные прилагательные». На первый взгляд может показаться, что это деление удачно объединяет грамматическую и лексическую классификации. Однако спорным является включение местоимений в класс прилагательных. Тот факт, что указательные, притяжательные и другие местоимения могут выполнять функцию, свойственную прилагательным (определительная функция), не дает достаточных оснований для отнесения местоимений к классу прилагательных. Напротив, существенные различия семасиологического, морфологического и функционального характера убеждают в правомерности отнесения bueno, malo, grande, hermoso, anual, vacuno и т.д. к классу прилагательных, а este, mío, uno, alguno и др. — к классу местоимений. Факты функциональных или морфологических совпадений известны не только в классе прилагательных и местоимений, но и в других классах (например, у прилагательных и существительных), однако деление имен на прилагательные и существительные является вполне оправданным.

Что касается семантических классификаций, то они могут быть полезны, поскольку способствуют лучшему пониманию природы имени прилагательного. Действительно, важно и полезно отметить, что «некоторые прилагательные характеризуют внутренние качества и свойства существительного» (blanco, español), что «другие прилагательные указывают на положение предмета в пространстве» (lejano, próximo). Важно отметить также, что прилагательное madrileño имеет семантическую параллель в конструкции de Madrid, что muerto не дает степеней сравнения, что bajo способно комбинироваться с суффиксом **-ito** (bajito), а прилагательное amable такой способностью не обладает. Однако для грамматиста полезно найти общие

грамматические основания для деления. Нам кажется, что деление имен прилагательных на качественные и относительные имеет такие основания.

Качественные прилагательные характеризуются следующими признаками:

1. Способностью образовывать степени сравнения (largo 'длинный', más "largo" 'более длинный', el más largo 'самый длинный', 'наиболее длинный'), а также образовывать формы, передающие высшую степень качества, безотносительно к сравнению:

Uno de *los mayores* y *más difíciles* empeños de tabaqueros, es mantener siempre en su *acreditado* tabaco la invariación de una *buena* cualidad; ... el habano sea *el mejor* del mundo; *la inferior* «clase social» de los tabacos (F. Ortiz); los *ligerísimos* movimientos que alcanzaba a dar al timón; el motor llevado a su *máxima* potencia (A. Asturias); La seguidilla gitana del cante jondo, *la más pura* expresión de la lírica andaluza (F. García Lorca).

2. Способностью модифицироваться при помощи различного рода наречий, обозначающих меру качества, характер его проявления:

...entre chiquillos *medio* desnudos; *Muy* alto, altísimo, pero *perfectamente* visible se vió pasar otro avión (A. Asturias); Era entonces Granada... la ciudad *menos* pictórica del mundo; la imagen *siempre* poética (F. García Lorca); estaban *ya medio* borrachos (A. M. Matute); su hijo *así* chiquillo (M. A. Menéndez).

3. Свойством некоторых прилагательных при помощи суффиксов и префиксов образовывать производные, выражающие оттенки и степени качества, субъективную оценку свойств и качеств: negro 'черный', negruzco, negral, negrizco 'черноватый', gris 'серый', grisáceo 'сероватый'[1]:

Está muy *enfermito* del estómago; estoy *delgadito* (B. Pérez Galdós); agua azul y muy *fresquecita* (M. Azuela); mercarlas tan *recaras* (A. Asturias).

4. Способностью служить производящей основой для образования наречий: а) путем прибавления к основе прилагательного суффикса **-mente** (для прилагательных двух окончаний к форме прилагательного женского рода): inú-

[1] Примеры взяты из словаря: L. Martínez Calvo. Diccionario ruso-español. Barcelona, 1965.

til — inútilmente, fuerte — fuertemente, claro, -a — claramente:

Y qué *inútil,* qué *inútilmente* bocinaba (A. Asturias), б) путем транспозиции формы прилагательного мужского рода в неизменяемое наречие:

¡Qué *lindo* lunarcito! (A. Asturias); Jineteó *lindo* (B. González Arrili).

В первом примере lindo — прилагательное, во втором — наречие.

5.Свойством образовывать антонимические пары: cómo do — incómodo, útil — inútil, quieto — inquieto, desinquie
to, alto — bajo, rico — pobre.

6.Возможностью использования основ прилагательных для образования существительных при помощи различных
суффиксов: blanco — blancura, amarillo — amarillez, rico —
riqueza, valiente — valentía, audaz — audacia и т.д.

Amarillez de los trigales, *rojura* de los berbechos (B. Soler).

Относительные прилагательные не обладают перечисленными выше признаками качественных прилагательных. Общее семасиологическое значение относительного прилагательного может быть определено как значение «относящийся к предмету», «свойственный предмету». Конкретно оно может передавать отношение к лицу (mente infantil, acción quijotesca), к животному (año taurino, hambre canina), к собственно предмету (comida casera), к отвлеченному понятию (año financiero), к месту (señores lugareños), к времени (información mensual), к числу (la dulce chiquilla quinceañera — A. Nazoa). Между относительным прилагательным и конструкцией предлог de+существительное установились синонимические отношения: señores lugareños — señores de lugar. Однако эта симметричность, базирующаяся на одноосновных соответствиях (lugareño — de lugar, perruno — de perro),—не единственный тип параллельных употреблений. Так, синонимом nocturno является сочетание de noche. Ср. canino— de perro, infantil — de niño, taurino — de toro.

Для относительных прилагательных характерна постпозиция по отношению к определяемому существительному в отличие от качественных, которые употребляются и в препозиции, и в постпозиции.

Разряд относительных прилагательных количественно ограничен, по сравнению с разрядом качественных прила-

гательных. В некоторых случаях конструкция de+существительное не имеет параллелей в разряде относительных прилагательных (например, при выражении отношения к материалу: la casa de madera, к времени: el accidente de hoy и др.)· Некоторые прилагательные, относящиеся к классу ученых образований (voces cultas), вроде aurífero, полностью вытеснены конструкцией de oro. Ряд нормативных запретов также ограничивает использование относительных прилагательных: можно сказать bancarrota financiera, но нужно сказать ministerio de finanzas. Р. Ленц считает неправильными употребления: progresos comerciales (нужно: progreso de comercio), ingeniero industrial (он предлагает: ingeniero de minas (La oración..., 153).

Относительные прилагательные, обозначающие географическую принадлежность, кроме общих свойств, характерных для всего разряда, имеют индивидуальные черты, которые проявляются в специфике суффиксального оформления моделей. Для так называемых nombres gentilicios характерны суффиксы **-eno, -ense, -ero, -és, -ano, -eno** и некоторые другие. Своеобразие словообразовательных моделей этого подразряда можно иллюстрировать на примерах, когда прилагательные моделируются от основ имен собственных, возникших из нарицательных. Так, имена нарицательные cabeza, arroyo, bosque, campo, cabra, став географическими названиями Cabeza, Arroyo, Bosque, Campo, Cabra, дают относительные прилагательные cabeceño, arroyeno (arroyano), bosqueño, campeño (campés, campense, camponense), cabrense (cabreño, cabrileño). От имен нарицательных прилагательные образуются по другим моделям (например, cabezudo, campestre). В ряде случаев производные относительные прилагательные отсутствуют (например, от arroyo, bosque).

«Граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна»[1], — пишет В. В. Виноградов по поводу русских прилагательных. То же можно сказать и об испанских прилагательных[2].

[1] «Русский язык». М.—Л., 1947, стр. 204.

[2] См. подробнее по этому поводу: О. И. Липатова. О границах качественного и относительного прилагательного в испанском языке. — «Ученые записки ЛГУ», № 299. Серия филологических наук. Вып. 59, 1961, стр. 116 — 122; ее же: О стилистических возможностях относительного прилагательного в испанском языке. — «Ученые записки ЛГУ», № 232. Серия филологических наук. Вып. 35, 1958, стр. 125-140.

Однако эта подвижность, так сказать, однонаправленна она проявляется в относительных прилагательных, которые приобретают качественный характер, а в связи с этим и грамматические признаки качественных прилагательных:

...el dolor le pellizcó su *infantil* conciencia de hombre (J. M. López).

В этом примере определение ч1е hombre исключает понимание infantil как относительного прилагательного. Ср. другие примеры:

El fino y *otoñal* perfume de los membrillos(F.García Lorca).

Здесь прилагательное otoñal соположено с качественным прилагательным fino не только как однородный член в грамматическом смысле, но и в лексико-грамматическом. Эта рядоположенность подчеркивается соединительным союзом у. О переходе относительных прилагательных в качественные свидетельствуют различные грамматические приметы, свойственные качественным прилагательным (см. выше):

...el río tan *caimanoso* (R. Gallegos); Es tan parecido todo... tan *mejicano* (H. Quiroga); La quijotada fantástica del manchego imaginario atacando a los molinos de viento es menos típica, menos *española,* menos sublime (N. Espinosa Cordero); su voz aceitunada... más *aceitunada* que nunca; más *goethiano* de mis amigos (F. García Lorca).

РОД ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Каждое прилагательное выступает в двух родах, мужском и женском, соединяясь с соответствующим существительным, которое всегда имеет грамматическое значение либо мужского, либо женского рода. В соответствии с морфемной (или морфофонемной) структурой конца слова прилагательные делятся на прилагательные двух окончаний и одного окончания.

К прилагательным д в у х о к о н ч а н и й относятся: 1) прилагательные на -о в мужском роде, принимающие в женском роде окончание -а (hermoso — hermosa); 2) прилагательные, оканчивающиеся на согласный и обозначаю-

щие национальную принадлежность, происхождение **и** т.д.; в женском роде они имеют форму с окончанием -а (español — española, cordobés — cordobesa). К этому же типу относятся некоторые производные прилагательные с суффиксами -ón, -or (comilón — comilona, trabajador — trabajadora).

Прилагательные bueno, malo перед существительными мужского рода единственного числа употребляются в усеченной форме: buen hombre, mal hombre; Explique usted, *buen* hombre, ¿qué va a decir ahí? (R. Gallegos).

Прилагательное grande может терять последний слог перед существительными мужского и женского рода единственного числа: gran hombte, gran cosa: Pero aquel fuego mal dirigido no valía *gran* cosa (B. Pérez Galdós).

Прилагательные одного окончания имеют одну общую форму для обоих родов. К этой категории относятся прилагательные, оканчивающиеся на согласный или на гласный (кроме -о): cielo azul, blusa azul; muchacho valiente, muchacha valiente, periódico belga, revista belga.

ЧИСЛО ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Правила образования множественного числа прилагательных те же, что и у существительных (см. стр. 34).

Особые случаи согласования прилагательного с существительным

Так называемые особые случаи согласования возникают в связи с тем, что прилагательное может относиться в конкретном высказывании не к одному, **а** к двум или нескольким существительным, имеющим различную или одинаковую родовую принадлежность, различное или одинаковое грамматическое значение числа. Помимо разнообразных комбинаций в роде и числе существительных, меняется и линейное расположение прилагательного, что тоже необходимо учитывать при описании «особых случаев».

Если прилагательное стоит перед двумя или более существительными, то оно согласуется с первым из них: hombre de *mucha* experiencia y talento.

Если прилагательное стоит после двух или более существительных, то правила и нормы согласования зависят от однообразия или разнообразия форм рода и числа существительных: 1) с несколькими существительными единственного числа одного и того же рода прилагательное употребляется во множественном числе данного рода: la lengua y literatura *españolas*[1], el lenguaje y el estilo *españoles', 2)* с несколькими существительными в единственном числе разных родов прилагательное в функции определения согласуется обычно с последним из существительных: la maestría y talento *raro.* Прилагательное в предикативной функции обычно ставится во множественном числе мужского рода: A Pedro le gustaba el ruido de vino y el agua al ser *vertidos* (A. M. Matute); Su chaqueta y sombrero eran nada *nuevos* (A. Palacio Valdés); 3) при нескольких существительных во множественном числе разных родов прилагательное согласуется с последним из существительных: las revistas y periódicos *españoles,* los periódicos y revistas *españolas;* 4) при нескольких существительных разных родов и чисел прилагательное обязательно ставится во множественном числе и обычно в форме мужского рода: las aulas y el corredor *llenos* de estudiantes.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Принимая этот традиционный термин, следует помнить правильное замечание Р. Ленца о том, что в данном случае речь идет не о «сравнении прилагательных», а о сравнении существительных, характеризующихся прилагательными в формах, которые передают различную степень качества (La oración..., 184).

Обычно испанские грамматики выделяют три степени сравнения (по Ленцу три формы градации: tres diferentes formas de gradación. — La oración..., 208): 1) положительную (positivo), т.е. такую форму прилагательного, которая называет качество предмета, безотносительно к качеству других предметов; 2) сравнительную (comparativo), предполагающую сопоставление (сравнение) степени качества

[1] Впрочем, М. Криадо де Валь указывает и на другую возможность Lengua y Literatura española, подчеркивая отсутствие твердых правил и слабую изученность всей проблемы в целом (M. Criado de Val, 73).

у данного предмета с наличием этого же качества у другого или у других предметов; 3) превосходную (superlativo), указывающую на то, что предмет наделен высшей степенью данного качества по сравнению с другими предметами: largo — más largo — el más largo, larguísimo (по степени убывания качества: largo — menos largo — el menos largo); bueno — más bueno — el más bueno, bonísimo или bueno — mejor — el mejor.

Если в понятийном (логическом) плане наличие подобных «триад» неоспоримо, то вопрос о грамматической их трактовке не столь прост и ясен. Испанские грамматики обычно трактуют формы категории степеней сравнения в чисто морфологическом плане.

Однако существуют и другие мнения. Р. Ленд считает, например, что полная шкала градаций (в формальном плане) существует в санскрите, в греческом и латинском, в неолатинских же языках, в том числе и испанском, эта формальная регулярность нарушена (La oración..., 190—208).

Р. Секо полагает, что в испанском языке не существует специальных морфологических средств для передачи грамматического значения сравнительной степени кроме четырех форм: mejor (от bueno), peor (от malo), mayor (от grande), menor (от pequeño). Другие четыре формы — anterior, posterior, superior, inferior — можно отнести к сравнительным только по смыслу (por el sentido), а не по морфологической структуре (no por la construcción). В доказательство этого автор пишет: «Нельзя сказать Juan es inferior que Pedro, но можно сказать inferior a Pedro». Однако Р. Секо указывает, что выражение «относительной сравнительной» степени достигается аналитическими средствами, а именно препозиционным использованием наречий más, menos, tan, передающих сравнение в разрядах superioridad (más negro), igualidad (tan negro), inferioridad (menos negro). Что касается превосходной степени, то по смыслу форма на **-ísimo** является обозначением «абсолютного превосходства» и не относится к степеням сравнения (кроме máxirno и mínimo). Из всего этого делается вывод о том, что передача отношений качества не относится к морфологии и должна рассматриваться в синтаксисе (R. Seco, 30—33).

М. Криадо де Валь рассматривает вопрос о степенях сравнения в разделе, озаглавленном «Интенсивность» (Intensidad). Свойство прилагательного передавать различные степени интенсивности качества автор считает (наряду с

категорией согласования) важнейшей грамматической характеристикой этой части речи. Однако из перечисления способов передачи значения интенсивности следует, что автор описывает данную категорию, опираясь на формулу «мысль—> язык», ибо перечень содержит весьма различные способы и средства: остаточные синтетические латинские формы (mejor, peor, buenísimo), относительные сравнения (más ... que, menos ... que), перифразы (el más alto, la casa mas pequeña), оценочные суффиксы (pequeñito, grandote), использование наречий, прилагательных и целых «фраз» (mucho, todo, lo más и т.д.). В число «форм» сравнительной степени автор включает наречия (bastante, más, menos и т.д.), «перифрастические обороты» (el más alto). К формулам аналитического сравнения относятся не только элементы más, menos, tan, но и союзные слова que, como. К синтетическим латинским формам сравнения М. Криадо де Валь причисляет не только mejor, peor, menor, mayor, но и superior, inferior, interior, exterior, anterior, posterior.

Еще более пестрый набор средств выражения автор предлагает в разделе "El superlativo". Сюда относятся: абсолютная форма суперлатива, сложная относительная «формула», состоящая из артикля el (la), сравнительного más и предлога de (El mejor de los tres)[1], формы на **-ísinio,** «древнеевропейский суперлатив» типа rey de reyes, señor de señores, «средневековый суперлатив» типа Todo vicio del mundo, префиксальные образования с **re-, super-, sobre-, extra-,** эмфатические повторы muy bueno, muy bueno и т.д. (M. Criado de Val, 75—77).

Н. А. Катагощина и Е. М. Вольф, признавая наличие в классе прилагательных испанского и португальского языков категории степеней сравнения, склонны относить так называемую абсолютную превосходную степень (larguísimo, altísimo) к словообразованию и, по-видимому, исключают ее из грамматической категории степеней сравнения. Другие способы выражения степеней сравнения авторы относят к синтаксическим сочетаниям, приводя португальские примеры mais feliz do que, menos feliz do que, táo feliz como. Далее указывается, что у небольшого числа прилагательных «в этих конструк-

[1] Именно этот пример фигурирует в тексте, а не El más... de los tres.

циях» используются коррелятивные слова: исп. bueno — mejor, порт, bom — melhor[1].

Э. И. Левинтова и Е. М. Вольф в книге «Испанский язык» отмечают, что в современном испанском языке степени сравнения не являются морфологической категорией и указывают, что для выражения степени качества употребляются свободные синтаксические сочетания наречий más, menos, tan с прилагательными alto, más (menos, tan} alto que (или como), el más (el menos) alto de. Далее отмечается, что наряду с этими «конструкциями» имеются супплетивные формы сравнения и что абсолютная превосходная степень образуется при помощи суффикса **-ísimo.**

Как видно из этого краткого обзора, мнения по поводу грамматической категории степеней сравнения, грамматического значения и грамматической формы существенным образом расходятся. Подавляющее большинство грамматистов сходятся, пожалуй, только в том, что в современном испанском языке такая категория имеется. Однако необходимо внести некоторые уточнения в определение этой категории и определить способы проявления (обнаружения) ее грамматичности.

Грамматическая категория степеней сравнения объединяет три грамматических значения: 1) грамматическое значение собственно сравнительной степени; 2) грамматическое значение положительной («исходной») степени; 3) грамматическое значение превосходной степени сравнения .

Формальными коррелятами соответствующих значений являются: 1) для собственно сравнительной степени — вспомогательное наречие más: más largo; 2) для положительной степени — отсутствие вспомогательного наречия: largo; 3) для превосходной степени — наличие определенного артикля при форме собственно сравнительной степени: el más largo. Тот факт, что для формального выражения значения сравнения используются не морфологические, а синтаксические средства, не лишает их свойств грамматической формы.

К вспомогательным наречиям нужно отнести наречие menos, при помощи которого также создаются формы степеней сравнения (largo — menos largo — el menos largo),

[1] Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. М., 1968, стр. 95.

обозначающие степени сравнения в порядке убывания интенсивности качества. Ср. несколько примеров:

El tío Lucas era *más feo* que Picio (P. A. de Alarcón); Tres ha dejado la pobre, este es *el más pequeño* (R. Valle Inclán); *la más brillante* empresa de las que hubo (N. Espinosa Cordero); El hidrógeno es un gas *menos pesado* que el aire atmosférico (Enciclopedia cíclico-pedagógica).

Так называемая «абсолютная превосходная степень» (larguísimo) не относится нами к категории степеней сравнения, поскольку ее значение не выражает сравнения: *Pobrísimo* río ceñía... el pueblo (B. Pérez Galdós). Формы на -ísimo указывают лишь на высокую степень качества, безотносительно к сравнению. Вместе с тем способность качественных прилагательных к образованию форм, передающих значение высшей степени качества, является важной отличительной чертой этого разряда прилагательных.

Наречие tan не следует, очевидно, квалифицировать как вспомогательное наречие в ряду формальных элементов, передающих значение сравнения в категории степеней сравнения, а можно отнести к свободным, неформализованным способам передачи идеи одинаковой интенсивности качества (tan ... como, наряду с así ... como и т.д.).

Некоторые прилагательные, унаследовавшие от латыни синтетические формы сравнительной степени (иногда их называют «неправильными») образуют особую модель степеней сравнения, которая существует наряду с типовой моделью: bueno — mejor — el mejor (bueno — mas bueno — el más bueno); malo — peor — el peor (malo — más malo — el más malo); grande — mayor — el mayor (grande — más grande — el más grande).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

В предложении имя прилагательное выполняет две основные функции:

1. Функцию определения существительного, выступающего в роли различных членов предложения:

Cruzamos una serranía *desierta;* Tres autobuses *diarios* cubren los nueve kilómetros (J. Goytisolo); envuelto en un *oscuro* y *áspero* poncho de lana; Cubríale la cara una barba *tupida* y *corta* (H. Wast); como vestido de hojas *viejas* (A. Asturias); vacas *mansas* y otras todavía *bravas* (R. Gallegos).

Ф. Диц был первым исследователем, поставившим вопрос о различии в постпозиционном и препозиционном употреблении атрибутивных прилагательных на романском материале. «Если... прилагательное, — писал он, — передает менее своеобразное и более общее свойство или свойство, по природе присущее понятию, и, следовательно, не несет на себе риторического ударения (rhetorisches Gewicht), то оно ставится на первом месте... Если это свойство индивидуализирующего или дифференцирующего характера, то прилагательное получает особое ударение и ставится на втором месте».[1] Эта концепция получила в дальнейшем название «логической», и в испанистике поддерживалась, развивалась и уточнялась Андресом Бельо, Рафаэлем Секо, В. Гарсией де Диего, Э. Мартинесом Амадор и др.[2].

Другое направление, «психологическое», ведет свое начало от Г. Гребера, который считал, что если прилагательное (французское) в постпозиции выделяет качество с чисто понятийной точки зрения, то препозиционное прилагательное «приписывает существительному качество в субъективно оценочном плане»[3]. Среди испанских грамматистов психологической интерпретации придерживаются Ф. Хансен, Р. Ленц, С. Хили и Гайа, М. Криадо де Валь и некоторые др.

Несмотря на ряд интереснейших, тонких и удачных частных суждений представителей и того и другого направления, структурно-грамматические (синтаксические) и семантические особенности линейного расположения атрибутивного прилагательного в испанском языке все еще остаются неизученными. Исследование этой с и н т а к с и ч е с к о й проблемы должно, очевидно, охватить многие детали структуры именной группы, важным элементом которой являются прилагательные-определения.

«Испанские прилагательные, — пишет Н.Д. Арутюнова, — в отличие от русских, обычно ставятся после определяемого существительного... Такой порядок слов обычен для испанского языка. В положении перед существитель-

[1] F. D i e z . Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1877, Dritter Theil (4-е изд.), стр. 450.

[2] Г.-Д. Пауфлер причисляет Ф. Дица к психологическому направлению (Positionsprobleme des spanischen Adjektivs. Beitrage zur rom. Phil. 1966, H. I, стр. 135).

[3] G. G r o b e r . Grundrifi der romanischen Philologie. Strassburg, 1904, I (2-е изд.), стр. 273.

ным прилагательное получает особую стилистическую или смысловую окраску».[1]

Смысловое различие между постпозиционным и препозиционным прилагательным можно проиллюстрировать следующим примером:

La razón fría no es fría razón. La razón fría no es razón, que el distintivo de la razón es ver, y la frialdad acorta la vista y el horizonte. La fría razón es la necesaria tranquilidad en el espíritu (José de la Cruz y Caballero).

Весь афоризм построен на противопоставлении понятий razón fría — fría razón, что, примерно, соответствует русским «холодный рассудок» — «спокойный, здравый рассудок» (ср. «хладнокровие»). Примерный перевод: «Холодный рассудок не есть здравый рассудок. Холодный рассудок это даже и не рассудок, ибо отличительной чертой рассудка является свойство замечать (видеть), тогда как холодность сужает кругозор. Здравый рассудок это необходимое спокойствие духа».

Тенденция к слиянию препозиционного прилагательного с существительным и к объединению их в некое единое понятие выражена графически в следующем примере:

— Su marido parece un pobre hombre. — Todos los maridos son *pobre-hombres* (J. Goytisolo).

2. Предикативную функцию, выступая именной частью сказуемого:

La niña era muy *delgada;* El palco del Alcalde se hallaba aun *vacío* (S. Feijóo); El pobre viejo parecía *loco* (V. Blasco Ibáñez); el vino era *buenísimo;* El mar está *caliente* como una bañera (J. Goytisolo).

Наличие в испанском языке двух глаголов — ser и estar, выступающих в качестве элементов сказуемого, имеющего свою именную часть, выраженную прилагательным, ставит вопрос об обязательной (соотв. необязательной) сочетаемости того или иного прилагательного с глаголами ser или estar. На первый взгляд может показаться, что речь идет о лексической сочетаемости и, следовательно, вопрос этот должен решаться вне грамматики. Однако поскольку между глаголами ser и estar кроме лексических

[1] См. очерк «Испанский язык» в книге «Романские языки» (М., 1965, стр. 75).

различий есть и функциональные (в смысле типов предикации), то уже поэтому данный вопрос подлежит компетенции грамматики. Именная часть сказуемого — это тоже не просто лексическая переменная, ибо ее предуказанность обусловливается категориальным характером именной части[1]. Так, при глаголе ser именной частью может быть существительное и прилагательное, а при estar только прилагательное. Следовательно, с глаголом ser можно построить такие сочетания, как es abuelo и es bueno, с глаголом estar возможен только тип está bueno[2]. В случае омонимичности форм, например, enfermo — существительного и enfermo — прилагательного в построениях es enfermo, está enfermo глагол ser диагностирует «существительность» именной части, а estar — «прилагательность»:

No soy vieja, *soy* simplemente *enferma* (Navas Ruiz Ricardo); Cuando pasaba yo decía, esta mujer debe *estar enferma* (Abelardo Estorino).

В первом примере soy enferma передает значение принадлежности лица, о котором идет речь, к категории больных, во втором está enferma передает значение состояния, в котором находится лицо. Ср. другой пример:

— No creía que *fuera casada,* es tan joven. — *Está casada* con un bodeguero pero yo sé por la vieja qué no está muy contenta (Abelardo Pinero).

В первой реплике выражение No creía que fuera casada имеет смысл «Я не думал, что она замужняя (женщина)» (Ср. из того же произведения: acuérdese que soy una mujer casada). Во второй реплике конструкция Está casada передает значение состояния (в данном случае «гражданское состояние»): «она замужем». Следует также обратить вни-

[1] Лексико-грамматические классы именных элементов, сочетающихся с ser или estar, следовало бы отнести к тому, пока еще несуществующему разделу грамматики, который Л. В. Щерба предлагает называть «лексическими категориями» (Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. ЛГУ, 1958, стр. 24).

[2] Ср. следующее замечание Луиса Хуана Пиккардо: "fácil es advertir que las posibilidades de ambas palabras (abuelo, bueno — Авторы) son en algunos casos idénticas: "es abuelo", "es bueno"; en otros, en cambio, son privativas de una de las clases: se dice "está bueno" pero no "está abuelo" (Luis Juan Piccardo. Estudios gramaticales. Montevideo, 1962, стр. 48).

мание на параллелизм конструкций fuera casada — es tan joven, está casada — no está muy contenta.

Прилагательные в силу своих лексических значений могут тяготеть к предикациям либо с глаголом ser, либо с глаголом estar. Прилагательные, обозначающие национальную принадлежность, т.е. характеризующие «предмет» в его качественной неизменности, предицируются глаголом ser (и переводится в разряд существительных):

Creí que *eran* ustedes *inglesas* (J. Goytisolo); *¿Eres colombiana* de nacimiento? (J. E. Rivera).

Напротив, прилагательные, обозначающие душевное состояние, т.е. характеризующие «предмет» с точки зрения внешних проявлений его поведения, бытия и т.д., предицируются глаголом estar (и функционируют как прилагательные):

Yo *estaba furiosa* con él (J. Goytisolo); una vez que *estaba muy nerviosa* se había echado a llorar (J. Arcocha).

Между этими полярньши типами качественной характеристики имеется обширный репертуар прилагательных, способных передавать при помощи глаголов ser и estar качества и свойства предметов то как постоянные, то как переменные. Обратимся к группе прилагательных, обозначающих цвет. Они могут быть именной частью как при глаголе ser, так и при глаголе estar:

Su piel *era* muy *blanca* y fina (J. Arcocha); Un día vi que sus cabellos *estaban blancos* y que sus manos temblaban (A. M. Matute). Смысл и содержание построений era muy blanca, estaban blancos различны. Выбор глагола или понимание различия между этими конструкциями зависит от характера качества, приписываемого или приписанного предмету. В первом случае качество белого цвета приписывается предмету как постоянное, неменяющееся. Дело не в том, что говорящий или слушающий не допускают возможности изменения этого качества, а в том, что внимание слушающего не фиксируется на этом обстоятельстве. Во втором примере то же самое качество белого цвета приписывается предмету как появившееся, замеченное (un día vió) и т.д. В подобных случаях говорящий фиксирует внимание слушающего на временных границах проявления присущего предмету или приобретаемого предметом качества. Специфика подобного рода качественных характе-

ристик подчеркивается различного рода модификаторами, т.е. словами, которые уточняют границы проявления качества:

Las mujeres están *ya* rojas... muertas de risa (C. J. Cela). Наречие ya модифицирует глагол estar и тем самым вместе со всем сочетанием (están rojas) заставляет нас воспринимать качество (rojas), приписываемое предмету, лицу (mujeres), как переменное.

Кроме перечисленных выше основных типов, имеющих реальные семантические признаки для предуказания той или иной предикации, в современном языке можно отметить тенденцию к упразднению установленных исторической нормой различий между сочетаниями с ser и estar. Ср., например:

La noche *era fresca* (J. Goytisolo); La noche *está fresca* — dijo Tetico (Abelardo Pinero).

АДЪЕКТИВАЦИЯ

В современном испанском языке класс имен прилагательных интенсивно пополняется за счет адъективации существительных и причастий (О переходе причастий в прилагательные см. стр. 253). Интенсивности перехода существительных в прилагательные способствуют факторы их морфологической и функциональной близости.

Окачествлению легче всего подвергаются существительные, имеющие формы обоих родов (el niño — la niña, el hermano — la hermana):

Era aun *muy niño;* Y Víctor Silbano, el odiado, el *casi hermano* (A. M. Matute).

В предложении окачествлению легче всего подвергаются существительные, выступающие в роли именной части сказуемого. Это происходит потому, что существительное в предикативном употреблении в значительной степени теряет свою субстанциональность, на первый план выдвигается значение качества, свойственного предмету, но как бы в отрыве от него:

eres *muy hombre.* — Más *hombre* que tú de aquí a Roma (F. Avalos); — Voy ya para los setenta. — Son *años* (B. Soler); San Luis ya no está para tales peculiaridades: que es *demasiado ciudad* (A. Capdevila).

В просторечии Испании и стран Латинской Америки адъективация предикативных существительных развита чрезвычайно сильно. Наряду с примерами окачествления существительных и частичной адъективацией вроде la calle está silencio встречаются случаи полной адъективации: 1a calle está silencia, о чем свидетельствует согласование в роде (la calle ... silencia).

В разговорном языке процессу адъективации подвергаются и существительные, выступающие вне предикативной функции и не имеющие морфологического сходства с прилагательными (т.е не имеющие «лексических противопоставлений по роду»):

hace una *fuertísima* de años que no la veo: a los *añísimos* de estar yo aquí; La estuvo girando *tiempísimo*.

Использование существительных в роли аппозитивных определений (т.е. когда они несут атрибутивную функцию) также способствует их окачествлению и приводит к частичной (но именно грамматической) адъективации:

Vosotros sois alumnos *modelo* (A. Buero Vallejo).

Этот пример иллюстрирует неполную адъективацию, хотя и совершенно очевидную, поскольку слово modelo, не утратив согласования в роде, не согласуется с определяемым существительным в числе[1] и тем самым не дублирует идею множества предметов, т.е. ведет себя не как самостоятельное (аппозитивное) существительное, а как весьма своеобразное адъективированное существительное.

Конструкции типа vestido color pulga, luces escarlata, которые в свое время осуждал Р. Х. Куэрво, получили, однако, широкое распространение в современном литературном языке:

una mujer vestida con un *traje sastre* de Chanel (J. Goytisolo); de *color hez de vino;* Bordada de *dragones verde malva* (R. Pérez de Ayala).

[1] «Адъективация второго члена аппозитивного словосочетания, — пишет Н. Д. Арутюнова, — приводит к созданию синтаксически очень своеобразного построения. Определяющее существительное, не получая морфологических форм двух родов, свойственных прилагательному, утрачивает категорию числа» (Вопросы морфологии и функционирования имен в испанском языке. — В сб.: «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 162).

Адъективированные существительные, обозначающие цвет предмета, как правило, не согласуются с множественным числом определяемого существительного: zapatos café, однако формы согласования во множественном числе zapatos cafés все больше и больше проникают в речь культурных людей.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Из всех способов словообразования прилагательных — суффиксального, префиксального, словосложения, транспозиции — наиболее активным является суффиксальное. В отличие от существительных прилагательные не располагают столь разнообразным репертуаром суффиксов. Наряду с суффиксами, общими для прилагательных и существительных (они обладают обобщающим значением действующего лица или инструмента), в образовании прилагательных участвуют: **-able/-ible** (модально-пассивное значение: transitable)[1], **-uno** (значение отношения к предмету: gatuno), **-udo** (поссесивно-увеличительное значение: narigudo), **-oso** (значение изобилия: carnoso), **-esco** (эмоционально окрашенный суффикс: quijotesco) и некоторые др. Суффиксы субъективной оценки прилагательных те же, что у существительных.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В испанской грамматической литературе нет единого мнения по поводу лексико-грамматической природы слов, называемых numerales. Значительные различия, наблюдающиеся в определении числительных, связаны не только с противоречивой природой этого грамматического класса, но и с различием общих концепций выделения частей речи.

Грамматика Испанской академии относит числительные к классу прилагательных на том основании, что числительные функционируют преимущественно как детерминативы и определяет их как «прилагательные, которые обоз-

[1]См.: Э. И. Л е в и н т о в а. Словопроизводство отглагольных прилагательных (Из очерков по современному испанскому словообразованию). — «Вестник МГУ», Ист.-филолог. серия, 1958, № 2, **стр. 108.**

начают число и служат для счета» (que sirven para contar — Gram. Ac, 29).

Р. Секо, учитывая определительную функцию числительных, квалифицирует их как местоимения. Правда, при этом он замечает, что по сравнению с такими местоимениями, как личные, притяжательные, указательные, вопросительные и даже неопределенные, у числительных прономинальность выражена не столь четко. Тем не менее у числительных, так же как у указательных и у притяжательных местоимений, отсутствует способность четко характеризовать предмет (ausencia de significación de un objeto fijo). Все они имеют функцию чисто «обозначительную» (naturaleza puramente señaladora). Отличие числительных от указательных и притяжательных местоимений состоит в том, что вместо обозначения «ситуативности» и принадлежности числительные обозначают другое обстоятельство (circunstancia) — количество. Далее, желая подтвердить свою мысль, автор переносит читателя в кондитерскую и утверждает, что, выбирая пирожные, можно произнести три фразы, содержащие три сходных элемента: póngame *estos,* póngame *varios,* póngame *tres* (Seco, 48—49).

М. Криадо де Валь, отмечая, что класс числительных трудно поддается определению (dudosa interpretación), считает, что их нужно отнести к тем разрядам слов, которые имеют значение степеней сравнения, т.е. к прилагательным, а не к существительным, как это делается во многих испанских грамматиках (M. Criado de Val, 78).

Х. Рока, указывая на тесную связь числительных с местоимениями, считает, что настоящими местоимениями их называть нельзя. С формальной точки зрения они в одинаковой степени принадлежат и к местоимениям (ближе всего они подходят к разряду неопределенных), и к качественным прилагательным, «отличаясь от них только тем, что вместо качества они указывают количество». Что касается качества и количества, то и то и другое относится к сфере определения (Roca, I, 203—204).

Э. Аларкос Льорак «рассортировывает» "numerales" по четырем плеремам и фактически не придает им статута отдельного класса слов (отдельной части речи)[1].

Ни одна из испанских грамматик не отмечает, что и «числительные-прилагательные», и «числительные-местоиме-

[1] E. A l a r c o s L l o r a c h . Gramática estructural. M., 1951, стр. 92.

ния», и счислительные-существительные» в семасиологическом плане представляют такое бесспорное единство, которого не обнаруживает, пожалуй, ни одна другая часть речи, обычно дробящаяся в семантическом отношении на многочисленные разряды и подразряды. Числительное всегда определяет количество предметов либо порядок следования, выраженный по способу счета. Тот факт, что в функциональном плане этот класс сближается с другими, не лишает его права на самостоятельность. Определительная функция числительного может сопоставляться с определительными функциями прилагательного или местоимения, но особенность выполнения этой функции числительным состоит в том, что оно всегда мыслится только как к о л и ч е с т в е н н о е определение предмета. Количество может мыслиться и самостоятельно, но в этом случае оно представляет количество опредмеченно, т.е. в грамматическом отношении является существительным и не отличается от других субстантивированных частей речи:

Para denominar cada diez decenas, se emplea una sola palabra: *ciento* o centena; *Mil millares* forman *un millón* (A. Kiselev).

В соответствии с характером определения предмета — с точки зрения их количества или порядка следования — числительные делятся на количественные и порядковые. Каждый из этих семантических подразрядов имеет свои грамматические особенности.

К о л и ч е с т в е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е (numerales cardinales) представляют собой детерминативы особого рода в том смысле, что, определяя существительное, они варьируют форму числа определяемого существительного: un día — dos, tres días. Иначе говоря, варьирование единственного и множественного числа существительных зависит от противопоставления детерминатива un (una) всем остальным числительным: dos, tres, cuatro и т.д. Формы рода имеют только un(o) 'один', una 'одна' (un libro, una casa), а также числительные от 200 до 900: doscientos, -as, novecientos, -as (doscientos libros, doscientas casas). Количественные числительные не имеют, естественно, противопоставленных форм числа в пределах одной лексемы. Исключение составляют ciento, mil, millón, которые соответственно образуют формы cientos, miles, millones. Однако в данном случае речь идет о существительных, т.е. о представлении числа в опредмеченном виде. Эта

транспозиция имеет грамматические последствия, ибо обозначение количества предметов достигается конструкцией, характерной для сочетания двух существительных по способу управления: cientos de libros, miles de libros, millones de libros.

Числительное, обозначающее число 100, известно в двух формах: cien, ciento. Первое принадлежит только классу числительных (cien libros); второе в форме единственного числа употребляется в составных числительных (ciento veinte libros) и тоже относится к классу числительных, а в форме множественного числа — к классу существительных (cientos de libros).

В отличие от других числительных millón вне составного числительного относится только к классу существительных, а потому сочетается с ними по способу управления (un millón de libros).

Ср. несколько примеров: *Un* objeto+*un* objeto son dos objetos; Así contando las mesas en la clase ... decimos *una,* dos, tres, cuatro; Dos centenas se denominan *doscientos; doscientas* unidades; Supongamos que hay que escribir el número: treinta y cinco *mil* ochocientos seis *millones,* siete mil. Sesenta y tres unidades (A. Kiselev).

П о р я д к о в ы е ч и с л и т е л ь н ы е (numerales ordinales) в отличие от количественных не меняют формы числа существительного (primer libro, segundo libro). Они сами согласуются в числе и роде с существительными, что сближает их с прилагательными (primera semana, primer día, primeras semanas, primeros días).

Количественные числительные употребляются только в препозиции. Порядковые числительные обычно употребляются в препозиции, но могут стоять и после определяемого существительного. Постпозитивность количественного числительного свидетельствует о «синтаксической транспозиции» этого числительного в разряд порядковых. Признаком такого рода «внутренней транспозиции» является употребление существительного в единственном числе. Ср.: dos batallones (здесь dos является количественным числительным); el segundo batallón, el batallón segundo (порядковое числительное segundo в препозитивном и постпозитивном употреблении имеет одинаковое значение); el batallón dos (здесь числительное dos транспонировано в разряд порядковых). В современном языке соревнование сочетаний el segundo batallón — el batallón dos решается в пользу второго.

К именам числительным относят разряд дробных числительных (quebrados) и множительных или кратных (múltiples o proporcionales). Числительные обоих разрядов имеют ряд словообразовательных особенностей.

Обозначение десятичных дробей (quebrados decimales) производится путем прибавления к количественному числительному суффикса -ésima, -as. Специальные формы имеют décima (от diez), centécima (от ciento):

Si una unidad entera se divide en diez partes iguales, estas partes se llaman *décimas;* si se divide en 100, se llaman *centécimas;* si en 1.000, *milésimas;* si en 10.000, *diezmilésimas...* una *cienmilésima* vale 10 *millonésimas;* una *décima* vale 10 *centésimas* (Enciclopedia cíclico-pedagógica).

Для обозначения числителя всегда употребляются количественные числительные; для обозначения знаменателя до десятых долей употребляются порядковые числительные за исключением medio и tercio, а знаменатель дробных от 1/11 обозначается числительными, которые образуются путем прибавления к количественному числительному суффикса -avo (-ava, -avos, -avas):

Si la unidad entera se divide en dos partes iguales, estas partes se llaman medios o mitades ... Si se divide en 3 partes iguales, se llaman tercios ... si en 4, cuartos ; ... Así, la dividimos en 11, 12, 15, 340 partes iguales, se llamarán *onceavos, doceavos, quinceavos, trescientos cuarentavos* (Enciclopedia cíclico-pedagógica).

Наиболее употребительные множительные числительные: duplo, doble, triplo, triple, cuadruplo, cuadruple. Формы на -о часто употребляются как существительные. В функции определения употребляются формы на -е:

Con *doble o triple* amor sería nuestra unión dichosa (J. Val era).

МЕСТОИМЕНИЕ

В соответствии с этимологическим значением слова pronombre «вместо имени» некоторые испанские грамматики определяют местоимение как часть речи, замещающую имя. Это определение выглядит явно недостаточным, если принять во внимание пестрый состав данного класса слов. Вряд ли, например, можно утверждать, что вопросительное

qué или отрицательное nadie «замещает» какое-то имя существительное. Утверждение, что местоимение — это самостоятельная часть речи, кажется, ни у кого не вызывает сомнений (впрочем, см. R. Seco, 39). Однако следует подчеркнуть, что в системе частей речи местоимение стоит особняком как по отношению к разряду значимых частей речи, так.и к разряду служебных частей речи.

От значимых частей речи местоимения отличаются предельно обобщенным значением и, так сказать, «замкнутостью ряда». От группы служебных частей речи местоимения отличаются наличием самостоятельного лексического содержания и самостоятельными (неслужебными) синтактико-морфологическими свойствами. По своим синтактико-морфологическим свойствам местоимения сближаются с существительными и прилагательными (pronomina sustantiva, pronomina adjectiva).

Среди испанских грамматистов доминирует взгляд на местоимения как на слова, замещающие другие, значимые элементы речи, в первую очередь существительные, и на то, что само употребление их вызвано необходимостью избежать повтора одного и того же имени. Свойство местоимений замещать другие слова нужно, очевидно, понимать в том смысле, что те предметы, качества и явления, на которые указывают местоимения, имеют свои особые названия, но в силу тех или иных причин эти предметы, качества или явления не обозначаются конкретными словами-понятиями, а как бы дублируются местоимениями. Эта возможность дублирования опирается на семантические и грамматические свойства местоимений. Предельная обобщенность значения местоимений позволяет им дублировать бесконечное количество конкретно-значимых слов. Грамматические свойства местоимений (например, свойство изменяться по родам и числам) существенным образом помогают такому дублированию.

Однако функция дублирования или «заместительства» свойственна не всем формам местоимений. Так, например, формы I и II лица так называемых «личных местоимений», которые служат для обозначения говорящего и слушающего, как раз в силу этой своей функции не замещают имен, «вовсе не имеющих своих представителей в этих лицах»[1]. В самом деле, о каком заместительстве может идти речь,

[1] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, стр. 222.

если употреблено местоимение yo или **tú?** Вряд ли можно согласиться с А. Бельо, который слово Rey в построении Yo el rey относит к I лицу (Bello, 59). Реальная заменяемость yo и el rey или «я» и «пионер» (я, юный пионер) не может перевести yo или «я» в разряд **III** лица[1], но и el rey или «пионер» с грамматической точки зрения не могут рассматриваться в категории I лица. Можно сказать, что примеры, подобные тому, которые привел А. Бельо, свидетельствуют не о заместительной функции yo, а скорее о том, что само местоимение yo часто нуждается в уточнении.

Несколько иначе обстоит дело с формой **III** лица. Не только имена собственные (Juan, María), но и имена нарицательные, обозначающие лиц (hombre, mujer), живых существ вообще (caballo, vaca) и даже предметы (libro, silla), могут быть замещены (представлены) **III** лицом. Кстати, форма **III** лица обнаруживает грамматическое сходство с именем существительным вследствие наличия у этого местоимения форм рода. Несомненно, это объясняется тем, что современные формы él, ella, ello возникли из соответствующих форм указательных местоимений.

По семасиологическому содержанию местоимение как часть речи выражает отношение говорящего лица к объектам действительности[2], к данной обстановке речи, к другим лицам, событиям, предметам и явлениям, вовлеченным в речевую ситуацию. Специфика местоимений состоит в том, что они могут функционировать в речи только как соотнесенные с конкретным лицом, предметом, явлением и никогда не выступают с общеродовым значением: yo это конкретное лицо (говорящий), tú — также конкретное лицо (слушающий) и не может быть "yo" вообще или "tú" вообще (ср. «стол» вообще).

Парадоксальность «поведения» местоимений, о которой говорил в свое время А. М. Пешковский[3], состоит в том, что специфика лексического значения определяет специфику грамматического функционирования этого класса слов,

[1] Форму yo можно в особых случаях перевести в разряд **III** лица, но не иначе, как при помощи специального оформления: "En un diálogo entre Pedro y Juan Pedro es yo, y Juan, tú, cuando es Pedro el que habla; pero si habla Juan, Juan es el yo, y Pedro el tú" (R. S e c o. Manual de gramática española. M., 1960, стр. 39).

[2] М. И. Стеблин-Каменский удачно называет это «саморриентацией субъекта речи по отношению к предмету речи» (Грамматика норвежского языка. М. — Л., 1957, стр. 82).

[3] См.: А. М. П е ш к о в с к и й . Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, **стр.** 163.

иначе говоря, особенностью местоимений является совмещение **в** одном и том же фонетическом комплексе неграмматического (лексического) содержания и грамматического значения (т.е. без деления словоформ на лексическую и формальную части)[1]. Важной особенностью этого класса слов является и то, что он включает в себя несколько подклассов, обладающих разнообразным морфолого-синтаксическими свойствами.

Класс местоимений объединяет несколько местоименных разрядов. Большинство грамматик и грамматистов выделяет следующие разряды местоимений: личные, притяжательные, указательные, относительные, вопросительные, неопределенные. Некоторые грамматисты относят к классу местоимений числительные (например, R. Seco, 39, 48—49). М. Криадо де Валь предлагает особую классификацию, основанную на функциональных свойствах местоимений: именные (nominales), к которым он относит указательные и притяжательные; глагольные (verbales), к которым причисляются личные, неопределенные, наречные (adverbiales), так называемые нейтральные и фразовые (oracionales), к которым автор причисляет относительные (Criado de Val, 181). Р. Ленц относит к классу местоимений артикль (La oración..., 227).

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Термин «личное местоимение» в известной мере условен и не вполне четко определяет данный разряд местоимений. В самом деле, если понимать под словом «личный» свойство местоимения обозначать то или иное лицо, тогда и относительное quien, и неопределенное alguien тоже должны быть причислены к данному разряду. С другой стороны, поскольку форма él (ella) может «замещать» не только лицо, но, например, и название любого живого существа, то ее нужно было бы исключить из разряда личных местоимений. Однако следует помнить, что грамматический класс или подкласс (удачно он назван или неудачно — это другое дело) обычно выделяется на основании целой совокупности признаков. У подкласса (разряда) местоимений, названных

[1] Е. Д. Поливанов считает, что местоимения заслуживают особого рассмотрения, так как «они обладают значением специфически абстрактным» (т.е. характерным именно для элементов *морфологической конструкции).* (Введение в языкознание для востоковедных **вузов. Л.,** 1928, стр. 21).

личными, имеются такие признаки, которых мы не находим у других подклассов местоимений.

К разряду личных местоимений относятся: **I** л. ед. ч. **yo; II** л. ед. ч. **tú; III** л. ед. ч. **él, ella, ello; I л.** мн. **ч. nosotros» nosotras; II л.** мн. **ч. vosotros, vosotras; III л.** мн. **ч. ellos, ellas;** формы обращения (formas de tratamiento): **usted, ustedes.**

На обособленное положение разряда личных местоимений указывают несколько признаков, среди которых главными являются: наличие форм склонения, наличие ударенных и неударенных форм, своеобразие отражения грамматического рода.

Особо следует подчеркнуть факт склоняемости личных местоимений, поскольку это единственный в испанском языке разряд слов, унаследовавший от латинского языка грамматическую форму падежа. Описание падежной системы и установление количества падежных форм представляет для грамматиста известные трудности. Первая трудность состоит в том, что формы косвенных падежей I и II лица единственного и множественного числа, которые по грамматическому содержанию можно было бы отнести к дативу (me, te, nos, os) и к аккузативу (me, te, nos, os) не различаются по фонетическому составу. То же можно было бы сказать и о формах III лица единственного и множественного числа мужского рода, которые на некоторых испаноязычных территориях в обоих падежах имеют вид le, les. Однако оставим пока вопрос о формах III лица мужского рода в стороне, поскольку в употреблении этих форм наблюдаются некоторые «непоследовательности», и сосредоточим внимание на формах I и II лица. Если формы датива и аккузатива совпадают (me — me, te — te, nos — nos, os — os), то не следует ли рассматривать их как единую форму «косвенного падежа» в отличие от форм прямого падежа (yo, tú, nosotros, vosotros)? К такому решению, очевидно, можно было бы прийти в том случае, если бы формы в с е х местоимений имели о д н у форму непрямого падежа. Однако хорошо известно, что формами косвенных падежей местоимения **III** лица женского рода являются le для одного из косвенных падежей и la для другого. Именно это регулярно воспроизводящееся различие позволяет рассматривать не только le как форму датива, а la как форму аккузатива, но и «единые» me, te и т.д. расщепить соответственно на две отдельные формы и квалифицировать me — te, te — te как омофоны разных грамматических форм

(падежей). Здесь мы сталкиваемся в принципе с тем же случаем, что и принятое всеми латинистами отнесение омофоничных форм me к аккузативу и аблативу, поскольку во множественном числе они имеют различающиеся формы nōs — nōbīs (и в свою очередь омофоничные nōbīs относятся нами к разным падежам: к дативу и аблативу, поскольку в единственном числе им соответствуют формы mĭnĭ — me).

Чтобы быть последовательными, мы, очевидно, должны отнести и формы mí, ti (они употребляются только с предлогами) к особому падежу, который можно было бы назвать «предложным» (preposicional). Такое решение оправдывается двумя основаниями: наличием особых форм, отличных от yo, tú, me, te и возможностью передавать особые значения, отличные от тех, которые соответствуют номинативу, дативу или аккузативу, например: en mí, por ti и т.д. Тот факт, что предложные формы всех остальных лиц, кроме I и II лица единственного числа имеют в своем составе элементы, совпадающие с формами номинатива (a él, a ella, a usted, a nosotros и т.д.), не меняет дела. С предлогом con образуются особые формы предложного падежа: conmigo (<cum+me+cum), contigo (<cum+te+cum), consigo (<cum+se+cum).

Для изучения особенностей употребления форм личных местоимений целесообразно разделить формы всех падежей на ударенные и неударенные. К ударенным следует отнести все формы именительного падежа (включая формы обращения usted, ustedes) и все формы предложного падежа. К неударенным относятся формы датива и аккузатива.

У д а р е н н ы е ф о р м ы личных местоимений именительного падежа употребляются в функции подлежащего, именной части сказуемого, обращения. Случаи использования номинативных форм yo, tú с предлогами, типа por sobre yo, mi sombrero (J. E. Rivera) вместо por mí, sobre mí относятся к ненормативным, хотя и довольно широко известным в Испании (Арагон) и особенно в странах Латинской Америки, где они оцениваются либо как диалектные, либо как вульгарные. Ч. Кэни склонен видеть в них своеобразную «психологическую эмфазу» (psychological emphasis— American-Spanish Syntax, 98). Однако можно думать, что здесь имеют место грамматические (аналогические) причины: «законные» формы a él, a ella, a ello, a ellos, a ellas, a usted, a ustedes вовлекают в свою орбиту a yo, a tú и т.д.

Роль личных местоимений как показателей лица при испанском глаголе не так велика, как это имеет место в английском языке или во французском. Это объясняется тем обстоятельством, что флексия испанского глагола в большинстве случаев имеет четко выраженные формальные показатели лица: amo, amas, ama, amamos, amáis, aman. При этом употребление личных местоимений при глаголе становится необязательным. Исключением являются некоторые глагольные формы (временные и модальные), имеющие одинаковые флексии I и III лица единственного числа: amaba, amaría, ame, amara, amase и др.

Поскольку испанские местоимения чаще всего оказываются свободными от грамматической нагрузки, они используются для логического (эмфатического) подчеркивания лица, совершающего то или иное действие. Поэтому вряд ли целесообразно называть испанские личные местоимения «глагольными местоимениями» (pronombres verbales), как это делают некоторые грамматисты. Английскому I shall sing или французскому Je chanterai соответствует испанское cantaré, а не yo cantaré.

В случае отсутствия эмфазы испанские глагольные формы не сопровождаются местоимениями:

Iré a visitarles — *dije;* No sé por qué *dices* eso; *Quedamos* en que *seríamos* corteses (J. Goytisolo).

П. Фортул-Уртадо в качестве примера «невыносимо глупого» (insoportable desatino) использования личных местоимений приводит следующий пример:

El me reprendió por faltas que *yo* no cometí y *yo* no comprendo como *yo* toleré su atrevimiento (Fortoul-Hurtado, 203).

Типичными являются следующие примеры:

Sal tú primero. *Nosotras* no conocemos el camino (J. Goytisolo); Ahora no eres ya *tú* sino *él* que cuenta. Por que *él* está muerto y *tú* sigues vivo y libre (A. Grosso); Ahora soy *yo* quien le da a usted la razón (F. Avalos).

Местоимения употребляются в тех случаях, когда этого требует ясность изложения. П. Фортул-Уртадо приводит следующий пример из авторитетного журнала: El maestro se toma tanto interés por mí como *si fuera* su hijo. Он справедливо замечает по этому поводу, что для ясности необходимо было бы написать como *si yo fuera* su hijo, в противно

ном случае como si fuera su hijo относилось бы к подлежащему el maestro (Fortoul-Hurtado, 203). Ср. следующий пример: él miraba que ella lo miraba 'он смотрел, как она на него смотрела' (S. Feijóo). В данном случае нельзя было бы опустить ни él, ни ella без ущерба для смысла.

Одним из показателей «невербальности» испанских местоимений является возможность их дистантного расположения по отношению к глаголу и инверсия:

los aborígenes oponen la distancia que *ellos,* ya insuperables jinetes, dominan; se abrazan al soldado «hunca» *ellas* (A. Yunque).

Однако потребность чисто грамматического характера (не эмфатического) возникает, как отмечалось выше, в ряде глагольных форм, имеющих одинаковые флексии I и III лица единственного числа. Это обстоятельство (т.е. необходимость использования местоимений в качестве «глагольных местоимений»: yo amaba, él amaba) приводит к некоторому нарушению баланса, установившегося в синтаксических построениях типа canté (нет эмфазы) — yo canté (эмфаза).

В староиспанском языке намечалось весьма своеобразное разрешение этого конфликта. Ослабление конечного -a в -e в староиспанский период захватило формы имперфекта глаголов II и III спряжений. Однако закономерный переход **ia>ie,** как было замечено, происходит выборочно: в одних случаях переход реализуется часто, в других — редко. Переход **ia>ie** чаще всего совершается в формах III лица. Так, например, в леонских документах, опубликованных Э. Стаафом (Staaff)[1] на две формы **ie** в I лице приходится десять форм ia; в формах III лица наиболее употребительным является окончание **ie.** В общих чертах развитие форм I и III лица имперфекта можно представить следующим образом. Флективное различение латинских форм **-eba, -ieba — -ebat, -iebat** теряется на испанской почве вследствие действия определенной закономерности, которая осуществляется безотносительно к категориям слов и форм; эта закономерность состоит в отпадении конечного -t. В ряде случаев данное явление проходит незаметно для механизма морфологии: sunt>son, amat>ama. В других же случаях отпадение -t приводит к грамматической омони-

[1] E. S t a a f f . Etude sur l'ancien dialect léonais d'apres des chartes du XHIesiecle (Chartes de Sahagún). Uppsala, 1907.

мии в пределах одной и той же парадигмы. В данной ситуации, образно говоря, включается контрольный механизм морфологии и начинается изменение в сторону дифференциации «случайно» совпавших форм[1].

Разрешение кризиса при помощи внутрипарадигматических средств не было принято кастильским диалектом и современным испанским языком. В связи с этим местоимения I и III лица часто используются в значении вербальных местоимений и не несут эмфатической нагрузки. То же можно сказать и по поводу местоимений él, ella (ello), выступающих в качестве грамматических при необходимости различения рода. Вполне возможно, что употребление местоимений III лица (и I лица с формами имперфекта) в качестве вербальных привело к увеличению случаев неэмфатического использования форм yo, tú. Х. П. Рона утверждает (не объясняя, правда, причин), что в американском варианте испанского языка употребление местоимения yo и т.д. становится обязательным. Таким образом, пиренейскому pienso соответствует американское yo pienso (без логического ударения на yo); эмфатические формы (по Роне) выглядят одинаково: в полуостровном испанском yo pienso, в американском yo pienso (и в том и в другом варианте yo несет логическое ударение). Во французском языке неэмфатическая форма имеет вид je pense, а эмфатическая — moi, je pense. Х. П. Рона добавляет, что во французском и испанском языках есть и другие способы выражения эмфазы: c'est moi qui pense, soy yo quien piensa и т.д.[2]:

Ahora soy *yo* quien le da a usted la razón (F. Avalos).

Формы III лица неоднородны по составу, а в грамматическом отношении отличаются от форм I и II лица. Подключение к III лицу формы обращения usted (ustedes) привело к тому, что вместо прежней корреляции yo (говорящий) — tú (слушающий) появилась более сложная: yo (говорящий) — tú, usted (слушающий). Форма usted заняла место в одном ряду с él, ella (отсутствующее лицо) и ello. Возникло и новое, неграмматическое противопоставление tú — usted. Исконные испанские формы III лица различаются

[1] Подробнее см. Г. В. Степанов. О взаимодействии фонетики и морфологии. (На материале испанских диалектов.) — «Ученые записки ЛГУ», № 204. Серия филологических наук. Вып. 29, 1957, стр. 3.

[2] J. José Rona. Sobre sintaxis de los verbos impersonales en el español americano. (Estratto da "Romania" Scritti offerti a Francesco Piccolo), Napoli, 1962, стр. 397.

по родам, тогда как подключившаяся форма обращения usted не имеет форм рода и сходна в этом отношении с yo, tú.

В староиспанском языке формы личных местоимений I и II лица множественного числа в именительном падеже были jaos 'мы' и vos 'вы' (т.е. совпадали с формами косвенных падежей nos 'нам' — дат. падеж, 'нас' — винит, падеж; vos 'вам' — дат. падеж, 'вас' — винит, падеж). Местоимения nos, vos в именительном падеже часто сопровождались («усиливались»[1] Gilí y Gaya, 229) местоимением otros, -as, что позднее привело к слитным формам nosotros, -as, vosotros, -as. Форма nosotros иногда употребляется вместо yo, т.е. с так называемым значением plural de modestia[2].

Форма vosotros употребляется неповсеместне. Исключение этой формы в ряде стран Латинской Америки связано с явлением, которое получило название voseo. Сущность voseo заключается в том, что личное местоимение vos (исторически это II лицо множественного числа) стало употребляться вместо tú. Сохранность стандартного tú получила в американистике название tuteo. В Испании существительное tuteo (от глагола tutear 'говорить с кем-нибудь на «ты»') не имеет терминологического значения и противопоставляется обращению в форме вежливости usted.

Хотя вопросам географического распространения voseo[3] и социальной оценке этого явления[4] уделялось много внимания, многие детали продолжают постоянно уточняться. Voseo широко распространено в Аргентине, Уругвае, в большей части Парагвая, в Центральной Америке, в мексиканских штатах Чиапас и Табаско; соревнование vos и tú наблюдается в Чили, в южной и северной частях Перу, в Боливии, в большей части Эквадора, в Колумбии, в Венесуэле, во внутренних областях Панамы, на узкой полосе восточной Кубы. Tuteo доминирует в Мексике, Перу, на

[1] Ср. во французском nous autres, vous autres.

[2] Сходное явление имеет место в русском языке. В. В. Виноградов пишет по этому поводу: «Мы — это я, которое говорит от лица коллектива, или которое скрывает себя за другими, или, наконец, облекает себя атмосферой скромности, авторского величия, торжественной важности» (В. В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, стр. 330-331).

[3] Карту voseo см. в работе: P. Henriquez Ureña, E. F. Tiscorηia. Mapa del voseo (приложение к книге Тискорнии "La lengua de Martín Fierro" - BDH, III, стр. 120-136); Kaηy. American-Spanish Syntax. Chicago, 1945, стр. 55—91.

[4] L. B. Kiddle. Some Social Implications of the Voseo. — "Modern Language Forum", 1953, XXXVII, стр. 50-54.

Кубе, в Пуэрто Рико, в Доминиканской республике, т.е. почти на 1/2 американского ареала.

Voseo относится к числу тех явлений, которые приводят к заметной передвижке и изменениям не только в парадигме самих местоимений (личных и притяжательных), но и в глагольной парадигме. В парадигме личных местоимений американских национальных вариантов форма II лица множественного числа vosotros, -as, как мы уже отмечали, отсутствует. В качестве заменителя выступает форма III лица множественного числа ustedes, в связи с чем ustedes и соответствующие глагольные формы потеряли смысл вежливого обращения: Salgan (ustedes), pues, perros del diablo (A. Capdevila); ср. также: Vine a verles a *ustedes* y a convidarte para una cacería (M. Romero). Ударенные формы приобретают соответственно вид a, en... vos. Форма contigo не употребляется: она заменяется сочетанием con vos. Формы os (дательный и винительный падежи) также обычно не употребляются (во всяком случае, в разговорном языке). Стандартным полуостровным формам притяжательных местоимений соответствуют американские tu, tuyo, -a, -os, -as или de usted, -es.

Изменение в парадигме местоимений привело к следующим модификациям в глагольной парадигме. Аргентинский тип спряжения, например, Presente de Indicativo приобрел такой вид: vos cantás, vos comés, vos vivís. Другой тип спряжения характерен главным образом для Чили (чилийский тип). Например в Presente de Indicativo он имеет следующий вид: vos cantáis, vos comís, vos vivís (эти же формы характерны для Арагона и некоторых районов Саламанки в Испании).

Лингвисты резко расходятся в оценке voseo. Автор учебника для коммерческих школ (аргентинских) пишет: «Voseo должно изгоняться самым решительным образом вплоть до полного уничтожения и установления tú с соответствующими глагольными формами, так же, как это было сделано в Чили в прошлом веке благодаря влиянию знаменитого венесуэльского грамматиста Андреса Бельо» (Guiñazú, 37). Дамасо Алонсо, автор статьи "Para evitar la diversificación de nuestra lengua" (AAF, II, 259—268) высказывает прямо противоположное мнение: «Не следует стараться заменить vos на tú, ибо форма vos широко распространена по всей Аргентине».

Оценка voseo имеет определенную шкалу: более отрицательное отношение вызывают формы с сильным отклонением

от стандарта: так, vos с глагольными формами IJ лица единственного числа считается меньшим нарушением академической нормы, нежели сочетание vos с формами II лица множественного числа.

Истоки американского voseo следует искать в испанском языке конца XV и начала XVII вв. По-видимому, был период, когда формы tú и vos смешивались: ¡Miraldo al desatinadico! ¿Estuviste anoche allá y no atinas? pues ven conmigo... (L. de Rueda). Здесь наблюдается смешение глагольных форм, употребляемых по отношению к одному лицу: miraldo (=miraldo — форма императива множественного числа); estuviste, atinas — форма II лица единственного числа; ven — императив единственного числа. ¿Qué quieres señor que os diga?... pero dejadme topar con ella (ib.). В этой фразе форма quieres предполагает употребление te (diga), а не os, а также deja, а не dejad.

В Испании форма vos к концу XVI — началу XVII в. приобрела уничижительный смысл[1]. Сервантес в «Дон Кихоте» замечает по поводу одного из действующих лиц: Con una no vista arrogancia llamaba de "vos" a sus iguales y a los mismos que le conocían (D. Qu., LI).

Форма tú в классическую пору, как и в современном языке, употреблялась не только при обращении к лицам нижестоящим, но и в дружеском, интимном кругу. Сочетание vuestra merced служило формой вежливости либо среди равных, либо по отношению к вышестоящим лицам[2]. Форма vos занимала промежуточное положение. Она как бы подчеркивала общественное равенство собеседников и звучала почти оскорбительно в обращении с подчиненными. В первое столетие колонизации (XVI в.) форма vos имела в устах американцев примерно тот же заряд фамильярности и уничижительности, но в дальнейшем она развивается самостоятельно. В первей половине XIX в. употребление vos вместо tú приобрело особый смысл («республиканский», «плебейский»).

Ударенные формы личных местоимений в форме предложного падежа употребляются в функции различного рода дополнений.

[1] Об употреблении vos в XVI в. см.: H. K e η i s t o п. The Syntax of Castilian Prose: the Sixteenth Century. Univ. of Chicago Press. 1937, стр. 42 и след.; его же: Spanish Syntax List. New York, **1937,** стр. 47 и след.

" P i a C á r c e l e s. La evolución del tratamiento "vuestra **merced"** - RFE. 1923, X. стр. 245-280.

Формы с предлогом a, если они не дублируют соответствующие формы неударенных местоимений, сходны со всеми другими предложными формами:

Lo que α *mí* no, se le ocurrió a ella (A. Palacio Valdés); Ven que me quedo muy sola *sin til* (M. Hernández); Tuya, *de ella,* o de quien sea, da igual (J. Goytisolo); "Algún día me recordaréis. Hablaréis *de mí* tanto como *de él". De ti* quería decir. (A. Grosso).

Формы с предлогом a (a mí, a ti, a nosotros, a vosotros) обычно дублируют неударенные формы соответствующих местоимений в дательном и винительном падежах. Поскольку омофоничные me (дат. и винит. падеж) дублируются омофоничными формами a mí (дат. и винит. падеж), то следует предположить, что никаких чисто грамматических оснований для такого дублирования нет. Ср.: ¿Quién iba a decirte *a ti* que la misma guardia civil de tus romances te asesinaría? (R. Alberti). Факт грамматической необязательности дублирования (decirte a ti) подтверждается отсутствием дублирования во втором случае (te asesinaría, где te является формой винительного падежа). Грамматическая плеонастичность позволяет предположить, что речь может идти в подобных случаях об эмфазе. В ряде случаев так оно и есть: Era la tuya la que debió tocarme *a mí.* Y *a ti* te fusilaron (R. Alberti). Однако нельзя отрицать, что в современном языке использование форм a mí, a ti и т.д. может быть вызвано чисто аналогическими причинами. Дело в том, что в формах III лица неударенные формы le, les, и т.д. требуют расшифровки и уточнения при помощи ударенных форм a él, a ella и т.д.

Дублирование неударенной формы местоимения в дательном и винительном падеже соответствующими формами ударенных местоимений с предлогом a или существительными с предлогом a в роли косвенных или прямых дополнений является характерной чертой испанского синтаксиса. Подобное дублирование известно и в румынском языке: исп.: le di a Juan el libro — рум.: 1 - am dat lui loan cartea; исп.: le he visto a Juan — рум.: 1 - am văzut pe loan. Сходные конструкции отмечают в других романских языках: в португальском, французском, итальянском[1]. Однако

[1] I o r g u I o r d a n . Quelques paralleles syntaxiquesromans. — В кн.: « Recueil d'études romanes» (publié á l'occasion du IXe Congres International de linguistique romane á Lisbonne). Bucarest, 1959, стр. 115-124.

отличие испанских (и румынских) конструкций от сходных конструкций в других романских языках состоит в том, что в испанском (и в румынском) они стали грамматической нормой литературного языка и нормой разговорной речи, тогда как в других языках использование их носит ограничительный (стилистический, региональный и т.д.) характер[1]. Неударенные формы. В современном нормативном языке система неударенных местоимений может быть представлена в следующем виде:

Формы дательного падежа			Формы винительного падежа				
I л.	me	nos	I	me		nos	
II л.	te	os	II	te		os	
III л.	le	les	III	le	(для лиц)	los, les	(для лиц)
				lo	(для предметов)	los	(для предметов)
				la	(для лиц и предметов)	las	(для лиц и предметов)
				lo	(средний род)		

Средний род местоимения ello имеет только одну форму винительного падежа lo:

Lo sé todo (T. P. Mechín); Esto fue *lo* que me dijo mi nuevo jefe (I. Hidalgo de Cisneros).

П. Фортул-Уртадо указывает, что дательным падежом местоимения среднего рода ello является le и приводит следующий пример:

No *le* des crédito a eso (Fortoul-Hurtado, 209).

Неударенные местоимения в отличие от ударенных не могут функционировать самостоятельно, но употребляются с предлогами и, как говорит само их название, не несут на себе ударения. Примеры вроде ¡Vaya y tráigame al preso le digo! ¡Óiganle! — prorumpieron varios (R. J. Payró) не являются нормативными и характерны для американского просторечия. Эти местоимения всегда стоят при глаголе: непосредственно перед ним или непосредственно после него. В случаях стечения двух форм, формы дательного падежа предшествуют формам винительного падежа.

[1] Йоргу Йордан пишет по этому поводу: "El rumano y el español han gramaticalizado la construcción, en el sentido quería repitición pronominal del complemento es ahora una'verdadera regla gramatical sin ningún matiz de orden estilístico" ("Paralelos lingüísticos rumano-españoles", стр. 350).

В современном языке постпозиционное положение характерно для местоимений, употребляемых при глаголе в повелительном наклонении и при формах субхунтива со значением приказа, призыва, а также при инфинитивных и герундиальных формах.

Espérame allí (A. Grosso); ¡Atravesemoslo! (A. Asturias); ¡Sáquenlo! (Báñenlo! ¡Rápenlo! (Péguenlé! (L. Bruno Ruíz); Tuve la suerte de localizar/e (a Prieto) en la redacción (I. Hidalgo de Cisneros); acabé por olvidar *lo*... y *pensándolo* bien, nunca estuve muy seguro de haber entendido a derechas; yo nunca creí ver *la* tan mansa (C. J. Cela).

Если инфинитив или герундий зависят от глагола в личной форме, то местоимение может стоять и в препозиции:

Pues espera, *la* voy a llamar; ¿Y *lo* llevas pensando mucho tiempo? ¿No me *la* quieres dar? (C. J. Cela).

Если такой зависимости'нет, то местоимение, относящееся к глаголу в инфинитивной или герундиальной форме, стоит в постпозиции:

Daba gusto oír *lo* con su voz tan suave (C. J. Cela).

В письменном языке местоимение может стоять в постпозиции, если предложение начинается с глагола:

Suplícole recoger tijera caso Albino háyase olvidado; dúdolo (T. P. Mechín).

В употреблении местоимений III лица наблюдается целый ряд колебаний, вызванных разнонаправленными тенденциями. Падежные формы оказываются нагруженными и другими грамматическими «заданиями»: различение рода, различение лица — предмета.

Напомним, что еще в староиспанском языке сложилась следующая парадигма неударенных форм III лица:

	Дательный падеж		Винительный падеж	
Муж. р. ед. ч.	le	(< illi)	lo	(<ilium)
Жен. р. ед. ч.	le	(< illi)	la	(< illam)
Муж. р. мн. ч.	les	(< illis)	los	(< illos)
Жен. р. мн. ч.	les	(< illis)	las	(< illas)

Парадигма, рекомендуемая Испанской академией, имеет следующий вид:

	Дательный падеж	Винительный падеж
Муж. р. ед. ч.	le	lo (le) la
Жен. р. ед. ч.	le	los las
Муж. р. мн. ч.	les	
Жен. р. мн. ч.	les	

Причина более значительной вариативности, чем та, которая допускается Академией, кроется в противоречиях, вызванных упразднением падежей в категории имени существительного. Как мы уже знаем, неударенные формы me, te, se, nos, os не различаются по падежам. В категории III лица мужского рода падежная оппозиция (дательный падеж — винительный падеж) имела вид le — lo (les — los) и для женского рода le — la (les — las) (P i d a 1. Manual, 216). В дательном падеже оппозиция по признаку рода отсутствует: мужской род le (les) — женский род le (les), что соответствует ряду me, te, se, nos, os. Формы дательного падежа и винительного падежа смешивались уже в раннюю пору. Это смешение развивалось в следующих направлениях:

1. Формы винительного падежа мужского рода lo (los) могли вытесняться (и вытесняются) частично или полностью формами le (les). Частичная замена форм lo (los) на le (les), или так называемое «частичное leísmo», характеризуется определенным компромиссом: замена lo (los) на le (les) происходит в случае, если местоимения относятся к лицу, если же речь идет о предмете, то формы lo (los) не заменяются. Инициатива такого рода замен приписывается кастильским писателям (G i I i y Gaya. Sintaxis, 233). По данным Р. Х. Куэрво соотношение форм le (для обозначения лица) и lo (тоже для обозначения лица) характеризуется соответственно следующими цифрами: Энсина: 33 — 8; Те-реса де Хесус: 36— нет; Хауреги (андалусиец): 21 — 42; Мариана: 50—1; Сервантес («Новеллы»): 101 — 2; Лопе де Вега: 63 — нет; Тирсо: 39 — нет; Х. Валера («Пепита Хименес»): 66 — нет. У современной испанской писательницы Кармен Лафорет в романе "Nada" («Ничто») по нашим подсчетам соотношение этих форм таково: 86 — 16.

Возможно, что развитию частичного leísmo способствовало стремление разграничить lo мужского рода и lo среднего рода. Последовательное различение по признаку рода приводило в винительном падеже к триаде: мужской род le — женский род 1a — средний род lo (ср. в системе указательных местоимений устойчивое различение по родам:

este — esta — esto, ese — esa — eso, а также aquel — aquella — aquello).

Полное leísmo состоит в том, что le используется не только для обозначения лица, но и предмета. По данным Куэрво соотношение форм le (для обозначения предмета) и lo (также для обозначения предмета) у некоторых испанских писателей характеризуется соответственно следующими цифрами: М. Сьерра: 67 — нет, Эспина: 25 — нет, Бласко Ибаньес: 161 — 7, Гомес де ля Серна: 36 — 2.

Синкретичность le (совмещение значений дательного и винительного падежей) создает гомогенный ряд me, te, se, le. Эта гомогенность нарушается в формах множественного числа, ибо les сталкивается с другим гомогенным рядом nos, (vos), os; форма же los вполне «согласуется» с nos, (vos), os, что, видимо, способствовало сохранению этой этимологической формы. Вследствие этого в зонах, где наблюдается частичное или даже полное leísmo, форма множественного числа les встречается реже, чем los. Например, в упомянутом романе Кармен Лафорет соотношение форм les — los характеризуется цифрами 6— 15. Правило частичного leísmo довольно часто нарушается.

Recuerdo muy bien la primera vez que *le* vi; A la hora de fajina *lo* volví a ver (J. Goytisolo).

Naturalmente *lo* acompañé; me hizo acompañar/e; Juan caminaba de prisa... En los primeros momentos más que ver *lo lo* adiviné a lo lejos; *le* vi dar unos pasos …*y le* seguí; no tenía dinero para perseguir/o (C. Laforet).

Сохранность этимологического lo характерна для испанского языка Америки, хотя и здесь встречаются перебои[1]:

le dijo que aquel hombre *le* había pegado y que Eyzaguirre *lo* había defendido (M. Cañé); Yo *le* vi un poco ... cuando me acerqué a felicitar/o (M. Puga).

Как правило, в разговорной речи латиноамериканцев le (вместо lo) отсутствует.

Причины подобного рода перебоев (т.е. появление формы lo в зонах leístas и форм le в зонах loístas) кроются, во-первых, в том, что система местоимений находится в кризисном состоянии; во-вторых региональная предпочтительность может влиять на индивидуальный выбор (латиноамерикан-

[1] Подробнее см.: Г. В. Степанов. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963, стр. 164—167.

ский писатель может ориентироваться на пиренейскую норму); в-третьих, не ликвидирована вариативность, наблюдающаяся в социальном плане (литературный язык — диалекты); в-четвертых, не преодолена избирательность, зависящая от лексического значения глагола: с глаголами восприятия oír, mirar, ver колебания между le — lo склоняются в пользу lo, а с глаголами типа ofender, odiar, seguir — в пользу le[1].

2. Тенденция к неразличению падежных форм прояви лась и в замене формы женского рода дательного падежа le на форму винительного падежа 1a (так называемое laísmo). Прежняя оппозиция дательный падеж le (les) — винитель ный падеж la (las) снимается: la (las) — la (las). Эта ней трализация падежного противопоставления может быть проиллюстрирована следующим примером:

1a (дат. п.) cogí la cabeza, la (винит, п.) acaricié, la (дат. п.) hablé con más cariño; ... la (винит, п.) mimé contra mi hombro (C. Cela).

Форма la (вместо le) широко известна в Испании (особенно в Мадриде) и совершенно неизвестна в Латинской Америке, во всяком случае в разговорном языке (C h. Kany. American Spanish Syntax, 104).

В романе современного испанского писателя Фернандо Авалос "En plazo" (es una novela de ambiente popular madrileño — говорится в аннотации) мы встречаем преимущественно формы la: Hoy no voy con usted— *la* dijo; Pues sí, hija, lo que la faltaba — dijo Mercedes; al final *la* danjo mismo que a mí; Los miércoles *la* lavo la ropa; la verdad no *la* (a la señora) va muy bien. Отклонения от этого узуса встречаются в романе редко: no *le* dan a una ni lo que *le* pertenece; Ahora soy yo quien *le* da a usted la razón, cuanto más para *darla* (Sic!) ese dinero.

3. Падежная оппозиция le — lo иногда нейтрализуется за счет вытеснения формы мужского рода дательного па дежа le формой винительного падежа lo (это явление можно было бы назвать «полным loísmo»: lo — lo). Оно известно в основном в некоторых латиноамериканских странах (Ch. Kany. American Spanish Syntax, 105—106), т.е. там, где имеет место частичное loísmo. Кроме того, известную роль в развитии полного loísmo может играть то обстоя-

[1] См. по этому поводу: S. F e r n á n d e z . Gramática española. Bogotá, s.a., стр. 194 и след.

тельство, что неударенные формы III лица в дательном и винительном падежах «замещают» не только названия лиц (и животных), но довольно часто и названия предметов, что нехарактерно для соответствующих форм именительного падежа. И все же это явление не получило развития. Более того, в зонах leísmo оно было подавлено в связи с активным распространением «персональной» формы le и подавлением «опредмечивающей» формы lo. Подобные замены, поначалу, могли иметь место при глаголах «персонального действия»: le saludan (me, te, se saludan) или «персональной сферы употребления»: le conocen (me, te, se conocen).

Эта тенденция обособить «персональную» форму le (в ряду me, te) от «неперсональной» lo перекликается, как нам кажется, с предложным оформлением «персональных» существительных в функции прямого дополнения(см. стр. 116). Ударенные формы местоимений винительного падежа a mí, a ti, a sí грамматикализовались именно как «персональные», причем так же как в разряде неударенных местоимений me, te, se падежная оппозиция (дательный падеж — винительный падеж) отсутствует. Использование предлога a с существительным в функции прямого дополнения (в испанском) обычно связывается в сознании с различением существительного, обозначающего лицо, и существительного, называющего вещь.

С учетом географической и социальной вариативности система неударенных местоимений может быть представлена в следующем виде:

	Дательный падеж	Винительный падеж
Муж. р. ед. ч.	le, lo	lo le
Жен. р. ед. ч.	le, la	la
Муж. р. мн. ч.	les, los	los, les
Жен. р. мн. ч.	les, las	las

Следует обратить внимание на то, что все вариантные формы дательного падежа (вторая колонка) целиком воспроизводят парадигму форм винительного падежа (разумеется, это сводная парадигма: в полном виде она не соотносится ни с определенной географической средой, ни с определенной социальной средой).

Признаком литературной нормативности обладают следующие варианты:

1. Форма винительного падежа le — для лиц, lo — для предметов.

2.В качестве форм множественного числа мужского рода винительного падежа могут употребляться los и les.
3.В глагольных конструкциях с se, передающих безличность, предпочтительной является форма les не только для
лиц, но и для предметов.

Личные местоимения I и II лица единственного числа и формы вежливости Usted, Ustedes не имеют специальных форм рода, они содержат выражение мужского и женского рода в одной обобщающей форме, выявляя это значение только в соответствующих синтаксических построениях:

Tú eres tonta — aseguró Celia (F. Avalos). Nadie, créame, la conoce a *Usted* como yo (H. Quiroga).

В отличие от местоимений I и II лица единственного числа местоимения I и II лица множественного числа имеют формы мужского и женского рода:

Claudia y yo preferimos el agua de mar. ¿Por qué no vienes con *nosotras?* (J. Goytisolo); Ahora poneros *vosotras* a discutir — gritó María (F. Avalos).

Форма nosotras употребляется очень редко. Особенно это касается американских вариантов испанского языка. Однако и в самой Испании нередки случаи употребления женщиной формы nosotros. Преимущественное использование формы мужского рода объясняется тем, что nosotros (vosotros), так же как yo, tú, обобщенно выражает содержание мужского и женского рода, тогда как женский род не способен передавать это обобщенное значение:

Dolores hablaba con Miss Bentley: Ustedes ... tienen ... coca cola y pan sintético ... *Nosotros* no (J. Goytisolo).

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ SE

Возвратное местоимение se примыкает к системе личных местоимений; имеет значение исторически совпавших форм дательного и винительного падежей и употребляется при глаголе для обозначения III лица мужского и женского рода в единственном и множественном числе: él, ella se lava; ellos, ellas se lavan. Для остальных лиц употребляются соответствующие формы личных местоимений: yo me lavo, tú te lavas и т.д. С предлогом употребляется форма предложного падежа: a sí, para sí. С предлогом con образовалась особая слитная форма consigo (ср. conmigo, contigo). Фор-

ма предложного падежа a sí может служить для **выражения** прямого дополнения (él se lava a sí) **и** косвенного (él se da cuenta a sí).

Возвратное местоимение, кроме собственно возвратного значения (él se lava), может выражать взаимность действия (Ellos se saludan), служит выражением непереходности (él se dirige a la ciudad), передает значение действия, совершающегося в интересах лица (él se compró una casa), может выражать неопределенно-личное значение (anoche se habló de ti), безличное (no se te ve en ninguna parte), является элементом пассивной конструкции (refleja pasiva: se construye una casa).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Подобно личным местоимениям и в отличие от всех других притяжательные местоимения — их называют местоименными прилагательными — различаются по формам лица (в единственном и множественном числе): mi, tu, su (его, ее, ваш, ваша), nuestro, -a, vuestra, -a, su (их); mis, tus, sus, nuestros, -as, vuestros, -as, sus (их). Притяжательные местоимения, употребляемые самостоятельно, т.е. заменяя существительное, имеют формы: (el) mío, (el) tuyo, (el) suyo, (el) nuestro, (el) vuestro, (el) suyo (соответствующие формы женского рода mía, tuya и т.д.); (los) míos, (los) tuyos, (los) suyos, (los) nuestros, (los) vuestros, (los) suyos (соответствующие формы женского рода mías, tuyas и т.д.). Некоторые грамматисты считают формы mi, tu и т.д. апокопами форм mío, tuyo и т.д. (см., например, Fortoul-Hurtado, 223), что неверно с исторической точки зрения. Формы mi, tu, su, которые не различаются в современном языке по родам, в староиспанском имели противопоставленные пары mía — mío, tua — to, sua — so. Ослабление конечного -a в формах женского рода в -e (mie, tue, sue) и последующее отпадение -e привело к образованию апокопированных форм женского рода mi, tu, su. В процессе упразднения противопоставлений по родам верх одержали этимологические формы женского рода mi, tu, su, став общими для обоих родов (mi madre, mi padre).

Чрезвычайно перегруженной поссесивными значениями оказалась форма III лица единственного числа su, которая означает принадлежность: ему (su de él), ей (su de ella), «этому» (su de ello), вам (su de usted). Омофоном формы **III**

лица единственного числа является форма III лица множественного числа su, означающая 'их' (su de ellos, su de ellas, su de ustedes). Следовательно, su libro может предполагать и одного владельца и нескольких владельцев (его книга, их книга). Соответственно sus libros также может означать и одного и нескольких владельцев (его книги, их книги).

Местоименные прилагательные mi, tu, su всегда ставятся перед определяемым существительным; nuestro, vuestro, которые совпадают с формами, употребляющимися самостоятельно, обычно стоят в препозиции, но могут стоять и в постпозиции. Напротив, формы mío, tuyo, suyo, употребляющиеся в функции местоименного прилагательного, ставятся только после определяемого существительного.

УКЛЗАТЕЛЬН ЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В указательных местоимениях наиболее отчетливо проявляется общее свойство местоимений ориентировать собеседников по отношению к предметам речи. В семантическом плане указательные местоимения делятся на три разряда, определяющие различные положения называемого предмета по отношению к говорящему или слушающему: este, esta (estos, estas) определяют название предмета, который находится близко к говорящему; ese, esa (esos, esas) определяют название предмета, который находится близко от того, к кому обращаются; aquel, aquella (aquellos, aquellas) определяют название предмета, находящегося далеко как от говорящего, так и слушающего.

В функциональном отношении указательные местоимения употребляются или как местоименные прилагательные (este, ese, aquel libro), либо самостоятельно, замещая существительные. Эти последние кроме форм мужского и женского рода имеют формы среднего рода: esto, eso, aquello. В отличие от местоименных прилагательных, указательные местоимения, употребляющиеся самостоятельно, пишутся со знаком ударения: éste, ésta (éstos, éstas), ése, ésa (ésos, ésas), aquél, aquélla (aquéllos, aquéllas). Формы среднего рода не имеют множественного числа.

Триада este — ese — aquel, отражающая различные положения предмета в пространстве по отношению к собеседникам, имеет сходную триаду в системе наречий места: aquí — ahí — allí.

Если бы мы задались целью составить сценарную разработку знаменитой сцены из «Дон Кихота», повествующей о сожжении книг из библиотеки Ламанчского рыцаря (ч. I, гл. IV), то исчерпывающую информацию о мизансценах, в которых участвуют священник и цирюльник, мы получили бы из варьирующихся употреблений указательных местоимений:

"¿Quién es *ese* tonel?" — dijo el cura. *"Este* es" — respondió el barbero — "Don Olivante de Laura." Священник спрашивает о «бочонке» (т.е. о пухлом томе), который находится не у него в руках, а у собеседника, поэтому он говорит ese tonel. Говоря о той же книге, цирюльник называет ее este, а это означает, что Don Olivante de Laura находится у него в руках.

"No, señor compadre — replicó el barbero — que *este* que aquí tengo es el afamado "Don Belianis". Pues *ese* — replicó el cura,... Книгу Don Belianis держит в руках цирюльник, что подтверждается указательным местоимением este и наречием места aquí; священник, как и следовало ожидать, использует местоимение ese.

Указательные местоимения ориентируют не только в реальном пространстве, но и в линейном «пространстве» предложения: Mi madre tenía un hermano y si *aquella* era buena *éste* era malo y muy cruel por añadidura (B. Pérez Galdós). Указательное aquella соотнесено со словом madre, т.е. линейно расположенном далеко, дальше, чем слово hermano, с которым, как с более близким, соотносится éste.

Указательные местоимения в функции определений обычно стоят перед существительными, но возможно и постпозиционное употребление, особенно в разговорной речи:

Pero *esa* tía es que no tiene ni idea; si nos damos prisa el tío *ese* nos quita la firma (F. Avalos).

Смысловая обобщенность и емкость указательных местоимений так велика, что некоторые из них (например, ese) могут выражать не только нейтральную указательность, но и презрение:

El tratamiento humillante que se le da es el de *"ése"* y así que se oye continuamente *"\Ese* rubio!" *"\Ese* de la camisa blanca!", *"\Ese* de la cesta!" (F. Gonzálbez Ruíz).

Указательные местоимения среднего рода esto, eso, aquello относятся не к отдельным существительным, а к целым предложениям, высказываниям:

—¿Qué hay? — preguntó Pepe. — *Eso* — dijo Anita.
—¿El qué? — *Eso* — repitió Anita señalando una carta que había encima del aparador (F. Avalos).

К разряду указательных местоимений относят формы el, la, lo, los, las с предлогом de:

Por fin, contra la brecha del centro y *la de* la derecha (=la brecha de la derecha) avanzaron fuertes columnas (B. Pérez Galdós).

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Репертуар относительных местоимений достаточно разнообразен: que, quien, quienes; el que, la que, lo que, los que, las que; el cual, la cual, lo cual, los cuales, las cuales; cuyo, cuya, cuyos, cuyas. Название «относительные» указывает на анафорический характер слов этой подгруппы (отнесенность к антецеденту). В смысловом отношении они ближе всего стоят к указательным местоимениям. В синтаксическом плане относительные местоимения выполняют функцию союза: они употребляются в придаточных определительных и относятся к названию предмета или лица, которое является определяемым (антецедентом) в главном предложении.

Que не изменяется ни в роде, ни в числе и может относиться как к предметам, так и к лицам:

Son los habitantes de la ciudad *que* van a trabajar ... (B. Pérez Gal dos).

Quien, quienes употребляется только по отношению к лицам. Если антецедентом местоимения quien являются личные местоимения yo, tú, то само quien, будучи «третьим лицом», требует глагольной формы III лица: Yo soy *quien* ama.

El que, la que, lo que, los que, las que состоят из форм артикля и местоимения que и могут иметь своим антецедентом как название предмета, так и лица:

El es *el que* menos tiene que preocuparse (F. Avalos); La universidad no es *la que* tú conoces (J. Goytisolo).

При отсутствии антецедента в главном предложении сочетание el que, la que и т.д. теряет, очевидно, значение единой формы:

Aquí decimos así a *los que* trabajan en Escombreras (J. Goytisolo).

Этот пример можно сопоставить с другим: Me presentaron a *uno que* venía de allí (ib.). Во втором примере uno que, бесспорно, не составляет единой формы: uno относится к составу главного предложения, а относительное que — к придаточному. Подобное расчленение претерпевает los que из первого примера: в артикле los как бы пробуждается указательная природа (≈aquellos) и que становится относительным местоимением, приобретающим функцию союза и вводящим определительное придаточное.

Однако возможно и другое объяснение. Х. Рока считает, например, что в подобных случаях артиклю el, la, los, las трудно придать значение отдельных семантем, а потому он склонен рассматривать артикль как субстантиватор всего следующего за ним выражения, начиная с que... (в нашем примере: *los* que trabajaban). Подобный грамматический эффект некоторые авторы видят в придаточном подлежащем, содержащем элементы el и que[1]: Es una estupidez *el* que te batas (C. Laforet). Форма среднего рода lo que обычно относится к целому предложению, части высказывания:

Pues di *lo que* prefieres; ¿almorzar fuerte ahora o tomar una cosita ligera...? (B. Pérez Galdós).

В современном языке употребление el que (во всех его формах) имеет тенденцию к расширению за счет вытеснения quien, el cual (в особенности при сочетании с предлогами).

El cual, la cual, lo cual, los cuales, las cuales употребляются по отношению к лицам и к предметам. Однако использование его постоянно сокращается за счет расширения употреблений синонимичного el que.

Cuyo, cuya, cuyos, cuyas относятся как к лицам, так и к предметам и согласуются в роде и в числе с существительным, выражающим предмет обладания:

el hombre *cuyas* manos; la mano *cuyos* dedos; la vieja *cuyo*

[1]Ср.: S. G i l i y G a y a. Curso superior de sintaxis española. Barcelona, 1961, стр. 287.

Подробно и интересно эта тема освещена в статье Э. Ф. Бубновской «О придаточных предложениях, вводимых комплексом el que, в испанском языке» («Вестник ЛГУ». История, язык, литература. Вып. I, 1968, №2).

Интересный случай разделения el que запятой (el, que) мы находим в докладе Луиса де Гаспери "Presente y futuro de la lengua española en el Paraguay": No conozco fenómenos de disgregación del idioma español hablado en el Paraguay, el, que como república unitaria que es, no cuenta con zonas... AAF, I, стр. 127 — 133).

sombrero; el sombrero *cuya* cinta (примеры см. Fortoul-Hurtado, 252).

Местоимения que, quien, el que, el cual выполняют в придаточном предложении, которое они вводят, функцию подлежащего или дополнения как прямого, так и косвенного:

El es *quien* nos arrastra (J. Guillen); Es que *lo que* le he dicho está a una legua *de lo que* cree (H. Quiroga).

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

К этому разряду относятся местоимения qué, quién (quiénes), cuál (cuáles), cuánto (cuánta, cuántos, cuántas). Само название этих местоимений указывает на характер их синтаксического использования в вопросительном типе предложений. Специфичность их состоит в том, что они реализуют «частичную вопросительность», т.е. могут относиться к. подлежащему, к именной части сказуемого или к дополнению. В семантическом плане они близки к неопределенным местоимениям (ср. латинское quis, употребляющееся как неопределенное и вопросительное), поскольку вопросительные местоимения по самой своей природе не могут сами определенно характеризовать предмет (например, в смысле принадлежности, местоположения и т.д.), но побуждают собеседника к той или иной конкретной характеристике.

Местоимения quién, cuál употребляются только самостоятельно (¿quién es?, ¿cuál es?), тогда как qué и cuánto могут употребляться и самостоятельно (¿qué es eso?, ¿cuánto vale?), и как местоименное прилагательное (¿qué cosa es?, ¿cuántas libras pesa?). Несмотря на «неопределенность» значения, quién предполагает вопрос только о лице, тогда как qué (в самостоятельном употреблении) — только о предмете. Остальные могут относиться как к лицам, так и к предметам.

Кроме вопросительных предложений местоимения qué, quién, cuál, cuánto часто используются в восклицательных предложениях.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Этот разряд местоимений является наиболее «сборным». Обладая общим семасиологическим свойством неопределенного, неконкретного обозначения предмета, pronombres in-

definidos имеют весьма разнообразные синтаксические функции, неодинаковую морфологическую структуру, различные морфологические признаки, особые взаимоотношения между отдельными членами внутри этого разряда. Сюда включают algo, alguien, alguno (alguna, algunos, algunas), cualquiera, cualesquiera, quienquiera, quienesquiera, uno (una), unos (unas), otro (otra, otros, otras), todo (toda, todos, todas), nada, nadie, ninguno (ninguna, ningunos, ningunas). Последние три выделяют в отдельный разряд отрицательных местоимений (pronombres negativos), поскольку все они указывают на отсутствие предмета, лица или какого-то признака. Некоторые грамматисты объединяют их с неопределенными местоимениями. Для этого есть основания. Во-первых, nada, nadie, ninguno указывают на отсутствие не какого-то конкретного предмета, лица или признака, а всякого предмета, всякого лица, всякого признака, т.е. лишены определенности. Во-вторых, все они имеют положительные (но тоже неопределенно обозначаемые) корреляты: algo, alguien, alguno. В-третьих, «положительное» неопределенное alguno в отрицательных предложениях приобретает смысл отрицательного неопределенного местоимения ninguno (no tengo salida alguna).

Местоимения algo, nada, alguien, nadie, quienquiera, uno употребляются только самостоятельно, остальные — и самостоятельно, и как местоименные прилагательные. Algo и nada могут использоваться в функции наречия (algo cargado de espaldas; nada bueno). Ряд местоимений относится только к лицам: alguien, nadie, quienquiera; другие — только к предметам: algo, nada; третьи — и к предметам, и к лицам. Некоторые местоимения имеют формы рода и числа, например, alguno (усеченный вариант формы algún libro) -a, -os, -as; другие не изменяются в роде, но имеют формы единственного и множественного числа, например, quienquiera, quienesquiera, cualquiera, cualesquiera. Наряду с отмеченной выше смысловой корреляцией algo — nada, alguien — nadie, alguno — ninguno, можно отметить и другие, например, по признаку всеобщности и частичности: todo — algo; по признаку собирательности и разделительности: todos — cada uno (из прилагательного cada+неопределенное местоимение uno).

В структурно-морфологическом плане можно выделить первообразные местоимения: algo, nada, alguien, nadie и др. и производные, образовавшиеся путем транспозиции (например, местоимение с обобщенно-личным значением

uno из числительного uno) или путем сращения двух элементов (например, местоименного quien, cual и глагольного quiera от глагола querer: quienquiera, cualquiera); об этой сращенности напоминают усеченные формы cualquier libro, а о составности — изменение первого элемента при образовании форм множественного числа: quienesquiera, cualesquiera.

ГЛАГОЛ

Глагол — одна из главных частей речи испанского языка — по праву определяется некоторыми испанскими грамматистами как основная ось (eje fundamental) не только глагольного ядра предложения или глагольной синтагмы, но всей грамматической системы испанского языка (см.: M. Criado de Val. Gram., 128). Наиболее характерные черты морфологии испанского языка находят свое выражение именно в глаголе[1].

Еще античные философы и грамматисты (Платон, Аристотель, Аполлоний Дискол, Донат) считали, что имя и глагол являются двумя главными частями речи. На основании этой теории, воспринятой русской грамматикой еще в XVIII веке, сложилось учение о глаголе как о центральной категории языка, которого придерживалась фортунатовская школа.

Другой путь был намечен Ломоносовым, Востоковым, Буслаевым, К. С. Аксаковым и проложен А. А. Потебней, который, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Штейнталя, создал свою философию глагольности — опору его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. По мнению Потебни, глагол — «это высшая, наиболее отвлеченная, наиболее конструктивная и прогрессирующая категория языка». Со становлением «глагола был связан переход от древнего именного строя предложения к глагольному». Потебня полагает, что глагол, обозначая действие, процесс, выделяется из синкретизма первобытного слова уже после имени существительного и прилагательного и, пройдя через стадию причастий и инфинитива, формы, промежуточной между именем суще-

[1]См.: Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М., 1968, стр. 109.

ствительным и глаголом, обрастает категориями лица, вида, времени, наклонения и залога» (В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 422—423).

В Академической грамматике русского языка дано следующее определение глагола: «Глаголы называют действия *(идти, писать, строить, управлять)* или же представляют другие процессы в виде действия, как, например, состояние, проявление признака, изменение признака, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь *(гордиться, заботиться, звучать, зеленеть, любить, расти, слепнуть, спать, стоять, уважать)*.

Все значения глагола, абстрагированные от частного и конкретного, объединяются в общей категории действия, что отличает глагол от других частей речи »(Гр. русск. яз. Т. I, М., I960,стр. 409).« ... особенность глагола как раз в том и заключается, что состояние представляется в нем как протекающее во времени действие. Поэтому при изложении системы глагола достаточно указать, что глагол выражает действие, не повторяя каждый раз: «и состояние». (Там же).

Определение глагола как части речи, выражающей действие или состояние как процесс и т.п., может считаться общепринятым и повторяется с небольшими изменениями и в испанских грамматиках. Бельо критикует традиционное определение глагола (как выразителя действия, состояния и т.д.), считая его «простым перечислением разновидностей глагола по его (лексическому) значению, тогда как определение должно выявлять общую черту всех глаголов, а также то, что отличает его от прочих классов слов; без этого определения не получится» (Bello, § 85, nota III). Рассмотрев критически несколько вариантов общепринятого определения глагола, Бельо предлагает прекратить их обсуждение, так как они порочны в своей основе и если принять их, то слова el movimiento, el susurro... в словосочетаниях el movimiento de la luna, el susurro de las hojas и т.д. также должны рассматриваться как глагол. Однако, с горечью добавляет Бельо, «подобные определения повторяются и будут повторяться, бог знает до каких пор, потому что Грамматика находится под ярмом почитаемой рутины»[1]. Бельо в данном случае, как и во многих других,

[1] A. Bello. Ук. соч. "Sin embargo, se repiten y repetirán, Dios sabe hasta cuando, porque la Gramática está bajo el yugo de la venerable rutina" (стр. 48).

оказывается прав, ибо до сих пор большая часть испанских грамматик придерживается в основном определения глагола, данного Грамматикой Испанской академии, а именно: «Глагол — это часть речи, которая обозначает состояние, действие или восприятие действия (страдательность — pasión), почти всегда с выражением времени и лица» (Грам. Исп. акад., 45)[1]. Так, например, Криадо де Валь пишет: «Глагол представляет процесс, а под процессом следует понимать действия, состояния и явления как нашего ума, так и живых существ, сил природы, которые нас окружают» (M. C r i a d o de V a l. Gram., 105); Роблес Дегано определяет глагол как знаменательное слово, обозначающее что-нибудь посредством действия или восприятия действия (страдательности), т.е. как бы в движении[2]. У Переса Риохи находим: «Глагол (от лат. слова verbum — слово) указывает преимущественно (с указанием, главным образом, времени и лица) процесс или явление, выраженное как действие (acción), событие (suceso) и состояние (estado)» (P é r e z - R i o j a. Gram., 188). Мейе при определении глагола пользуется общим термином «процесс» (proces, нем. Vorgang), понимая под процессом действие, состояние или переход из одного состояния в другое («les proces, qu'il s'agisse d'actions, d'états ou passages d'un éta-t á l'autre». A. M e i l l e t. Sur les caracteres du verbe. I, 175).

Ту же идею выражает и другой французский лингвист Марузо, когда в своем «Словаре лингвистических терминов» он определяет глагол как «Слово, рассматривавшееся древними, как существенный член высказывания (лат. verbum= греч. rhéma) и определяемое современными языковедами как выражающее главным образом процесс[3] (действие, состояние, становление)[4].

[1] "*Verbo* es una parte de la oración que designa estado, acción o pasión, casi siempre con expresión de tiempo y de persona..." и далее.

[2] R o b l e s D é g a n o. Filosofía del verbo. Madrid, 1911, стр. 20.

[8] Процесс. Термин, полученный из лат. processus «который проходит» для обозначения общего понятия, к которому сводятся различные понятия, выраженные глаголом: понятие действия (frapper 'бить', 'стучать'), становления (crottre 'расти'), состояния (demeurer 'проживать'), там же, стр. 242.

[4] См.: J. M a r o u z e a u. Lexique de la terminologie linguistique. Frangais, allemand, anglais, italien. 3[p] edition. P., 1951 и Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 72.

Родольфо Ленц, последователь психологической школы Вундта в области языкознания, различает субстанцию, качество и явление, которым в языке соответствуют существительное, прилагательное и глагол (R. L e η ζ. La oración..., стр. 70). Амадо Алонсо и П. Энрикес Уренья, исходя из идей А. Пфендера о логических понятиях и их отношении к действительности, определяют глаголы как «такие формы языка, при помощи которых реальность (действительность) мыслится нами как поведение подлежащего (субъекта)» и дальше: «Роль глагола в предложении — быть ядром сказуемого, так как к нему прямо или косвенно относятся все дополнения».[1]

Сам Бельо, руководствуясь функциональным или синтаксическим критерием (т.е. производя распределение слов по классам в соответствии с их ролью в предложении), дает следующее определение глагола: «Глагол — это слово, которое обозначает сказуемое (в терминологии Бельо "atributo") предложения, указывая при этом число и лицо подлежащего и время самого сказуемого» ("El verbo es, pues, una palabra que denota el atributo de la proposición, indicando juntamente el número y persona del sujeto y el tiempo del mismo atributo". B e l l o. Gram. §§ 40—41); несколько дальше (в § 476) Бельо добавляет в это определение «и наклонение» (el tiempo y modo del atributo). Однако, несмотря на то, что еще Платон определял глагол как элемент сказуемого, нельзя сводить грамматическое значение глагола к одной предикативности (точнее, к сказуемости), хотя она и является его отличительной чертой с точки зрения синтаксиса.

Если руководствоваться при членении слов по частям речи принципом выделения их по наиболее абстрактному грамматическому значению, в зависимости от которого каждая часть речи обладает своим набором грамматических свойств (морфологических, синтаксических, структурно-словообразовательных, синтагматических), и, как это следует, положить в основу выявления наиболее абстрактного грамматического значения семасиологический принцип (см. стр. 25), то глагол можно определить как часть речи с общеграмматическим значением действия, процессуальности.

[1] A. A l o n s o y P. H. U r e ñ a. Gramática castellana. Segundo curso. Decimosexta edición. Buenos Aires, s.a., стр. 102. Критический разбор концепции этих грамматистов см. на стр. 176.

Итак, основным категориальным признаком глагола как части речи является его семасиологическое свойство передавать значение действия, процессуальности с морфологической точки зрения глагол относится к изменяемым частям речи и характеризуется следующими грамматическими категориями ("morfemas" у Рока Понса, II, 13); лица и числа, времени, наклонения, залога и вида; с синтаксической точки зрения глагол относится к самостоятельным частям речи, но может относиться и к служебным (в качестве вспомогательного глагола и связки); характерным синтаксическим признаком глагола является свойственное ему управление (без предлога и с предлогом), а его основным синтаксическим значением — сказуемость (способность выступать в качестве сказуемого или входить в его состав). В испанском языке не может быть сказуемого без личной формы глагола, которая всегда налицо и выступает либо самостоятельно в функции простого глагольного сказуемого: например, Eloísa *hablaba* despacio y poco, *miraba* fijamente, con bondad, y *no sabía* leer ni escribir (A. M. Matute) или как компонент грамматизованной глагольной формы: El vagabundo *se había levantado* y con lentitud se limpiaba los labios contra la manga (ib.), либо в качестве служебного (полувспомогательного) глагола в составном глагольном сказуемом: Se inclinó sobre la ventana y se *quedó* m i r a n d o al perro, con la barbilla apoyada en las manos cruzadas (A. M. Matute), либо как связка в именном сказуемом: Este es el p á j a r o del frío... éste [es] el de los trigales ... éste [es] el pájaro viajero, éste [es] el de la tempestad (A. M. Matute). Ср. исп. Aquí todos *somos* a m i g o s с русским «Мы все здесь друзья», или исп. Esa *es* c u e s t i ó n aparte с русским «Это особый вопрос».

Глагол в современном испанском языке представляет собой сложную систему многочисленных форм, значительно более развитую, чем у имени. Формы эти характеризуют глагольное действие с точки зрения его отношения к действительности (наклонение), способа его протекания (вид), отношения к моменту речи (время), к субъекту действия (залог), к субъекту речи (лицо) или определяют субъект действия со стороны категории числа, а в некоторых случаях и со стороны категории рода. В систему глагола входят также «неличные» неспрягаемые формы: инфинитив, причастие и герундий. Глагольные формы делятся на два основных разряда:

1. Спрягаемые личные формы со сложной, но четкой морфемной структурой. Для этих собственно глагольных форм характерны все глагольные категории: лица и числа, наклонения, времени, залога и вида. Например: tomo, tomas, toma, tomamos, tomáis, toman и т.д. 2. Неспрягаемые самостоятельно, неличные, глагольно-именные формы глагола (verboides, formas no personales del verbo, formas nominales, etc.): инфинитив (Infinitivo), причастие (Participio), герундий (Gerundio), например: tomar, tomado, tomando. Эти формы лишены категорий лица, времени и наклонения, но могут обладать категориями залога и вида (а причастие— числа и рода), а также сохранять синтаксическое управление глагола.

Некоторые грамматисты (Бельо, 47 и др.) исключают неличные формы из «глагола» на том основании, что они обладают именными свойствами (инфинитив — существительного, причастие — прилагательного и герундий — наречия). Однако тесная связь неличных форм с личными, их роль в видо-временной системе глагола, которая пополняется новыми аналитическими формами, образующимися на базе неличных форм глагола, рост глагольных свойств герундия, особенно в испанском языке Латинской Америки, и т.д. делают целесообразным рассматривать пока «неличные формы» как один из разрядов глагола, занимающий промежуточное положение между глаголом и именем. Исследование взаимоотношения глагола и имени в грамматической системе языка чрезвычайно важно для выяснения закономерностей развития его грамматического строя; оно особенно ярко проявляется в неличных формах глагола (или вербоидах) — инфинитиве, причастии и герундии, в основе которых лежит противоречивое взаимодействие глагольных и именных свойств (см. стр. 223).

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПО ИХ ЗНАЧЕНИЮ И УПОТРЕБЛЕНИЮ

Знаменательные и служебные глаголы

Возможны самые разнообразные группировки глаголов с точки зрения их лексического значения; что же касается их грамматического и лексико-грамматического значения и употребления, то обычно различают: 1) знаменательные и служебные глаголы (вспомогательные и полувспомогательные, а также связочные); 2) личные и безличные гла-

голы; 3) глаголы переходные и непереходные; 4) предельные и непредельные глаголы; 5) местоименные глаголы и др.

Знаменательные (полнозначные) глаголы обладают самостоятельным лексическим значением: trabajar, escribir и т.д. Служебные глаголы неполнозначны, они могут утратить свое лексическое значение и стать вспомогательными глаголами, употребляющимися не самостоятельно, а как часть аналитической (сложной) глагольной формы, например, глагол haber в сложных перфектных формах (haber+ причастие): Le juro que sé guardar un secreto. — Le *he dicho* que no (J.Goytisolo); *Se había levantado* un ventolín fresco (ib.); глагол ser в причастной форме страдательного залога (ser+причастие): — ¿No dice usted que no la ama ni *es amado* por ella? — Sí. (B. Pérez Galdós); глагол estar в форме состояния (estar+причастие): Los castigadores *están pasados* de moda, ¿te enteras? (J. Goytisolo); глагол estar в видовых формах (estar+герундий): *Están haciendo* el caldo gordo a Lucas y, si no me espabilo, me van a guindar el puesto (ib.); глагол tener в видовой результативной форме (tener+причастие): Las extranjeras nos *tienen* mal *acostumbrados*—dijo después de una pausa (ib.); глагол acabar+de во временной конструкции, так называемое Pasado inmediato (acabar de+инфинитив): Rafael *acababa de levantarse* y, mientras la criada cogía las maletas, me llevó a dar un paseo por el jardín (ib.); глагол ir во временно-видовой конструкции, так называемое Futuro inmediato (ir a+инфинитив): *Voy a hacerle* una confesión: a mí, las chiquitas que empiezan, no me interesan (ib.); Lo aguanté unas semanas hasta que un día le dije: "Aguarda, que *voy a telefonear".* Y, todavía me debe estar esperando (ib.); глагол ponerse+a в видовой конструкции, выражающей начало действия (ponerse a+инфинитив): Rosarito inclinó la cabeza y *se puso a mover* las agujas de su labor (R. Valle Inclán); глагол volver+a в видовой конструкции, выражающей возобновление, повторение действия: Jacobo inclinó la cabeza besándole las manos: — ¿Y cuándo *volveremos a vernos}* — ¡Quién sabe, amor mío!... Cuando pueda escaparme otra vez (ib.); глагол haber +de в модальной конструкции, выражающей долженствование в виде обязательства (haber de+инфинитив): — No, mujer: de mí no *ha de salir* ... (A. M. Matute); глагол hay+que в модальной безличной конструкции со значением «необходимо, нужно» (hay que+ инфинитив): — Me llevo el coche — explicó —. *Hay que*

cargarte las baterías. (J. Goytisolo); глагол **tener+que в** модальной конструкции (tener que+инфинитив), выражающей необходимость, неизбежность выполнения какого-нибудь действия: Por colmo, *tuve que aóompañar* a Balta y los otros, y me quedé a dormir con ellos... (ib.); глагол **deber+de** в модальной конструкции, выражающей вероятность, предположение о совершении действия: *Debemos de ' estar llegando* ... (J. Izcaray).

Однако эти же глаголы могут, одни более, другие менее часто, употребляться и самостоятельно, вне конструкции, как полнозначные, т.е. со своим лексическим значением, например: Le dije que *tener* un hijo no era ninguna tontería (J. Goytisolo); Sí, *tienes razón.* Las mujeres somos unas egoístas (ib.); En la terraza del Central *no había* nadie de la peña y dimos la vuelta a la plaza (ib.); El *estaba* en el centro del puente, impávido y blanco, como un álamo (A. M. Matute).

Многие глаголы, преимущественно глаголы движения и состояния, также выполняют роль служебных глаголов, но при этом сохраняют в большей или меньшей степени свое основное значение и являются полувспомогательными глаголами; они образуют в сочетании с одной из неличных форм глагола (с инфинитивом, причастием или герундием) лексико-синтаксические описательные конструкции модального, видового или временного характера (в зависимости от лексического значения глагола). В этих конструкциях полувспомогательные глаголы выполняют свою служебную роль, осуществляя согласование составного глагольного сказуемого, выраженного подобной конструкцией, с подлежащим, обозначая лицо, число, время, наклонение, т.е. все грамматические категории, присущие личным спрягаемым формам глагола, которых лишены (вовсе или отчасти) неличные формы глагола. Например: La ventana *seguía* a b i e r t a y, medio en sueño, oí reír y gritar a los niños (J. Goytisolo); Expliqué a Herminia que no tenía apetito y *permanecí* t e n d i d a sobre la cama (ib); *Continuaron* s o l t a n d o badejadas y me pregunté si todo el verano estaría entre gente así (ib.); La moto *seguía* z i g - z a g u e a n d o delante de nosotros y, al llegar al pie de las rocas, se detuvo (ib.).

При чрезвычайном богатстве в испанском языке самых разнообразных конструкций, которые образуются из сочетания служебного глагола с одной из неличных форм его (причастия, герундия, инфинитива) в качестве знаменательного слова, и принятом обощении их под весьма

широким названием «описательные (или перифрастические) конструкции» вопрос о выделении из их числа грамматизованных (аналитических) конструкций (или форм) очень важен.

Весьма характерной для испанского языка, как и для других романских языков Пиренейского полуострова, при их уже широко развитой системе глагольного спряжения, является живая тенденция к пополнению видо-временной системы глагола новыми аналитическими формами, образующимися на базе неличных форм глагола[1].

Аналитическая форма (или конструкция) возникает в результате длительного и постепенного процесса грамматизации описательной лексико-синтаксической конструкции, в итоге которого служебный глагол полностью утрачивает свое лексическое значение и становится «вспомогательным» (формальным), тогда как служебный глагол в лексико-синтаксических конструкциях, сохраняя в той или иной мере свое лексическое значение, остается «полувспомогательным» (полуформальным)[2]. Поэтому можно согласиться с тем, что «аналитическая конструкция (иначе — аналитическая форма слова) — понятие грамматическое (точнее — морфологическое)»[3].

Обращает на себя внимание прогрессирующая грамматизация описательных конструкций в испанском, как и в других пиренейско-романских языках, и переход некоторых из них в качестве новых аналитических форм в морфологию Огромное число лексико-синтаксических конструкций как бы выстраивается в ряд за своими грамматизованными «моделями» выражения соответствующей грамматической категории: времени, залога, вида, состояния, модальности и т.д.

[1] См.: О. К. Васильева-Шведе. Некоторые закономерности грамматического строя иберо-романских языков. — В сб.: «Вопросы романского языкознания». Материалы первого всесоюзного совещания по романскому языкознанию. Кишинев, 1963, стр. 67.

[2] См.: О. К. Васильева-Шведе. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол estar+герундий). — В сб.: «Романо-германская филология». ЛГУ, 1957, стр. 107 — 137; ее же: «Об аналитических глагольных конструкциях в иберо-романских языках». — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 108 — 112.

[3] См.: В. Н. Ярцева. Проблема аналитического строя и формы анализа. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М. —Л., 1965, стр. 68—69.

Выяснение этих «моделей» очень важно для уточнения характеристики грамматического строя этих языков. Можно проиллюстрировать превращение самостоятельного формального слова в морфему знаменательного слова[1], показав, как в одном и том же литературном памятнике XII в. одновременно употребляется аналитическая конструкция определенного грамматического значения, т.е. раздельно оформленная глагольная форма, и глагольная форма с тем же значением как цельнооформленная единица, в которой вспомогательный глагол превратился в морфему и стал глагольным аффиксом, например, форма кондиционала: *Conbídar* le *yen* de grado, mas ninguno non osaua (Сид, 21) «они охотно его пригласили бы, но никто не осмеливался» и наряду с этим: *osarien* (Сид, 64) (=conbidaríen) и др. (тот же кондиционал); форма будущего от глагола ir и др. *ir* ge lo *he* и iré и т.д.

Имеется обширная литература по вопросу о так называемых описательных конструкциях в романских языках[2], но склонность большинства зарубежных исследователей изучать тончайшие оттенки всех глагольных конструкций, не пытаясь отделить грамматизовавшиеся конструкции, входящие в парадигму глагола, от лексико-синтаксических, остающихся в области лексики, приводит порой к «хаотическому нагромождению материала» и мало способствует уточнению характеристики грамматического строя того или иного языка.

Связочные глаголы служат связкой в составном именном сказуемом, реализуя его согласование с подлежащим. Связочный глагол по преимуществу в испанском — это глагол ser, который, как и в качестве вспомогательного глагола в причастной форме страдательного залога, утрачивает собственное значение, т.е. грамматизуется. При глаголе ser именной частью может быть существительное и прилагательное. С прилагательным в именной части нередко употребляется в качестве связки глагол estar (см. стр. 95), который также склонен грамматизоваться. В роли связочных могут употребляться и другие глаголы, например, глаголы движения ir, andar, реже venir и глаголы

[1] В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М. — Л., 1965, стр. 8.

[2] См. обстоятельную работу J. Roca Pons "Estudios sobre perífrasis verbales del español" с библиографией. (Madrid, 1958), посвященную в в основном перифразам с глаголами состояния и причастиями.

состояния hallarse, quedarse и др. Некоторые другие, главным образом, непереходные глаголы, выполняя функцию простого глагольного сказуемого, например, **в** Eloísa *se quedó* q u i e t a , mirando **a** la pared (A. M. Matute) могут служить одновременно связующим звеном между прилагательным (quieta), оказывающимся как бы в роли именной части сказуемого, относящейся к подлежащему (Eloísa), и герундием, служащим в качестве наречия, характеризующего действие глагола-сказуемого (se quedó). Глагол в предложениях подобного рода выполняет по отношению к имени важную функцию, осуществляя его предицирование подлежащему, а имя прилагательное выступает здесь не как атрибутивное, но как предикативное определение к подлежащему[1]. Подобные предложения занимают промежуточное положение между предложениями с именным сказуемым и со сказуемым глагольным, как это и отмечается рядом грамматистов (см. Рока Понс, 20).

Эти конструкции будут оставаться в пределах именного составного сказуемого, пока сохраняется согласование прилагательного в роде и числе **с** существительным (местоимением) в функции подлежащего. Если же согласование будет нарушено, глагол, выступающий в качестве связки, станет самостоятельным глаголом в функции простого глагольного сказуемого.

Переходные и непереходные глаголы

Переходность и непереходность глаголов определяется по сочетаемости с прямым дополнением, т.е. синтаксически. Деление глаголов на переходные и непереходные затруднено тем, что многие глаголы могут употребляться в равной степени и как переходные, и как непереходные, например, глаголы cantar, pasear и др. Учитывая неопределенность различий между теми и другими, Вандриес выдвинул следующий критерий для их разделения: «Поскольку понятие о переходном глаголе предполагает дополнение, можно бы назвать переходным всякий глагол, действие которого имеет объект, выраженный во фразе, а непереход-

[1] См.: Н. Л. Т ρ а у б е ρ г. К вопросу о глагольно-именном сказуемом в современном испанском языке (построения типа habla alegre). Автореферат канд. дисс. М., 1955; S. Q i I i y G a y a . Ук. соч., стр. 72.

ным, напротив, всякий глагол, употребленный без дополнения»... (Ж. В а н д р и е с . Язык. М., 1937; стр. 106).

Действительно, переходность или непереходность некоторых глаголов можно определить лишь функционально. Ср., например: ...en la orilla defrío *canta* un ruiseñor (R. Valle Inclán), где cantar выступает как непереходный глагол, и ...ve una enorme multitud con banderas que *canta* h i m n o s de a l e g r í a (C. Arconada), где глагол cantar сопровождается прямым дополнением (himnos de alegría) и выступает как глагол переходный. Или примеры с глаголом pasar, который по своему основному значению является непереходным, но может употребляться как переходный, приобретая фактитивное значение: Por el camino *pasaban* dos arrieros a caballo (R. Valle Inclán). Juntos *pasábamos* l a r g a s h o r a s por las noches en la muralla (B. Pérez Gal dos).

Переходными глаголами (verbos transitivos) в испанском языке мы будем называть глаголы, которые имеют при себе прямое дополнение, обозначающее предмет (или лицо), на который распространяется действие глагола: dar, tomar, levantar и т.п.:

Le *di* un d u r o para que me reservaran un ejemplar y *atravesé* l o s j a r d i n e s de la plaza (J. Goytisolo); *Toma* la c a r t e r a el rey, l a *mira*... (A. de Saavedra); Los chulos *levantaron* a P e p e V e r a (Fernán Caballero).

Однако не все существительные, сопровождающие глагол в предложении, непременно являются объектом действия или его результатом: существительные в предложении, сопутствующие глаголу без предлога, не всегда выступают в функции прямого дополнения, т.е. они могут быть обстоятельством, которое уточняет место, где происходит действие, время его или меру. Семантический анализ предложения способствует выяснению функции подобного существительного[1]. Некоторые лингвисты склонны считать переходными глаголы, сопровождаемые косвенным дополнением с предлогами, утратившими свое конкретное лексическое значение (a, en и др.). и называют эти глаголы косвенно-переходными[2]. Однако подобное суж-

[1] См.: Е. Р е ф е р о в с к а я . Переходность и непереходность во французском языке. — В сб. статей «Романо-германская фило логия». Л., 1957, стр. 236-247.

[2] См., например:» A. B l i n k e n b e r g . Le probléme de la transitivité en franjáis moderne. Copenhague, 1960.

дение делает еще менее отчетливьши границы между переходными и непереходными глаголами и увеличивает неясность в этом сложном вопросе.

Непереходные глаголы (verbos intransitivos) в силу самого своего значения не имеют при себе прямого дополнения, например: nacer, brillar и т.п.:

El albor de la mañana, en sus matices de rosa, me trae la imagen preciosa de mi maja sevillana, y en sus variados colores me pinta las lindas flores del suelo donde *nací,* donde inocente reí, donde primero sentí mis amores (J. Zorrilla); En medio del descampado *brillaban* las últimas brasas de la hoguera (R. Valle Inclán).

Другие, являясь по преимуществу переходными, могут употребляться и как непереходные, ср., например: Toma la cartera el rey, 1 a *mira* ... También la ilustre princesa 1 a *mira* y 1 *a mira* ansiosa, la reconoce y advierte de sangre en ella una gota (A. de Saavedra) и *Miró* en torno, y de su seno sacó y repasó esta carta (A. de Saavedra); Pero es que, *mire* usted, doctor, necesito que usted, que es tan comprensivo, le ayude un poco a remontar el ánimo... (J. Calvo Sotelo).

Употребление некоторых непереходных глаголов в качестве переходных связано с дифференциацией их лексического значения, ср., например: Por el camino *pasaban* (проезжали) dos arrieros a caballo (R. Valle Inclán) и Juntos *pasábamos* (проводили) largas horas por las noches en la muralla (B. Pérez Galdós); El verano *pasó*. Luego el otoño y el invierno (A. M. Matute). Наличие прямого дополнения ограничивает сферу действия глагола, она становится более узкой, а значение глагола — более конкретным. Без дополнения значение глагола шире и более абстрактно.

Иногда непереходные глаголы употребляются как переходные с так называемым внутренним дополнением, повторяющим и уточняющим смысловое значение глагола, например: vivir una vida larga, но при этом прямое дополнение обычно имеет определение. Эта конструкция восходит к латинскому обороту, известному под названием « figura etymológica ».

Переходные глаголы, принимая местоименную форму, могут становиться непереходными, например: construir и construirse, formar и formarse и др. Вопрос о переходности и непереходности глагола связан с понятием залога.

В связи с разнообразным характером прямого дополнения (ср., например, construir una casa, leer un libro,

amar una persona, etc.) некоторыми лингвистами ставится вопрос об уточнении определения переходности глаголов: глаголы с прямым дополнением, которое выражает реальное изменение в предмете, означенном прямым дополнением, или предмет, созданный в результате действия глагола, называют "realmente transitivos" (действительно переходными), а глаголы, действие которых не отражается на соответствующем его объекте, называют "pseudo-transitivos" (псевдопереходными). Ср. pintar una puerta, construir una casa и mirar un espectáculo. В случаях, когда прямое дополнение выражает каким-либо образом результат действия глагола, глагол называют так же "resultativo" (результативным) (см. Рока Понс, стр. 15). Рока Понс склонен считать переходными глаголы, которые с логической точки зрения имеют на это право, но грамматически лишены его. Например, глагол acordarse (вспоминать): me acuerdo de mi país (вместо: recuerdo mi país). В обоих случаях, по мнению Рока Понса (стр. 16), мы имеем дело с настоящим прямым дополнением, т.е. с переходными глаголами. Вряд ли можно согласиться с этим, грамматически не обоснованным, мнением.

Предельные и непредельные глаголы

К «предельным» (verbos desinentes o perfectivos) относятся глаголы, в значении которых заключено понятие предела. Они выражают направленность действия к конечной цели (=пределу), с достижением которой действие должно «исчерпать себя» и прекратиться: morir, nacer и т.п.

К «непредельным» (verbos permanentes o imperfectivos) относятся глаголы, выражающие действие в его протекании, не ограниченном каким-либо пределом: querer, mirar и т.п.

Распределение глаголов по их «предельности» или «непредельности» очень условно, так как непредельные глаголы в некоторых синтаксических условиях могут приобретать значение предельных и наоборот. Например, глагол hacer (делать) в hacer castillos en el aire (строить воздушные замки) выступает как «непредельный», а в hacer un punto (поставить точку) — как «предельный» и т.д. Непрерывное повторение действия, выраженного предельным глаголом, может придать этому глаголу характер непредельного, например, глагол saltar, когда речь идет о постоянно действующем вулкане, и т.п. (Хили и Гайа, § 45).

Название «предельные» и «непредельные» глаголы принято в советском языкознании. Зарубежные лингвисты применяют и иную терминологию: «терминативные» и «курсивные» глаголы (Х. Педерсен, А. Нурен и др.)[1], «конклюзивные» и «неконклюзивные» глаголы (О. Есперсен)[2], «целевые» и «нецелевые» глаголы (Г. Гэрей)[3] и др.

Языковая категория предельности и непредельности не получает нигде в языке прямого и непосредственного грамматического выражения. Однако, не имея морфемного выражения, она обнаруживает себя косвенно через взаимодействие с собственно грамматическими категориями. Так страдательные причастия непредельных переходных глаголов имеют значение настоящего времени, а соответствующие причастия предельных глаголов — значение прошедшего времени: amado — любимый, тот, которого любят, а cortado — разрезанный, тот, которого разрезали.

С предельностью или непредельностью глаголов связана, например, ограниченность употребления причастной формы страдательного залога (voz pasiva), а именно: предельные глаголы, как правило, не могут употребляться в так называемых tiempos imperfectos, т.е. во временных глагольных формах с видовым оттенком незавершенности действия, в частности, в Presente и Imperfecto de Indicativo (см. стр. 187).

В имперфектных временных формах свое внимание говорящий фиксирует на течении или длительности действия, не интересуясь его началом или концом. В перфектных временных формах подчеркивается ограниченность во времени.

Имперфектными считаются все простые временные формы спряжения испанского глагола, за исключением простого прошедшего (Pretérito simple, canté): canto, cantaba,

[1] Эти термины впервые были введены Дельбрюком (B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Bd. II. Strasbourg, 1897, стр. 15) и позднее приняты многими другими исследователями; см.: H. Pedersen. Zur Lehre von den Aktionsarten. KL 37, 1904, стр. 221; Adolf Noreen. Várt språk. Nysvensk grammatik i utforlig framstallning. Bd. V. Lund, 1904 — 1912 и в русском переводе их V тома книги «Наш язык» в сб. «Вопросы глагольного вида», под ред. Ю. С. Маслова, М., 1962, стр. 335—344.

[2] О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 318-321.

[3] Howard B. Gara y. Verbal Aspect in French. Lg., 33, 1957, №2, стр. 91—110 и в русском переводе в сб. «Вопросы глагольного вида», под ред. Ю. С. Маслова, М., 1962, стр. 345—354.

cantaré, cantaría, cante, cantara o cantase, cantare. Перфектные формы — простое прошедшее (Pretérito simple, canté) и все сложные формы. Однако Грамматика Испанской академии включает в имперфектные формы и простое прошедшее (Pretérito indefinido в терминологии Исп. акад. — canté) на том основании, что глагол в этой форме якобы не указывает, закончено действие или нет ("si la acción está o no terminada")[1] и смешивает при этом перфективность (предельность) действия с его окончанием во времени, за что Хили и Гайя справедливо критикует Грамматику Испанской акдцемии и, присоединяясь к точке зрения Бельо (§ 626), признает Pretérito simple перфектной формой.

Глагол ser в Presente или Imperfecto встречается обычно с адъективированным причастием предельного глагола и тогда образует не грамматическую сложную глагольную форму страдательного залога, а свободную конструкцию в предложении — составное именное сказуемое, состоящее из связки (глагола ser) и именной части (atributo sujetivo). Такая конструкция выражает наличие признака, сообщенного субъекту (выраженному подлежащим) в результате действия, которое совершено ранее времени, обозначенного связкой (т.е. формой глагола ser): El salón e r a *dorado* y de un gusto francés, feminino, y lujoso (R. Valle Inclán). Однако предельные глаголы при некоторых особых условиях (а именно: при наличии двух или более «производителей» действия или обстоятельств, что подчеркивает видовое значение повторности действия) меняют видовую характеристику выражаемого ими действия, выступают как непредельные глаголы и могут употребляться в Presente и Imperfecto de Indicativo страдательного залога, например: A cada instante e r a el poeta *interrumpido* por los aplausos, las felicitaciones, las alabanzas (B. Pérez Galdós); Las calles e r a η a cada instante *atravesados* por escuadrones de tropas (ib.).

Причастная форма страдательного залога от непредельных глаголов может употребляться во всех временных

[1] "Como tiempo relativo expresa unas veces el hecho o acción como incipientes, y otras como terminados, según la signiíicación del verbo. Así, cuando digo: *Leí tu carta y en seguida hice la recomendación,* expreso que la recomendación fue hecha después de terminar la lectura de la carta; al paso que cuando digo: *vio a su hijo y se echó sobre el,* indico que el acto de echarse se verificó al mismo tiempo que el acto de ver, en aquel mismo momento, sin esperar a ver del todo" (Gr. A. E. § 294, b).

формах, в том числе (хотя и реже) в Presente и Imperfecto: Yo sé la causa; lord Gray e s *cunado* por una de Ustedes (B. Pérez Galdós); La mas pequeña comisión, el negocio de menor cuantía, e r a n por él *mirados* con la misma atención (M. Romanos).

Начало изучению данного явления положил Фридрих Диц, обративший внимание на изменение временного значения в причастных формах страдательного залога в зависимости от глагола, от которого образовано причастие этих форм. Диц назвал выделенные им классы глаголов «совершенными» (Perfectiva) и «несовершенными» (Imperfectiva), не учитывая значения этих терминов в славянских грамматиках[1]. Некоторые испанские грамматисты пользуются и сейчас этими терминами: см. verbos perfectivos и imperfectivos у Хил и и Гайа и др., наряду с verbos desinentes o permanentes (Бельо).

По вопросу о предельности и непредельности существуют весьма различные мнения. Некоторые ученые называют «(не)предельность» «лексическим видом» (Гэрей)[2], многие относят ее к «способам действия» (AKtionsart). Хили и Гайа неудачно использует термин "aspecto" для обозначения видовой окраски действия, обусловленной лексическим значением глагола; например, глагол florecer (расцветать) — начинательный (инкоативный) глагол по своей семантике, а глагол enojarse (начинать сердиться, рассердиться) становится начинательным благодаря прибавлению местоимения se к глаголу enojar, который лишен инкоативного значения. Однако при этом Хили и Гайа сам же отмечает, что необходимо различать в каждом отдельном случае, обусловлена ли видовая характеристика действия семантикой глагола или выражена грамматическими средствами (Хили и Гайа, § 118). Более последовательно употребляют соответствующие термины А. Алонсо и Э. Уренья в своей Грамматике, различая "modo de la acción" (способ действия) и "aspecto" (вид), когда видовая характеристика глагола связана с ее формальным выражением грамматическими средствами.

Понятие предельности или непредельности, заключенное в лексическом значении глаголов, отнюдь не совпадает с грамматической категорией «вида» (Aspekt).

[1] См.: F r. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen. Teil. III. Dritte Aufl. Bonn, 1872, стр. 203.

[2] См.: B. G a r a y. Ук. соч., стр. 200.

«Предельность» и «непредельность» занимает промежуточное положение между «способом действия» и «видом» и, таким образом, находясь как бы между лексикой и грамматикой, может быть рассматриваема как пограничная, «лексико-грамматическая категория»[1].

МЕСТОИМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Местоименными называются глаголы (verbos pronominales), имеющие в инфинитиве форму на -se: atreverse, lavarse и т.п.; они соответствуют русским глаголам на -ся: 'осмеливаться', 'мыться' и т.д.; -se как и -ся по своему происхождению является возвратным местоимением. При спряжении -se отделяется от глагола и, являясь показателем 3 и 6-й форм (III лица единственного и множественного числа), предшествует личной форме глагола, соответственно заменяясь в 1 и 2-й, 4 и 5-й формах (I и II лица единственного и множественного числа) формами me, te, nos, os. При Vd., Vds употребляется форма se: ...profirió estas palabras: — "Yo *me lavo* las manos" (B. Pérez Galdós); ...*quedóse* un momento contemplando a su amante con expresión de alegre asombro (R. Valle Inclán); *¡Quédate,* Eulalia!.. — ¡No puedo, Jacobo! ¡No puedo! (ib.); *Se detuvo* enjugándose dos lágrimas que abrillantaban el iris negro y apasionado de sus ojos (ib.); Un día el Mundelo empezó a *sentirse* enfermo (A. M. Matute); Las mejillas *nos ardían* y *nos llevábamos* las manos al pecho para sentir el golpe del corazón (ib.); Corrí, para verles como *se iban... arrimándose* a la roca (ib.). Далеко не каждому испанскому местоименному глаголу соответствует в русском языке глагол с частицей -ся (lavarse — мыться и др.). Лексическое значение многих испанских глаголов с -se может передаваться в русском языке непереходным глаголом без частицы -ся, например: helarse (замерзать), secarse (сохнуть)и т.д. И,

[1] См.: I v a n P o l d a u f . Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu, Studie a práce linguistické, I, K. 60, narozeninám ak. B. Havránka, Praha, 1954, стр. 220—223; в сокращ. русском переводе — И в а н П о л ь д а у ф . Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. — В сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, где автор говорит о категории (не)предельности, как о «лиминальной абстракции, лежащей между абстракциями грамматическими и лексическими» (стр. 80—88); см. также: И. П. И в а н о в а . К вопросу о типах грамматического значения. - «Вестник ЛГУ», 1956, №2, стр. 105—116.

наоборот, русским глаголам с частицей -ся в ряде случаев соответствуют испанские глаголы без -se, например: учиться (aprender), продолжаться (durar), спускаться (descender), подниматься (subir), бороться (luchar) и т.д.

В современном испанском языке можно выделить следующие разновидности местоименных глаголов: 1) глаголы, которые употребляются только в форме с -se (me, te, nos, os) и называются в испанских грамматиках pronominales o reflejos obligatorios (собственно местоименные), например: arrepentirse, atreverse, dignarse, desvergonzarse, quejarse и др.: Porque son, niña, tus ojos verdes como el mar, *te quejas* (G. A. Bécquer); 2) глаголы, которые наряду с формой на -se и пр. имеют соотнесенную неместоименную форму и называются verbos pronominales o reflejos ocasionales (случайно местоименные глаголы). Они могут образовываться как от переходных глаголов lavar — lavarse, cerrar — cerrarse, так и от непереходных: subir — subirse. Изменение формы переходного глагола в местоименную влечет за собой превращение его в непереходный глагол, например: construir — construirse, formar — formarse и др.

Форма на -se обладает залоговой многозначностью; se (me, te, nos, os), присоединенное к переходному глаголу, обычно служит показателем различных залоговых значений: возвратности, взаимности и др.; ср., например, *Acercó* después el comerciante una silla (A. Palacio Valdés); и Yo *me acerqu*é al hogar, donde ardía un fuego miserable (R. Valle Inclán), где me acerqué — местоименный глагол со значением среднего залога. Некоторые непереходные глаголы с присоединением -se и т.д. могут приобретать эмфатический характер, и тогда употребление их имеет стилистическое значение: morir — morirse, reír — reírse; quedar— quedarse, subir — subirse и др. Ср.: Luego entre suspiros, me contó que (el enfermo) *había muerto...* (R. Valle Inclán) и ¡Tengo sed! *Me muerol* ¡Me abraso! (G. A. Bécquer); Las criadas *se reían,* pero el viejo parecía no enterarse (A. M. Matute); Ср.: Augusta *quedó* un momento pensativa (R. Valle Inclán) и Si *me quedo* allí unas horas más, me cogen (J. Izcaray).

Подобное употребление местоименных глаголов связано с так называемым «дополнением интереса» (complemento de interés, в латинской грамматике — dativus ethicus): Se *bebió* una botella de vino, где se при глаголе beber с прямым дополнением (una botella), т.е. употребленном как переходный, подчеркивает субъект, который производит дей-

ствие. С присоединением se к непереходным глаголам связано образование неопределенно-личной конструкции с формой, соответствующей форме 3-го лица единственного числа личных глаголов: se dice (говорят, говорится), se fuma (курят) и т.п.: Yo no creo lo que en pueblo *se dice* de ellas (=de las niñas dé Troya) (B. Pérez Galdós). En ocasiones tales, ni *se almuerza* a las horas de costumbre, ni *se encuentra* nada de lo que *se busca,* ni *se respira* otra cosa sino un polvillo sutil (Luis de Tapia).

Неопределенно-личная конструкция se dice, se fuma (а также dicen, fuman — 6-я форма, 3-е лицо множественного числа, ср. русское «говорят») компенсирует отсутствие в испанском языке неопределенно-личного местоимения (ср. on во французском языке — on parle français; man в немецком — man spricht deutsch — se habla español и т.д.). В староиспанском имелись соответствующие неопределенно-личные местоимения: orne и др., но в современном языке они не сохранились.

У некоторых непереходных по своему основному значению глаголов наличие частицы -se (в качестве словообразующего элемента) обозначает изменение лексического значения глагола: ir (идти) — irse (уходить), dormir (спать) — dormirse (засыпать), encontrar (находить, обнаруживать) — encontrarse (находиться, пребывать), ср., например; ...y la mujer sintió como un tirón dentro, igual que años atrás cuando *iba* a la fuente milagrosa (A. M. Matute); Cuando *se fueron,* Elisa fingió descubrir mi presencia y *se santiguó* (ib.); ...el campanillo ... despertaba un eco en los montes lejanos donde *dormían* los lobos (R. Valle Inclán); Se echó vestida, encima de la cama de hierro. Se *durmió* (A. M. Matute).

Глагол в местоименной форме может иметь залоговые значения страдательного залога, среднего, возвратного и взаимного (см. стр.190—192). В большинстве случаев своего употребления местоименные глаголы в основе своей многозначности имеют особое отношение субъекта действия к самому действию: в одних случаях субъект является одновременно и объектом действия (se lava, se levanta и т.д.) или по крайней мере действие реализуется в нем — глагол становится непереходным; в других случаях отношения эти имеют характер специального эмоционального интереса субъекта к действию (se bebió un vaso de leche). Различные значения имеют глаголы, ставшие непереходными в результате присоединения к переходным глаголам -se: ir —

irse, marchar — marcharse; в некоторых случаях кроме непереходности глагол приобретает новую видовую окраску — перфективность (предельность). С присоединением -se глагол приобретает способность выражать начало действия, т.е. получает ингрессивную видовую характеристику, которая является разновидностью перфективности (предельности) и т.д. При большой многозначности местоименных глаголов подытожить и систематизировать все их значения — дело не легкое и требует специального исследования. Попытка Ларошетт связать многозначность местоименных глаголов в испанском языке со значением среднего залога в греческом не встречает сочувствия у испанских грамматистов[1].

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

Лицо и число

Категория лица в глаголе тесно связана с категорией лица в классе местоимений: в системе глагола столько же лиц, сколько личных местоимений (В. Виноградов, 452). В испанском языке роль личных местоимений как показателей лица при глаголе весьма незначительна по сравнению, например, с французским языком. То обстоятельство, что флексия испанского глагола в большинстве случаев имеет четко выраженные формальные показатели лица и числа, делает употребление личных местоимений при испанском глаголе необязательным (за исключением некоторых глагольных форм, имеющих одинаковые флексии I и **III** лица единственного числа: amaba, amaría, amara, amase и др.). Чаще же всего испанские личные местоимения, будучи свободными от грамматической нагрузки, используются для логического (эмфатического) подчеркивания лица, совершающего то илиТиное действие (см. стр. 110). Ср.: Bailé con él (había renunciado a molestarme) y cambiamos sarcasmos respecto a Gregorio (J. Goytisolo) и Después de unos minutos de tiovivo, Enrique renunció y se detuvo frente al Central. — *Nosotros* nos quedaremos

[x] См.: J. L a r o c h e t t e. Les aspects verbaux en espagnol ancien. — « Revue des langues romanes», 68, 1939; Les aspects verbaux en espagnol contemporain. — « Revue Belge de Philologie et Histoire », XXIII, 1943 и Р о к а П о н с. Ук. соч., стр. 33.

quí — dijo (ib.). Обычная корреляция: говорящий, автор речи — yo (I лицо) противопоставляется слушающему, собеседнику— tú (II лицо) и кому-то или чему-то третьему **(III** лицо) (él, ella, ello) — в испанском языке осложняется подключением к **III** лицу формы обращения usted (ustedes), в результате чего формы **III** лица, отличные в грамматическом отношении от форм I и II лица, оказались неоднородными по составу: формы **III** лица — él, ella, ello различаются по родам, а форма обращения usted не имеет форм рода и сходна в этом отношении с yo, tú. Возникло и новое, неграмматическое противопоставление tú — usted (см. стр. 112). При свойственном испанскому языку, как и другим романским языкам, синкретичном выражении грамматических категории, флексия всегда выражает две грамматические категории — лица и числа: I лицо единственного числа— 1 форма -o (Presente de Indic.), -0 (нулевая) — (остальные формы, кроме Pretérito simple); II лицо единственного числа — 2 ф. -is, -0 (Imperativo); III лицо единственного числа — 3 ф. -0 (все формы, кроме Pretérito simple); I лицо множественного числа — 4 ф. -mos; **II** лицо множественного числа — 5 ф."-is, -d (Imperativo) и **III** лицо множественного числа — 6 ф. -п. Что касается Pretérito simple, то для него характерны особые варианты флексий: **1** ф. -é, **-í;** 2 φ. **-ste; 3** φ. **-ó;** 4 φ. **-mos;** 5 φ. **-steís** и **6** φ. **-ron.** Самыми стабильными показателями лица и числа* являются **-mos** (в 4-й форме для I лица множественного числа) и -п (в 6-й форме для **III** лица множественного числа), которые проходят по всей системе в разных вариантах флексий, во всех глагольных модально-видо-временных парадигмах, в том числе и в Pretérito simple; показатель -s (во 2-й форме для II лица единственного числа) также проходит через всю систему, кроме Pretérito simple. Стабильность -s подтверждается появлением^ его Ги в Pretérito simple в диалектных формах ^испанского языка: tú tomastes вместо tú tomaste, etc.[1]. В 5-й форме **(II** лицо множественного числа) основной вариант **-is** входит как часть в вариант **-steis. Н. А.** Катагощина и Е. М. Вольф, признавая неясным вопрос о месте в системе испано-американской формы на **-ás/-és/-ís,** которая сочетается с местоимением vos, склонны рассмат-

[1] См.: Н. А. К а т о г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-ро-манская подгруппа. М., 1968, стр. 130—134 и C h. Капу. American-Spanish Syntax. Chicago, 1945, стр. 64.

ривать ее в функциональной системе современного языка как 2-ю форму и говорить о варианте 2-й формы, противопоставленном основному варианту по акцентной структуре, ср. tú hablas — vos hablás, tú comes —vos comés (стр. 131), но, учитывая ее происхождение из 5-й формы, по-видимому, целесообразнее считать -s вариантом флексии -is.

1 и 3-я формы имеют несколько вариантов флексий, преимущественно ø (нулевую) (для I лица во всех формах, кроме Presente и Pretérito simple, и для III лица во всех формах, кроме Pretérito simple). Таким образом, показатель лица и числа 2, 4, 5 и 6-й форм всегда выражен отдельной морфемой и имеет более или менее единообразные варианты, а показатель 1 и 3-й форм не выражен специальной морфемой или выражен разнообразными по фонологической структуре вариантами. Противопоставление 1 и 3-й форм всем другим по морфемной структуре наблюдается и в других частях системы испанского глагола[1].

Среди лингвистов возникал вопрос о целесообразности ввести четвертое лицо для некоторых случаев, например: él le pega (él — третье лицо, a le может относиться к четвертому); делаются попытки также определить четвертое лицо как инклюзивное, в противоположность первому лицу множественного числа, которое является эксклюзивным, т.е. обладающим более узким значением, относящимся к более узкому кругу лиц (Рока Понс, 76).

Необходимое соотношение между глагольной формой и категорией лица не всегда сохраняется. Например, иногда третье лицо употребляется в значении первого, когда говорящий употребляет глагол в третьем лице. Vd. (usted) по смыслу обозначает второе лицо, несмотря на свою форму третьего лица и т.д. Множественное число не выражает отношение одного к нескольким, например, nosotros в действительности не является множеством vos. III лицо имеет ряд отличий от I и II, например: оно может относиться к вещам, таким образом термин «лицо» становится условным.

[1] Подробнее см.: Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. Вольф. Ук. соч., стр. 131—133 и о различиях в трактовке морфемной структуры глагольных форм, там же, стр. 120 и след., а также И. А. М е л ь ч у к. Модель спряжения в испанском языке. — «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Вып. 10, М., 1967; R. H a l l. Spanish inflection. — "Studies in linguistics", No/3, 1945, стр. 27 и след.; S. S a p o r t a. Spanish person markers.*— "Language", vol. 35, №4, 1959.

III **лицо может иногда употребляться вместо первого или** второго, **но не** наоборот. Брёндаль правильно отмечает, что речь идет скорее о соположениях, чем о настоящих лицах[1]. Последователь структуральной теории Ельмслева Хольт полагает, что лицо — это омонексуальная морфема, т.е. она действует только в одном и том же нексусе (предикативном сочетании слов) или предложении и основывается на контрасте между субъективностью и объективностью. Три термина, относящиеся к данной грамматической категории, распределяются следующим образом: первый — это термин или положительный член, второй — это отрицательный и третий — нейтрален, как полагает и Брёндаль. По мнению Хольта, первое лицо — субъективно, второе — объективно, а третье — нейтрально[2].

Время

Грамматическая категория времени — одна из основных категорий испанского глагола — служит для выражения предшествования, одновременности и последовательности действия по отношению к моменту речи, который может быть отнесен к плану настоящего, прошедшего и будущего. В индоевропейском глаголе преобладал вид. В современных западных языках глагол в первую очередь выражает время, но не вполне отказывается от вида. В испанском языке, как и в английском, имеется грамматическая категория вида, которая находит свое выражение в видо-временных формах, составляющих часть всей видо-временной системы испанского глагола (см. стр. 213). По вопросу о языковом выражении естественного времени и его подразделений существуют различные теории. Так, например, Есперсен предлагает установить систему, в которой было бы с одной стороны настоящее, а с другой — прошедшее и будущее, от которых зависели бы предпрошедшее и послепрошедшее по отношению к прошедшему, и предбудущее и послебудущее по отношению к будущему («Философия грамматики», стр. 229 и след.). Однако языковая дей-

[1] V. B r a n d a l. Le concept de personne en grammaire et la nature du pronom. — « Journal de Psychologie », 1939, n°s 3-4, стр. 175.

[2] J. H o l t. Etudes d'aspect. — "Acta Jutlandica". Aarskrift for Aarhus Universitet, XУД2. Aarhus — Kabenhavn, 1943 и A l a r c o s L l o r a c h. Ук. соч., стр. 69—70.

ствительность оказывается сложнее этой схемы. Например, в испанском имеются различные типы прошедших (Pretérito simple, Pretérito compuesto или Presente perfecto, Imperfecto), два предпрошедших (Pluscuamperfecto и Pretérito anterior) и послепрошедшее (Condicional), будущее (Futuro) и предбудущее, в качестве которого может выступать Presente; настоящее представлено Presente de Indicativo и de Subjuntivo и отчасти Presente perfecto, которое может обозначать действие в прошлом, законченное в настоящем, как расширенное настоящее. Настоящее не обязательно относится к данному моменту, а может охватывать гораздо большее временно́е пространство. Настоящее противостоит с одной стороны будущему, с другой — прошедшему. Бельо определяет Presente как «сосуществование признака (=сказуемого) с моментом речи» (§§ 622, 623). Р. Ленца не удовлетворяет определение Бельо, и он добавляет, что глагольная форма настоящего времени прежде всего обозначает обычное действие (la acción habitual), периодическое или длящееся, без ограничения во времени и т.д. Перечисляя различные виды «настоящего», Ленц, кроме того, прибегает к противопоставлению особых видов: Presente "práctico" (с более широким значением) и "teórico" (совпадающим с моментом речи) (La oración..., § 297 и след.). Амадо Алонсо и Энрикес Уренья отмечают, что в Presente действие глагола совпадает с актом речи, но это не означает еще, что действие происходит только в данный момент (No indica pues, que ocurra *solamente* en la actualidad, sino que ocurre en la actualidad (Грам., 151). Рока Понс подчеркивает, что Presente имперфективно, но иначе, чем Imperfecto. Presente предельных глаголов выражает настоящее не в смысле актуальной реализации действия, например, llega не указывает вообще совпадения осуществления действия с моментом речи, а скорее обозначает приближение к завершению процесса. В исключительных случаях и с предельными глаголами возможно выражение мгновенного действия в настоящем, например: lo expulso de Vd. de (см.: J. R o c a P o n s. Introducción. II, 47). Обычно различают el Presente actual и el Presente habitual, выражающие действие на протяжении настоящего времени, которое не совпадает с моментом речи, а лишь пересекается с ним. Подобная актуальность может иметь настолько общий характер, что она захватывает и прошедшее, когда речь идет о действии, которое всегда осуществлялось: — Tengo vino... — dijo ella, con timidez.

Si usted quiere... *Lo guardo,* siempre, para cuando viene a verme mi Manuel (A. M. Matute). Настоящее обычное может противополагаться прошедшему или будущему. El Presente general близко к обычному настоящему (Presente habitual), оно имеет как бы вневременной характер, менее дифференцировано по сравнению с прошедшим и будущим, можно сказать более нейтрально в отношении времени. Оно служит для выражения общеизвестных понятий, законов природы и т.п.: El sentimentalismo vano, el misticismo, la fiebre, la alucionación, el delirio, *desaparecen,* y el que antes era enfermo, hoy *está* sano, y *se goza* con placer indecible en la justa apreciación de las cosas (B. Pérez Galdós). Историческое настоящее (el Presente histórico) употребляется для большей живости рассказа при описании прошедших событий, когда хотят их актуализировать; настоящее вместо будущего (el Presente pro futuro) употребляется часто с глаголами движения: salimos mañana..., а также с предельными глаголами, выражающими действия как бы в будущем, хотя речь о них идет в настоящем: Soy un hombre. — ¡Un miserable! Acabemes: yo te niego a mi hija, yo te la niego. — ¡Pues yo la tomaré! *No tomo* más que lo que es mío (B. Pérez Galdós). Иногда при этом употреблении настоящего вместо будущего появляется у действия дополнительный модальный оттенок решительности или уверенности. Форма настоящего времени для выражения действия в будущем употребляется и в протазисе условных предложений 1-го типа: Si *va,* le daré una tarjeta con mi dirección y podremos ir los dos juntos, o con nuestras señoras... (J. Goytisolo).

Прошедшее обладает наиболее разнообразными временными и видовыми оттенками. В испанской видо-временной системе различаются временные формы абсолютные и относительные; первые служат для выражения действия самого по себе, независимого, а вторые — для выражения его в отношении к другому действию или моменту времени. Сложное прошедшее (Pretérito compuesto или Presénte perfecto) и простое (Pretérito simple) по существу своему абсолютны, а предпрошедшие (Pluscuamperfecto и Pretérito anterior) в основном относительны. Imperfecto по преимуществу относительно. Но и так называемые абсолютные временные формы могут употребляться в относительной функции, например: No bien *se sosegó,* principió a desnudarse con una celeridad febril (P. A. de Alarcón). Между значениями временных форм прошедшего времени (импер-

фект, прошедшее простое и сложное) существует видовое различие. Что касается различия по большей или меньшей давности действия, то между значениями имперфекта и простого прошедшего такого различия нет, и имперфект лишь имеет более относительный характер, чем простое прошедшее. Но между этими временами и сложным прошедшим может существовать различие по времени. Следует иметь в виду, что в значении сложного прошедшего имеется двойственность: с одной стороны, выражение действия, законченного в прошлом и связанного с настоящим, с другой стороны, результат этого действия. Испанское прошедшее сложное (с гл. haber) служит для выражения первого, тогда как испанские аналитические формы с гл. tener и estar с причастием — для второго, как и древнегреческий перфект. В испанском перфектные (сложные) формы (гл. haber+причастие) обозначают как бы предшествование действию, выражаемому соотносительной простой формой. Так, перфектная (сложная) форма (Presente perfecto или Pretérito compuesto) выражает предшествование настоящему (Presente). Предпрошедшее (Pluscuamperfecto) — предшествование претериту (Pretérito simple), будущее перфектное или сложное (Futuro perfecto o compuesto) — будущему простому (Futuro simple) и т.д. В сослагательном наклонении перфектные (сложные) формы выражают также предшествование — Presente perfecto (или Pretérito compuesto) de Subjuntivo — в плане настоящего, по отношению к действию, выраженному настоящим (Presente) и относящемуся к настоящему или будущему и оба Pluscuamperfecto I и II — в плане прошедшего, по отношению к действию, выраженному Imperfecto I или II и др. временными формами прошедшего времени. Сложное прошедшее (Presente perfecto или Pretérito compuesto) употребляется главным образом в разговорной речи: Ya ve usted: por ahí dicen que estoy loca. Loca porque le *he quitado* del campo *γ le he mandado* a aprender un oficio. Porque no quiero que sea un hombre quemado por la tierra, como fué su pobre padre (A. M. Matute). Одно и то же прошедшее действие может выражать, в зависимости от обстоятельств, относительное временное значение в любой из трех временных форм прошедшего времени, а также видовой характер действия. Однако, хотя и не всегда, настоящий интерес к действию в прошедшем сложном передается в большой временной близости этой формы к настоящему. Если сравнить следующие формы: yo pedía, yo pedí, yo he pedido,

то между ними трудно обнаружить какую-либо временную разницу как абсолютную, так и относительную. Чаще всего временное различие между значениями имперфекта и простого прошедшего вместе с видовым различием выражается в относительном характере имперфекта и в абсолютном характере простого прошедшего; а также разница между имперфектом и сложным прошедшим заключается в том, что оно является абсолютным. Но большею частью различие между всеми этими тремя временными формами глагола — видовое, хотя оно и является второстепенным по отношению к временному. Pluscuamperfecto и Pretérito anterior по существу своему относительны. С точки зрения времени они выражают действие, предшествующее другому действию или времени в прошлом. Различие между ними заключается в том, что Pretérito anterior выражает действие, непосредственно предшествующее другому действию или моменту времени в прошлом: Aún *no nos habíamos sentado* a la mesa cuando llamaron al médico (A. M. Matute) и Yo *había pensado* al principio que Dolores quería hacerme alguna confidencia pero en seguida comprendí que *había huido* del Bahondillo por el mismo reflejo que yo (J. Goytisolo); Así que *me hubo lavado* y *aliñado* un poco, salí a dar un paseo por la ciudad (A. Palacio Valdés). В современной норме испанского языка Pretérito anterior фактически вышел из употребления, уступив свое малозаметное место простому прошедшему. Например: Apenas *terminé* de comer (a не hube terminado de comer) besé al abuelo y fingí subir a acostarme (A. M. Matute); Lope *buscó* las botas y se las calzó. En la cocina, Francisca, la hija, había calentado patatas con pimentón. Lope las engulló de prisa, con la cuchara de aluminio goteando a cada bocado (ib.).

В отличие от временных форм индикатива формы субхунтиво не имеют определенно выраженного временного значения, так имперфект может относиться к любому из временных периодов — настоящему и будущему: Rafael debía pasar la noche fuera y ordené a Herminia que *no me despertase* bajo ningún pretexto (J. Goytisolo); A media tarde, conseguí que me *depositaran* frente al Central (ib.); Magda quería que *fuera* a su casa a jugar al siete y media pero me cerré a la banda y dije que deseaba estar sola (ib.).

Сложное прошедшее сослагательного наклонения может относиться к прошедшему и будущему и только Pluscuamperfecto относится исключительно к прошлому: De haberlo sabido nunca la *hubiese llamado* (J. Goytisolo); Esta mañana, *te*

hubieras reído, me hizo la gran escena de la reconciliación (ib.).

Сложный кондиционал также имеет значение только прошедшего: ...me replicó inhumanamente: — ¡Bah! De no haberle comido sus padres, *habríale comido* su novia. (M. de Unamuno); Dios mío, *se habría muerto* de hambre si el no le recoge... (A. M. Matute), а простой, несмотря на свое основное значение настоящего или будущего может относиться к прошедшему, когда выражает вероятность или возможность: Ella bien *podría* frisar en los treinta años (R. Valle Inclán); *Tendría* cerca de cincuenta años y no hablaba casi nunca (A. M. Matute). В данном случае наречие cerca является избыточным, его употребление может быть вызвано ослаблением модального значения кондиционала в современной норме испанского языка.

Временные формы будущего времени служат для выражения действия, которому предстоит осуществиться. Поскольку с будущим связана известная неуверенность, представление лишь о вероятности, т.е. как о возможности так и невозможности осуществления действия[1], формы будущего времени имеют довольно разнообразную и порой яркую модальную окраску, например: Tráeme la ropa, Garduña, ya que *estará* seca... (P. A. de Alarcón); ¿Que hora *será!* — *Serán* las tres и т.п. В подобном употреблении модальное значение выступает на первый план, а временная отнесенность к будущему стирается, и действие может быть отнесено к настоящему. С временным значением Futuro simple употребляется для выражения будущего действия, т.е. последующего по отношению к моменту речи: Yo *estaré* allí después de media noche. Te *diré* lo que he resuelto y lo que debes hacer... Ya te *contaré.* Esto es largo y debe ser hablado. He jurado que esta ausencia de ti *concluirá* pronto, y *concluirá.* El corazón me dice que te *veré.* Maldito sea yo si no te veo (ib.). Функциональные возможности выражать модальное значение, присущие формам будущего времени, расширяются с помощью аналитических форм, образовавшихся из грамматизованных конструкций глагола ir a с инфинитивом в первую очередь, а также из конструкций глаголов haber de, tener que с инфинитивом и др.

[1] «...мы знаем о будущем меньше, чем о прошедшем, а поэтому нам приходится говорить о нем в более неопределенных выражениях». (О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, **стр.** 304).

Эти формы могут служить для уточнения некоторых модальных оттенков выражения действия в будущем, a ir a с инфинитивом — употребляться с тем же грамматическим значением, что и Futuro и Condicional (см. стр. 246): Se me ha ocurrido... le *vamos a dar* al niño una sorpresa: verá usted, le *vamos a decir* que el Rey Melchor vendrá en persona a traerle los juguetes...; Ande usted, no cavile, y *vamos a darle* esa alegría al niño. El tiempo ya se encargará de amargársela... (A. M. Matute); Ay, pero que no se entere don Vicente, que menudos chillos me *iba a dar*... (ib.); ¡Y quien dice otra cosal Nadie *tiene que andarme* a mí con compasiones. (A. M. Matute); Muchacha *has de ayudar* en la cocina. Toda la tarde será tuya, pero la mañana me la empleas a mí (ib.). Глаголы движения со значением «ходить», «приходить» и т.п. часто употребляются вообще для выражения будущего действия (см. франц. Je vais écrire) и отнюдь не всегда с оттенком близкого будущего: Mañana estará la casa de bote en bote: toda la parentela del alcalde y mil gorrones que *se vienen* a celebrar a esta casa la fiesta... (ib.)

Как известно, в испанском, как и в других романских языках, формы футуро и кондиционала являются результатом слияния двух элементов: инфинитива и вспомогательного глагола, большею частью восходящего к лат. habere в синкопированной форме настоящего и прошедшего времени соответственно (см. стр. 140).

Этимологическое значение данного сочетания соответствовало современному значению аналитической модальной формы гл. haber de с инфинитивом: — No, mujer; de mi *no ha de salir*... (A. M. Matute); Pero *yo he de hacerme* el dormido, para que el rey nose lo malicie y se vaya sin dejarme nada; así con un ojo abierto, le veré como entra y como deja regalos (ib.); Entreten a la chica, enséñale los pájaros... *He de ir* a avisar a su casa... (ib.); см. также употребление грамматизованной модальной конструкции с hay que и инфинитивом: Mire usted, que de la chica *habrá que pensar* algo (A. M. Matute).

В испанском языке кроме формы простого абсолютного будущего индикатива (Futuro simple) имеется и сложная форма (Futuro compuesto) относительного будущего. В форме сложного будущего выражается вероятность в прошлом: Sí: en mi segundo — afirmé señalando al techo — vive la querida del director de no sé que ramo; una tal Felisa, que llaman la chocolatera... La *habrás oído* nombrar; la *ha·*

brás visto alguna vez. Es guapa, un poquito ajada (B. Pérez Gal dos). Futuro compuesto (o anterior) служит для выражения предбудущего, т.е. действия, предшествующего другому действию или моменту времени в будущем. Обе формы кондиционала (Condicional) некоторыми грамматистами рассматриваются как формы будущего времени, например, Хили и Гайя называет Condicional гипотетическим будущим (el futuro hipotético) (Gili y Gaya, 145—152). Кондиционал действительно может иметь значение будущего по отношению к прошедшему: Sabía que Antonio la *mataría.* Estaba segura de que la *mataría.* Le conocía bien (A. M. Matute); Total: que nos despedimos en la calle de Goya, acordando que me *convidaría* el lunes próximo, y que yo no *iría;* al otro lunes debía ir retirándome un ratito después de comer (B. Pérez Gal dos); ср. выражение будущего по отношению к настоящему: — Mira lo que te digo, muchacha: este año *bajarás* a la fiesta. ...Así es. Bien *tendrás* danza y baile, Eloísa. ¡Malo *será* que no encuentres buen noviol... Y, de éstas, pronto *celebraremos* bodas. ¡Te aseguro que te *haré* buenas bodas, Eloisal (A. M. Matute). Формы будущего времени сослагательного наклонения фактически в современном испанском языке не употребительны. Кроме выражения предстоящего действия Futuro может выражать действие с различными модальными оттенками, иногда заглушающими основное значение действия, которое не осуществилось (в прошлом), не осуществляется (в настоящем), но осуществление которого ожидается в будущем. Модальный оттенок возможности или уступительности, например, может относиться даже к настоящему времени или к прошедшему (serán las cinco), или в ответ как утверждение él es sabio — lo será (ср. русское: Это будете вы? т.е. Это — вы?). Как глагольная форма настоящего времени может при описании действий, совершившихся в прошлом, для большей живости повествования и наглядности представить их как бы совершающимися в момент речи, сейчас (так называемое Presente histórico)[1], так и действия, которым предстоит совершиться, могут

[1] Есперсен, основываясь на попутном замечании Бругманна, предпочитает именовать эту разновидность Presente «драматическим настоящим временем» или «неисторическим», так как «говорящий при этом отвлекается от истории и рассматривает то, что случилось в прошлом, так, как если бы это происходило в настоящее время у него на глазах». (Философия грамматики. М., 1958, стр. 301.

быть выражены не Futuro и т.п., а Presente, т.е. формой настоящего времени, не говоря уже об употреблении, имеющем грамматический, а не стилистический характер, формы Presente после si в протазисе условного предложения: ¡Si me *contesta* usted con lágrimas y suspiros, me conmoverá, pero no me convencerál (B. Pérez Galdós); El médico no se hace esperar. Se llama don Severino y es un viejo simpático, hablador, jovial; lleva al viajero adentro y le convida a galletas y a jérez: galletas, una lata honda, eterna; jérez, una botella. — Si se *acaba* ya pediremos más (C. Cela).

Очень развитая в испанском языке модально-видо-временная система глагола охватывает большое число форм — до 212 для каждого глагола, при условии, если считать все простые глагольные формы индикатива и субхунтива, все сложные (перфективные) формы, образованные вспомогательным глаголом haber с причастием, и все, как простые так и сложные видовые формы, образованные вспомогательным глаголом estar и герундием спрягаемого глагола. Если же не считать фактически выпавшие из функциональной системы современного испанского языка временные формы Pretérito anterior и Futuro de Subjuntivo и ограничиться спрягаемыми (личными) формами, то общее количество форм в испанском языке равно 182 или 189, если включать в общее число как спрягаемые (личные), так и неспрягаемые (неличные) формы: инфинитив, герундий и причастие. Число форм для каждого глагола можно исчислять по-разному: объединяя спрягаемые (или личные) формы с неспрягаемыми (неличными) или рассматривая их отдельно; учитывая все временные глагольные формы глагольной системы, в том числе и вышедшие из употребления в норме современного языка Futuro de Subjuntivo и Pretérito anterior или исключая их, как это предлагает Н. Д. Арутюнова[1], рассматривая и учитывая только простые формы, поскольку сложные формы строятся в конечном счете из тех же морфем, что и простые, или учитывая также и сложные, причем только ли образованные со вспомогательным глаголом haber, так сказать перфектные формы или все аналитические формы, входящие в видо-временную систему испанского глагола

[1] См.: Н. Д. Арутюнова. Морфологические категории и структура слова в испанской языке (существительное и глагол). — В сб.: «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 222-302.

(видовые — estar с герундием, форма состояния estar с причастием, причастная форма страдательного залога со вспомогательным глаголом ser, видовая результативная форма — tener с причастием и временные, видовые и модальные конструкции с инфинитивом) и т.д.; наконец, существуют различные точки зрения на способы морфемного анализа: С. Сапорта говорит о трех составляющих форму морфемах, относя тему к окончанию[1], Р. Холл относит тематическую гласную к основе, говоря о трех основах каждого глагола, например: cant-, canta-, cantar-[2]; Е. М. Вольф, следуя членению глагольных форм на четыре морфемы, принятому у И. А. Мельчука[3], различает четыре типа морфем, из которых, путем их последовательного соединения, можно построить все существующие в языке глагольные формы. Это — формообразующая основа, тематическая гласная (тема или показатель основы), суффикс (один или более) и флексия, например: habl-a-ba-mos. Возможны и другие способы морфемного анализа форм. Подробно и наглядно морфемная структура форм испанского глагола описана в полезной книге Н. А. Катагощиной и Е. М. Вольф[4], где освещена роль каждой из структурных единиц-морфем, составляющих глагольную форму в парадигме глагола в целом, для стандартных глаголов и отдельно для нестандартных, даны схемы моделей, по которым строятся глагольные формы, и т.д.[5].

Систему видо-временных форм спрягаемых (личных) форм глагола можно представить в виде схемы: А для индикатива и В для субхунтива. Схема С представляет подсистему неспрягаемых (неличных) форм глагола. (См. прилагаемые схемы.)

[1] См.: S. S a p o r t a. Morpheme alternants in Spanish. "Stru ctural studies on Spanish themes". Ed. H. Kahane, A. Pietrangelio. Urbana, 1959 и его же: "Spanish person markers", "Language", v. 35, No. 4, 1959.

[2] R. H a l l. Spanish inflection. — "Studies in linguistics". No 4, 1945.

[3] И. А. М е л ь ч у к. Модель спряжения в испанском языке. — «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Вып. 10, М., 1967.

* Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа. М., 1968, стр. 116 и след.

[6] Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Там же, стр. 110—152 и след.

". 163

A. гл. HABLAR (непредельный, непереходный)

Modo Indicativo. Voz activa. Изъявительное наклонение. Действительный залог.

		Formas simples 1. Простые формы	Formas continuas 2. Длительные простые	Formas perfectas (compuestas) 3. Сложные (перфектные) формы	Formas perfectas continuas (compuestas) 4. Длительные сложные (перфектные)
Настоящее	1. *Presente*	1. hablo 2. hablas 3. habla 4. hablamos 5. habláis 6. hablan	1. estoy hablando 2. estás hablando 3. está hablando 4. estamos hablando 5. estáis hablando 6. están hablando	1. he hablado 2. has hablado 3. ha hablado 4. hemos hablado 5. habéis hablado 6. han hablado	1. he estado hablando 2. has estado hablando 3. ha estado hablando 4. hemos estado hablando 5. habéis estado hablando 6. han estado hablando
Прошедшее	2. *Imperfecto*	1. hablaba 2. hablabas 3. hablaba 4. hablábamos 5. hablabais 6. hablaban	1. estaba hablando 2. estabas hablando 3. estaba hablando 4. estábamos hablando 5. estabais hablando 6. estaban hablando	1. había hablado 2. habías hablado 3. había hablado 4. habíamos hablado 5. habíais hablado 6. habían hablado	1. había estado hablando 2. habías estado hablando 3. había estado hablando 4. habíamos estado hablando 5. habíais estado hablando 6. habían estado hablando
	3. *Pretérito*	1. hablé 2. hablaste 3. habló 4. hablamos 5. hablásteis 6. hablaron	1. estuve hablando 2. estuviste hablando 3. estuvo hablando 4. estuvimos hablando 5. estuvisteis hablando 6. estuvieron hablando	*1. hube hablado 2. hubiste hablado 3. hubo hablado 4. hubimos hablado 5. hubisteis hablado 6. hubieron hablado	*1. hube estado hablando 2. hubiste estado hablando 3. hubo estado hablando 4. hubimos estado hablando 5. hubisteis estado hablando 6. hubieron estado hablando

Будущее	4. *Futuro*	1. hablaré 2. hablarás 3. hablará 4. hablaremos 5. hablaréis 6. hablarán	1. estaré hablando 2. estarás hablando 3. estará hablando 4. estaremos hablando 5. estaréis hablando 6. estarán hablando	1. habré hablado 2. habrás hablado 3. habrá hablado 4. habremos hablado 5. habréis hablado 6. habrán hablado	1. habré estado hablando 2. habrás estado hablando 3. habrá estado hablando 4. habremos estado hablando 5. habréis estado hablando 6. habrán estado hablando
	5. *Futuro en el pasado (Condicional)*	1. hablaría 2. hablarías 3. hablaría 4. hablaríamos 5. hablaríais 6. hablarían	1. estaría hablando 2. estarías hablando 3. estaría hablando 4. estaríamos hablando 5. estaríais hablando 6. estarían hablando	1. habría hablado 2. habrías hablado 3. habría hablado 4. habríamos hablado 5. habríais hablado 6. habrían hablado	1. habría estado hablando 3. habrías estado hablando 3. habría estado hablando 4. habríamos estado hablando 5. habríais estado hablando 6. habrían estado hablando
		—	estar + Gerundio	haber + Participio	haber + Participio estar + Gerundio

B. гл. HABLAR (непредельный; непереходный)

Modo Subjuntivo. Voz activa. Сослагательное наклонение. Действительный залог.

		Formas simples	Formas continuas	Formas perfectas (compuestas)	Formas perfectas continuas (compuestas)
		1. Простые формы	2. Длительные формы	3. Сложные перфектные формы	4. Длительные перфектные (сложные) формы
Одновременность и сложные формы — предшествование другому действию или моменту времени в прошлом	1. *Presente*	1. hable 2. hables 3. hable 4. hablemos 5. habléis 6. hablen	1. esté hablando 2. estés hablando 3. esté hablando 4. estemos hablando 5. estéis hablando 6. estén hablando	1. haya hablado 2. hayas hablado 3. haya hablado 4. hayamos hablado 5. hayáis hablado 6. hayan hablado	1. haya estado hablando 3. hayas estado hablando 3. haya estado hablando 4. hayamos estado hablando 5. hayáis estado hablando 6. hayan estado hablando
	2. *Imperfecto I* (форма на -se)	1. hablase 2. hablases 3. hablase 4. hablásemos 5. hablaseis 6. hablasen	1. estuviese hablando 2. estuvieses hablando 3. estuviese hablando 4. estuviésemos hablando 5. estuvieseis hablando 6. estuviesen hablando	1. hubiese hablado 2. hubieses hablado 3. hubiese hablado 4. hubiésemos hablado 5. hubieseis hablado 6. hubiesen hablado	1. hubiese estado hablando 2. hubieses estado hablando 3. hubiese estado hablando 4. hubiésemos estado hablando 5. hubieseis estado hablando 6. hubiesen estado hablando
	3. *Imperfecto II* (форма на -ra)	1. hablara 2. hablaras 3. hablara	1. estuviera hablando 2. estuvieras hablando 3. estuviera hablando	1. hubiera hablado 2. hubieras hablado 3. hubiera hablado	1. hubiera estado hablando 2. hubieras estado hablando 3. hubiera estado hablando

		4. habláramos	4. estuviéramos hablando	4. hubiéramos hablado	4. hubiéramos estado hablando
		5. hablarais	5. estuvierais hablando	5. hubierais hablado	5. hubierais estado hablando
		6. hablaran	6. estuvieran hablando	6. hubieran hablado	6. hubieran estado hablando
	4.	*1. hablare	*1. estuviere hablando	*1. hubiere hablado	
		2. hablares	2. estuvieres hablando	2. hubieres hablado	
	Futuro	3. hablare	3. estuviere hablando	3. hubiere hablado	
		4. habláremos	4. estuviéremos hablando	4. hubiéremos hablado	
		5. hablareis	5. estuviereis hablando	5. hubiereis hablado	
		6. hablaren	6. estuvieren hablando	6. hubieren hablado	
					Imperativo
					habla hablad

Modo **Indicativo** (Изъявительное наклонение):

A. 1. 1) Presente simple 2) Presente continuo
3) Presente perfecto 4) Presente perfecto continuo
2. 1) Imperfecto simple 2) Imperfecto continuo
3) Imperfecto perfecto (Pluscuamperfecto) 4) Pluscuamperfecto continuo
3.1) Pretérito simple 2) Pretérito continuo
3) Pretérito anterior 4) Pretérito anterior continuo
4.1) Futuro simple 2) Futuro continuo
3) Futuro perfecto (o compuesto) 4) Futuro perfecto continuo
5. 1) Futuro simple en el pasado (Condicional) 2) Futuro continuo en el pasado
3) Futuro perfecto (o compuesto) en el pasado 4) Futuro perfecto continuo en el pasado

Modo Subjuntivo (Сослагательное наклонение):

A. 1. 1) Presente de Subj. 2) Presente continuo de Subj.
3) Presente perfecto (compuesto) de Subj. 4) Presente perfecto continuo de Subj.
2. 1) Imperfecto I de Subj. (Forma en -se) 2) Imperfecto I continuo de Subj. (Forma en -se)
3) Pluscuamperfecto I de Subj. (Forma en -se) 4) Pluscuamperfecto I continuo de Subj. (Forma en -se)
3. 1) Imperfecto II de Subj. (Forma en -ra) 2) Imperfecto II coninuo de Subj. (Forma en -ra)
3) Pluscuamperfecto II de Subj. (Forma en -ra) 4) Pluscuamperfecto II continuo de Subj. (Forma en -ra)
4. 1) Futuro 2) Futuro continuo de Subj. (Forma en -re)
3) Futuro perfecto (o compuesto) (Forma en -re)

Примечание 1. Звездочкой отмечены временные формы, фактически не употребляющиеся больше в норме современного испанского языка. Форма на -re сохранилась лишь в юридических формулах и стилистически архаизованных текстах.

Примечание 2. Необходимо попутно заметить, что испанская грамматическая терминология крайне пестра и предлагаемые названия видо-в ременных форм *глагола* очень условны. Очень жаль, что до сих пор не реализовано пожелание Р. Ленца, чтобы на страницах RFE была открыта дискуссия вообще о грамматической терминологии, особенно в отношении таких спорных терминов, как atributo и predicado, género neutro o colectivo pronominal и наконец названия временных форм глагола (Ленц, § 244).

С. Схема неличных форм глагола

Инфинитив
hablar
Герундий
hablando
Причастие
hablado

Инфинитив сложный
haber hablado
Герундий сложный
habiendo hablado

	Инфинитив		*Герундий*	
	Непредельные	Предельные		
	Непредельные глаголы	Предельные глаголы	habiendo hablado	entrando
Одновременность	hablar	entrar		entrando
Предшествование	haber hablado	entrar		
Следование	—	—		

Подобные таблицы могут быть составлены и для причастной формы страдательного залога (вспомогательный глагол ser+причастие), но с ограничением (только для переходных и притом непредельных глаголов, тогда как схема временных форм действительного залога охватывает как непредельные и непереходные глаголы, так и предельные и переходные, непредельные и переходные, предельные и непереходные, словом без какого-либо ограничения), а также для формы состояния (вспомогательный глагол es-tar+причастие) для глаголов с различным грамматическим и лексическим значением, но без длительной формы (Forma continua) как простой, так и сложной, и, наконец, для видовой результативной формы (вспомогательный глагол tener+причастие), употребляющейся с ограничением — только от переходных глаголов, как предельных, так и непредельных. Временные, видовые и модальные конструкции с инфинитивом, также занимающие определенное место в общей системе испанского глагола, до известной степени ограничены в выборе временных глагольных форм и преимущественно употребляются в простых формах и значительно реже в сложных обоих наклонений действительного залога. В форме страдательного залога может употреблять-*ся ir* а с инфинитивом смыслового глагола, например: voy a ser llamada. Однако нельзя ограничиться описательным перечислением испанских видо-временных глагольных форм; чтобы показать внутреннюю организацию морфологической системы испанского глагола, необходим функциональный анализ соответствующих форм, без которого невоз-

можно раскрыть системные связи и отношения; для грамматических же единиц функциональный анализ неразрывно связан с изучением их значения[1].

Проблеме употребления времен в романских языках Пиренейского полуострова и, главным образом, в испанском посвящена большая литература; в ней выделяется интересная монография У. Булла[2], которая содержит описание системы времен испанского глагола на широком лингвистическом фоне. У. Булл пытается разработать новую методологию анализа языкового материала, которую он называет «системной лингвистикой», противопоставляя ее теоретическим положениям и исследовательским приемам структурного языкознания. В главах, посвященных описанию системы времен испанского языка, У. Булл стремится выработать свой метод определения значения временных форм. Он приходит к выводу о необходимости разграничивать значение и функцию формы, т.е. ее системные качества и реальное функционирование, которое относится к сфере того, что У. Булл называет прикладной лингвистикой. Задача прикладной лингвистики заключается в том, чтобы определить соотношение между системными свойствами формы и значением реальных синтаксических комбинаций. Функционирование временных форм обнаруживает ряд сдвигов на временной шкале. Малообоснованным представляется мнение У. Булла о том, что десинхронизация так называемых основных времен, т.е. немаркированных форм, ориентированных на основную ось pp (point present — момент речи), объясняется их немаркированностью. Все маркированные формы, полагает У. Булл, должны выполнять ту функцию, которая выражена соответствующей морфемой, иначе рушится вся система. Немаркированные же формы имеют неограниченные потенциальные возможности[3]. К числу достоинств работы У. Булла следует отнести попытку автора отделить системное значение формы, основанное на оппозиции к другим элементам ряда, от его побочных значений, хотя конкретное деление функций на

[1] См.: М. М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм. — В сб.: «Исследования по общей грамматике». М., 1968, стр. 122.

[2] W. E. Bull. Time, Tense, and the Verb. A study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish. Berkeley and Los Angeles, University of California press, 1960.

[3] См. обстоятельную рецензию на книгу У. Булла Н. Д. Арутюновой в «Вопросах языкознания», 1961, №6, стр. 122 — 127.

системные и несистемные, а также и вся их классификация мало убедительны. Правильно возражая против техники структурного анализа, исключающего значение как критерий классификации, У. Булл основывает свой анализ на выяснении непосредственного соотношения формы и обозначаемого ею явления действительности и вместо классификации функций грамматических форм он предлагает классификацию и описание тех действий, которые могут обозначаться данной формой. Таким образом он производит анализ на нелингвистическом уровне (см. стр. 125).Несмотря на дискуссиоиность многих положений У. Булла, его книга — полезное и интересное исследование. Заново обосновав главные положения доструктурного языкознания, он дополняет их рядом понятий и принципов, выдвинутых современной лингвистикой: понятие системы языка, лингвистических оппозиций, избыточности и др. Положительным является также внимание, уделенное У. Буллом вопросам коммуникации[1]. Острая критика У. Буллом методов структурного анализа была вызвана, по-видимому, работой датского структуралиста К. Тогебю «Наклонение, вид и время в испанском языке»[2], который рассматривает систему испанских времен с точки зрения дистрибутивных признаков отдельных форм. Несмотря на многие слабые стороны метода, применяемого К· Тогебю, часть его работы, посвященная изучению синтаксических условий функционирования глагольных форм, содержит большой и полезный фактический языковой материал. Модально-видо-временные формы реализуются в норме современного языка весьма неравномерно и представленные схемы отражают схематично распределение глагольных форм в системе языка без учета их удельного веса при реализации в речи. По подсчетам У. Булла в испанский язык входят 19 форм, включая модальные варианты. Из этих форм только четыре имеют частоту употребления более 10% от всех случаев, но и они весьма различны по своей употребительности по отношению друг к другу. По подсчетам Булла[3] чаще всех других глагольных форм употребляется Presente de Indicativo (34,4%), Infi-

[1] Н. Д. Арутюнова. Ук. рец., стр. 127.

* К- Тогеby. Mode, aspect et temps en espagnol. K0benhavn, 1953. Полезной работой при изучении временных форм романского глагола остается книга: J. Vising. Die realen Témpora der Vergangenheit in den romanischen Sprachen. Altenburg. 1888.

[3] W. Bull. Time, Tense and the Verb. Berkeley and Los Angeles. 1960, стр. 32.

nitivo (19,6%), Pretérito (simple) (14,3%) и Imperfecto (11,3%). Т.е. 80% случаев употребления занимают форма настоящего времени индикатива, инфинитив, простое прошедшее (претерит) и имперфект. Следующие формы имеют частотность (по Буллу) не более 0,4%: Pluscuamperfecto de Subjuntivo, Infinitivo compuesto, Presente perfecto de Subjuntivo, Futuro perfecto (compuesto) de Indicativo, Futuro de Subjuntivo, Condicional compuesto, Pluscuamperfecto. У. Булл отмечает также, что наблюдается тенденция сложные формы заменять простыми: Futuro simple вместо Futuro compuesto, Condicional simple вместо Condicional compuesto и т.д. Система временных форм в испанском избыточна, и в этом заключается ее слабость, так как большое число временных форм имеет очень низкую частотность употребления. Интересны данные, которые приводит У. Булл, сравнивая употребительность простых и сложных форм в испанском языке (на 58 727 глагольных форм: формы простые: Futuro simple — 2,26%; Condicional simple — 1,50%; Pretérito simple— 14,30%; сложные: Futuro compuesto— 0,09%; Condicional compuesto — 0,16%; Presente perfecto — 2,60% и Pluscuamperfecto — 1,09% (Bull, p. 33). Неравномерная употребительность глагольных форм в норме современного испанского языка обусловлена различными факторами, как лингвистическими, внутрисистемными, так и экстралингвистическими, обусловленными характером и внешними условиями коммуникации. В результате взаимодействия и воздействия этих факторов происходят смещения, сдвиги в модально-видо-временной системе и ее подсистемах испанского языка, обнаруживающие закономерности ее функционирования, тенденции ее дальнейшего развития.

Наклонение

Грамматическая категория наклонения (Modo) передает отношение говорящего к действию, показывает, считает ли говорящий действие реальным или нереальным[1]. Эта грамматическая категория в системе глагола служит для определения модальности действия, т.е. обозначает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим

[1] См.: Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 292.

лицом. Учение о наклонении связано с греко-латинской традицией, откуда и взят с XVII в. русский термин наклонение (греческое enklisis, латинское inclinatio). Раньше вместо наклонения предлагались термины «изложение» или «образ» (modus). В латинской грамматике это значение яснее было определено термином modus (или modus agendi — «образ действия» (В. В и н о г р а д о в . Русский язык, стр. 581). Отсюда и испанское "modo". Модальность в грамматике тесно связана с модальностью в логике. Но модальность суждения и модальность предложения отнюдь не всегда совпадают, как и прочие грамматические и логические категории (подлежащее и субъект, сказуемое и предикат). В отличие от модальности в логике, модальность в грамматике — это модальность, имеющая специфически грамматическую форму выражения.

Проблема логической модальности, модальности суждения остается до настоящего времени во многом неясной и спорной, чем в значительной мере объясняется и то, что в языкознании также нет единого мнения по основным вопросам, касающимся природы модальности предложения, сущности этой категории, ее отношения к модальности мысли, типов модальности предложения и т.п.[1]. Общепринятыми положения о том, что модальность характеризует все предложение в целом, с его содержательной стороны, что наклонение есть частный случай выражения модальности путем изменения формы глагола. Существуют как грамматические, так и лексические способы выражения модальности; грамматическая модальность в испанском языке передается морфологически особыми формами наклонения глагола, в том числе и грамматизованными (аналитическими) конструкциями из вспомогательного глагола и инфинитива; лексическая же модальность выражается путем употребления различных модальных частиц, слов и словосочетаний (tal vez, quizá, a caso и т.п.), а также особыми лексико-синтаксическими описательными (или перифрастическими) конструкциями из полувспомогательного глагола и инфинитива.

Модальность грамматическая и модальность лексическая широко взаимодействуют между собою, хотя и отличаются друг от друга. Грамматической, в виде категории наклонения, она остается только в случае выражения его

[1] Обзор различных точек зрения на этот вопрос см.: В. З. Панф и л о в . Грамматика и логика. М., 1963, стр. 43—56.

простой глагольной формой (El alcalde dijo: *Póngalo* usted por lista a fin de que no se me olvide (J. Valera) или аналитической грамматизованной формой (т.е. со вспомогательным глаголом: haber de, tener que, deber de+инфинитив): ¿Me *he de casar* con ella?... (J. Goytisolo); *Has de saber* que aquí asesinaron a mi padre, el 48 (B. Pérez Galdós); Eloísa *tuvo que atender* a mil trabajos: *acarrear* agua, *pelar* patatas, *subir* cargas de leña, *vigilar* la hornada de panes, tortas y empanadas, *fregar, recoger, llevar* y *traer*... (A. M. Matute); E u l a l i a . — ¡Eso no será! — M i g u e l . — *Tendrá que ser*.—E u l a l i a. — ¡Me mataré! — M i g u e l . — Eso no será. — E u l a l i a . — *Tendrá que ser* (J. A. de Laiglesia). В остальных же случаях модальность выражается лексически, лексико-синтаксическими конструкциями с глаголами poder, saber, querer, soler, deber и др.:

Dije que era de allí — de la calle del Peso de la Harina, por más señas — y p o d í a *hablarme* en buen castellano (J. Goytisolo); Yo quisiera que visitara los museos y El Escorial y el Valle de los Caídos, pero no q u i e r e *ir* solo. ¿No p o d r í a s *ir* tú con él? (ib.); ;N o q u i e r a s *mostrarte* generosa! (R. Valle Inclán); Mira que esas cosas ya no se estilan. S u e l e n *salir* mal, y no dejan bien parado a quien las hace (B. Pérez Galdós); Dado tu carácter arrebatado, dada incapacidad para comprenderme, d e b í *abordar* la cuestión de frente y decirte: "Sobrino mío, no quiero que seas esposo de mi hija" (ib.).

В индоевропейском кроме наклонений, которые были в латыни и сохранились в том или ином виде в романских языках, в частности в испанском— индикатив (изъявительное наклонение), конъюнктив (сослагательное наклонение), императив (повелительное наклонение) и не всеми признаваемый потенциал или кондиционал (условное наклонение), были и другие наклонения — оптатив и инъюнктив. В дальнейшем наметилась тенденция выделить и противопоставить два основных наклонения; исп. индикатив и субхунтиво или modo de la realidad и modo de la representación mental[1], причем постепенно усиливалось употребление модальных частиц (acaso или quizá) и служебных — полувспомогательных глаголов — querer, poder, desear и др. В современ-

[1] См.: M. B a s s o l s de C l i m e n t . La cualidad de la acción verbal en español в "Estudios dedicados a R. Menéndez Pidal". Madrid, CSJC, II, 1951.

ном испанском языке принято различать следующие наклонения: индикатив (Indicativo), субхунтиво (Subjuntivo), императив (Imperativo) и кондиционал (или потенциал) (Condicional o potencial), существование которого спорно и служит предметом разногласий между романистами.

Изъявительное наклонение (Modo Indicativo) обычно определяется как выражающее действие, рассматриваемое говорящим как реальное в настоящем, прошедшем и будущем времени, причем наличие действия или утверждается или отрицается. Формы изъявительного наклонения употребляются в повествовательном предложении (oración enunciativa, называемом также по аналогии с соответствующим суждением aseverativa или declarativa), а также в вопросительном или отрицательном предложении. Например: *Se llama* Quitapena, *verás.* El dueño *es* amigo mío (J. Goytisolo); El médico *fue* el primero en llegar (A. M. Matute); *¿Es* usted don Lorenzo, el nuevo médico? — le dijo (ib.); *No se trata* de eso, Rafael. Bastaría con salvar lo que nos *queda*... (J. Goytisolo).

В испанском, как и в других языках, различия между значениями наклонений не вполне отчетливы. Например, как и в латыни, так и в испанском приказание выражается императивом (формой повелительного наклонения), если оно носит утвердительный характер, и субхунтиво (формой сослагательного наклонения), если оно отрицательно. Например: *Vete, vete, vete* ya — gritó ella señalando la puerta con enérgico ademán (B. Pérez Galdós); *Ven.* Es por aquí (J. Goytisolo). Ср. *Dime.* Te escucho (ib.) и *Calla. No digas* eso (ib.); *Detente* и *Huyamos ... no te detengas*... estoy loco (B. Pérez Galdós).

Индикатив (изъявительное наклонение) как наклонение реальности противопоставляется субхунтиво (сослагательному наклонению) как наклонению нереальности. Императив (повелительное наклонение) в известной мере яв-, ляется придатком субхунтиво, а кондиционал, если все же считать его наклонением, занимает промежуточное положение между индикативом и субхунтиво (Рока Понс, 70).

Суждения грамматистов относительно грамматической категории наклонения в испанском довольно разнообразны: в Грамматике Испанской академии утверждается, что индикатив выражает факт реальный, потенциал — возможный, императив — приказание, а субхунтиво — желание или подчинение (стр. 265 и 45). Здесь же упоминается инфинитив как одно из наклонений; Бельо определяет на-

клонения как формы глагола, зависящие от влияния или управления слова или фразы, которой глагол подчиняется или может быть подчинен. Он сравнивает два предложения: "Sé que tus intereses prosperan" и "dudo que tus intereses prosperen" и делает вывод, что форма prosperan зависит от sé, а prosperen от dudo, иначе говоря, что sé управляет prosperan, а dudo управляет prosperen (§ 449); Бельо различает Modo Indicativo (с глаголами saber, afirmar в утвердительной форме) и Modo Subjuntivo (с глаголами dudar, desear и т.п.), в котором в свою очередь различаются: Modo Subjuntivo común и Modo Subjuntivo hipotético. Subjuntivo común предоставляет свои формы четвертому наклонению — el optativo, частью которого является Modo Imperativo.

Н. Алькала-Самора, один из современных издателей и комментаторов Грамматики Бельо с примечаниями Куэрво (I960 г.), придерживаясь традиционной точки зрения Испанской академии, критикует Бельо, ссылаясь на то, что классификация наклонений у Бельо остается в теории, так как в соответствующей парадигме глагола (§ 495) Бельо сам ограничивается тремя наклонениями: Indicativo, Subjuntivo и Imperativo (см. примечание N. A.—Z. к № 475 на стр. 174). Следует с удовлетворением отметить, что Бельо, в отличие от Грамматики Испанской академии, объединял неличные формы глагола под названием derivados verbales и не признавал инфинитива как наклонения (el Modo Infinitivo). Амадо Алонсо и Энрикес Уренья в своей известной грамматике правильно отмечают, что наклонения указывают на то, как говорящий воспринимает действие, выраженное глаголом: индикатив — как реальное; потенциал — как возможное, императив — как приказание или совет, субхунтиво — как желание или сомнение. Субхунтиво употребляется в определенных придаточных предложениях, при отрицательной форме приказания и с вежливой формой обращения (Vd.). К сожалению, эти авторы, как и Грамматика Испанской академии, полагают, что неличные формы глагола (инфинитив, причастие и герундий) образуют неопределенное наклонение (el Modo Infinitivo, §§ 185—186), с чем нельзя согласиться. Мало приемлемо также и их сопоставление наклонений с основными типами предложений (§ 187). Интересна, но не во всем убедительна трактовка модальности и ее выражения (во французском языке) у Ш. Балли[1]. В главе о «Логическом

» См.: C h. B a l l y . Linguistique générale et linguistique franíaise. Troisieme edition. Berne, 1950. Ш. Б а л л и . Общая линг-

анализе предложения» Ш. Балли различает в эксплицитном предложении (как форме сообщения мысли) две части: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, la pluie — дождь, une guérison — выздоровление); по примеру логиков, Балли называет ее диктумом (dictum). «Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, 'думать', 'радоваться', 'желать'), а его субъектом — модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум. Модальность — это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» (Балли, стр. 44).

Своеобразна также точка зрения известного французского лингвиста Г. Гийома, который различает время in posse (как возможное — в неличных формах глагола), время in fieri (как вероятное), присущее субхунтиву, и время in esse (действительное, существующее), присущее индикативу. Кондиционал имеет переходный характер. Г. Гийом рассматривает соотношение понятия возможности, вероятности, уверенности и реальности с наклонениями. Возможность и вероятность выражаются субхунтиво, для которого характерна временная неопределенность, т.е. отсутствие определенного значения времени. Индикатив определяет время действия, которое таким образом непосредственно связано с действительностью и с временным планом, что и выражается соответствующими формами индикатива[1].

Ленц различает три наклонения: индикатив, субхунтиво и императив и подразделяет субхунтиво с логической точки зрения на dubitativo и optativo. Индикатив, по мнению Ленца, выражает факты как реальные (ассерторические, утвердительные суждения). Субхунтиво и императив вы-

вистика и вопросы французского языка. Перевод с третьего французского издания Е. В. и Т В. Вентцель. Редакция, вступит, статья и примечания Р. А. Будагова. М. —Л., 1955.

[1] См.: G. G u i l l a u m e. Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. Ch. II, III, IV, стр. 9—75.

ражают факты как существующие лишь в нашем воображении. Дубитатив рассматривает факты воображаемые как сомнительные или просто возможные (суждения проблематичные); оптатив и императив — как желаемые или необходимые (суждения аподиктические, т.е. выражающие необходимую связь вещей и явлений, в отличие от ассерторических, утверждающих факты, но не выражающих их непреложной логической необходимости). Императив, в понимании Ленца, отличается от оптатива своей большей силой и тем, что он содержит всегда непосредственное приказание, отдаваемое 2-му лицу. Императив никогда не употребляется в отрицательной форме. Идея запрещения выражается формами оптатива с отрицанием (стр. 452—454).

Концепция структуралиста Холта основана на противопоставлении реализации и нереализации; Холт рассматривает наклонение как грамматическую категорию, глагольную, гомонексуальную или гетеронексуальную, т.е. ограничивающуюся одним нексусом[1] или предложением, или позволяющую почувствовать свое влияние в других нексусах.

Одним из наиболее спорных вопросов, связанных с грамматической категорией наклонения и проблемой модальности, следует признать вопрос о кондиционале, так называемом условном наклонении (Condicional) в испанском языке. По обоснованному мнению ряда грамматистов (Gili y Gaya, Bello и др.)[2], испанский кондиционал — это не настоящее наклонение, а одно из времен индикатива, которое следовало бы назвать гипотетическим будущим (futuro hipotético). Основное его значение — будущее по отношению к прошедшему: Ella creyó un día que Daniel *sería* capaz de interpretarlos en su piano (C. Laforet); Supo el porqué de su rotunda afirmación de que *no volvería* allí (ib.). Кондиционал обладает также значениями, которые сближают его с субхунтиво, например, в его употреблении в аподозисе условных предложений: Si yo no vigilara, ¿qué *sería* de tí y de mí? (B. Pérez Galdós).

[1] Под нексусом (исп. nexo) понимается предикативное отношение между словами, сочетающимися как подлежащее и сказуемое. См.: J. Holt. Etude d'aspect. K.0benhavn, 1943. «Acta Yutlandica", 15, 2.

[2] См., например, B. Pottier, который пишет: « И n'existe pas de mode conditionnel. » Cette invention de grammairiens est abandonnée aujourd'hui par la majorité des linguistes. (B. Pottier. Introduction á Г étude de la philologie hispanique. Fase. II, P., 1960, стр. 72.)

Хили и Гайя разделяет субхунтиво на Subjuntivo potencial и Subjuntivo optativo (§ 108). По мнению Рока Понса кондиционал находится на полпути между индикативом и субхунтивом (II, 70). Он полагает, что то же самое можно сказать и о futuro, которое по своему значению из всех временных форм ближе всего к субхунтиву. Близость глагольной формы будущего времени (Futuro) и сослагательного наклонения (Subjuntivo) отмечают многие исследователи (Рока Понс, Криадо де Валь и др.): обе глагольные формы относят действие к будущему, но выражение его временной формой будущего времени (Futuro) более объективно. Испанские формы — tomaré, temeré, escribiré и др. возникли из перифраз с модальным значением: ср. ir ge lo he и iré ("el Campeador dexar las ha en vuestro mano" Cid, 117). С другой стороны, в употреблении глагольной формы будущего времени (Futuro) можно различить такие модальные значения, как вероятность: El rumor viene de muy lejos. ¿Será el canto de un gallo? *Podrá* ser (B. Pérez Galdós); *¿Serán* las seis?; уступки: *será* como dicen, pero...; приказания: Eso sí que no puede ser. Iré sola. — No, no *irás,* sobrina mía. Tengamos la fiesta en paz. El Sr. Ramos no puede acompañarte. Figúrate que eres injuriada por ese hombre grosero... (B. Pérez Galdós) и др. Значение Futuro несомненно ближе к субхунтиво, чем значение временных глагольных форм настоящего и прошедшего времени (Рока Понс, 74). Субхунтиво во многих языках, как, например, в латыни, часто употребляется для выражения подчинения (Рока Понс, 72).

В испанском субхунтиво гораздо чаще встречается в придаточных предложениях (см. Грамм., §§ 209—220), чем в самостоятельных, независимо от тех случаев, когда формы наклонения служат лишь показателем подчинения. Вообще субхунтиво употребляется в придаточном предложении в связи с модальным значением глагола-сказуемого в главном предложении.

В независимых предложениях употребление форм субхунтиво связано с употреблением модальных частиц ojalá, tal vez и др.:

¡Ojalá *venga* a tiempo!; Tal vez *no vuelva* (B. Pérez Galdós); Con un poco de suerte quizá *líege un áía* a... (J. Goytisolo).

В придаточных предложениях кроме модального характера глагола-сказуемого главного предложения влияние

на употребление сослагательного наклонения могут оказывать и другие лексико-грамматические разряды слов — существительные и прилагательные: ср., например, temo que venga и temor de que venga (Roca Pons, 75). Особенно важно, однако, употребление союзных выражений para que, con que и т.д., вводящих соответствующие придаточные предложения: ¿Y tu hijo?... Mañana te le mandaré para que le *tengas* aquí todo el día (B. Pérez Galdós); Para que me *dejara* tranquila, le dije que podía venir con nosotros (J. Goytisolo). В нормативных грамматиках большое место занимает перечень условий (в частности глаголов главного предложения), в зависимости от которых глагол-сказуемое придаточного предложения употребляется в одной из форм сослагательного наклонения[1]. Однако возможно, что Рока Понс прав, полагая, что при изучении сослагательного наклонения грамматисты уделяют слишком большое, точнее, излишнее внимание качеству глагола-сказуемого главного предложения и порою не доучитывают значения прочих факторов, связанных с употреблением сослагательного наклонения (стр. 76)[2].

Положение о системности языка в настоящее время служит одной из главных предпосылок для научного исследования и описания его грамматического строя (=его структуры). Понятие системы в известной степени предусматривает понятие симметрии, как некой регулярности строения отдельных ее частей (подсистем и т.д.) при сохранении одних и тех же принципов соотнесенности различных элементов отдельных уровней языковой системы и закономерностей их функционирования. Нельзя не признать, что научное философское определение таких категорий, как «элемент, система, структура, целостность, симметрия, вероятность, информация, модель»[3] нуждается в уточнении: оно чрезвычайно способствовало бы более однозначному использованию соответствующих терминов и в лингвистике, а следовательно, содействовало бы успехам языкознания.

[x] Ом.: О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка. 2-е изд. М., 1963, §§ 209—220.

[2] Для изучения испанского субхунтиво представляет известный интерес книга К· Togeby « Mode, aspect et temps en espagnol », вызывающая, однако, много возражений.

[3] См.: Н. Биккенин, С. Обуев, А. Познер, Г. Смирнов. Философская наука и ее современные проблемы. — «Коммунист», 1965, Ms 5, стр. 67.

Некоторые лингвисты полагают, что одним из частных проявлений свойства симметрии в системе языка является построение его грамматического строя по принципу бинарных оппозиций. Этот принцип, выдвинутый пражской школой функциональной лингвистики, был принят с различными поправками и изменениями рядом лингвистов и продолжает служить предметом дискуссии. Сторонники -бинарной теории представляют грамматический строй языка в виде взаимно противопоставленных рядов грамматических форм, причем грамматические категории языка образуются противопоставлением двух (не более!) таких взаимоисключающих рядов форм (по терминологии А. И. Смирницкого категориальных форм)[1].

Однако при всей обоснованности представления о языке как симметричной языковой системе, попытки некоторых лингвистов ограничить проявление свойства симметрии в системе языка построением его грамматического строя лишь по принципу бинарных оппозиций вызывают возражения, так как при применении этого принципа к конкретному языковому материалу влекут за собой в ряде случаев искусственность в построении, известные «натяжки»[2]. Так, старание доказать бинарный характер строения категории лица во французском языке, сводя все формы к двум категориальным формам (в настоящем времени в разговорном французском языке) — II лицо множественного числа (флексия -е) и немаркированная форма «общего лица» (т.е. всех прочих) — приводит к явно искусственным выводам, хотя рассуждения о бинарной оппозиции «субъюнктив» (Subjonctif) — «несубъюнктив» заслуживают внимания, равно как и утверждение, что «общая симметричность в отдельных частях системы нарушается элементами асимметрии, которые представляют собой, как правило, пережиточные явления, унаследованные от предыдущих этапов развития данного языка..., а в определенных случаях, возможно, такими элементами асимметрии могут

[1] См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 30.

[2] См., например: Л. С. Бархударов. К вопросу о бинар'ности оппозиции и симметрии грамматических систем. (На материале глагола в английском и французском языках). — «Вопросы языкознания», 1966,'№¡4, стр. 97 — 110, хотя Л. С. Бархударов правильно отмечает, что «речь идет лишь'обХодномХчастном случае манифестации симметрических свойств грамматических систем» (там же, стр. 98).

быть также явления новые, только что нарождающиеся. Можно полагать, что тенденция к устранению элементов асимметрии и к восстановлению симметрии является одной из движущих сил языкового развития, т.е., что противоречие симметрии и асимметрии в языке есть одно из проявлений диалектического противоречия между синхронным и диахронным аспектами языка» (там же, стр. ПО).

Вопрос о категории наклонения в испанском языке — один из актуальных вопросов изучения его грамматического строя — нуждается в дальнейшей углубленной разработке, в результате которой, возможно, подсистема наклонений в испанском действительно сведется к бинарной оппозиции «субхунтиво» (Subjuntivo) — «несубхунтиво» (No-Subjuntivo), так как все меньше становится грамматистов, которые, разделяя точку зрения Испанской академии, признают наличие неопределенного наклонения в испанском (Modo Infinitivo); мнение же о том, что Condicional (о Potencial) не является наклонением в испанском, можно считать почти общепринятым, а вопрос об Imperativo, по-видимому, может быть решен в двух направлениях: 1) путем причисления его к группе Subjuntivo, формы которого служат для выражения отрицательного повеления, косвенного и т.д. и нередко неправомерно объединяются некоторыми грамматистами (см. Грамматику Исп. акад. и др.) в одну общую парадигму и 2) путем выделения его как особой формы, имеющей специфический характер по сравнению с формами как изъявительного, так и сослагательного наклонений: ограниченность числа форм, приобщение для выполнения своих функций форм сослагательного наклонения, полное отсутствие временного значения, ограниченность употребления самостоятельным побудительным предложением и рядом других черт (интонацией и др.), сближающих его с междометиями. Недаром В. В. Виноградов пишет о повелительном наклонении в русском языке следующее: «Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы. Оно стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия... Не только интонация, не только синтаксическое значение (ср. особые типы императивных предложений), но и морфологическое строение решительно выделяют повелительное наклонение из общей системы русского глагола» (Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 590). Очевидно, специфика самой категории императива в плане общего языкознания служит поводом для подобных рассуждений,

но, конечно, требует при этом особого исследования в каждом отдельном случае[1].

Залог

Залог — явление очень сложное и противоречивое, в определениях залога содержится много неясностей. Разные грамматисты по-разному понимали объем и грамматическое содержание залога: одни видели в залоге лишь отражение отношений действия к объекту, другие включали в круг залоговых значений сверх объективных отношений и разные отношения действия к субъекту, третьи стремились ограничить понятие залога выражением отношения к субъекту. (В. Виноградов. Русский язык, стр. 607). В определении залогов в русских грамматиках сказалось влияние греко-латинских грамматик, которые руководствовались при различении залогов главным образом лексическим значением глаголов. Греческое название залога diathesis значило собственно расположение, состояние, т.е. положение субъекта, его отношение к действию. В греческой грамматике различались три залога: ...действительный, страдательный, средний; последний залог назывался и общим, когда совмещались значения действительного и страдательного... (Там же, стр. 606). Залог — это явление с одной стороны морфологическое, так как он выражается формами глагола, с другой стороны — явление синтаксическое, так как залог — это определенного рода отношение между словами. Залог можно определить как глагольные формы, выражающие отношение глагольного признака к подлежащему (или субъекту действия), или как формы, характеризующие реальное значение подлежащего в его отношении к глагольному признаку[2].

В испанском языке большей частью признается существование двух противопоставленных по своему значению залогов — действительного (voz activa) и страдательного (voz pasiva) (см. Грам. Исп. академии, § 83, Бельо, § 430,

[1] Повелительному наклонению в испанском языке посвящена канд. диссертация Р. В. Пазухина «Повелительное наклонение в испанском языке», который приходит к выводу, в основном согласному пока с общепринятой точкой зрения, что «Повелительное наклонение несомненно принадлежит к системе наклонений глагола, хотя и занимает в этой системе специальное место». См. автореферат канд. дисс. Л., 1961, стр. 6.

[2] См.: М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.-Л., 1957, стр. 116-117.

Хили и Гайя, § 91, 101—105, Криадо де Валь, § 100 и др.). Мы различаем в испанском языке 5 залогов: действительный (voz activa) — основной — и по соотнесенности с ним: страдательный (voz pasiva), средний (voz neutra), возвратный (voz refleja) и взаимный (voz recíproca)[1]. Рока Понс также ставит вопрос о существовании других залогов (кроме действительного и страдательного) в испанском языке. Но, отвечая на него, воздерживается от окончательного признания залогами возвратного и среднего значения местоименных глаголов, хотя и допускает его[2]. В настоящее время поставлен под вопрос и страдательный залог, наличие которого в испанском языке склонны отрицать некоторые лингвисты, например, Н. Д. Арутюнова, на том основании, что выделить морфологическую форму какой-либо грамматической категории, по ее мнению, можно лишь при наличии другой, коррелирующей с ней морфологической формы слова. А раз категория залога (речь идет о соотношении актива и пассива) якобы не выражена в испанском языке морфологически (имеются в виду личные формы глагола), то Н. Д. Арутюнова считает невозможным говорить в них и об аналитической форме глагола, выражающей пассив, несмотря на прямую оппозицию сочетаний причастия с глаголом «быть» (ser) и спряжения глагола в активе[3]. Рока Понс, признавая серьезность возражения против наличия страдательного залога в испанском, отмечает, что пассивная форма обладает все же свойствами, которые позволяют признавать наличие в испанском языке страдательного залога, например, возможность обращения пассивного предложения в активное: ella es admirada—la admiran; ha sido avisado—lo han avisado. Свое окончательное мнение по этому спорному вопросу Рока Понс формулирует следующим образом: El hecho de que en la voz activa la acción parte del sujeto y en la pasiva es exterior al mismo, expresado de un modo formal, nos inclina a afirmar la existencia de una voz pasiva en español (стр. 41—42).

[1] О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка. 2-е изд. М., «Высшая школа», 1963, § 227 и след.

[2] J. Roca Pons. Introducción a la gramática. Prólogo de A. M. Badía Margarit. T. II. La Habana, 1968, стр. 40.

[3] См.: Н. Д. Арутюнова. О категории выделения аналитических форм. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М. —Л., 1965, стр. 91.

Против исключения описательных залоговых форм из системы аналитических форм глагола романских и германских языков возражает М. М. Гухман, доказывая, что для включения аналитических форм в систему оппозиций отнюдь не обязательным является наличие однозначных оппозиции, имеющих простую форму. «Морфологизация» сочетания со вспомогательным глаголом, т.е. его превращение в аналитическую словоформу имеется также в тех случаях, когда данное сочетание является членом минимальной оппозиции, в котором противочленом служит морфологическая форма слова. При такой формулировке утверждение, что во всех германских (и в испанском) языках нет аналитических форм пассива, основано на недоразумении». Очевидно, сочетание форм глагола werden+причастие II в немецком и ser+причастие в испанском, обладающее а) грамматической неразложимостью, б) функциональным инвариантом, в) предсказуемостью и образующее последовательные оппозиции с синтетическими активными формами переходных глаголов, занимает в системе уровней позицию, мало чем отличающуюся от английских форм to be written, что и позволяет, в частности, говорить о грамматической категории залога в немецком и испанском языке, реализующейся в последовательной оппозиции простых (морфологических) активных и сложных (аналитических) пассивных форм[1].

Действительный залог (voz activa) в испанском языке выражается переходными глаголами и обозначает, что субъект действия (лицо или предмет), грамматически выраженный подлежащим, производит действие, которое переходит на другой предмет, т.е. объект, грамматически выраженный прямым дополнением, например: Al día siguiente los alumbradores *trajeron* todos los cacharros. ...*No encontraron* trabajo, *no encontrarán.* (A. M. Matute); *Recuerdo* a Mateo Alfonso cada vez que paso por la puerta cerrada de su vivienda (ib.).

Страдательный залог (voz pasiva) имеет две формы выражения в испанском языке[2]: 1) причастную пассивную

[1] См.: М. М. Г у х м а н . Грамматическая категория и структура парадигм. — В сб.: «Исследования по общей теории грамматики». М., Изд.-во «Наука», 1968, стр. 147-150.

[2] О формировании'категории страдательного залога в испанском см.: И. Н. М и х а й л о в а . Особенности развития страдательного залога в испанском языке X—XVII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1953.

глагольную форму — ser+Participio и 2): местоименную пассивную форму.

Употребление глагола в страдательном залоге обозначает, что субъект (лицо или предмет), выраженный грамматически подлежащим, подвергается воздействию со стороны другого лица или предмета (субъекта, производителя или орудия действия), выраженного обычно существительным или местоимением с предлогом por, реже с предлогами de, con в функции дополнения, отвечающего на вопрос: кем?, чем?, например: Más tarde, advirtiendo que respiraba, la retiramos, y *fue curada,* quedando tan bien que muchos años después tuve el gusto de verla viva aún (B. Pérez Galdós); Ojalá *fueran puestos* en perpetuo olvido los abominables estudios y hábitos intelectuales introducidos por el desenfreno filosófico y las erradas doctrinas (B. Pérez Galdós); En honor de la verdad debo decir que, en sus conversaciones conmigo, siempre disimuló tales ideas, sin duda por miedo a *ser destrozado* por la metralla de mis argumentos (ib.); La gran partida levantada en Villahorrenda *ha sido atacada* por las tropas con gran coraje (ib.); Respecto de la muerte de Rey, corre por el pueblo el rumor de que *fué asesinado.* No se sabe por quién (ib.); ... todo es del pueblo porque todo *ha sido trabajado y hecho* con sudor y labor de cientos de generaciones suyas (C. Arconada).

Следует отметить, однако, что выражение субъекта действия (агента, или так называемого агенса) является скорее исключением, чем правилом.

Действительная роль пассива состоит в привлечении внимания к самому действию и его объекту. Реальный же деятель, агент, остается в тени.

Одна из двух грамматических форм страдательного залога — причастная, она образуется из вспомогательного глагола и причастия смыслового глагола. Глагол ser в этом случае, как и прочие служебные глаголы в процессе грамматизации, утрачивает полностью свое самостоятельное значение «быть» и превращается в компонент аналитической временной глагольной формы страдательного залога, т.е. в так называемый вспомогательный глагол, который указывает своей личной формой время, число, лицо, наклонение и осуществляет согласование всей формы в целом с подлежащим, в то время как основное содержание действия выражается причастием, согласующимся с подлежащим в роде и числе, например: No tenía duda alguna

de *ser amado* por Rosario (B. Pérez Galdós); El anciano noble *fue herido* junto a mí: quise sostenerle, pero dislizándose de mis manos, cayó exclamando: ¡Muera Napoleón! ¡Viva España! (B. Pérez Galdós). Cuando los franceses trataban de tomar las piezas á la bayoneta, sin cesar el fuego por nuestra parte, *eran recibidos* por los paisanos con una batería de navajas... (ib.).

Причастная форма страдательного залога (ser+Participio) ограничена в своем употреблении: предельные глаголы, как правило, не употребляются во временных глагольных формах с видовым значением несовершенного вида (по преимуществу), т.е. в так называемых tiempos imperfectos, в частности, в Presente и Imperfecto de Indicativo. Ser в Presente или Imperfecto встречается лишь с адъективированным причастием предельного глагола и тогда образуется не грамматическая сложная глагольная форма страдательного залога, а свободная конструкция в предложении — составное именное сказуемое, состоящее из связки, выраженной глаголом ser и именной части (atributo sujetivo). Подобная конструкция выражает наличие признака, сообщенного субъекту (выраженному подлежащим предложения) в результате действия, которое совершено ранее времени, обозначенного связкой (т.е. формой гл. ser): ...y tal situación comenzaba a ser desairada y ridícula, si con un acto de firme iniciativa no ponía remedio en ello (B. Pérez Galdós).

Однако при некоторых особых обстоятельствах предельные глаголы могут изменить видовую характеристику выражаемого ими действия. Например, при наличии двух или более «производителей» действия или обстоятельств, что подчеркивает видовое значение повторности действия, они выступают как непредельные глаголы и тогда могут употребляться в Presente и Imperfecto de Indicativo страдательного залога:

A cada instante *era* el poeta *interrumpido* por los aplausos, las felicitaciones, las alabanzas (B. Pérez Galdós); Las calles *eran* a cada instante *atravesadas* por escuadrones de tropas (ib.).

Непредельные глаголы могут употребляться в причастной форме страдательного залога неограниченно, во всех временных глагольных формах, включая (хотя и реже) Presente и Imperfecto de Indicativo, например: Yo sé la causa: lord Gray es *amado* por una de ustedes

(B. Pérez Galdós); La más pequeña comisión, el negocio de menor cuantía, *eran* p o r él *mirados* con la misma atención (Mesonero R.). В остальных временных формах причастная форма страдательного залога может употребляться от всех глаголов, вне зависимости от их предельности или непредельности. Чаще всего она встречается в Pretérito simple, например: Un toro colorado se precipitó en la arena y *fue saludado* p o r u n a e x p l o s i ó n universal de gritos... (Fernán Caballero); Esta casa es sagrada, porque tú la habitas; *será respetada* p o r el f u e g o enemigo (B. Pérez Galdós); El viento puede hablar y ... dice. Dice que miles de trabajadores *han sido asesinados* (C. Arconada); La pensión de la señora ... *había sido retenida* en dos tercios p o r l a s p r e s t a m i s t a s (B. Pérez Galdós); Entonces Godinot no puede menos de admirar la actitud verdaderamente antigua, clásica, espartana de aquellos montañeses. Pero, con todo insiste en que *sean ahorcados* los dos débiles prisioneros (P. A. de Alarcón); Apenas había chicuelo que *no fuese obsequiado* p o r s u s p a d r e s o p o r l o s a m i g o s de sus padres con un pito, con una trompeta o con un tambor (J. Valera); Los tres estrechamos en el rincón y contuvimos el aliento, temiendo *ser sorprendidos* (B. Pérez Galdós); Cuando la puerta *fue abierta,* el ayudante aun permanecía en pie sobre una silla, debajo de la jaula (R. Valle Inclán).

Для разграничения причастной формы страдательного залога и предикативной конструкции (составного именного сказуемого) служит соотнесенность ее с соответствующей формой действительного залога и возможность противопоставления этой последней. Эта же соотнесенность является основным признаком для определения конструкции глагола ser+Participio (в каждом отдельном случае) как сложной глагольной формы страдательного залога, выступающей в функции простого глагольного сказуемого, ср. например: Inés y su madre encontraron lo que buscaban en el hospital... (B. Pérez Galdós) и ...donde traían a un hombre, que *fué encontrado* en el Arápil Grande, lleno de heridas, sin conocimiento... (ib.). При распознавании сочетания ser с причастием как аналитической формы страдательного залога помогает также наличие дополнения, выражающего производителя или орудие действия; этому же может способствовать какое-либо обстоятельство, подчеркивающее глагольность данной формы, например: los periódicos *eran vendidos* d i a r i a m e n t e и т.п.

У свободной предикативной конструкции (глагол ser в качестве связки с причастием в функции именной части составного именного сказуемого (atributo sujetivo) имеются также свои признаки, отличающие ее от причастной формы страдательного залога. Основным признаком является характер причастия. Если с глаголом ser употреблено причастие так называемой четвертой группы, т.е. утратившее свое залоговое значение и перешедшее в класс прилагательных: admirado, atrevido, presumido и т.п. (см. стр. 267), то данная конструкция является предикативной и выполняет функцию составного именного сказуемого, а не причастной формы страдательного залога. Ряд косвенных признаков может подтверждать именной характер этой конструкции: наличие показателей степени качества (наречия muy, más) как признак адъективации причастия; употребление причастия в одном ряду с одним или несколькими прилагательными; наличие обстоятельственных и других слов, отделяющих ser от формы причастия; отсутствие существительного с предлогом por, con, de и т.п., выражающего производителя действия (агенса) или орудие действия; употребление глагола ser в Presente и Imperfecto с причастием от предельных глаголов, с которыми причастная форма страдательного залога не употребляется; употребление глагола ser в I или II лице, так как форма страдательного залога употребляется преимущественно в III лице, например: Pero yo soy muy desgraciada, soy huérfana, pobre y sola (B. Pérez Galdós).

В отдельных случаях пассив как действие выражается конструкцией глагола estar с причастием переходного непредельного глагола (см. стр. 279). Например: Juanita... *estaba* muy *vigilada* p o r su m a d r e (J. Valera).

Ярко выраженная в испанском языке тенденция к дальнейшему сокращению использования причастной формы страдательного залога, все возрастающее сокращение ее употребления, которое ставит под вопрос наличие категории страдательного залога в испанском, в значительной мере обусловлено ограниченностью употребления причастной формы (voz pasiva), связанной с предельностью глаголов и со структурным сходством с предикативной конструкцией (функционально-составным именным сказуемым), затрудняющим их разграничение и иногда даже приводящим к их смешению. Сокращение употребления причастной формы страдательного залога происходит как за счет общего снижения удельного веса страдательного залога в

норме испанского языка (так как современный испанский со всей очевидностью отдает предпочтение активной конструкции предложения перед пассивной), так и за счет более широкого использования других способов выражения пассива, в частности, местоименными глаголами.

Местоименная форма страдательного залога (construcción refleja pasiva на -se) — второй и более распространенный в современном испанском языке способ выражения страдательного залога. Но и она по-своему ограничена в употреблении: она ограничивается формой III лица (в I и II лице местоименная пассивная форма никогда не встречается, так как она может служить для выражения страдательного залога только при подлежащем — не лице, а предмете, который способен испытывать, но не производить действие). Кроме того местоименная пассивная форма ограничена также в отношении лексической сферы ее применения, а именно: страдательный залог может выражаться с ее помощью только такими переходньми глаголами, которые при присоединении в инфинитиве -se не приобретают значения другого — возвратного, взаимного или среднего залога, например, глаголы: publicar, comprar, editar, recibir, celebrar, construir.

Местоименная форма страдательного залога как предельных, так и непредельных глаголов, в отличие от причастной формы может употребляться во всех временных формах, но главным образом она встречается в тех, в которых употребление причастной пассивной формы (ser+Participio) ограничено, а именно, в Presente и Imperfecto, например: El adversario crimen *no se borra,* ay, *se ilumina* más con nuestro ejemplo (M. Altolaguirre); En aquel entonces ... *no se publicaban* tantos periódicos (P. A. de Alarcón); Se *quemaron* en las hogueras inquisitoriales muchos libros, muchos hombres valiosos, muchos pensamientos progresivos (C. Arconada); ...gracias a mi *se ha arreglado* la fiesta (B. Pérez Galdós); Así lo nuevo *se había edificado* sobre y entre los restos de lo antiguo (ib.); ...juntemos todo el grano vivo y que el nuevo maíz que nace haya escuchado tus palabras y las repita y *se repitan.* Y se *canten* de día y de noche (P. Neruda).

Для определения местоименной формы как выразителя страдательного залога основным признаком может служить соотнесенность ее с личной или неопределенно-личной формой действительного залога и возможность противопоставления ей: ср.: Ese cuadro no se vende (P.A. de Alarcón) и No

venden ese cuadro. Косвенными признаками могут служить форма III лица в Presente или Imperfecto de Indicativo и употребление с подлежащим — не лицом, а также наличие указания (прямого или косвенного) на производителя (агенса) или на орудие действия, выраженного в косвенном дополнении существительным с предлогами de, con, por, хотя указания на производителя действия или орудие его может и не быть при выражении страдательного залога как местоименной, так и причастной формой. Однако отсутствие указания на производителя (агенса) или орудие действия чаще встречается при местоименной форме; оно обусловлено большим вниманием к самому действию, а не к его субъекту, производителю, т.е. связано с усилением активности всей конструкции; это, с одной стороны, сближает по грамматическому значению местоименную форму страдательного залога с безличным глаголом, а с другой стороны, при общей тенденции современного испанского языка отдавать предпочтение активной конструкции предложения, делает местоименную форму глагола (на -se) более продуктивным способом выражения страдательного залога, т.е. более употребительной и расширяющей свои функции, чем причастная форма страдательного залога (ser+Participio).

На выбор причастной или местоименной конструкции могут влиять такие лексические и грамматические факторы, как, например, наличие / отсутствие объекта-агента действия, одушевленность / неодушевленность субъекта и видовая лексическая характеристика глагола[1].

Средний залог (voz neutra) обозначает, что действие не направлено на посторонний объект, а сосредоточено в сфере субъекта и сводится к изменениям в его состоянии. «При этом субъект, оставаясь фактически производителем действия, не мыслится таковым» (Шахматов). Субъектом, грамматически выраженным в подлежащем или указанным в личном окончании глагольной формы сказуемого, может быть и лицо, и предмет. Средний залог выражается местоименными глаголами, соотносительными с глаголами действительного залога. Так называемое среднее залоговое значение вносится в соответствующие глаголы действительного залога (переходные) прибавлением -se (me, te,

[1] См.: И. Ф. М е л ь ц е в. Причастные и местоименные пассивные конструкции в современном испанском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 23.

nos, os), например: destacar 'выделять' — destacarse 'выделяться'; ocultar 'скрывать' — ocultarse 'скрываться'; oír 'слышать' — oírse 'слышаться' и др. При этом действие, сосредоточенное в сфере субъекта, может сводиться к внешним изменениям в состоянии субъекта, к его перемещению в пространстве (см. глаголы: levantarse, alejarse, ocultarse и т.п.) и к внутренним изменениям в состоянии субъекта (см. глаголы: afligirse, alegrarse, arrepentirse и др.), например: Este se *levantó* en el momento en que la señora hablaba con su sobrino de asuntos de familia y di*ó* algunos pasos por la estancia (B. Pérez Galdós); *Se alejaron* enlazados y Gregorio se dejó caer en su silla igual que un paquete (J. Goytisolo); Eulalia tenía el pañuelo sobre los ojos. Muda y pálida, *adelantóse* hacia la barca (R. Valle Inclán); La barca *se alejaba,* y la Madre Cruces *tornóse* al molino... (ib.); Perfecta no quiere que se hable de este asunto, y *se aflige* mucho siempre que lo toma en boca (B. Pérez Galdós); *Me alegro.* La señora se defiende bien (ib.); No debes sacrificarme lo mejor de tu vida. Eres un niño y tendrías demasiados años para *arrepentirte...* (R. Valle Inclán).

При возвратном залоговом значении (voz refleja) у глаголов на -se предполагается в качестве субъекта действия лицо или вообще живое существо. При этом -se обозначает, что действие имеет своим объектом самого субъекта-производителя действия, которое направлено непосредственно на его внешность, на его тело и т.п. (lavarse, desnudarse и т.д.). например: No bien se sosegó, principió a *desnudarse* con una celeridad febril (P. A. de Alarcón); Yo *me lavo* las manos (B. Pérez Galdós).

Глаголы взаимного залогового значения выражают взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. В этом случае -se (me, te, nos, os) означает друг друга. Действие взаимно совершается двумя или несколькими лицами или предметами, причем действие в рамках множественного субъекта переходит с одного лица (или предмета) на другое, исключая самого производителя действия. Это обоюдное действие выражается одним глаголом, например: mirarse, abrazarse и т.п.: Ellos se *miraron* en silencio (R. Valle Inclán); Se *miraban* en el fondo de los ojos, indecisos y sonrientes (ib.)·

При многозначности местоименных глаголов не исключено возникновение неясности в выражении залогового значения возвратности или взаимности; во избежание какого-либо сомнения при местоименных глаголах (на -se),

выражающих взаимность, употребляются пояснительные слова: mutuamente, recíprocamente, entre sí, unos a otros и т.д.: Los dos ejércitos *se clavaban* m u t u a m e n t e las uñas desgarrándose (B. Pérez Galdós). В залоговой многозначности местоименного глагола можно убедиться, сравнив следующие предложения: Encantada la mujer con el presente, pasó algunos días *mirándose* (возвратный залог) a cada momento porque era la primera vez que había visto un espejo (J. Valera). El coronel *me miró* (действительный залог), y *nos miramos* (взаимный залог) los jefes todos sin decirnos nada (B. Pérez Galdós).

Вид

Категории вида уделялось большое внимание в трудах исследователей грамматического строя русского языка (Г. К. Ульянов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др.). И тем не менее В. В. Виноградов с полным основанием отмечает в своей книге «Русский язык» (М.—Л., 1947), что «теория видов русского глагола — один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики» (стр. 477). Тем более это можно сказать о «теории вида» в романо-германских языках.

Однако за последние годы появилось немало новых трудов по вопросам глагольного вида и учение о виде (аспекте), разрабатываемое на материале славянских и в меньшей степени некоторых романо-германских языков, выделилось в особую область грамматической науки, называемую аспектологией[1]. Проблема вида является предметом исследования ряда советских лингвистов (В. Н. Ярцевой[2], Ю. С. Маслова[3], А. В. Бондарко[4], И. П. Ивановой[5] и других).

[1] См. сб.: «Вопросы глагольного вида» со вступительной статьей, примечаниями и под редакцией Ю. С. Маслова, М., 1962, стр. 7 и след.

[2] В. Н. Я р ц е в а . Длительные времена и проблема вида в английском глаголе. — «Ученые записки ЛГУ», 1940, № 58.

[3] Ю. С. М а с л о в. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. Докторская диссертация. Л., 1957.

[4] А. В. Б о н д а р к о . Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в чешском языке. «Slavia», 1958, № 27 и др.

[5] И. П. И в а н о в а . Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.

Основными аспектологическими понятиями являются понятие «вида» (аспекта, нем. Aspekt) и противопоставленное ему понятие «способа действия» (нем. Aktionsart, исп. Modo de acción и т.д.). Способы действия представляют собой чисто семантическую группировку глаголов, выделяемых исключительно на основе известной общности их значения. Отличие понятия «способ действия» от понятия «вид» впервые было сформулировано С. Агреллем в 1908 году[1].

Способы действия в противоположность видам не представляют собой грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата. При исследовании грамматической категории вида в том или ином языке способы действия важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида.

Грамматическая категория вида не имеет еще единого общепринятого определения. Широкое распространение категории вида в разных языках сочетается с ее значительным разнообразием не только в формальном, но и в функционально-семантическом отношении. Различно выраженные категории (в разных языках) могут быть объединены в понятии вида при наличии общего функционально-семантического признака, каким служит характеристика «различных способов представления протекания действия»[2]. При этом очень важным признаком современного понятия о виде является наличие грамматического противопоставления, имеющего «парадигматический» характер, охватывающее всю или почти всю глагольную лексику и проявляющееся в рамках одного лексического значения.

Поскольку в плане внешнего выражения, т.е. морфологических показателей, между категориями «вида» в различных языках не наблюдается сходства, то для признания какой-либо категории того или иного языка видом (как и для признания какой-либо категории временем, залогом и т.д.) не имеет решающего значения то, какими формальными средствами она выражена. «Сходство между

[1] S i g u r d A g r e l l . Aspektanderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Praverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen, Lund, 1908 и его же Przedrostki postaciowe czasowników polskich (=Materyaly i prace Komisji jgzykowej Akademii umiejgtnoski w Krakowie, t. VIII), w Krakowie, 1918.

[2] См.: J. H o l t . Etude d'aspect. Kjabenhavn, 1943 ("Acta Jutlandica", 15, 2), стр. 6 (цит. по Ю. С. Маслову, ук. соч., стр. 9).

соответствующими оппозициями является функционально-семантическим, внутренним. Оно лежит в плане содержания».[1]

По вопросу о наличии категории вида в романо-германских языках нет единства мнений; в отношении германских языков он обсуждался более широко, чем в отношении романских, и германистами за последние десятилетия проведено разграничение между грамматической категорией вида, аспектом (Aspect) и лексическими и словообразовательными способами передачи характера протекания действия (Aktionsart)[2].

Исследователи романских языков, интересующиеся проблемой вида (весьма немногочисленные), ищут решение этой проблемы преимущественно в различных комбинациях предельности и непредельности глаголов и видовых оттенков временных глагольных форм. При этом, как правильно отмечает Гэрей, во многих спорах о перфективности и имперфективности, завершенности и незавершенности действия есть немалая доля путаницы. «Весьма часто бывает трудно сказать, о чем именно идет речь — о «перфективном глаголе» или о «перфективном времени»[3]. Гэрей склонен искать решение проблемы вида на пути разграничения вида лексического и вида грамматического (стр. 345); он критикует Стена за его попытку на примере с тонувшим человеком (Il se noyait. «Он тонул»), спасенным из воды, доказать, что перфективный глагол является имперфективным, так как он может иногда употребляться в имперфективном времени — имперфекте[4]. Сам Гэрей, предлагая четыре видовые комбинации, возникающие при постановке целевого (по Стену перфективного) и нецелевого (по Стену имперфективного) глагола в имперфективном или перфективном времени, приходит, как и Стен, к выводу, что «определенный глагол не всегда имеет один и тот же лексический вид»; однако Гэрей, считая, что «вид может изменяться», полагает, что это происходит не в зависимости от того, употреблен ли данный глагол в перфективном или

[1] См.: Ю. С. Маслов. Ук. соч., стр. 9.

[2] См.: И. П. Иванова. Вид и время в современном анг
лийском языке. ЛГУ, 1961, стр. 9 и след.

[3] Говард Б. Гэрей. Глагольный вид во французском языке (Howard B. Gara y. Verbal Aspect in French. — "Language", 33, 1957, 2). Сокращ. перевод в сб.: «Вопросы глагольного вида», стр. 345-346.

[4] Говард Б. Гэрей. Ук. соч., стр. 346.

имперфективном времени, как это утверждает Стэн[1], а в зависимости от лексического значения, присущего глаголу в данном контексте. По вопросу о том, какие же видовые различия выражаются во французском языке формальными средствами, Гэрей высказывает следующее мнение, не вызывающее особых возражений: «Оппозиция имперфективного и перфективного видов представлена в морфологической системе французского глагола, но только как различие между imparfait и всеми другими формами прошедшего времени. Различие между целевыми и нецелевыми глаголами не является частью формальной структуры французского языка, поскольку оно не соотносится с каким-либо формальным критерием. Скорее оно принадлежит к семантической структуре языка, определяясь в качестве элемента этой структуры с помощью семантического признака (стр. 354)[2]. Что касается других романских языков, в частности испанского, то вопреки утверждению А. Мейе, что «романские языки утратили все, относящееся к категории вида, и сохранили лишь то, что входит в понятие времени», имеются серьезные основания признать наличие в испанском языке грамматической категории вида[3]. Эта точка зрения постепенно становится общепринятой[4], хотя и вызывает еще иногда возражения отдельных исследователей[5].

[1] H. S t e n. Les temps du verbe fini (indicatif) en frangais moderne. Copenhague, 1952, стр. 25 и след.

[2] По вопросу о виде во французском языке см. также: Е. А. Р е ф е р о в с к а я. Категория вида во французском глаголе. — «Известия Академии наук СССР», ОЛЯ, 7, 1948, вып. 5, стр. 445—456 и W o l f g a n g P o l l a k. Studíen zura "Verbalaspekt" im Französischen (=Osterreichische Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte, 233. Bd., 5. Abhandlung), Wien, 1960 с обширной библиографией по проблемам вида в романских языках (см. сб.: «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 413).

[3] См.: О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол estar+герундий). — «Романо-германская филология», сб. в честь акад. В. Ф. Шишмарева. ЛГУ, 1957, стр. 107-137.

[4] См.: Y. M a l k i e l. Рецензия на сб. статей «Романо-германская филология» в честь акад. В. Ф. Шишмарева в журнале "Roman ce Philology", vol. XI, No. 4, 1958, стр. 384-389.

[6] См.: H a n s M a r c h a n d. On a Question of Aspect: a Comparison between the Progressive Form in English and that in Italian and Spanish. — "Studia lingüistica", 9, 1955, No. 1, стр. 45—52 и в русском переводе: Х а н с М э р ч е н д. Об одном вопросе из области вида (сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской). — В сб.: «Вопросы глагольного вида». Ук. соч., стр. 355-364.

В большей части испанских грамматик вопрос вида не только не решается, но даже не затрагивается (Грамм. Исп. акад., Бельо и др.). В тех же грамматиках, которые включают в число грамматических категорий, характеризующих глагол, и вид, речь обычно идет либо о видовой окрашенности глагольных временных форм, либо о лексической или лексико-грамматической категории предельности или непредельности глагола (см. стр. 114). Так, Криадо де Валь приводит следующие примеры выражения различных видов, точнее «способов действия» длительного, дуративного — El niño va corriendo por el campo (aspecto durativo); начинательного, инхоативного — El niño empieza a correr por el campo (aspecto incoativo); точечного — El niño corre en este momento por el campo (aspecto puntual); перфективного, совершенного — El niño ha corrido por el campo (aspecto perfectivo) и т.д., которые свидетельствуют о полном смешении лексики и грамматики, столь часто встречающемся при рассмотрении вопросов о виде в испанском языке. К тому же Криадо де Валь полагает, что вид в индоевропейских языках теряет свое значение, ослабевает по мере продвижения этих языков по пути развития анализа[1]. Между тем изучение становления и развития грамматической категории вида в испанском языке убеждает нас в том, что в связи с разрушением вида латинского глагола (а, как известно, латинский язык, передавая широко развитую систему временных форм, передал романским языкам разрушенную систему вида) в испанском возникла потребность в создании качественно новой видовой формы и можно наблюдать развитие категории вида в испанском языке, а не ее ослабление.

Хили и Гайа в разделе о виде своего «Курса синтаксиса испанского языка» (cap. XI, 118. Aspecto de la acción verbal) рассматривает вид как категорию лексики, определяя его следующим образом: различные способы рассматривать действие, выраженное глаголом, с точки зрения наличия в нем моментальности, повторности, длительности, начала или завершения, называются видами глагольного

[1] Criado de Val. Gramática española. Madrid. 1958: "Históricamente, y atendiéndonos al campo de las lenguas indoeuropeas, parece demostrado que el aspecto pierde importancia a medida que las lenguas "progresan" por el camino analitico y se preocupan más por precisar el dato temporal" (стр. 107). См. также его "El verbo español". Madrid, 1969, стр. 14.

действия ("Estas maneras distintas de mirar la acción expresada por un verbo, según predomine en ellas la momentaneidad (см. гл. saltar, chocar, llamar a una persona), la reiteración (golpear, picotear, hojear un libro), la duración (saber, vivir, querer), el comienzo (enrojecer, alborear) o la perfección (nacer, morir, comenzar, afirmar), se llaman aspectos de la acción verbal. Dependen, según hemos dicho, de la significación del verbo en sí misma. — стр. 147). Однако далее Хили и Гайа склонен, как это делают и А. Алонсо, и Энрикес Уренья в своей грамматике, различать «способ действия» (modo de acción), когда вид выражен лексически и зависит от семантики глагола, и «вид» (aspecto), когда он выражен грамматическими средствами, например: по мнению Хили и Гайя florecer (comenzar a echar flores) выражает начинательность своим лексическим значением, тогда как enojarse (comenzar a sentir enojo) якобы приобретает видовое значение начинательности благодаря присоединению местоимения se и т.д. (стр. 147—148). Хили и Гайа считает, что наиболее важными в испанском спряжении являются совершенный и несовершенный виды (perfectivo и imperfectivo и у Бельо desinente и permanente) и с точки зрения их выражения рассматривает временные глагольные формы, относя простое прошедшее (canté) и все сложные глагольные формы к перфективным, а остальные простые формы к имперфективным, как и Бельо, в отличие от Грамматики Испанской академии. Значительно больший интерес представляет в книге Хили и Гайи глава о глагольных фразах (Cap. VIII, Frases verbales) (стр. 103—119), в которой он довольно удачно, хотя не делая конструктивного вывода, рассматривает ряд глагольных фраз, как он называет описательные конструкции неличных форм глагола с различными служебными глаголами. К сожалению, Хили и Гайа, правильно считая, что среди служебных глаголов следует отличать вспомогательные глаголы, полностью утратившие свое лексическое значение, от глаголов, сохраняющих его в какой-то степени, делает это, не определив соответствующего критерия, и потому довольно случайно. В итоге он дает общую таблицу наиболее часто употребляющихся «глагольных фраз», не выделяя особо грамматизованные конструкции и не рассматривая их с точки зрения наличия грамматической категории вида в испанском языке.

В одной из новых работ по теории грамматического строя испанского языка (см.: Р о к а Понс. Введение

в грамматику)[1] вопросу вида уделено несколько большее внимание. На вопрос о том, существует ли в испанском языке подлинный вид, Рока Понс в общей форме отвечает утвердительно, но с оговоркой, что существование вида, хотя и не подлежит сомнению, но представление о категории вида в испанском с морфологической точки зрения еще недостаточно ясно и систематично. Как и Хили и Гайа, Рока Понс обнаруживает признаки глагольного вида в спряжении глагола, т.е. во временных глагольных формах, а с другой стороны — в описательных конструкциях (и в описательном спряжении). Рока Понс прав, когда отмечает, что в отношении категории вида не существует еще' единой точки зрения. Большинство исследователей (Ф. Херманн[2], Якобсон[3], Порциг[4], Ван дер Хейде[5], Йенс Хольт[8], Хили и Гайа, А. Алонсо и Энрикес Уренья и др.) все же в различных вариантах различает «способы действия» (Aktionsart, modo de acción) и вид, аспект (Aspekt).

Аларкос Льорак в своей «Структуральной грамматике испанского языка»[7] использует в вопросе о виде идеи Гийома[8] и Хольта. Рока Понс полагает, что последовательное

[1] J o s é R o c a P o n s . Introducción a la gramática. Prólogo de A. M. Badía Margarit. T. II. La Habana. 1966, стр. 56—68; см. также работу: L. J e n a r o M a c l e n n a n . El problema del aspecto verbal. Madrid, 1962.

[2] F. H e r m a n n . Objektive und subjektive Aktionsart. „Indogermanische Forschungen", Bd. 45, 1927, Heft 3, стр. 207-223; в русском переводе: Э д у а р д Г е р м а н . Вид объективный и вид субъективный. — В сб.: «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 44 — 64.

[3] H. J a K o b s o n . Aspektfragen. „Indogermanische Forschungen", 56, 1933, стр. 292-318.

[4] W. P o r ζ i g. Zur Aktionsart indogermanischer Prasensbildungen, „Indogermanische Forschungen", B. XLV, 1927, стр. 152—251; в русском переводе: В а л ь т е р П о р ц и г . О способах действия индоевропейских презентных образований. — В сб.: «Вопросы глагольного вида», стр. 41—42.

[5] K· v a n d e r H e y d e . L 'aspect verbal en latin. Problemes et résultats. REL, 10, 1932, стр. 326-336; II, 1933, стр. 69-84^ 12, 1934, стр. 140 — 157; в русском переводе: К о р н е л и у с ? в а н д е р Хейде. Из введения к работе «Глагольный вид в латинском языке. Проблемы и выводы» в сб.: «Вопросы глагольного вида», М., 1962, стр. 59-64.

i J. H o l t . Ук. соч.

'' ^ A l a r c o s L l o r a c h . Gramática estructural (según la de Copenhague y con especial atención a la lengua española). Madrid, 1951, стр. 67.

[8] G. G u i l l a u m e. Immanence et trascendence dans la catégorie""du verbe. — «Journal de Psychologies, XXXI, 1933, стр. 355—

противопоставление простых и сложных временных форм глагола с точки зрения вида осуществить невозможно. Рассматривая три временные формы прошедшего времени: имперфект, простое прошедшее и сложное, он подчеркивает, что различие между ними заключается лишь в видовой характеристике действия, ср.: envejecía — envejeció — ha envejecido. Имперфект (envejecía) выражает процесс в его протекании, безотносительно к его началу и концу, причем независимо от предельности и непредельности самого глагола; следовательно, имперфект является временной формой — имперфективной с точки зрения вида. Простое прошедшее (envejeció) выражает действие или процесс как происходящий в одной точке или с его начала до его конца — действие само по себе законченное (La acción está implícitamente terminada), причем говорящий охватывает весь процесс сразу, но его не интересуют последствия, которые обнаруживали бы явно выраженную законченность действия, как это имеет место в сложном прошедшем (ha envejecido). Древний перфект выявлял в первую очередь не само действие, а его результат. Сложное прошедшее в системе испанского спряжения прежде всего и непосредственно выражает само действие и лишь как второстепенный момент — последствие или результат. Связь действия, выраженного сложным прошедшим, с настоящим отличает его от действия, выраженного простым прошедшим. Рока Понс считает, что эта связь с настоящим является видовой характеристикой сложного прошедшего. Мы говорим ha envejecido в том случае, когда существует интерес к последствиям, к результату совершенного действия. Рока Понс различает три вида соответственно трем формам прошедшего времени: имперфективный (imperfectivo) несовершенный (имперфекта), точечный (puntual) (простого прошедшего) и перфективный (perfectivo) (сложного прошедшего). Что касается остальных форм, то, хотя, в отличие от Грамматики Испанской академии, Рока Понс не признает последовательного параллелизма между простыми формами глагольной системы и сложными, однако он соглашается с тем, что простые формы (кроме простого прошедшего) никогда не бывают перфективными и, наоборот, сложные — имперфективными, и рассматривает их видовую окрашенность с этой точки зрения (стр. 60—66). Не внося ничего существенно нового в традиционную точку зрения на выражение вида в отношении испанских временных глагольных форм, Рока Понс, однако, продвигается

по пути решения вопроса о наличии категории вида в испанском языке, в частности, благодаря тому, что предполагает основное внимание в этом вопросе направить на глагольные перифразы (описательные конструкции), которые чрезвычайно важны с точки зрения выражения вида. Но верно определив основное направление в решении проблемы категории вида в испанском, сам Рока Понс ограничивается хотя и правильным, но декларативным утверждением, что описательные конструкции с герундием являются основным выразителем несовершенного (имперфективного) вида, противопоставленного конструкциям с причастием, которые преимущественно перфективны, поскольку выражают состояние как результат предварительного предшествующего процесса. Рока Понс правильно отмечает, что видовое (длительное) значение конструкций с герундием не вполне соответствует видовому значению имперфекта. При всем этом неимперфективные временные формы, например, простое прошедшее или будущее или сложные формы с haber способны в конструкциях с герундием приобретать видовые оттенки, которых они не могут иметь помимо этих конструкций; можно сказать: cuando llegues, te estaré esperando (но не te esperaré), так как тогда не будет очевидна одновременность обоих действий (стр. 66). Рока Понс этими примерами, хочет он этого или нет, подтверждает наличие грамматического различия между esperaré и estaré esperando и грамматически обязательного употребления формы estar+герундий, а не только стилистического, как это считают грамматисты, возражающие против признания estar с герундием грамматической категорией вида (Ханс Мэрченд[1], Моссе[2], Н. Д. Арутюнова[3] и др.). Рока Понс стремится уточнить видовое значение перифраз с герундием и причастием, но делает это в слишком общей форме и в итоге приходит к следующему выводу: решение проблемы вида в испанском спряжении

• Hans Marchand. On a Question of Aspect: a Comparison between the Progressive form in English and that in Italian and Spanish. — "Studia lingüistica", 9, 1955, No. 1. стр. 45 — 52; в русском переводе: Ханс Мэрченд. Об одном вопросе из области вида (Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской). — В сб.: «Вопросы глагольного вида», стр. 355—364.

[2] F. Mossé. L'histoire de la forme périphrastique etre+participe present en germanique. I —II. P., I938 (Deuxieme partie.'§ 480).

[3] Н. Д. Арутюнова. О критерии выделения аналитических |рм. — «Аналитические конструкции в языках различных типов». .-Л., 1965, стр. 89-93.

заключается не в коренном разграничении простых и сложных форм глагола, не в особом выделении имперфекта или простого прошедшего. В спряжении имеются различные формы вида (diversas modalidades de aspecto), которые могут быть сведены, по мнению Понса, к трем основным: имперфективному, точечному и перфективному (см. выше стр. 200). Между двумя крайними видами (имперфективным и перфективным) и перифразами с герундием и причастием имеется тесная связь, поскольку перифразы служат для усиления этих видов (соответственно) (Рока Понс, 68).

При изучении вопроса о выражении вида в испанском языке действительно необходимо было обратить особое внимание на описательные конструкции (или глагольные перифразы) глаголов состояния и движения с неличными формами глагола (герундием, причастием и инфинитивом), в частности с герундием.

Об описательных конструкциях с герундием, или, как часто говорят, о глагольных перифразах, существует довольно большая литература, которая содержит характеристику (более или менее подробную) данного явления или простое упоминание о нем в общих основных трудах по романскому языкознанию (Диц[1], Мейер-Любке[2], Бурсье[3], В. Ф. Шишмарев[4] и др.), в специальных исследованиях, посвященных изучению грамматического строя испанского языка (Бельо и Куэрво[5], Грамматика Испанской академии[6], Хансен[7], Ленц[8], Кенистон[9], Кэни[10], Гарсиа

[1] F r. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen. 5. Auflage, Dritter Teil, Bonn, 1882, стр. 182-184.

[2] W. M e y e r - L ü b k e. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd. Ill, Syntax. Leipzig. 1898, § 312—317, его же: Introducción a la lingüística románica. Versión de la tercera edición alemana, con notas y adiciones por Américo Castro. Madrid, 1926, § 219.

[3] E. B o u r c i e z. Elements de linguistique romane. P., 1946. Э. Б у р с ь е. Основы романского языкознания. 1952, § 246.

[4] В. Ф. Ш и ш м а р е в. Очерки по истории языков Испании. М.-Л., 1941, стр. 151; его же: Историческая морфология французского языка. М.-Л., 1952, стр. 120.

[5] A. B e l l o, R. C u e r v o. Ук. соч., § 617-621Л

[6] Gramática de la lengua española de la Academia Española. Nueva edición, reformada. Madrid, 1924, § 253-256.

[7] F. H a n s s e n. Gramática histórica de la lengua castellana. Halle, 1913.

[8] R. L e η z. Oración y sus partes. *4ª* ed. Santiago, 1944, стр. 391.

[9] H. K e n i s t o n. The Syntax of Castilian prose: the sixteenth Century. Chicago, 1937.

[10] C h. E. K a n y. American-Spanish Syntax. Second edition. Chicago, 1951.

Диего[1], Хили и Гайа[2] и др.) и, наконец, в специальных работах о глагольных перифразах, или герундии в романских языках вообще: Гуженэм[3], Лиер[4], Шкерли[5], Бадиа Маргарит[8] и в испанском Споулдинг[7], Хмеличек[8], Амадо Алонсо[10], Рока Понс[11] и др.

Внимание большинства исследователей сосредоточивалось преимущественно на определении отдельных оттенков действия, выражаемого этими конструкциями, без попытки вскрыть закономерности развития этих сочетаний, найти критерий для установления степени их грамматизации и определить их место в грамматической системе языка.

Между тем при чрезвычайном богатстве в испанском (как и в других пиренейско-романских языках) самых разнообразных конструкций, которые образуются из сочетания служебного глагола с одной из неличных форм его (герундием, причастием или инфинитивом) в качестве знаменательного слова, и при принятом обобщении их под весьма широким названием «описательные (или перифрастические) конструкции или глагольные перифразы» вопрос о выделении из их числа грамматизованных (аналитических) конструкций (или форм) очень важен. Важно также выяснить их грамматическое значение и определить их место и назначение в грамматической системе испанского языка. Важно это тем более, что весьма характерной для испанского (как и прочих пиренейско-романских языков) при их уже широко развитой системе глагольного

[1] V. García de Diego. Gramática histórica española. Madrid, 1952.

[2] Gili y Gaya. Ук. соч.

[3] G. Gougenheim. Etude sur les periphrases verbales de la langue frangaise. P., 1929.

[4] St. Lyer. Syntaxe du gérondif et du participe present dans les langues romanes. P., 1934.

[5] S. Skerly. Syntaxe du participe present et du gérondif en vieil italien. P., 1926.

[6] A. Badía Margarit. Gramática catalana. Biblioteca románica hispánica. I-II. Madrid, 1962, I, § 190-196.

[7] R. K. Spoulding. History and Syntax of the progressive constructions in Spanish. University of California. Publications in Modern Philology. Vol. 13, No. 3, стр. 229-284. Berkeley, California, 1926.

[8] H. Chmelicek. Die Gerundialumschreibung im Altspanischen zum Ausdruck von Aktionsarten, Hamburger Studien zu Volkstum u. Kultur d. Romanen. Seminar f. romanische Sprachen und Kultur. Bd. V. Hamburg, 1930.

[10] Amado Alonso. Ук. соч.

[11] J. Roca Pons. Estudios sobre perífrasis verbales del español. RFE. Anejo LXVII. C.S.I.C. Madrid, 1958.

спряжения является живая тенденция к пополнению видовременной системы глагола новыми аналитическими формами, образующимися на базе неличных форм глагола.

Исследуя становление грамматической категории вида в испанском языке, необходимо проследить, как из предикативного сочетания глаголов движения и состояния в качестве сказуемого, сопровождаемого обстоятельством (в форме герундия) и выражающего второстепенное сопутствующее действие, постепенно формируются описательные конструкции (глагольные перифразы), и как из одной из них в результате длительного исторического процесса складывается аналитическая глагольная форма с грамматическим значением вида.

Под описательной конструкцией мы понимаем сочетание служебного глагола с одной из неличных форм (герундием, причастием и инфинитивом). В подобной конструкции служебный глагол употребляется в личной форме, указывает время, наклонение, залог, лицо, число, согласуясь с подлежащим; при этом он утрачивает (в различной степени) свое лексическое значение, одновременно придавая действию, выражаемому смысловым глаголом, в данном случае в форме герундия, особый характер или оттенок, в зависимости от своей семантики.

Система испанского глагола сложилась в результате длительного процесса развития, в течение которого происходили многочисленные изменения и в составе глагольных форм, и их значениях, и в способе их образования. В морфологической структуре испанского, как в свое время и латинского глагола[1], отложились наслоения, относящиеся к различным периодам его истории. Как пишет И. М. Тройский[2], при общеиндоевропейском языковом состоянии «глагольный строй отличался гораздо меньшим разнообразием словообразующих морфем, чем именной, но в отношении системы образования форм одного слова он представлял менее целостную картину, чем имя... В системе древнего глагола объединялись различные основы, самостоятельно образованные от глагольного корня и друг от друга независимые... Различие глагольных основ служило в первую очередь для обозначения в и д о в ы х различий. Так, основа, традиционно называемая основой настоящего вре-

[1] См.: И. М. Т р о й с к и й . Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, § 476 и след. ' Т а м же, § 20 и след.

мени, не имела сама по себе временного значения; она указывала на длительность действия или состояния, в то время как основа аориста выражала действие или состояние без указания на длительность. Третий вид, перфект, обозначал завершенность действия, вылившуюся в некоторое состояние (лат. memini — я «запомнил» и, стало быть, «помню»). После обособления латинский язык, как и другие индоевропейские родственные ему языки, развивались самостоятельно, обнаруживая, однако, ряд общих черт, свидетельствующих о сходной направленности их развития при большом многообразии его конкретных форм по отдельным языкам. Древняя трехчленная видовая система индоевропейской семьи, противопоставлявшая основы настоящего времени, аориста и перфекта, уступила место двухвидовой системе.

В италийской ветви, как и в ряде других ветвей индоевропейской семьи, аорист и перфект слились еще до начала письменной традиции. В латинском перфекте обобщены два древних вида — аорист и результативный перфект. Латинский перфект противостоит инфекту как указание на завершенность действия, охват его во всей полноте.

Древняя видовая характеристика действия по способу его протекания уступила место более отвлеченной характеристике действия по степени его завершенности; категория завершенности и незавершенности более тесно связана с понятием времени, чем категория длительности. Временные и видовые значения сплетаются в более тесное единство. Временные формы латинского глагола, таким образом, симметрично развертываются вокруг двух основ, инфектной и перфектной... Ослабление древних видовых различий в латинском языке несомненно связано с тем обстоятельством, что из видовой системы развивается новая, значения которой наслаиваются на видовые. Различия видовых значений заменяются различием о т н о с и т е л ь н о - в р е м е н н ы х значений. Инфект и перфект противопоставляются друг другу по линии незавершенности и завершенности действия. Завершенность и незавершенность являлись непосредственной характеристикой процесса, выраженного глаголом, видовыми категориями. Развитие сложного предложения приводит к перемещению этих значений из абсолютного плана в план контекстный. Незавершенность и завершенность приводятся в соотношение с другим глагольным действием. Завершенное или неза-

вершенное действие перестает быть законченным или незаконченным в себе и становится законченным или незаконченным в отношении другого» (И. М. Тройский, § 480—483).

Вопрос о происхождении описательной конструкции estar с герундием в испанском языке (как и в других пиренейско-романских языках) не может считаться решенным и требует дальнейших документальных исследований. Вряд ли можно говорить о непосредственной связи конструкции глагола estar+герундий с латинской конструкцией esse+Participium praesentis или даже с сочетаниями латинского герундия с глаголами движения (Stellas ire trahendo comas. Фортунат итал. Carm., 5, 17, 5), как это делают некоторые исследователи. В дороманских памятниках пока не удалось встретить сочетания герундия с глаголами, выступающими в качестве служебных, которые могли бы быть признаны источником романских конструкций герундия с глаголами состояния и движения, столь жизнеспособных и распространенных в испанском языке. По-видимому, эти конструкции возникли и получили свое первоначальное развитие на романской почве в недрах народной разговорной речи, потому что в первых литературных памятниках, например, в испанском — в «Песне о Сиде» (XII в.), герундий с глаголами se(e)r, estar, ir, andar встречается уже в виде описательных конструкций, настолько сложившихся, что не остается сомнений в прохождении ими уже некоторого пути исторического развития и, следовательно, в их более раннем формировании. Например: Vassalos de mió Cid sediense sonrrisando (Cid, v. 2532), Regibien lo las dueñas que lo están esperando[1] (Cid, v. 1746).

Чтобы дать представление об историческом процессе грамматизации описательных конструкций, необходимо показать, как абстракция, которая является сущностью этого процесса, возникает и как в результате сложного взаимодействия конкретных лексических и грамматических значений компонентов конструкции постепенно формируется ее грамматическое значение.

Один из компонентов исследуемой конструкции — estar <лат. гл. stare 'быть, находиться' (глагол «широкой

[1] Подробнее см.: О. К. Васильева-Шведе. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол estar+герундий). — «Романо-германская филология». Сб. в честь акад. В. Ф. Шишмарева. ЛГУ, 1957, стр. 107-137.

семантики»)[1] — относится к той категории глаголов, из которых не только в испанском и других романских, но и в других индоевропейских языках, образуется связка. Другой компонент — герундий — обладает в романских языках неизменяемой формой, восходящей к аблативу латинского герундия, сохраняя его морфологическую базу, в испанском на — -ando, -iendo.

Что касается грамматического значения романского герундия, то в итоге перерождения его на протяжении долгого исторического пути — от поры классической латыни до поры становления романских языков — даже в тех языках (испанском, португальском и итальянском), в которых форма герундия сохранила падежное окончание латинского аблатива, это окончание утрачивает свое падежное значение. К XII—XIII вв. завершается начавшийся еще в поздней латыни процесс приобретения герундием адвербиальных свойств, который привел к тому, что герундий в современном испанском языке представляет собой неличную форму глагола, совмещающую в себе глагольные свойства и свойства наречия. Одним из проявлений глагольности герундия является его склонность к сочетанию с глаголами состояния и движения в качестве служебных.

Романский герундий широко распространен именно в тех романских языках, в частности в испанском, которые сохранили его форму, и употребляется в конструкциях со служебными глаголами именно в обиходной речи, в недрах которой происходит процесс ферментации, как бы эмбриональное развитие тех черт языка, которые определяют его специфический романский характер. В недрах живой речи осуществляется процесс освобождения от латинских черт тех из элементов языка, которые, как романский герундий, сохраняя свою преемственность от латинского по своей внешней форме, перестраивают «медленно, но верно» свое грамматическое значение на романский лад, в соответствии со своими специфически романскими закономерностями развития грамматического строя. Таким образом, романский герундий в итоге своего исторического развития, в отличие от причастия, призван выражать не признак, возникший в результате действия и отражающий какое-либо свойство предмета, а деятельность или

[1] См.: В. Н. Я р ц е в а . Пути развития словосочетания. — «Ученые записки ЛГУ», 1952, № 156, стр. 38.

состояние его, в качестве обстоятельства (как второстепенного действия, при котором протекает основная деятельность субъекта), т.е. самому герундию присуща процессуальность, имперфективность, которая по-разному реагирует на сочетание с глаголом estar и с глаголами движения в качестве служебных.

Процесс грамматизации лексической описательной конструкции глагола estar с герундием, постепенное превращение ее в аналитическую форму с видовым значением осуществляется в условиях преодолевания вновь формирующейся грамматической формой сопротивления лексического материала.

Внутреннее содержание этого процесса выясняется путем раскрытия противоречий между глаголом состояния estar и характером действия, выраженного главным в смысловом отношении глаголом в форме герундия.

В процессе превращения знаменательного (связочного) глагола во вспомогательный и становления аналитической глагольной формы из нескольких глаголов различных конструкций (с одной и той же неличной формой) выделяется один, который и закрепляется в качестве компонента этой формы. Его соперники (в данном сочетании) могут постепенно уйти с дороги[1], могут, однако, и сохраниться в язы-

[1] Одними из первых глаголов, употреблявшихся в испанском, как и в прочих романских языках, были глаголы, восходящие к латинскому esse(re), в староиспанском — почти исключительно в формах, восходящих к латинскому sedére, а не к esse: например, "Catandol sedie la barba, que tan ainal cregió" (Cid, v. 2059), причем трудно отличить значение se(e)r+герундий от estar+герундий: "Catando estan a myo Cid quantos ha en la cort" (Cid, v. 3123). К XV веку se(e)r утрачивает свое значение, происходившее от sedere и estar в соревновании с глаголом se(e)r в сочетании с герундием выходит победителем. В староиспанском одним из серьезных конкурентов глагола estar в борьбе за право стать в сочетании с герундием вспомогательным глаголом в аналитической видовой форме был глагол andar. Более упорным соперником estar был и остается самый распространенный из глаголов движения — глагол ir, восходящий к латинским ire, vadere. В «Песне о Сиде» конструкций герундия с ir в три раза больше, чем с estar. В «Селестине» уже (конец XV века) герундий в конструкции с estar употребляется 35 раз, преимущественно в Presente (18), но также и в других формах, с ir — 15 раз (8 в Presente), с andar — 22, с venir — 7. Но с течением времени estar, расширяя свое употребление сперва за счет se(e)r, а потом за счет самого ir, становится все более употребительным, и в современном языке (как в литературном, так и в языке диалектов) он обычно преобладает. Установить какую-либо закономерность в выборе герундием своего служебного глагола пока не удается. (Подробнее см.: О. К. В а с ил ь е в а - Ш в е д е. Ук. соч., стр. 117 — 119).

ке для выражения какого-либо оттенка основного грамматического значения, выражаемого грамматизованной формой, образованной из вспомогательного глагола-избранника (в данном случае estar) и того же компонента, несущего основную лексическую нагрузку. Но в таком случае сочетание глаголов, не утративших полностью *своего* лексического значения, т.е. не грамматизовавшихся и сохранившихся в данной описательной конструкции в качестве служебного, полувспомогательного глагола, остается в пределах лексики в виде «лексической» (или, точнее, лексико-синтаксической) конструкции, также выражающей какой-то оттенок характера действия (т.е. вида), но не ставшей его грамматической категорией и, может быть, идущей по пути грамматизации, а возможно и нет. Определить это весьма трудно, чтобы не сказать невозможно, выяснять же это необходимо в связи с рядом обстоятельств и ходом развития всего грамматического строя данного языка.

Так, следует полагать, что нет оснований предвидеть превращение конструкции ir+герундий в аналитическую форму, несмотря на большое распространение этой конструкции и несмотря на то, что в ряде свойств она отвечает требованиям, предъявляемым к грамматизованным конструкциям.

С глаголом estar дело обстоит иначе: при очень широком, самом по себе значительно более абстрактном значении, чем у глагола ir (как глагола бытия, хотя первоначально и с более конкретным значением «находиться»), можно наблюдать его преобладающее употребление в качестве служебного глагола (с герундием или причастием).

Одной из причин такого различия между глаголами estar и ir в качестве служебных при образовании грамматической видовой формы может быть, с одной стороны, противоречивость лексического значения глагола estar как глагола покоя и имперфективного характера глагола в форме герундия, из которой в результате взаимодействия противоположных по своему значению компонентов, объединенных в одну конструкцию, возникает и постепенно развивается качественно новое грамматическое значение глагольной видовой формы (формы длительной, процессуальной); с другой же стороны, соответствие лексического значения глагола ir как глагола движения с процессуальным характером герундия, в силу которого сочетание служебного глагола ir с герундием не служит источником нового грамматического значения, возникающего при сочетании герундия с

estar, а лишь дает усиление лексического значения глагола в форме герундия; видовые оттенки действия, выражаемые конструкцией ir и др. с герундием, возникают как резуль тат, как сумма однохарактерных слагаемых, и потому со четание герундия с ir и другими глаголами движения оста ется лексико-синтаксической описательной конструкцией, не достигающей той степени абстрагированности, которая имеется в современном языке в сочетании estar с герундием и которая позволяет признать ее глагольной аналитической формой.

Кроме того, широкое употребление глагола ir в самостоятельном значении (вне конструкции) способствует поддержанию и оживлению его лексического значения и в сочетаниях с герундием, в которых он в подавляющем большинстве случаев воспринимается как сохраняющий в большей или меньшей степени (в каждом отдельном случае) свое лексическое значение.

Что касается других глаголов, встречающихся в сочетании с герундием, то наличие их самостоятельного лексического значения и малая употребительность сравнительно с конструкциями estar и ir не оставляет сомнений в том, что они образуют лексические описательные конструкции.

Наличие все же конструкции, а не свободного словосочетания, объясняется необходимостью для герундия — неличной формы глагола, неспособной самостоятельно выполнять функцию глагольного сказуемого, выражаемого, как известно, только личной формой глагола, — воспользоваться помощью служебного глагола, который, осуществляя согласование с подлежащим (или оформляя отношение действия к субъекту при отсутствии грамматического подлежащего), обеспечил бы удовлетворение законной потребности герундия проявить свои глагольные свойства.

Формирование вспомогательных средств, в частности вспомогательных глаголов, путем постепенного отвлечения некоторых глаголов от их лексического значения, для образования аналитических форм времени, вида и т.д., в романских языках вообще протекает весьма интенсивно.

На основании ранее сказанного можно прийти к следующему выводу: конструкция герундия с estar в результате длительного развития грамматической абстракции превращается в аналитическую глагольную форму, т.е. переходит в область морфологии.

Признаками грамматизованности описательной конструкции, в данном случае estar+герундий, и превращения

ее в составную глагольную видо-временную форму служат:

1.Утрата служебным глаголом estar полностью своего лексического значения (быть, находиться), в котором он,
хотя и относительно редко, но может употребляться в сов
ременном языке в сопровождении обстоятельства места и
др., например: Allí estaba el guardabosque, con su rifle al
hombro (A. M. Matute).

2.Устойчивость структуры данного сочетания — слу жебного (вспомогательного) глагола estar и герундия.

3.Его грамматическая неразложимость: устойчивость грамматического значения, присущего данному сочетанию
в целом, выражающему длительность и конкретную процес-
суальность действия, т.е. его видовую характеристику, и
неделимость этого сочетания, которое проявляется в том,
что только в совокупности его части (компоненты) имеют
данное значение.

4.Закрепленность синтаксической функции данной кон струкции, выступающей почти исключительно в качестве
сказуемого.

5.Широкое распространение данной конструкции: почти полный охват ею глаголов любой семантики, употребление
ее во всех лицах и числах, временах и наклонениях, образу:
ющих систему видовых форм, соотнесенную с системой вре
менных невидовых глагольных форм и являющуюся частью
всей видо-временной системы спряжения испанского гла
гола.

Видовые формы (estar+герундий), как и прочие аналитические формы (см. в русском языке «буду читать»), выполняют в предложении функцию простого сказуемого.

Одним из косвенных свидетельств грамматизованиости конструкции estar+герундий служит употребление прямого и косвенного дополнения, выраженного местоимением, перед глаголом estar, т.е. перед всей составной глагольной формой. Например: — ¡Que fresca!... Todo el mundo te *estuvo buscando*... ¿Donde os habíais metido? (J. Goytisolo).

Что касается вообще порядка следования компонентов данной конструкции, то, несмотря на их объединение в одну аналитическую форму, герундий в течение долгого времени сохранял относительную свободу своего расположения по отношению к вспомогательному глаголу, однако устойчивость порядка следования и близость компонентов конструкции постепенно возрастала и в современном языке, хотя и возможны между вспомогательным глаголом estar и

герундием разделяющие их слова, наличие их не мешает воспринимать estar с герундием как аналитическую глагольную форму, например: El guardia, que *ha estado* mientras *buscando* entre los fardos, descubre a Mamita Clara (C. Arconada). Однако с давних пор, постепенно закрепляясь еще со времен Сида, стало наиболее обычным непосредственное следование герундия за вспомогательным глаголом. Ср., например, Recibien lo las dueñas que lo *están esperando* (Cid, v. 1746); Se lo *estoy diciendo* desde hace diez minutos — repuso (J. Goytisolo).

Одним из непременных условий морфологизации лексико-синтаксической описательной конструкции является переход служебного глагола в разряд вспомогательных.

Глагол estar в сочетании с герундием утрачивает самостоятельное значение и превращается в составную часть аналитической временной глагольной формы в качестве вспомогательного глагола; при этом основное содержание действия выражется герундием. Сочетание глагола estar с герундием приобретает в новой форме новое грамматическое значение — вида (имперфективного).

Грамматическая категория вида стремится к возможно более широкому охвату глаголов и в испанском языке достигает в этом отношении полной независимости от лексического материала, тогда, как, например, в английском языке употребление длительной формы (Continuous form) ограничено.

«Длительная форма» в испанском языке принадлежит к его морфологическому уровню, парадигматически полна и действует без избирательности, т.е. для нее характерен полный охват слов, подлежащих выражаемой ею грамматической категории вида. Между тем как английские «длительные времена» (Continuous tenses), также указывающие на протяженность процесса, протекающего в определенный отрезок времени, не имеют применения к глаголам, само лексическое значение которых указывает на протяженность (например, to contain 'содержать', to consist 'состоять из') или таких глаголов, как to feel 'чувствовать', 'ощущать', которые из-за своего лексического значения не употребляются в форме длительных времен[1].

В испанском языке подобные глаголы могут употреб-

[1] См.: В. Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. — В сб.: «(Исследования по общей теории **грамматики».** М., **1968, стр.** 32.

ляться в «длительной форме». Например: Inés: ¿Qué *estás diciendo?* Brígida: Que va a enfermar, lo *estoy viendo.* (J. Zorrilla); No sé — repuso, sin poder apartar su atención de lo que *estaba viendo.* (B. Pérez Galdós). — Se lo *estoy diciendo* desde hace diez minutos — repuso. Y me miró con las cejas arqueadas (J. Goytisolo). Y si *estoy siendo* juguete de una ilusión y de una quimérica esperanza ... (M. J. de Larra). Si esta noche me debéis la vida, y os lo *estoy debiendo* todo el año, pues me mantenéis (M. J. de Larra). Encontré a Dolores sentada en el colchón — en la misma postura que cuando me había ido. — *Estoy tiritando* — dije (J. Goytisolo). — Me *estoy hundiendo,* Claudia, y no se lo puedo contar a nadie. Me *estoy hundiendo* sin remedio. Te lo digo de veras, Claudia (J. Goytisolo).

При общей устойчивости грамматического значения (в данном случае видового) следует отметить однозначность его, что также отличает сочетание герундия с глаголом estar от его сочетаний с другими глаголами — движения и состояния, передающих тончайшие видовые оттенки действия, разнообразие и многочисленность которых характерны для лексических средств языка.

Итак, вид как грамматическая категория в испанском языке выражается составной глагольной формой, основное назначение которой — показать как протекает действие во времени, а именно — обозначить протяженность процесса, протекающего в определенный отрезок времени, процессуальность действия. Эту форму условно можно назвать длительной (Forma continua). «Длительная форма», имеющая своим основным грамматическим значением способ, характер протекания действия во времени, т.е. выражение вида, является по существу видо-временной формой, так как она характеризует действие не только со стороны характера протекания, но и со стороны времени протекания действия. «Длительная форма» соотнесена с временными глагольными формами, основное значение которых состоит в выражении грамматической категории времени, передающей отношение действия к моменту речи. Временные формы испанского глагола не обладают каким-либо закрепленным, постоянно присущим им видовым значением[1], хотя некоторые грамматисты склонны признавать за ними устой-

[1]См.:М. Н. Деев. Видо-временные отношения в системе **индикатива** в действительном залоге в современном испанском языке. **Канд.** дисс. М., 1954.

чивое видовое значение и классифицировать временные формы испанского глагола как формы совершенного и несовершенного вида. К первым обычно относят так называемые сложные времена и иногда простое прошедшее (Рока Понс), а ко вторым так называемые простые времена (Presente, Imperfecto и др.).

Действительно, у некоторых из этих форм можно признать наличие более или менее устойчивой видовой окраски, но вряд ли следует закреплять за временной формой испанского глагола определенное значение видового показателя. Испанские временные формы указывают на то, когда совершается действие, но сами по себе, без уточнителей, не всегда дают представление о том, как протекает действие. Можно говорить лишь о преобладании тех или иных видовых оттенков, присущих различным временным глагольным формам, рассматривая выражение видового значения этих форм как их второстепенную и непостоянную функцию; некоторые из них лишены этой видовой окраски вовсе (например Presente, Futuro), другие легко могут изменить ее в зависимости от предельности и непредельности глагола, от синтаксических условий и т.д. Сравните, например: Todo esto *sucedió* ayer (Luis de Tapia. Yo *grité, grité.* Pero nadie me oía (R. Valle Inclán). Или: Algún tiempo *caminaron* en silencio, cambiando miradas. Rosita *volvió a reírse* (R. Valle Inclán). В данном случае глагол в простом прошедшем может переводиться на русский язык глаголами как несовершенного вида, так и совершенного. При неустойчивости и неравноценности видового значения, выражаемого временными формами, целесообразно сохранить за ними название временных (а не временно-видовых форм), а за видо-временными — видовых. Однако вся система спряжения испанского глагола, поскольку в нее входит «длительная форма», по существу должна быть признана видо-временной системой.

Специфической чертой длительных форм в испанском является их независимость от семантики глагола в форме герундия: в испанской длительной форме употребляются, как мы видели, все глаголы, в том числе и глаголы восприятия, умственного состояния и т.п. Длительная форма употребляется также независимо от переходности и непереходности глагола в форме герундия, его предельности или непредельности. Ср.: Os *estuve buscando,* a Román y vosotros dos (J. Goytisolo) и — *Estábamos hablando* las dos — le contestó Dolores (ib.); Me *estás matando* (B. Pérez Gal dos)

и En la cocina *estaban comentando* lo del médico (A. M. Matute).

Длительная форма (estar+герундий), постепенно расширяя сферу своей деятельности, в процессе становления аналитической формы образовала полную парадигму спряжения. Она встречается во всех временных формах, но, как показывают статистические данные исследования, чаще всего она употребляется в Presente и Imperfecto: ¿Qué me *está pasando* a mí? (E. Pardo Bazán); *Están haciendo* el caldo'gordo a Lucas y, si no me espabilo, me van a guindar el puesto (J. Goytisolo). Al cabo de algunos momentos advertí que la monja *estaba llorando* (A. Palacio Valdés); Alguna sorpresa *se estaba tramando* entre bastidores (J. Goytisolo).

¿Viste lo que hizo? — No. — Le *estuvo pasando* billetitos toda la noche (ib.).

...aquel volcán en erupción *estará echando* fuego, humo y lava por algún tiempo (B. Pérez Galdós).

...debiera hacerlo. *Me estaría riendo* hasta mañana... (ib.).

Pues a fe de habladores, ni *hemos estado luchando* con las sombras ensangrentadas de Zaragoza ni... (M. J. de Larra)

— *Hemos estado jugando* al poker desde la una... Los cabrones me han plumado más de mil (J. Goytisolo);

Comprendí, de repente, que *había estado haciendo* el tonto de un modo lamentable (A. Palacio Valdés.).

Pues, hijo, si yo nací riendo, y hasta es fácil que me ría cuando *esté dando* las últimas boqueadas! (ib.).

Y con la seriedad mas cómica del mundo, con asombrosa rapidez y seguridad de dicción, cual si *estuviera imitando* el chisporroteo de una rueda de fuegos artificiales, me lanzó de un tirón, de un resuello, este incalificable trozo literario... (B. Pérez Galdós).

Длительная форма употребляется также с инфинитивом и герундием: Paréceme *estar viendo* las paredes y las personas y la alfombra y las luces en el rato aquel de impaciencia y expectación en que es la hora y faltan aún cuatro o cinco convidados (ib.); Lo aguanté unas semanas hasta que un día le dije: "Aguarda, que voy a telefonear". Y, todavía me debe *estar esperando"* (J. Goytisolo).

Наряду с выражением длительности и актуальности видовые формы могут выражать и дополнительные видовые оттенки, которые зависят от лексической видовой характеристики глагола герундия, его предельности или непредельности, а также от временной формы. Так, например, Рге-

senté continuo в соответствии со своим основным назначением — выражать длительность действия, подчеркивает актуальность данного, протекающего в конкретных условиях действия, нередко противопоставляя его действию вообще, происходящему без указания временных границ. Поэтому Presente continuo может быть названо также actual (Presente continuo actual), например: El niño la [=luna] mira, mira. El niño la *está mirando* (F. García Lorca). Presente continuo — самая употребительная из всех длительных форм. Значительно реже, но все же чаще, чем другие, встречается форма в Imperfecto continuo.

Видовые характеристики действия, выражаемые самой длительной формой, при переводе на русский язык передаются с помощью добавочных обстоятельственных слов: «сейчас, в настоящее время» и т.д. Иногда при употреблении длительной формы в испанском способ и условия протекания действия уточняются соответствующими обстоятельствами — наречиями и т.п. Например: в Ahora estoy escribiendo ... актуальность действия подчеркивается словом ahora, но и без него сама форма Presente continuo выражает и подчеркивает, что действие происходит в данный момент. Например: *Estoy tiritando*—dije (J. Goytisolo).

Наречием siempre выражается постоянство, повторность действия. Например: Mamá te aprecia y siempre *está preguntando* por tí (B. Pérez Caldos). Las gentes pasaban, y volvían a pasar y *estaban pasando* continuamente, y a cada vuelta se renovaba la misma procesión por el mismo orden (E. Pardo Bazán). Обстоятельство образа действия, выраженное наречием continuamente, только усиливает выражение длительности и непрерывности действия; и без него длительная форма в Imperfecto continuo показывает действие как развертывающийся процесс. «Длительная форма», первоначально несколько ограниченная в своем употреблении областью разговорного языка, в современном языке значительно расширила сферу своего стилистического использования в литературном языке, в частности, стала широко применяться в языке научных трудов (см. работы Менендеса Пидаля и др.), а также в языке прессы.

Наряду с длительной формой (estar+герундий) для выражения видовой характеристики действия употребляется в испанском языке ряд «лексических» (=лексико-синтаксических) конструкций герундия с глаголами движения: ir, seguir, venir, andar, pasar и др. и с глаголами состояния: quedar, permanecer и пр. Эти сочетания герундия с ir и

другими глаголами движения и состояния, оставаясь в пределах лексико-синтаксического уровня, выражают характер протекания действия с многочисленными оттенками основного, присущего длительной форме (estar+герундий) значения — развивающегося, незавершенного (имперфективного) действия.

Наиболее распространенная видовая лексическая конструкция герундия с глаголом ir выражает развивающееся длительное действие (от настоящего к будущему, от близкого к далекому). Например: Se i b a *aproximando* el trasatlántico a la ribera argentina (V. Blasco Ibáñez). *(Автор, говоря это, находился в Испании)*. Конструкция ir с герундием чаще всего употребляется в Presente и Imperfecto, но может употребляться во всех временных глагольных формах:...v a m o s *llegando* a los límites de la zona guerrillera (J. Izcaray); En varias lenguas románicas (provenzal, catalán, castellano) se h a n i d o *desarrollando,* en los primeros tiempos de su fase escrita, unas formas perifrásticas a base del verbo "anar" (Badía Margarit); í b a mos *caminando* por el jardín y, al pasar entre los arbustos, me pellizcó y quiso besarme (J. Goytisolo); Tu i r á s *diciendo* y yo i r é *escribiendo,* aunque haga letras que parecen garrapatos (Juan Valera). В Pretérito simple конструкция ir с герундием обычно выражает начало действия и его развитие: Poco a poco f u e *descargándose* la casa del enorme fardo de sus deudas... (B. Pérez Galdós). Иногда ir+герундий выражает начало и дальнейшее развитие не только в Pretérito simple, а й в других временных формах, например: Verdaderamente, señora... v o y *creyendo* que tiene usted razón en llamarla su hija (B. Pérez Galdós).

Несмотря на то, что конструкция ir+герундий чрезвычайно употребительна в современном испанском языке, она тем не менее не расширяет своего употребления, а скорее несколько сокращает его, тогда как seguir+герундий становится все более употребительным.

Глагол ir, наряду с употреблением в качестве служебного (полувспомогательного) глагола в сочетании с герундием, часто употребляется как самостоятельный глагол-сказуемое со значением «идти, ехать» и т.д., иногда с сопутствующим ему обстоятельством, выраженным герундием. Например: Así *iban* h a b l a n d o los grupos, por los caminos de las distintas diputaciones, hacia las casas de los amos. — Por el camino Hondo, de la diputación Higuera *iba* uno de estos grupos, l e v a n t a n d o una barrera es-

pesa de polvo, al lento andar (J. Arderius); Uno *iba* delante, c a n t a n d o , para que si topaban con la Guardia Civil, los tomara por campesinos (J. Izcaray); Todos *vamos* en silencio. B a j a n d o y s u b i e n d o las cuestas de terreno intrincado (Fermín Galán). Эти примеры показывают, что при сохранении полностью своего лексического значения, глагол ir может стоять рядом с герундием, не отделяясь от него знаком или каким-либо другим словом, но может отделяться и запятой и даже точкой, а в устной речи интонацией. Иногда, например, у Саманьего в его баснях разрыв между герундием и глаголом движения настолько велик, что свидетельствует с полной очевидностью о самостоятельности глагола ir; например: Entre montes, por áspero camino / T r o p e z a n d o con una y otra peña, / *Iba* un Viejo cargado con su leña, / M a l d i c i e n d o su misero destino (F. M. Samaniego).

Сочетания герундия с глаголом seguir появляются много позднее, чем с глаголом ir. Вряд ли можно согласиться с мнением некоторых исследователей (например, Бурсье, § 388), что в испанском функции глагола se(e)r с герундием перешли в современном языке к seguir, так как seguir почти полностью сохраняет свое лексическое значение, тогда как se(e)r абстрагировался от него, сближаясь с глаголом estar.

Сочетание глагола seguir (следовать, продолжать)+герундий выражает продолжение действия, безотносительно к его началу и концу с одинаковой степенью интенсивности. Например: A lo lejos, los hombres s e g u í a n *cogiendo* erizos (J. Goytisolo); Baltasar decía la buena ventura a una extranjera -...y el marido de Ellen s e g u í a *descorchando* botellas con su imperturbable sonrisa (ib.).

Seguir с герундием может выражать следующие оттенки характера действия: продолжение действия после перерыва, т.е. возобновление и дальнейшее продолжение его, например: Debía entregarles la llave del camarote y s e g u i r *durmiendo* si tal era su gusto ...(V. Blasco Ibáñez); протекание непрерывного действия: Durante mucho tiempo, Doña Perfecta s i g u i ó *viviendo* en Orbajosa (B. Pérez Galdós). Los habíamos salvado el pellejo y su horizonte s e g u í a *siendo* el mismo, tan cerrado y redondo como el grupo de sus relaciones o el círculo de los valses que bailaban sus abuelos (J. Goytisolo).

Глагол seguir+герундий может встречаться во всех временных формах и в инфинитиве, например: Dolores me h a b í a s e g u i d o *buceando* y al salir a la superficie me

besó (ib.)- Su voz s e g u i r á *cantando* a la España guerrillera (R. Alberti). Los ricos salieron de sus madrigueras, Málaga volvía a ser ciudad de antes, y era preciso s e g u i r *sacrificándose* y repetir los gestos de la víspera, como si todavía aguardásemos un milagro (J. Goytisolo).

Seguir+герундий в последнее время почти не уступает в употребительности глаголу ir с герундием и встречается значительно чаще, чем другие глаголы с герундием. Seguir относится, так же как и continuar, к тем глаголам, которые в сочетании с герундием хотя и выполняют роль служебного глагола при неличной форме глагола, тем не менее почти полностью сохраняют свое лексическое значение. Глагол seguir утрачивает свое основное значение 'следовать', но сохраняет переносное 'продолжать'.

Сочетание глагола continuar с герундием служит для выражения непрерывного продолжения действия: Con nosotras vienen seis. Los demás c o n t i n ú a n *persiguiendo* a la columna que se retira... (Fermín Galán). Los mozárabes usaban desde antiguo el árabe como lengua literaria, y c o n t i n u a r o n *escribiendo* en árabe sus documentos hasta ya entrado el siglo XIV (R. Pidal); Román c o n t i n u a b a *buceando* junto a las rocas (J. Goytisolo). Глагол continuar с герундием принадлежит к сугубо книжному стилю и употребляется значительно реже, чем глагол seguir.

Глагол andar (идти, ходить)+герундий встречается в испанском языке сравнительно не часто и служит для выражения длительного действия, утрачивая в значительной степени свое лексическое значение и придавая действию, выраженному всей конструкцией, характер постоянного занятия чем-нибудь: Los Mena y El Empecinado de nuestra época a n d a n *luchando* por esos montes, acaso están escuchándome ahora (J. Izcaray); Durante unos minutos a n d u v e *dando* vueltas y más vueltas en busca del sueño, pero el sueño no venía y hacía calor y el aire estaba como estancado (J. Goytisolo). Durante unos minutos a n d u v e *callejeando* por el pueblo (ib.).

Сочетание глагола venir+герундий, как и сочетание с глаголом ir, выражает длительность, развитие действия, но, в отличие от конструкции с ir, действие, выраженное сочетанием venir+герундий, развивается от прошлого к настоящему, от далекого к близкому; при этом иногда указывается время начала действия, а также конец его в виде цели, результата и т.п., например: Aquí al menos se respira, chico. V e n g o *huyendo* de las tertulias de mi casa, que más que

tertulias son un cónclave de clérigos, frailucos y enemigos de la libertad (B. Pérez Galdós); ...y, desde lejos, Magda me animó con una sonrisa. Dolores v i n o *pisándome* los talones (J. Goytisolo).

Конструкция с глаголом venir употребляется сравнительно редко. Глагол venir чаще чем другие глаголы движения и состояния употребляется с герундием в качестве самостоятельного глагола, сохраняя полностью свое значение, т.е. независимо от герундия, который выполняет в таком случае функцию обстоятельства в связном герундиальном обороте, а не является компонентом лексико-синтаксической конструкции с глаголом venir, например: Un día — prosiguió — hallándome en España, a donde v i n e *siguiendo* a mi segundo hermano, dijeronme que... (B. Pérez Galdós).

Глагол quedar с герундием может образовать конструкцию, которая выражает длительное действие с оттенком результативности (в соответствии с семантикой глагола состояния quedar). Например: Aquí está el amigo — le dice el jefe señalándome a mí. Y se me q u e d a *mirando* (J. Izcaray).

Конструкция permanecer с герундием имеет в испанском языке примерно то же значение. Например: Preguntaba con ansiedad cuántos días faltaban para llegar a Río Janeiro como si h u b i e s e p e r m a n e c i d o *durmiendo* y al despertarse surgiese en su recuerdo la imagen de alguien que la estaba esperando (V. Blasco Ibáñez); P e r m a n e c i m o s casi una hora *escuchando* al tipo y Ellen se levantó para pagar (J. Goytisolo).

Глагол llevar с герундием выражает длительное действие, ограниченное во времени, например: L l e v a b a más de dos horas *paseando* por la orilla de la ría (V. Blasco Ibáñez).

Глагол llevar, как и глагол permanecer и многие другие глаголы, например, empezar (начинать), acabar (кончать) и т.д., сохраняет почти полностью, а иногда и полностью, свое лексическое значение и тогда может восприниматься как самостоятельный глагол, а иногда, но редко, выступает как компонент лексико-синтаксической конструкции, придавая в соответствии со своей семантикой, видовую окраску действию, выраженному смысловым глаголом в форме герундия; ср. например: Los dos andaban borrachos como cubas y a c a b a r o n *choteando* en el Quitapena (J. Goytisolo).

Основным значением видовой аналитической глагольной формы (estar+герундий) является характеристика протекания действия, содержание которого определяется семантикой глагола в форме герундия; видовое значение этой формы передает понятие, отражающее протекание действия в конкретных условиях, его процессуальность или актуальность. Грамматическое значение данной формы возникло в результате длительного абстрагирования от конкретного лексического значения глагола estar в условиях противоречивых тенденций и взаимодействия между статическим характером глагола estar, возникающим на базе его лексического значения — 'находиться, пребывать' — и динамическим, присущим герундию, выражающему процесс развертывания действия, его процессуальность.

Выделение конструкции герундия с глаголом estar в испанском языке как грамматизовавшейся и превратившейся в видовую аналитическую глагольную форму, определяемую как грамматическая категория вида в этом языке, из общей массы так называемых описательных конструкций с неличными формами глагола, в частности с герундием, должно послужить уточнению характеристики грамматического строя.

Определение основного типа сочетания герундия с глаголами, склонными выполнять служебные функции, должно помочь систематизации лексических средств языка, используемых для подкрепления и уточнения грамматического значения соответствующей грамматической формы, в данном случае видовой (estar+герундий).

Выстроенные в ряд по степени употребительности и по степени ослабления вещественного значения глагола в личной форме вслед за своим грамматикализованным образцом (estar+герундий) лексические конструкции герундия с глаголами движения и состояния (ir и др.+герундий) способствуют в известной степени организации лексических средств языка, как бы подготовительного этапа в выявлении и уточнении соответствующих элементов грамматического строя языка, еще не признанных и ожидающих заслуженного признания в качестве новой грамматической категории. Так обстоит дело и с видовой длительной формой в испанском языке.

Как выяснилось в процессе исследования герундия, тенденция его развития определяется результатом соревнования между адвербиальным его значением и глагольным: в процессе преодоления герундием противоречия его двой-

ственной глагольно-адвербиальной природы углубляется происходящее размежевание его значений.

Высокая степень грамматизованности, которой достигает сочетание герундия с глаголом estar в процессе длительного исторического развития грамматического строя испанского языка, а также большое число разнообразных лексических конструкций герундия с глаголами движения свидетельствуют о большой способности и склонности испанского герундия к оглаголиванию и служат указанием на одно из двух основных направлений дальнейшего его развития.

Высокая степень грамматизованности описательной конструкции герундия с глаголом estar, восходящим к латинскому stare, в испанском языке является одним из наглядных проявлений действующих в нем закономерностей, определяющих процесс развития грамматического строя его с присущим ему национальным своеобразием.

Для выражения вида кроме длительной формы estar+герундий в испанском языке служит грамматизованная конструкция гл. tener +причастие от переходного глагола, выражающая результативный, перфективный характер действия, а также видовые грамматизованные конструкции с инфинитивом: ir a, volver a и др.+инфинитив (см. стр. 246—247).

Видовая оппозиция представлена в морфологической системе испанского глагола противопоставлением им перфективного и нейтрального видов, выраженным видовыми формами гл. estar+герундий (2 и 4) и невидовыми, временными формами (1и3) (см. схему видо-временных глагольных форм на стр. 164—169), а также по другой оси — оппозицией имперфективного и перфективного видов, выраженной видовыми формами гл. estar+герундий и противопоставленными им формами грамматизованной конструкции гл. tener-f причастие переходного глагола: ср. estoy escribiendo una carta и tengo escrita la carta.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА: ИНФИНИТИВ, ПРИЧАСТИЕ И ГЕРУНДИЙ

Система неличных (неспрягаемых, глагольно-именных) форм глагола является одним из стержневых элементов грамматического строя испанского (как и других пиренейско-романских языков). Она служит постоянным источни-

ком для пополнения видо-временной системы испанского глагола новыми аналитическими формами, образующимися с причастием, герундием и инфинитивом. Все синтаксические функции как главных, так и второстепенных членов предложения охвачены неличными формами глагола; в их основе лежит противоречивое взаимодействие глагольных и именных свойств, благодаря чему в неличных формах особенно наглядно проявляется соотношение глагола и имени.

Исследование взаимоотношения глагола и имени в грамматической системе языка очень существенно для выяснения характера закономерностей развития его грамматического строя, поэтому при исследовании этих закономерностей в испанском языке целесообразно обратить особое внимание на неличные формы испанского глагола.

Латинская система глагольно-именных форм, в частности причастий, ущербная уже в классической латыни, заключала в себе зачатки элементов будущего распада, который осуществлялся в послеклассический и завершился в романский период в пиренейско-романских языках, в том числе и испанском, для грамматического строя которого оказывается закономерным формирование собственной системы неличных форм глагола (причастие, герундий, инфинитив), обладающих рядом общих черт и взаимосвязанными тенденциями дальнейшего развития, обусловленными собственно романскими закономерностями.

В результате исследования материала архаической, классической и поздней латыни и наиболее характерных памятников письменности испанского и других пиренейско-романских языков с поры их образования до наших дней была установлена постепенная трансформация латинских форм и использование их в романских языках для разрешения новых грамматических задач, продиктованных общими тенденциями в языке, потребностью в выражении новых оттенков мысли путем переосмысления старых форм или замены их новыми и постоянным и неуклонным совершенствованием языка[1].

Неличные (глагольно-именные) формы испанского языка не столь многочисленны по сравнению с латинскими: нет причастия настоящего времени (Participium praesentis activi), причастия будущего времени действительного

[1] См.: О. К. Васильева-Шведе. Некоторые закономерности грамматического строя иберо-романских языков. — В сб.: «Вопросы романского языкознания. Материалы первого всесоюзного совещания по романскому языкознанию». Кишинев, 1963, стр. 60—67.

залога (Participium futuri activi на -urus, -a, -um) и причастия будущего времени страдательного залога (Participium futuri passivi на -ndus); не сохранился и супин, который с I в. н.э. был заменен инфинитивом[1].

Система испанских неличных форм лишена противопоставления по времени (имеется только одно причастие, а сложные формы герундия и инфинитива выражают лишь относительное временное значение), но обладает оппозициями по характеру действия, т.е. по виду: герундию, выражающему действие в его развитии, присуща категория вида имперфективного, длительного (amando), а причастию, выражающему законченное действие — категория вида перфективного, совершенного (amado), инфинитив обладает более слабой видовой окраской, связанной с лексическим значением глагола (Рока Понс, 81).

Видовая характеристика герундия, причастия и инфинитива сказывается соответствующим образом на видовом значении образованных с ними описательных конструкций (глагольных перифраз): о герундии см. главу о виде; причастие передает свое перфективное значение сложным глагольным формам действительного залога (he amado, había amado) и др. (см. стр. 277); инфинитив образует видо-временные конструкции, выражающие начало, наступление действия (стр. 246)[2].

Неличные формы глагола (formas no personales del verbo) испанского языка как система не привлекли еще должного внимания со стороны зарубежных исследователей, хотя ими высказано много отдельных интересных наблюдений по данному вопросу (см. Ленц, Рока Понс и др.).

Инфинитив, причастие и герундий объединяются в испанских грамматиках под самыми различными названиями: formas nominales (Грамм. Исп. академии, стр. 45, Рока Понс, стр. 78), derivados verbales (Бельо, стр. 94—96 и др.), verboides (Ленц, стр. 396)[3], ср. verbids у Есперсена[4], formas no personales del verbo (Хили и Гайа, стр. 163), formas impersonales, наряду с formas nominales (Рока Понс,

[1] Исчезновение супина в пиренейско-романских языках отмечают многие исследователи.

[2] См. также: C r i a d o de V a l . Ук. соч., стр. 117.

[3] Ленц хочет термином verboides определить эти формы — причастие и герундий как нечто похожее на глагол ("algo que es parecido a un verbo") (ib.).

[4] O. J e s p e r s e n . Language. Its Nature, Development and Origin. London, 1922.

стр. 78), formas auxiliares del verbo (Перес Риоха, стр. 200—202 и Рафаэль Секо[1]).

Из этих наименований наиболее приемлемыми мы считаем formas no personales del verbo или verboides, хотя и то и другое может вызывать свои возражения.

Необоснованными вовсе являются названия "formas impersonales" и особенно термин "formas auxiliares", к которому сам автор считает необходимым добавить "o no personales" (Перес Риоха, стр. 191); нельзя согласиться с Пересом Риохой, который называет инфинитив, причастие и герундий вспомогательными формами (formas auxiliares) на том основании, что они якобы помогают личным формам глагола, тогда как скорее наоборот — личные формы служебных глаголов «помогают» неличным формам (инфинитиву, причастию и герундию), выражающим своей семантикой содержание действия, но не имеющим возможности из-за отсутствия ряда глагольных категорий (в том числе категорий лица и числа) без помощи служебного глагола согласоваться с подлежащим, а также выражать время, залог, наклонение и вид как грамматическую категорию. Неудачны также и другие определения, применяемые Персом Риохой по отношению к неличным формам глагола, а именно: mixtas (смешанные), atemporales (лишенные времени, невременные) и др., в то же время Грамматика Переса Риохи принадлежит к числу тех, в которых не упоминается о виде (aspecto)[2].

Особого положительного упоминания заслуживает небольшая, но интересная глава в известной книге Ленца, посвященная абсолютным конструкциям с вер бондами.

Рока Понс в своем «Введении в грамматику» отводит неличным формам (в его терминологии las formas nominales o impersonales и даже formas no personales del verbo) небольшой раздел (стр. 78—95), в котором основное внимание сосредоточивает на видовом значении этих форм.

Опираясь на мнение известного французского лингвиста Гийома, различающего в виде то, что он называет tensión (напряженность) и detensión (ослабление напряженности) и соответственно «тенсивный» (el aspecto tensivo) вид, характеризующий простые формы французского глагола, и

[1] Rafael Seco. Manual de gramática española. 4ª ed. Madrid, I960, стр. 61.

[2] См.: J. A. Pérez-Rioja. Gramática déla lengua española. 3a ed. corregida y aumentada. Madrid, 1960 стр. 200-202 и гл. XLVI.

экстенсивный (extensivo) — сложные его формы, Рока Понс склонен различать в неличных формах испанского глагола «тенсивный» вид (tensivo), свойственный герундию, и «экстенсивный» (extensivo) — причастию. Инфинитив, по мнению Рока Понса, занимает промежуточное положение, поскольку ему свойственно как "tensión" так и "detensión" (стр. 79).

Идеи Гийома используют также структуралисты Хольт и Аларкос Льорак в своей Испанской грамматике. По мнению Хольта, неличные формы глагола выделяются тем, что могут иметь напряженные, интенсивные морфемы (именные) — morfemas intensos (nominales) и, наоборот, не могут соединяться с морфемами экстенсивными (глагольными) — — morfemas extensos (verbales) лица и наклонения.

Аларкос Льорак полагает, что деривационная морфема ar/er/ir испанского инфинитива сообщает глагольной основе его указание на отсутствие отношения к пределу или концу процесса, т.е. обозначает как бы покой (reposo). В герундии деривационная морфема ando/iendo добавляет к тому же содержанию значение незаконченности процесса, и, наконец, в причастии морфема ado/ido сообщает указание на предел процесса. По мнению этих структуралистов, причастие рассматривается как положительный член (так как оно обозначает процесс с его окончанием), герундий — как отрицательный (так как он указывает на процесс без его окончания), а инфинитив — как нейтральный (поскольку действие выражается в нем безотносительно к началу или концу).

Рока Понс находит эти рассуждения структуралистов несколько туманными и сложными и предпочитает отчетливо противопоставить друг другу причастие и герундий с точки зрения вида, полагая при этом, что инфинитив занимает нейтральное положение, которое довольно трудно определить. С одной стороны — причастие, действительно перфективное, выражает результат действия, с другой — герундий, который выражает действие в его течении; инфинитив не делает ни того, ни другого и выражает просто процесс и характер его, соответствующий лексическому значению глагола. Рока Понс склонен, хотя и с оговорками, приписать неличным формам глагола три основных вида, которые он наметил для личных форм и глагольных перифраз (см. 200), а именно: перфективный вид—причастию, имперфективный — герундию и отчасти — точечный или комплексный — инфинитиву (Рока Понс, стр. 78—82).

Инфинитив, причастие и герундий — такие глаголь-ноименные формы, которые, вместе со свойствами глагола, обладают и свойствами имени (инфинитив — существительного, причастие — прилагательного, герундий — наречия).

Основная специфика их глагольности состоит в том, что они, считаясь формами глагола, лишены категории лица и являются, таким образом, неличными формами глагола. Некоторые грамматисты склонны выделять их из разряда глагола и рассматривать независимо от него.

Не заключая в себе выражения лица, неличные формы могут лишь с помощью служебного (вспомогательного) глагола образовывать личные сложные глагольные формы, употребляющиеся в функции простого глагольного сказуемого (см. грамматизованные конструкции с инфинитивом, причастием и герундием), или с различными служебными (полувспомогательными) глаголами участвовать в образовании соответствующих лексико-синтаксических описательных конструкций (глагольных перифраз), могущих употребляться в функции составного глагольного сказуемого.

Если же инфинитив, причастие или герундий присоединяются к своему собственному «подлежащему» непосредственно, то они не участвуют в выполнении функции сказуемого, хотя и служат для выражения логического предиката и образуют со своим «подлежащим» не отдельное предложение, несмотря на то, что выражают как бы законченное суждение, а особый независимый или самостоятельный оборот (так называемую абсолютную конструкцию — cláusula absoluta), выступающий в качестве обособленного "члена, большею частью — в функции обстоятельства простого предложения (см. 235).

Некоторые грамматисты склонны неправомерно отождествлять как связные, так и абсолютные обороты с неличными формами глагола (герундий, инфинитив, причастие) в функции обстоятельства с соответствующими им обстоятельственными придаточными предложениями[1], тогда как, несмотря на известный параллелизм таких конструкций с придаточными предложениями, наличие серьезных расхождений в их семантико-грамматических свойствах (ср., в частности, предицирование, выраженное неличной формой глагола абсолютной конструкции как обособленного

[1]См.: L. W i s t e n. Etude sur le style et la syntaxe de Cervantes: 1. Les constructions gérondives absolues dans les oeuvres de Cervantes. Lund, 1901; Грамматика Испанской академии, стр. 415; R. Л е н д . La oración..., стр. 402 и др.

члена предложения и отношения подлежащего и сказуемого придаточного предложения) не позволяет говорить о тождестве связных (и абсолютных) герундиальных (инфинитивных и причастных) конструкций с придаточными предложениями. Однако наличие у них сходного грамматического значения, принадлежность к одной и той же области языка — синтаксису — и некоторые общие структурные черты дают основание рассматривать указанные конструкции как соотнесенные с соответствующими им придаточными предложениями, но не как грамматические синонимы. С большим основанием можно признать наличие грамматической синонимии между самими абсолютными герундиальными, инфинитивными и причастными оборотами.[1]

Инфинитив

Испанский инфинитив — глагольно-именная (неличная) форма, совмещающая в себе свойства имени существительного и глагола. Инфинитив является старым отглагольным существительным, вошедшим в спряжение. В отличие от прочих отглагольных имен, например el pensamiento, el desacierto и т.п., все инфинитивы соотнесены каждый со своим глаголом. Испанская академия определяет инфинитив как субстантивированную форму глагола, имеющую значение абстрактного существительного, выражающего действие того же глагола (§ 444), а также включает Infinitivo в число 5 глагольных наклонений (Modos), как Modo Infinitivo. Это Modo Infinitivo, по мнению авторов грамматики Испанской академии, абстрактно выражает значение глагола, без указания времени, числа, лица и охватывает все «отглагольные имена» (nombres verbales): собственно инфинитив (Infinitivo), причастие (Participio) и герундий (Gerundio) (§ 84); Хили и Гайя определяет инфинитив как отглагольное имя существительное мужского рода (§ 142); Бельо считал инфинитив отглагольным существительным среднего рода (§ 294), поскольку его можно заменить местоимением среднего рода, например, в следующем случае: "Estábamos determinados a partir, pero hubo dificultades en ello, y tuvimos que diferirlo"... . "Ello" y "lo" заменяют, по мнению Бельо, инфинитив partir, но Куэрво в своих примечаниях к Грамматике Бельо (§§ 56 и 70) правильно отмечает, что ello и lo в приведенном примере, как и в последующих, воспроизводит не инфинитив, а все предложение.

[1] См. В. Н. Ярцева, ук. соч., стр. 16.

Формы инфинитива не восходят к общеиндоевропейскому языковому состоянию и возникли на путях обособленного развития отдельных ветвей и отдельных языков. По своему происхождению инфинитивные формы обычно представляют собой застывшие падежи отглагольных имен. В латинском языке, как и в греческом, мы находим инфинитив уже в стабильной форме, в целой системе инфинитивов, дифференцированных по залогам и видам. Латинский язык образовал инфинитивы обоих залогов, как в системе инфекта, так и в системе перфекта. Однако видовое значение инфинитивов в латинском языке почти совершенно утрачено и уступило место относительно-временному значению. С морфологической точки зрения в систему инфекта входит только infinitivus praesentis актива и медиопассива. (См.: И. М. Т р о й с к и й. Историческая грамматика латинского языка. § 568). Начиная с первоначального романского периода, глаголы почти всюду обнаруживают тенденцию к распределению вместо четырех латинских спряжений по трем классам: класс с инфинитивами на **-are,** как и в латинском языке; класс с инфинитивами на **-ire,** соответствующий латинскому IV спряжению, и класс с инфинитивами на **-ёre** и **-ёre,** соответствующий латинским II и III спряжениям. Глаголы на -are сохранили свое положение, причем число их значительно увеличилось за счет новых образований. Для Иберийского полуострова характерна очень ранняя и полная унификация инфинитивов на -ēre и -ĕre с преимуществом первых, возможно, под влиянием глаголов habēre и sedere[1].

Испанский инфинитив имеет как простую форму — I спряжения — amar < лат. amāre; II — tener < лат. tenēre, descender < лат. descenderé; III — subir < лат. subīre, huir < лат. fugĕre, — так и сложную (infinitivo compuesto o perfecto), образованную из инфинитива вспомогательного глагола haber и причастия смыслового глагола: I amar — haber amado; II tener — haber tenido, descender — haber descendido; III subir — haber subido, huir — haber huido. Ahora lamentaba *haberle herido* en su amor propio y le sonreí (J. Goytisolo).

Глагольность инфинитива проявляется в наличии у него следующих глагольных свойств:

[1] См.: Э. Б у р с ь е. Основы романского языкознания. Перевод с четвертого французского издания **Т. В. и Е. В. Вентцель. Под редакцией Д. Е. Михальчи. М., 1952, § 203.**

1. Категории залога. Испанский инфинитив имеет форму действительного залога — tomar, haber tomado — и страдательного для переходных глаголов: ser tomado и haber sido tomado. Например: No tenía duda alguna de *ser amado* por Rosario (B. Pérez Galdós); ...se retiraron luego a la parte del terrado desde donde nada se veía ni había peligro de *ser visto* (ib.); ... contuvimos el aliento, temiendo *ser sorprendidos* (ib.); Me había acostumbrado a la libertad de Saint-Tropez — cuando me bañaba desnuda en Pampelonne, sin molestar ni *ser molestada* — y, al mirar me acordé de que estaba en Andalucía (J. Goytisolo).

2.Относительного временного значения: простой инфинитив обычно выражает одновременность сопутствующего действия-обстоятельства с действием глагола-сказуемого в предложении: Habíamos dejado atrás el cielo sucio y achubascado de Madrid y, *al bajar* a la pista, me p u s e las gafas ahumadas (J. Goytisolo); У *sin esperar* a más, resueltamente y bramando de ira ... s a l i ó de la sala y de la casa (B. Pérez Galdós); Grave opinión es esa — r e p u s o el capitular, *sin mirar* a su amiga ni apartar de su barba la mano en que apoyaba el meditabundo rostro (B. Pérez Galdós). Однако инфинитив предельного глагола может и в простой форме выражать предшествование действию гла гола-сказуемого: *Al acabar,* a n d á b a m o s los tres a medios pelos (J. Goytisolo); Me esperaban a comer, con los niños y, *al entrar* (войдя) en la sala, los e n c o n t r é mos hínos y tristes, junto a la jaula del desdichado canario (ib.).

Инфинитив непредельного глагола может выражать предшествование только в сложной форме; сложный инфинитив всегда выражает предшествование действию глагола-сказуемого, например: ... y ganoso de conquistar adeptos, no satisfecho de *haber rendido* a sus pies la Administración y el agio de ambos mundos, a b r u m ó a la Marquesa con obsequios muy delicados (B. Pérez Galdós). Между простой и сложной формами инфинитива имеется и видовое различие: сложная форма имеет видовой оттенок перфективности.

3.Переходности и непереходности (см. стр. 141): ср.: te pido *cantar* u n a c a n c i ó n и te pido *cantar.* Например: Quería *oscurecer* la f a m a de los antepasados (R. Pérez de Ayala); No alcanzaba a *entender,* pero sentía en el pecho desazón a modo de entusiasmo y bárbaros deseos de *aullar* y *estrechar* a A r i a s entre los brazos, con amor infinito

(ib.).
4.Способности инфинитива (при общей его нейтраль ности в отношении модальности) иногда приобретать зна-

чение повелительного наклонения и очень редко других наклонений: *Resistir* a todo trance (B. Pérez Galdós); — *A ver,* ¿para qué os vea este, señor? ¿Quién descubrió América? (C. Cela); *\A leer, a leen* — gritaron seis o siete voces (B. Pérez Galdós).

5.Способности испанского инфинитива образовывать со вспомогательными глаголами временные, видовые и модаль
ные грамматизованные конструкции (ir a-f Infinitivo, aca
bar de+Infinitivo, ponerse a-f Infinitivo, volver a+ Infiniti
vo, haber de+Infinitivo, hay que+Infinitivo, tener que (и
de)+Infinitivo, deber de+Infinitivo, echar(se) a+Infiniti-
vo) и с полувспомогательными глаголами лексико-синтакси-
ческие описательные конструкции (см. стр. 248—249), высту
пающие в. предложении в качестве глагольного (простого
или составного) сказуемого.

6.В характерном для современного языка постпозицион
ном положении местоимений при инфинитиве (как и при
глаголе в повелительном наклонений и др.), когда в случае
стечения двух форм, формы дательного падежа предшест
вуют формам винительного падежа: D e b í *figurármelo.*
Quizá la espera a usté y yo... Perdóneme. Ni yo mismo
sé por que lo he hecho (J. Goytisolo); Es que yo p u e d o
facilitárselos cuando usted quiera (A. Palacio Valdés).

7. Предикативности, которая проявляется в том, что инфинитив, не будучи способным сам по себе выступать в функции простого сказуемого, может, однако, служить для выражения логического предиката и иметь свое «подлежащее», выражающее субъект суждения. Инфинитив в таком случае образует со своим «подлежащим» независимый, так называемый абсолютный оборот (или абсолютную конструкцию), который выражает как бы отдельное суждение, грамматически выступая в качестве обособленного члена простого предложения, например: En la puerta de la barraca estaba la mujer rodeada de los pequeños esperando impaciente, *por ser* ya pasada la hora de comer (V. Blasco Ibáñez).

- Сила предикативности может быть в инфинитиве настолько интенсивной, что иногда он способен как бы заменять личную форму глагола-сказуемого, но со своеобразным экспрессивным оттенком, например: *\Defenderme* yo! *Descender* yo al muladar de tus groseras suposiciones, *argumentar* sobre un hecho que tu madre y tú han visto con el cristal manchado de su impura conciencia ...jamás! (B. Pérez Galdós). Иногда подобный инфинитив сопровождается предлогом a: Yo a *pecar.* (=Yo me doy, me pongo a pecar). Сложный вопрос о предикативности и сказуемости нашел в ос

новном верное освещение в одном из относительно новых выпусков интересной и полезной серии «Вопросы теории языкознания»[1]. Автор исследования В. З. Панфилов, характеризуя различные подходы лингвистов к определению понятия предикативности выделяет две основные точки зрения на ее сущность; он принимает основное положение второй точки зрения, уточняет и дополняет его. Первая точка зрения на сущность предикативности подробнее всего освещена в академической грамматике русского языка; сторонники ее исходят из того, что «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» («Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 79—80), что «предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения» (там же, стр. 87). Предикативность при этом рассматривается как синтаксическая категория; авторы грамматики утверждают, что «соотносительные члены предложения, связанные предикативными отношениями, — это подлежащее, выраженное формой именительного падежа существитель-, ного, местоимения (а также субстантивированного слова), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами» (там же, стр. 78—79, 88). В. З. Панфилов правильно замечает по поводу этого мнения, что если предикативность характеризует отнесенность содержания предложения к действительности, то подлежащее и сказуемое предложения будут связаны предикативной связью лишь в том случае, когда не будет расхождения между синтаксическим и актуальным (логико-грамматическим) членением предложения (стр. 43), т.е. когда (логический) субъект и предикат совпадут с подлежащим и сказуемым предложения, что нередко бывает, но совершенно не обязательно, так как они могут и не совпадать. Другая точка зрения нашла свое, выражение и обоснование в работах А. М. Пешковского[2] и М. И. Стеблина-Каменского[3],

[1] См.: В. З. Панфилов. Грамматика и логика (граммати ческое и лексико-грамматическое членение простого предложения). М.-Л., 1963.

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном осве щении. М., 1956, стр. 170-173.

[3] М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы. **Вып.** 4, 1956, № 20, стр. 135.

которые при определении предикативности, которую они предпочитают называть сказуемостью (хотя с нашей точки зрения их следует различать), «исходят из синтаксического членения предложения, считая ее свойством сказуемого как члена предложения, тем, что делает сказуемое сказуемым»[1].

Однако они различают два вида сказуемости — формальную и интонационную, которые нередко не совпадают друг с другом; эти авторы полагают, что сказуемость — это «оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли[2], что «предикативность, или предикативное отношение, это — по содержанию несомненно и есть то, что в логике называется отношением между субъектом и предикатом суждения»[3].

Нам представляется по существу данная точка зрения верной, по при уточнении или дальнейшем развитии основных положений этой концепции возникают некоторые расхождения. В. 3. Панфилов стремится устранить отдельные противоречия, которые возникают, по его мнению, у приверженцев вышеизложенной точки зрения и правильно, но может быть несколько излишне прямолинейно подчеркивает отношение сказуемости и предикативности к различным языковым уровням — сказуемости как явления уровня синтаксического и предикативности как явления логико-грамматического уровня. «Сказуемость действительно является свойством сказуемого как члена предложения и, следовательно, наличествует лишь в тех предложениях, где имеется этот член предложения. Предикативность же характеризует отнесенность содержания предложения как законченной мысли к действительности и не привязана ни к сказуемому, ни к какому-либо другому члену предложения. Между сказуемостью и предикативностью существует такого же типа отношение, как между подлежащим и логическим субъектом или между сказуемым и логическим предикатом». ...И если синтаксические категории подлежащего и сказуемого возникают в языке как средство выражения логического субъекта и предиката, то и сказуемость, будучи синтаксической категорией, в своем возникновении обусловлена категорией предикативности. Да-

[1] Там же, стр. 129-137.

[2] М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — «Вестник ЛГУ», 1956, № 20, стр. 135.

[3] В. 3. Панфилов. Грамматика и логика. М. — Л., 1963, **стр.** 44.

лее, если предикативность есть то, что делает любое предложение предложением и без чего оно не будет выражать законченной мысли, сказуемость характеризует лишь те виды предложения, где сказуемое выделяется как синтаксический член, но не свойственна предложениям, где нет сказуемого. Предикативность, в отличие от сказуемости, — не синтаксическая, а логико-грамматическая категория» (стр. 45).

Эти утверждения В. З. Панфилова в основном согласуются с нашим пониманием предикативности, и мы согласны с тем, что предикативность, в отличие от сказуемости не синтаксическая, а логико-грамматическая категория. Однако в вопросе о соотнесенности предикативности и сказуемости наши мнения расходятся. Мы, в отличие от В. З. Панфилова, полагаем возможным утверждать, что сказуемость может быть соотнесена с одним из частных случаев предикативности, «когда эта последняя привязана к сказуемому, а не выражается каким-либо иным способом» (см. ук. соч., стр. 45).

Понятие предикативности шире чем сказуемости, точнее, может быть соотнесено с большим числом языковых явлений, чем сказуемость, выражение которой ограничено синтаксической категорией сказуемого.

Вопрос о предикативности особенно остро возникает в тех случаях, когда она выражается «каким-либо иным способом», как это имеет место, например, в многочисленных в испанском языке так называемых самостоятельных или абсолютных и пр. оборотах с неличными формами глаголов (герундием, причастием и особенно с инфинитивом). Характеризуя эти обороты, мы пользуемся терминами предикативность и сказуемость, понимая под предикативностью (логико-грамматическая категория) способность выражать логический предикат и связку, а под сказуемостью (грамматическая, синтаксическая, категория) способность быть сказуемым, выполнять функции глагольного сказуемого, что присуще в испанском языке только личным формам глагола. Неличные формы глагола, не будучи способными выполнять функцию сказуемого (как не имеющие категории лица), могут, однако, участвовать в образовании независимого оборота, не являющегося предложением ввиду отсутствия обязательного в испанском языке глагола-сказуемого в личной форме, но выражающего как бы самостоятельное суждение с самостоятельным логическим субъектом (т.е. не совпадающим с субъектом действия всего пред-

ложения), обозначенным «подлежащим» инфинитива (герундия и причастия) и с предикатом, выраженным инфинитивом. Этот инфинитивный оборот выступает в предложении большею частью в функции обстоятельства и является обособленным членом простого предложения. Способность, проявляющуюся у неличных форм глагола выражать логический предикат, не будучи сказуемым, мы условно называем предикативностью. Наличие или отсутствие расхождения между синтаксическим и актуальным (логико-грамматическим) членением предложения в данном случае роли не играет, так как своеобразная структура независимого оборота с одной из неличных форм в испанском языке позволяет говорить не об определенной соотнесенности логических и грамматических категорий — подлежащее (группа подлежащего) и логический субъект, сказуемое (группа сказуемого) и логический предикат, — а о выражении всем оборотом в целом логического суждения в силу наличия в глагольно-именных формах предикативности (как проявления их глагольных свойств). Например: *Al entrar* R u i z en la habitación del torero, é s t e (=el torero) abrió los ojos y le reconoció (V. Blasco Ibáñez), 'Когда Руис вошел в помещение торреро, тот открыл глаза и узнал его'. Подлежащее всего простого предложения — torero; группа сказуемого — abrió los ojos y le reconoció; al entrar Ruiz en la habitación del torero — обособленный член простого предложения — обстоятельство, выраженное независимым (абсолютным) оборотом, инфинитивом, имеющим самостоятельное «подлежащее» и выражающим отдельное логическое суждение. Наличие такого обособленного члена, выраженного независимым оборотом с инфинитивом (причастием или герундием), не делает все предложение сложным. Иногда «подлежащее» независимого инфинитивного оборота отсутствует, и относительно логического субъекта суждения, выражаемого этим оборотом,, имеются лишь косвенные данные, например, при инфинитиве местоименного глагола указание на логический субъект суждения, выраженного в независимом обороте, заключается в соответствующем возвратном местоимении: Y *al morirme,* ¿cogen mi esqueletito y lo tiran a la tierra? (B. Pérez Galdós). Иногда субъект, о котором идет речь, выясняется лишь из предшествующего данному предложению повествования, т.е. из контекста, как в следующем случае: ...me fui a hablar con los mecánicos. La parte delantera de

la carrocería parecía seriamente maltrecha. El impacto del choque había hundido el guardabarros y era preciso, además cambiar la rueda. *Al preguntarles* [y o] cuando estaría listo, el e n c a r g a d o vaciló y repuso que, tirando a corto, a lo menos dos o tres semanas (J. Goytisolo). Субъект инфинитивного оборота — yo — автор, от имени которого идет повествование (в первом лице), может быть восстановлен только из контекста. Иногда субъект инфинитивного оборота остается невыясненным, но, поскольку он не совпадает с субъектом суждения, выраженного предложением, инфинитивный оборот остается независимым и приобретает неопределенно-личный характер, например: Hoy, *al recordar* aquella época, se mencionan cifras de víctimas que parecen fantásticas (V. Blasco Ibáñez). Встречаются, и довольно часто, и безличные самостоятельные инфинитивные обороты, большею частью обозначающие различные явления природы, время дня и т.п., например: al amanecer, al atardecer, al anochecer и т.п.: *Al amanecer,* y cuando aun el cañoneo no había cesado, distinguíamos algunos navios (B. Pérez Galdós). Своеобразием этих инфинитивных самостоятельных оборотов (абсолютных конструкций), кроме их безличности, является также сохранение в них именного характера, присущего данной конструкции в старом языке, который сказывается в их управлении косвенным дополнением с предлогом, например: Así andaban las cosas cuando nos preparábamos a salir de Bailen *al amanecer* del 19 (B. Pérez Galdós). Однако и эти обороты, как и прочие типы абсолютных инфинитивных конструкций, употребляются и с «подлежащим», например: *Al amanecer* el día siguiente, nuestra curiosidad inquieta de los viajeros nos empuja a todos a las últimas cubiertas (V. Blasco Ibáñez). Подобный самостоятельный инфинитивный оборот большею частью может переводиться на русский язык не только придаточным предложением, но и обстоятельством времени, выраженным сочетанием двух существительных с предлогом: al salir el sol 'на восходе солнца', al llegar la noche 'с наступлением ночи' и т.д.

Кроме независимого инфинитивного оборота существуют различные инфинитивные обороты или конструкции, образуемые инфинитивом с зависящими от него словами, которые можно различать в зависимости от того, совпадает ли субъект действия, выраженного инфинитивным оборотом, с субъектом суждения, выраженного всем предложением. Если совпадает, то это — связный инфинитив-

ный оборот: *Después de oírte* siento que a tu lado y o nunca podría ser feliz (R. Valle Inclán). Если не совпадает, то при этом субъект инфинитивного оборота может быть выражен различно: а) косвенным дополнением (в русском языке инфинитивные обороты этого типа употребляются с глаголами, выражающими волю, приказ, позволение, запрещение); б) прямым дополнением; к инфинитивным оборотам этого типа относится конструкция, называемая по традиции «винительный с инфинитивом» (Accusativus cum infinitivo). Название это заимствовано из латинской грамматики. В поздней латыни конструкции, носившие это название, были заменены придаточными предложениями, вводившимися союзами ut, quod, quia. Конструкция Accusativus cum infinitivo в испанском языке возникла на романской почве и не является непосредственно продолжением латинской. Особенности этого оборота состоят в том, что от личной формы глагола восприятия зависят одновременно инфинитив и прямое дополнение, выражающее субъект действия, представленного этим зависимым инфинитивом. Например: Las locomotoras eran en la mente de la delirante lo principal de la maquinaria del Infierno. L a s v e í a *pasar y correr* volando con patas y alas de hierro untado de aceite hediondo, dando gruñidos y resoplidos, revolviendo sus rojas pupilas, expeliendo humo negro y aliento de vapor y chispas (B. Pérez Gal dos).

Этот оборот соответствует русской конструкции с глаголами «просить, посылать, заставлять» и пр., например: Я прошу его прочитать эту книгу. Соответственным оборотом в испанском будет: le pido leer este libro. В испанском языке, в отличие от русского, «винительный с инфинитивом) употребляется и с глаголами восприятия (verbos de percepción): ver, oír и некоторыми другими: La gente corrió a v e r l o s *pasar* desde las aceras (C. Arconada); El mancebo le h a b í a v i s t o *montar* y *alejarse* (E. Larreta). Ramiro o y ó l e *decir* que don Enrique Dávila y el licenciado Daza eran inocentes y que solo él era culpable (E. Larreta). Un amigo me oyó, hace días, *toser* en la calle (Luis de Tapia); La v í m o s (a doña María) después *llevarse* las manos a la cabeza, *retroceder, vacilar, apoyarse* en el hombro de D. Paco, y, por último, *reponerse, erguirse, serenarse, mirar* a su hijo con desdén, *señalar* a la calle, donde de improviso empezaba a oírse fuerte redoblar de tambores, y *decir:* El ejército se va. Marcha. Corre (B. Pérez Galdós); La ventana seguía abierta y, medio en sueños, o í *reír* y

gritar a l o s n i ñ o s, mientras perdía conciencia de las cosas y las sienes me zumbaban (J. Goytisolo). Этот оборот обычно переводится на русский язык дополнительным придаточным предложением, начинающимся с союзов «что, как» и т.п., в подлежащем которого выражен субъект действия зависимого инфинитива, выступающий в испанском инфинитивном обороте как дополнение, а сказуемым служит личная форма глагола вместо инфинитива.

Именная природа испанского инфинитива проявляется в его склонности и способности к субстантивации. Субстантивируясь, инфинитив становится отглагольным именем существительным, выражающим в опредмеченном виде понятие действия (el leer 'чтение', el relinchar 'ржание' и т.д.). При субстантивации инфинитива новое именное качество не уничтожает старых глагольных качеств, а объединяется с ними. Однако сочетание в субстантивированном инфинитиве именных и глагольных свойств возможно лишь при неполной, частичной субстантивации, которая и является наиболее распространенной. При полной, постоянной субстантивации происходит транспозиция, переход инфинитива в другой лексико-грамматический разряд, в класс существительного. При полной субстантивации инфинитив приобретает все морфологические категории имени существительного, в том числе и категорию множественного числа, которая является одним из наиболее характерных признаков полного перехода инфинитива в класс существительных. Категорией множественности обладают инфинитивы, ставшие конкретными именами существительными, например: el comer—los comeres, el ser — los seres, а также инфинитивы, являющиеся абстрактными именами существительными, обозначающими множественность опредмеченных действий, качеств и т.д., например: los deberes, los quehaceres, los poderes: ...buscaba aliento y cariño para cumplir con *sus deberes* (J. Valera).

Развитие этой категории у субстантивированного испанского инфинитива показывает ход его развития от конкретного к абстрактному; в ходе исторического развития у инфинитивов все больше развивается отвлеченное значение действия: в староиспанском языке почти все субстантивированные инфинитивы имели категорию множественного числа и воспринимались как полностью субстантивированные: los hablares 'разговоры', los morires 'смерти'; los

vestires 'одежды'[1], а в современном языке громадное большинство инфинитивов субстантивируется частично, т.е. выполняет роль имени лишь в определенных условиях и входит в класс существительных временно, реализуя лишь в каждом случае заложенные в нем потенциальные возможности быть именем.

Как при полной, так и частичной субстантивации именные свойства инфинитива проявляются также следующим образом: 1. Оформлением его артиклем, являющимся показателем принадлежности инфинитива к классу существительных и показателем грамматического рода — мужского. На протяжении исторического пути испанского инфинитива замечены отклонения в выборе категории рода: субстантивированный инфинитив yantar в первых памятниках испанской письменности (XI — XIII вв.) выступает в качестве существительного женского рода (una buena yantar). К концу XIV века наблюдаются колебания yantar между категорией женского рода и мужского, в дальнейшем по типу всех прочих субстантивированных инфинитивов yantar стало существительным мужского рода. В латинском и греческом языках инфинитив имеет средний род, почти во всех романских языках (кроме румынского) субстантивированные инфинитивы (которых в испанском значительно больше), возможно вследствие отсутствия категории среднего рода, являются существительными мужского рода. Артикль при субстантивированном инфинитиве может быть а) определенным: La algazara y jaleo de los muchachos *al oír* esto fue tal, que no cabe en descripción ni en pintura ... Allí vierais *el correr, el atropellarse, el darse* de coscorrones, *el cantar* y *gritar, el batir* palmas, *el tirar* coces, *el correr* y *dar* vueltas, arremolinándose en torno de mi amigo, cuyas piernas por largo tiempo estuvieron sin movimiento en medio de aquel zumbador enjambre (B. Pérez Galdós); Sin amigos, sin ropa, sin dinero, no hay duda que se pasa muy mal en el mundo; mas si a esto se agrega *el no ver* la luz del sol y *el hallarse* por lo mismo absolutamente desvalido, apenas si alcanzamos a adivinar el límite del dolor y la miseria (A. Palacio Valdés); б) неопределенным: Hay aquí *un traer* y *llevar* de papeletas que es señal de votación (B. Pérez Galdós); El, que también guardaba *un pesar* hondo en su alma, ¿quería implorar del cielo favor y misericordia para sí? (B.Pé-

[1] См. подробнее обстоятельное исследование Н. Е. Фроловой «Субстантивация инфинитива как один из способов словообразования в современном испанском языке», автореферат канд. дисс. Л., 1953.

rez Galdós); No sólo la admiro, sino que la respeto, la venero como a *un ser* superior (ib.).

2.Субстантивированный инфинитив может употреблять ся с различными предлогами, преимущественно с времен ными: a, después de, antes de, hasta и др.: *Al levantar* los ojos vi que habían aparecido varias mujeres fantasmales (C. Laforet). Sintió un poco de temblor *al quemarlas* (ib.). Las glicinas trepaban *por el espaldar* hasta cubrir la fachada sur de la casa (J. Goytisolo). Выражаемое инфинитивом действие может быть предшествующим, одновременным или последующим по отношению к действию, выражаемому глаголом-сказуемым предложения, в зависимости от зна чения предлога, а также от видовой характеристики гла гола-инфинитива, его предельности или непредельности (см. стр. 144).

3.Субстантивированный инфинитив может иметь отно сящееся к нему определение, выраженное прилагательным или указательным, притяжательным или неопределенным местоимением-прилагательным: Por primera vez le veía llegar con espuelas. Era lo único que denunciaba para el oído *su andar* silencioso (E. Larreta); Yo estaba asombrado de *aquel ir y venir* y del incomprensible diálogo de expresivas miradas que las muchachas tenían constantemente trabado entre sí (B. Pérez Galdós).

Субстантивированный инфинитив может также характеризоваться, как и глагол, наречием, например: *el trabajar constantemente* las máquinas или *el trabajar constante* de las máquinas. Определение, выраженное наречием, как бы поддерживает сохранение частично субстантивированным инфинитивом его глагольных свойств, усиливает их, тогда как при определении, выраженном прилагательным, происходит обратное: Don Nemesio, fatigado al cabo de *tanto hablar,* comenzó a dar cabezadas (A. Palacio Valdés).

4. Инфинитив может выполнять все функции, присущие имени существительному:

а) подлежащего, например: La vida del campo, la falta absoluta de presunción, *el no vestirse, el no acicalarse,* el odio a las modas, el desprecio de las vanidades cortesanas, eran causa de que su nativa hermosura no brillase o brillase muy poco (B. Pérez Galdós); в качестве подлежащего может выступать также самостоятельный инфинитивный оборот (абсолютная конструкция): Mas me disgustó *el oírle hablar* con rara corrección el castellano (B. Pérez Galdós); Era la

familia de promisión, con todos los elementos humanos de ella, pero sin legitimidad; y *el no ser un hecho,* sino una esperanza, dábale mayores encantos y atractivo más grande (B. Pérez Galdós);

б) дополнения, как прямого, так и косвенного: ¿Celos? — Rafael intentó *reír* sin éxito. (J. Goytisolo); Era una pregunta ociosa y me limité *a afirmar* con la cabeza (ib.); Se aplicaba *en charlar* con volubilidad, con la energía que de ordinario reservaba para sus exhibiciones en público y me dió pena por él (ib.). В функции косвенного дополнения может выступать также самостоятельный инфинитивный оборот (абсолютная конструкция): No se trataba *de ir yo en persona* a casa de Naranjero, sino de enviarle una tarjeta (A. Palacio Valdés);

в) определения 1) при определяемом существительном: Tenía la vaga impresión *de comenzar* una nueva vida y el moblaje impersonal de la habitación me agradaba (ib.); ... no los escuchemos, porque esto sería cuento *de no acabar* (M. Romanos). Определение при определяемом существительном может быть выражено также самостоятельным инфинитивным оборотом: En el momento *de entrar yo,* a ambos les ataban, como eslabones de la humana cadena que iba a ser entregada al suplicio (B. Pérez Galdós); ...pero lo que con más cuidado, le traía, era la circunstancia *de haber llegado* tan a punto el doncel para tomar sobre sí su demanda (M.J. de Larra); 2) при определяемом прилагательном: difícil *de hacer;* Cuando deseo algo sería capaz *de cometer* cualquier locura... Me siento como una niña de ocho años... (J.Goytisolo).

г) обстоятельства; в этой функции инфинитив, как и существительное, употребляется с предлогами и выступает в предложении в качестве: 1) обстоятельства времени (с предлогами a, antes de, después de, en, hasta, a punto de и др): *Al llegar* al jardín, oyó su nombre (C. Laforet); ...el aya y Monina, quien no comprendiendo la razón de tanto recogimiento y mutismo, estuvo *a punto de alzar* la voz y *dar* un grito en lo más solemne del oficio santo (B. Pérez Galdós). В качестве обстоятельства времени с предлогом *a* и др. употребляется также самостоятельный инфинитивный оборот: *Al salir* [él] del corredor y *dirigirse* a la escalera, una mujer salió de la portería del hotel... (V. Blasco Ibáñez). С предлогами α и en инфинитив выражает преимущественно обстоятельство, одновременное с действием глагола-сказуемого: El herido se incorporó, *al verme,* y alzando su mano me

dijo algunas palabras (B. Pérez Galdós), но инфинитивом предельного глагола обычно выражается обстоятельство, предшествующее действию глагола-сказуемого: *Al entrar* en el reducto, nos mostró una cesta, grande y pesada (B. Pérez Galdós). С предлогом después de инфинитив выражает обстоятельство, предшествующее действию глагола-сказуемого: *Después de oírte* siento que a tu lado ya nunca podría ser feliz (R. Valle Inclán). С предлогами antes de и hasta инфинитив выражает обстоятельство, являющееся последующим по отношению к действию глагола-сказуемого: Durante su cautiverio logró ver a la hija del alcaide moro, de cuya hermosura tenía noticias por la fama *antes de conocerla* (G. A. Bécquer); 2) обстоятельства образа действия с предлогами a, con, en, sin и др.: Vino *a todo correr;*. Así, casi *sin darse* cuenta, se encontró en la carretera con el carterón de cuero bajo el brazo (C. Laforet); 3) обстоятельства причины с предлогами por и de: Se ven todavía los restos abandonados de un castillo árabe, célebre en los fastos gloriosos de la Reconquista, *por haber sido* teatro de grandes y memorables hazañas... (G. A. Bécquer); 4) обстоятельства цели с предлогами a, para, por и др.: Un hombre con gorra blanca se acercó *a ofrecerme* cacahuetes, avellanas y almendras (J. Goytisolo); *Para concluir,* señor mío, ¿voy o no voy? (B. Pérez Galdós). ¿Adonde vas, Gabriel? — A la calle — respondí, saliendo. — *A pelear* por España (B. Pérez Galdós); ...y conste que no lo digo *para alabarme* (J. Goytisolo); *Por no parecer* prolijo, no referiré aquí las peripecias de aquel combate de la calle de Pa-bostre (B. Pérez Galdós); Sí: me perdonaste— le dijo León *por tranquilizarla* (B. Pérez Galdós); Me pilla solo y, no es *por decirlo,* se me come a besos (J. Goytisolo); 5) обстоятельства условия с предлогами a и de: ...cayó en unas profundidades pavorosas, donde no había nada, *a no ser* la idea pura de lo cóncavo, de lo oscuro, y el asombro de tanta hondura y oscuridad (B. Pérez Galdós); 6) обстоятельства уступки с предлогом con: *Con ser* tantas mis personas desdichas — dijo el desconocido — pues en el campo de batalla quedaron mis dos hermanos y mi buen padre; todavía abruma mi ánimo más que nada la catástrofe nacional de que he sido testigo (B. Pérez Galdós);

д) именной части составного именного сказуемого с глаголом ser в качестве связки: Pensar que aquí nos rendiremos *es pensar* en lo imposible. Ríndase todo Madrid; mas no se rendirán Los Pozos (ib.). О способности инфинитива

быть частью простого глагольного сказуемого в составе грамматизованной конструкции и частью составного глагольного сказуемого в составе лексико-синтаксической конструкции речь шла в разделе о глагольных свойствах инфинитива (см. выше).

Субстантивация инфинитива как морфолого-синтаксический способ словообразования широко распространилась в современном испанском языке, часто вытесняя другие способы образования существительных действия. Этому способствовало, по-видимому, то обстоятельство, что существительные с суффиксами **-miento** и **-ción** в испанском языке, как и в других романских языках, имея в качестве производящей основы глаголы всех спряжений, возвратные и невозвратные, переходные и непереходные, предельные и непредельные, характеризуются полным безразличием к залоговым, видовым и временным значениям, в то время как субстантивированные инфинитивы, в силу их двойственной, глагольно-именной природы, имеют возможность выразить залоговые и временные оттенки, указать лицо, при наличии относящегося к инфинитиву подлежащего и т.д. Все это делает субстантивированный инфинитив необычайно гибким стилистическим средством, широко используемым в языке художественной литературы[1]. Часто субстантивированные инфинитивы стоят в одном ряду с отглагольными существительными с суффиксами **-miento** и **-ción,** также широко используемыми в испанском языке, а нередко и вытесняют соответствующие суффиксальные образования (результат морфологического словообразования) вследствие более яркой экспрессивности значения выраженного в них действия. Субстантивированные инфинитивы дают действие как живой процесс и это свойство их значения придает особую динамику всему предложению, в которое они входят: ...es el mundo con todo lo bueno que encierra, la sociedad, la amistad, las artes, el viajar, *el mucho ver,* y *el mucho oír...* (B. Pérez Galdós). Иногда субстантивированный инфинитив сосуществует в одном ряду с суффиксальными отглагольными существительными, создавая, таким образом, синонимический ряд с очень тонкими оттенками значений: el vencimiento и el vencer, el movimiento y el mover и др.: Ср.: Color blanco, nítido;

[1] См.: Н. Е. Фролова. Ук. соч., стр. 12.

uniformidad en la luz y en la coloración; *lento evolucionar* por la inmensa órbita; movimiento que parece marasmo; lentitud de siglos; casi invariabilidad (Azorín). Y vuelve inmediatamente el murmullo y el *removerse* en distintas direcciones... (M. Romanos). Еще чаще можно встретить противопоставление субстантивированного инфинитива как имени действия и существительных конкретных, образованных от тех же основ, ср.: el hacer и el hecho, el leer и la lectura и т.д., например: Y vuelve inmediatamente el murmullo y *el removerse* en distintas direcciones, y *el correr* unos tras otros, y *el hablarse* al oído, y *el hacerse* señas de inteligencia (M. Romanos); ganaba dulces simpatías sólo por *el hecho* de su fin lamentable (B. Pérez Galdós); *El esperar* no tiene límite (ib.). Vence la desesperación, véncela, resígnate y espera (ib.); — ¿Y cómo está hoy?... ¿Sesabe algo? — preguntó Pepa con voz muy débil. — Hay *esperanza,* hija mía. Esa desgraciada pasó bien la noche y esta mejor, según ha dicho Moreno (ib.).

При полной субстантивации и транспозиции в класс существительных субстантивированные инфинитивы создают дополнительный синонимический ряд к уже существующим в языке словам конкретного значения: el cantar 'песня' — el canto; el vivir 'жизнь' — la vida и др.: Labraban una pequeña tierra, detrás del cementerio viejo, que les daba para *vivir,* y tenían como única fortuna un hermoso caballo rojo, al que llamaban "Crisantemo" (A. M. Matute). A él (=retrato) no que es cosa muerta y lo muerto al fuego; a él no, sino a ti, a ti, mi Juana, mi *vida,* a ti que estás viva y me has dado *vida,* a ti (M. de Unamuno).

В некоторых субстантивированных инфинитивах соединяются и конкретное и абстрактное значения, например, el decir 'изречение', 'поговорка' и el decir 'высказывание'; el cantar 'песня' и el cantar 'пение'; el mirar 'взгляд' и el mirar 'разглядывание' и др.: Mirar y remirar; escudriñar y volver a escudriñar (J. Arderius); Sus labios rojos y frescos; *su mirar* estelar (ib.). *La mirada* de Félix que pasa y repasa por los blancos muros (ib.).

С помощью субстантивации инфинитива создаются, и сложные слова из сочетания инфинитива с наречием: el bienestar, el malestar: El médico... se sentó y comió de todo, con voracidad. Yo le miraba y sentía *un* raro *malestar* (A. M. Matute). Из сочетания инфинитива с предлогом возникло сложное слово el porvenir: Porque el que se coma el pasado, sobre todo si ese pasado ha muerto, puede aún

pasar; ¡pero esto de comerse *al porvenir!* ... (M. de Unamuno). Ср.: Hablamos de varias cosas indiferentes, de las propiedades medicinales de las aguas de Fitero, de la cosecha pasada y la *por venir*... (G. A. Bécquer).

Степень продуктивности субстантивации инфинитива в романских языках неодинакова: например, во французском языке это непродуктивный способ образования. Для испанского языка субстантивация инфинитива является необычайно живым, широко распространенным способом словообразования, пополняющим словарный состав испанского языка новыми словами и разнообразными оттенками значений[1].

Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с инфинитивом

Инфинитив в сочетании с некоторыми глаголами, присоединенными предлогом или que к инфинитиву, образует грамматизованные временные, видовые (или видо-временные) и модальные конструкции. Вспомогательный глагол, утрачивая полностью свое самостоятельное значение, сообщает в соответствии с ним новое качество (временного, видового или модального характера) действию, выраженному всей конструкцией, лексическое содержание которой заключено в инфинитиве так называемого смыслового глагола. Грамматизованные глагольные конструкции с инфинитивом (как и все аналитические глагольные формы) выполняют в предложении функцию простого глагольного сказуемого. Ориентировочно (по основному грамматическому значению) грамматизованные конструкции с инфинитивом можно распределить следующим образом:

Временные конструкции. Конструкция глагола **acabar de+** Infinitivo выражает непосредственно предшествующее (другому действию или моменту времени) действие с видовым оттенком завершенности: Despacio, *acabó de vaciar* su cartera (C. Laforet); A su lado, un niño llora desconsoladamente y da patadas en el suelo. Parece que *acaba de recibir* una gran paliza (C. Cela). Ср. самостоятельное употребление глагола acabar: El viejo mira para el suelo... después levanta la cabeza de nuevo y habla. — Yo estuve en Madrid el año que *acabó* la guerra, fui a operarme unas cataratas (ib.); эту

[1] Н. Е. Фролова. Ук. соч., стр. 15.

конструкцию в Presente и Imperfecto принято называть Pasado inmediato, что соответствует ее временному и видовому значению. В отрицательной форме конструкция acabar de+инфинитив имеет особое значение, приобретая видовую окраску незаконченного (имперфективного) действия, например: ¿Va usted a Cifuentes? — No sé; no *acababa de echar* a andar. ¿Usted, sí? (C. Cela).

Конструкция глагола ir a+ Infinitivo имеет временное значение ближайшего будущего и обычно ей приписывают модальный оттенок необходимости или намерения совершить какое-нибудь действие в ближайшем будущем, называя в соответствии с ее грамматическим значением Futuro inmediato. Однако за последнее время более настойчиво напоминает о себе заслуживающая внимания и упоминавшаяся в научной литературе точка зрения на конструкцию глагола ir с инфинитивом в современном испанском языке просто как на форму будущего времени. Результаты исследования языка художественной литературы Испании и Латинской Америки XIX и XX вв. позволяют предположить, что конструкция ir с инфинитивом в форме настоящего времени означает не столько близкое будущее, сколько будущее вообще, являясь в какой-то степени конкурентом футурума, а в форме прошедшего времени — конкурентом кондиционала, особенно в разговорной речи[1].

— Te *voy a presentar* a mi amiga — anunció... (J. Goytisolo); — Ahora, ahora que *iba a empezar* a vivir, ahora que nos *iba a sacar* de miserias; ahora... ¡Ay, Agustín, que triste es la vida! (M. de Unamuno); — ¡Claudia, al fin! — Hablaba con la voz fatua y aguda de siempre. En esto al menos no había cambiado: — Creí que no *ibas a venir* nunca... (J. Goytisolo). Ср.: Los hombres van camino del campo, con la yunta de muías delante y el perrillo detrás. Algunas mujeres, con el azadillo a rastras, *van a trabajar* a las huertas (C. Cela). Una criada de luto, joven aun, le abre la puerta. — *Voy a llamar* al señor; el se alegrará de que le traiga noticias del señorito Alfredo (ib.).

Видовые конструкции. Конструкция глагола **ponerse** a+Infinitivo выражает начало действия со значением «приниматься за что-н., приступать к чему-н.»: En la escuela

[1] См. статью Е. Г. Голубевой «Описательная конструкция ir с инфинитивом в испанском языке», «Ученые записки ЛГУ», 1966, №328 стр. 48-51.

todo se llena del olor del tinto, no se puede uno acercar a él... Y de repente *se pone a pegar* y *a pegar* a alguno (A.M. Matute).

Конструкция глагола **echar(se)** a+ Infinitivo также выражает начало действия, но с дополнительным оттенком некоторой внезапности: El viajero se suelta las botas, pone el morral por almohada, se emboza en su manta y se *echa a dormir* en el suelo, en un rincón (C. Cela); La niña Rosita *se ha echado a llorar* (ib.); ср. A su lado, el galgo negro *se ha echado* también, como para vigilar su sueño (ib.).

Конструкция глагола **volver** a+Infinitivo выражает возобновление, повторение действия: En aquel momento, el timbre *volvió a sonar* y todos nos levantamos (J. Goytisolo); Su cólera era tan viva, que se le trababan las palabras en la boca. Dio algunos pasos marciales, y después se *volvió a sentar* (B. Pérez Galdós); Adiós, señora. Me retiro de esta casa. Creo que *volveremos a vernos* (B. Pérez Galdós). Ср.: Volvió el cautivo a su hogar; *volvió a estrechar* entre sus brazos a los que le dieron el ser (G. A. Bécquer); Tenía la cabeza espesa y el cuerpo acorchado y *volví a dormir* sin necesidad de pastillas (J. Goytisolo). Ср.: El viajero, a las tres de la tarde, vuelve sobre sus pasos y entra en Cifuentes... (C. Cela).

Модальные конструкции выражают долженствование с различными дополнительными оттенками: Глагол **haber** de+ Infinitivo выражает обязательство, со значением «следует», «следовало бы», «нужно»: El viajero y el viejo hablan del burro. — Para bestia es ya tan viejo como yo para hombre. Pero solo Dios sabe quien *ha de morir* antes (C. Cela); — Ven conmigo — le dijo. — Te *he de hablar* (A. M. Matute).

Конструкция hay que+Infinitivo — безличная форма, употребляемая в 3-м лице единственного числа со значени ем «необходимо, нужно, следует»: *Hay que dejar* los libros en seguida — dijo médico en cuanto le vió —; ¡pero en seguidita! (M. de Unamuno); Adelante, viejo perro, adelante. *Hay que seguir* (A. M. Matute).

Конструкция глагола **tener** que+Infinitivo выражает необходимость, неизбежность выполнения чего-либо: El niño se despide. — *Tengo que volver,* mi mamá quiere que esté en casa a la hora de merendar. (C. Cela); El viajero *tuvo que vencerse* un poco (ib.); *Tenía que comer* lo que hubiera, y *tenía que estudiar* lo que le diese en el examen la calificación obligada para no perder la beca (M. de Unamuno); Félix

se cree perdido; no volverá a recobrar el poder de la emoción; *tendrá que renunciar* a la obra en proyecto (Azorín).

Конструкция глагола **tener** de+Infinitivo выражает долженствование, необходимость, употребляется лишь в I лице и имеет очень ограниченное распространение: *Tengo de avergonzarle* (Gram. A.E., §90).

Конструкция глагола **deber** de+Infinitivo выражает вероятность, предположение о наличии действия и обычно имеет значение «должно быть», «вероятно» и т.п.: Un hombre sale. — ¿Quería ver los jardines? Parece un hombre acostumbrado a enseñar la casa; la pregunta *debió de hacerla* muchas veces ya, a lo largo de su vida (C. Cela). Tienen forma de cucurucho cortado antes de la punta y terminan, cada una, en una meseta de bordes rocosos y cortados a pico que *deben de ser* difíciles de escalar (ib.); *Ha debido de pasar* bastante tiempo porque Quico y su muía Jardinera están ya al otro lado de las Tetas, no se les ve por lado alguno (ib.).

Инфинитив в сочетании с некоторыми глаголами образует также неграмматизованные, лексико-синтаксические глагольные конструкции, выражающие видовую и модальную характеристику действия. Эти конструкции образуются из служебного (полувспомогательного) глагола в личной форме и инфинитива. При этом глагол в личной форме утрачивает в разной степени, но не совсем, свое основное лексическое значение, а иногда и почти сохраняет его. В предложении эти конструкции выполняют функцию составного глагольного сказуемого. Повторность, обычность совершающегося действия, содержание которого выражается семантикой инфинитива, передаются с помощью глаголов soler, acostumbrar (se), servirse, dignarse, atreverse, limitarse и др. в качестве служебных (полувспомогательных) глаголов: El viajero supo más tarde que el viajante de más edad s o -l í a *trasladarse* de un lado a otro en coche de línea y, cuando no podía, a pie (C. Cela); En los pueblos s u e l e n *recibir* bien al que va de paso, pero con alguna frialdad (ib.); ¿Qué es lo que vio? Pero, ató su lengua. Se l i m i t ó *a mirarle,* llena de odio y de miedo (A. M. Matute): El viejo no se l i m i t a b a *a vivir* en la casa (ib.).

Модальные описательные лексико-синтаксические глагольные конструкции образуются из личной формы одного из модальных глаголов, типа querer, poder, saber, deber и др. и инфинитива, который имеет общий со своим служебным глаголом субъект действия; указанные сочетания выражают отношение действия к действительности и отношение

говорящего к сообщаемому факту и **поэтому называются** модальными; сочетанием глаголов querer, desear и т.п. с инфинитивом выражается желание, воля: Las leyendas que no q u i s o *leer* nadie, se quemaron, crepitando, humeando, como la víctima del sacrificio a un dios pagano (C. Laforet); ¡Ahora, si usted no q u i e r e *hablar,* pues no hable (C. Cela); ...parecía que temblábamos por tal encuentro y que h a b r í a m o s d e s e a d o *evitarlo* (B. Pérez Galdós).

Сочетание глагола **poder** и синонимичных ему глаголов с инфинитивом выражает возможность (или с отрицанием — невозможность): hombre ... e m p e z ó *a mejorarse* y p u d o *retirarse* a la corte, según dice el cronista, lleno de consuelo (C. Cela); Sabía que p o d í a *hacerlo* (A. M. Matute); Ahora mismo, vete... Y ya p u e d e s *correr,* si q u i e r e s *alcanzarle* a él (ib.).

Сочетание глагола **saber** с инфинитивом выражает умение: (¿Usted a qué se dedica?). El viajero no s a b í a *contestar* (C. Cela); Mira, Pepe, yo soy una lugareña; yo no s é *hablar* más que cosas vulgares; yo no sé francés; yo no me visto con elegancia; yo apenas s é *tocar* el piano; yo... (B. Pérez Galdós).

Сочетание глагола **deber** с инфинитивом выражает долженствование: ¡Oh! no ... Yo no d e b o *quedarme* aquí con él. ¡Yo d e b o *buscar* a mi marido; yo d e b o *escandalizar* el mundo antes de comprometer mi honra! (P. A. de Alarcón).

Следует отметить, что в современном испанском языке наблюдается известная тенденция к функциональному смешению конструкции **deber** с инфинитивом и **deber** de-Ьинфинитив. Например: Creo que d e b í *perder* el conocimiento porque apenas recuerdo lo que ocurrió después (A. M. Matute).

Причастие

Испанское причастие — глагольно-именная форма, обозначающая признак, возникший в результате действия и приписываемый лицу или предмету. Причастие совмещает **в** себе свойства глагола и свойства имени прилагательного. Преобладание тех или иных свойств в каждом конкретном случае проявляется соответствующими признаками. Так, например, сохранение причастием того же управления, что

и у глагола, от которого образовано причастие, является проявлением глагольных свойств причастия. В процессе перехода в разряд имени прилагательного или существительного многие причастия меняют свое управление или теряют его вовсе и т.д. В современном испанском языке существует только одно причастие — причастие прошедшего времени, восходящее к латинскому Participium perfecti passivi<лат. amatus, -a, -um, от гл. amo, -āre 1-го спряжения <исп. amado, -a и т.д. Источником латинского причастия прошедшего времени страдательного залога (Participium perfecti passivi) было индоевропейское причастие на -to; сперва оно было простым отглагольным прилагательным, безразличным к глагольным категориям времени и залога. Затем оно проникло в спряжение и стало заменять пассивное перфектное причастие. В праиндоевропейском языке существовал перфект, который обозначал состояние как результат ранее совершенного действия; перфект находился вне системы презента и аориста. В очень давние времена причастие сочеталось в латыни с глаголом esse; значительно позднее в латыни, а потом и в романских языках, стало употребляться с глаголом habēre. Вначале это причастие имело чисто глагольное значение — было перфектно-пассивным. Выражение epístola scripta est указывало, что субъект (зд. грамм, подлежащее) находится в состоянии, обозначенном словом scripta и являющимся результатом предшествовавшего глагольного процесса; затем данное выражение стало обозначать само действие, которое порождает состояние, и образовалась страдательная форма перфектных латинских временных форм[1].

Причастия настоящего и будущего времени в испанском нет. Поэтому при обозначении так называемого причастия прошедшего времени (Participio pasado o pasivo) предпочтительно ограничиться словом Participio, тем более, что это единственное причастие в испанском может иметь не только пассивное значение, но и активное, не только прошедшего времени, но и настоящего. С удовлетворением можно отметить, что если 12—15 лет тому назад утверждение о наличии лишь одного причастия в испанском языке воспри-

[1] См.: K. B r u g m a n n . Die mit dem Suffix „to" gebildeten Partizipia im Verbalsystem des Lateinischen und des Umbrisch-Oskischen, "Indo-germ. Forsch." V. 1895, стр. 89 — 152; см. также: R o c a P o π s, стр. 91.

нималось как противоречащее традиционной точке зрения[1] и, вызывая возражение, требовало серьезных обоснований[2], то в настоящее время эта точка зрения постепенно укрепляется, и некоторые испанские лингвисты уже говорят о единственном причастии в испанском языке как о само собою разумеющемся факте. (Например, Р о к а П о н с. Введение..., 90).

Причастие издавна привлекало внимание исследователей[3]. Известно, как интересовался категорией причастия А. А. Потебня[4] и многие другие русские и советские лингвисты.

Языковой материал весьма разнообразен в отношении причастных форм; достаточно сравнить обилие и разнообразие форм причастий в греческом языке с одним единственным причастием в испанском[5]; в ряде языков причастные формы в обычном их понимании вовсе отсутствуют, например, в алеутском языке эскимосской группы[6].

Для выяснения судьбы системы латинских причастий в иберо-романских языках важно решить вопрос о наличии в их грамматическом строе причастия настоящего времени. Признание многими лингвистами существования продуктивной формы причастия настоящего времени в испанском языке находится в противоречии с конкретными фактами языка и может служить одним из примеров отрицательного влияния «латинской традиции»' на изучение романских языков, проявляющегося в частности в механическом перенесении черт, присущих латинскому языку, на

'Хм.: A m a d o A l o n s o, P. H e n r i q u e z U r e ñ a. Gramática castellana. I curso. 17ª edición, s. a. стр. 111.

[2] См.: О. К· В а с и л ь е в а - Ш в е д е и Г. В. С т е п а н о в. Грамматика испанского языка. 1-е изд. М., 1956, § 281

[3] Например, Вожела сказал: « En toute la grammaire frangaise il n'y a ríen de plus important ni de plus ignoré ». См.: Х 1 а у д е de V a u g e l a s. Remarques sur la langue frangaise. Или « Les participes..., le sujet des meditations du vrai grammairien ». (Bescherelle) см.: M. C a t e l. Traite du participe passé. P. 1934, стр. 1.

[4] См.: А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. I —II. Общая редакция, предисловие и вступительная статья В. И. Борковского. М., 1958, стр. 131 и след.

[5] R o c a P o n s. Introdución..., стр. 90.

[6] См.: И. И. М е щ а н и н о в. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, стр. 237.

[7] См.: О. К· В а с и л ь е в а - Ш в е д е. К вопросу о месте каталанского среди романских языков. — «Романская филология». «Ученые записки ЛГУ», 1961, № 299, стр. 58-62.

языки романские. Эта традиционная точка зрения требовала пересмотра.

Устойчивость устаревшей характеристики грамматического строя испанского языка поддерживалась отсталыми положениями Грамматики Испанской академии, «законодательная роль» которой в вопросах грамматических норм испанского, отчасти и других языков Пиренейского полуострова продолжает безоговорочно признаваться еще многими грамматистами[1], хотя иной раз и подвергается заслуженной критике[2].

Под причастием мы разумеем «глагольно-именную форму, обозначающую действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, как их свойство, проявляющееся во времени»[3].

В отношении причастия настоящего времени более выразительна характеристика, данная А. А. Потебней: «В причастии возникающий признак (черта глагола) представляется данным (черта имени). ... «Зеленеющая» трава значит не только имеющая признак зелени, как «зеленая», но и имеющая его в силу того, что сама производит этот признак».[4]

Сочетание и соотношение в причастии глагольных и именных свойств в результате сложного и противоречивого процесса их взаимодействия может привести в соответственно благоприятных условиях к решительному преобладанию одного из них; так, в «причастии настоящего времени» в испанском возобладало именное значение, что привело к окончательному переходу формы на -nt-, соответствующей латинскому причастию настоящего времени, из разряда глагола в разряд имени прилагательного, а также имени существительного, наречия и предлога.

В русском языке также имеются определенные условия,

[1] Подробнее см.: О. К. Васильева-Шведе. К вопросу 0 форме на -ante (-ente, -iente) в испанском языке. — «Ученые записки ЛГУ», Л., 1958, № 232, стр. 85-119.

[2] Так, Криадо де Валь пишет следующее: "Mientras el francés contemporáneo era analizado y difundido hasta la saciedad, seguía como máxima autoridad española la Gramática, indudablemente arcaica de la Academia". См.: M. Criado de Val. Fisonomía del idioma español, sus características comparadas con las del Francés, Italiano, Portugués, Inglés y Alemán. Madrid, 1954, стр. 3.

[3] См.: «Грамматика русского языка». Т. I. Фонетика и морфология. Институт языкознания Академии наук СССР. М., 1952, стр. 506. [4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1— II. М., 1958, стр. 94.

способствующие вытеснению причастий настоящего времени действительного залога из сферы глагола[1].

Причастие действительного залога, особенно настоящего времени, вообще в тех языках, в которых оно существует как продуктивная грамматическая категория, обычно проявляет склонность к адъективации. Для него характерны ограниченность охвата глаголов, от которых эта форма образуется, а также стилистическая ограниченность ее употребления[2].

Объяснение тенденции этого причастия к усилению именного значения следует, по-видимому, искать в противоречивом взаимодействии его залогового значения («активный признак мыслится именно в условиях времени» (Шахматов)[3] и значения временного: категория настоящего времени является наиболее «вневременной»[4]: активность — характерная черта причастия настоящего времени действительного залога — теряет поддержку категории времени и

[1] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е М., 1956, стр. 146; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941, стр. 471; В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 277; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., Изд-воМГУ, 1956., стр. 192.

[3] См. для немецкого языка: Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. Теоретический курс. 3-е переработанное изд. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1957, стр. 158. Для норвежского см.: М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. АН СССР. Институт языкознания. М. —Л., 1957, стр. 137; для исландского: М. И. Стеб-лин-Каменский. Древнеисландский язык. Библиотека филолога. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1955, стр. 132; для шведского см.: С. С. Маслова-Лашанская. Шведский язык. Ч. I. Л., Изд-во ЛГУ, 1953, стр. 265; для кельтских языков см.: Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Перевод с английского проф. А. А. Смирнова. Редакция, предисловие и примечания проф..В. Н. Ярцевой. М., 1954, стр. 370 и т.д.

[3] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941, стр. 490.

[4] Возражение Есперсена против признания настоящего времени «вневременным» или «неопределенным», как это делает Суит (H. Sweet. A new English Grammar, logical and historical. Part I. § 289 (Oxford, 1931, стр. 104) не убедительно, тем более, что Есперсен сам предлагает называть настоящее время «обобщенным» и, следовательно, речь идет лишь о термине. См.: О. Есперсен. Философия грамматики. Перевод с английского В. В. Пассека и С. П. Сафроновой. Под редакцией с предисловием проф. Б. А. Ильиша. М., 1958, стр. 303 и 330. Otto Jespersen. The Philosophy of Grammar. London, 1925.

ослабевает, что в свою очередь способствует усилению и закреплению качественного признака с последующим переходом формы на -nt- в разряд прилагательных, который осуществляется тем успешнее, чем более ослаблены соответствующие глагольные значения.

Так, например, особенно широко и свободно в русском языке развиваются качественные значения причастий на **-щий** с непереходным значением или при устранении переходного значения: блестящие способности, умоляющие глаза, пронизывающий ветер, раздражающий тон и т.п.[1].

Латинское причастие настоящего времени (на -nt) прошло сложный исторический путь развития. Противоречивое взаимодействие присущих причастию свойств глагола и имени определило судьбу данной категории в латинском языке[2] и далее в романских языках.

При исследовании грамматического значения формы на -nt- в испанском языке следует сосредоточить внимание на ее роли в предложении, т.е. на синтаксисе. Однако, поскольку в слове, когда оно выступает в роли члена предложения, взаимно перекрещиваются значения грамматические, т.е. категориальные, и значения лексические, т.е. индивидуальные, следствием чего является возможность различных синтаксических отношений между членами одного и того же словосочетания[3]. В отдельных случаях, при недостатке формально-грамматических средств, которые служили бы опорой при определении функций формы на -nt-, приходится обращаться за поддержкой к лексике: различные грамматические значения данной формы, выявляющиеся в предложении в определенных синтаксических условиях, бывают тесно связаны с лексическим значением отправного глагола.

Так, например, «причастность» формы на -nt- или ее глагольность проявляется в ее более тесной связи с глаголом основного действия, так сказать, ее преимущественной ориентации на этот глагол, а не на «субъект», которому приписывается данный временной признак им самим со-

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М..—Л., 1947, стр. 277.

[2] См.: J. Marouzeau. L'emploi du participe present latin á l'époque républicaine. Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T. 16. P., 1910-1911, стр. 133-216.

[3] А. Б. Шапиро. К учению о второстепенных членах предложения в русском языке. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 84-85.

здаваемый как действие, протекающее одновременно с главным действием и могущее в зависимости от ряда условий либо выполнять функцию обстоятельства (в виде сопутствующего действия), либо функцию определения (в виде признака более или менее присущего носителю данного качества). Таким образом, причастие, поскольку оно выражает глагольное действие, склонно по своей природе уточнять вместе существительное и главный глагол. Обстоятельствами, определяющими в той или иной степени ориентацию исследуемой формы в ту или иную сторону, являются следующие: 1) семантика глагола, от которого образовано причастие (его лексическая видовая характеристика — предельность или непредельность); 2) взаимосвязь, степень взаимообусловленности причастия и существительного, к которому оно относится, и причастия и глагола сказуемого.

Объективным критерием для выяснения наличия глагольных и именных свойств и их соотношения в форме на -nt- в испанском языке вместе с лексическими могут служить как морфологические, так и синтаксические показатели: самым сильным грамматическим показателем в пользу именного значения является отрыв формы на -nt- от ее, якобы отправного глагола, что может быть выражено различным способом: а) форма на -nt- так закрепилась в языке в качестве прилагательного, что утрачено какое-либо представление о глаголе, от которого она могла произойти, например: ...en el sepelio *reciente,* dura la humedad de la tierra[1] (Azorín); б) форма на -nt-, будучи оторвана от своего отправного глагола, изменила свою первоначальную форму, например: Y, pareciéndole a ella misma *imprudente* seguirle resolvió que... (E. Larreta); в) форма на -nt-, закрепляясь в качестве прилагательного, отклонилась от своего значения или вовсе изменила его, например: Con toda el alma se aferra Félix al momento *presente* (Azorín).

Следующие показатели также свидетельствуют об именных свойствах формы на -nt-:

1. Изменение по формам числа и рода: ср. Por último (el), *la sirviente* declaró que aquella noche Rosario y el Sr. Pinzón habían concertado verse... (B. Pérez Galdós) и E in-

[1] Лат. prudens, -ntis |] providens, -entis; Цицерону приходится напоминать, что prudens равнозначно с prouidens (от глагола prouideo, -ere): *Quos* prudentes possumus dicere, id est prouidentes. (Cic. De Diuinatione, I. 49, 111). Цит. по Марузо, ук. соч., стр. 181.

terrogaba en vano a aquella antigua *sirvienta,* seca y dura, *la confidente* de su padre (M. de Unamuno); ср. 'gozar sin reservas del momento *presente* (Azorín); No vive el poeta, aquí en esta casa, en los días *presentes* (ib.): Era ella tan prima mía como Eloísa, y tenía el mismo derecho a mis obsequios de *pariente* ricacho (B. Pérez Galdós); eran Severiano Rodríguez y Jacinto María Villalonga, el primero andaluz neto, el segundo casado con *una parienta* mía, ambos excelentes muchachos (ib.) Por Navidad se reunían varios *parientes* (M. de Unamuno).

2.Изменение по степеням сравнения (как сложных, так и простых), например: ...sostuvieron un diálogo *intere sante*... (B. Pérez Galdós); ...durante un rato se recreó en su *interesantísima* persona (ib.); Deseaba decirle una cosa *im portante* (B. Pérez Galdós); ...va a ser factor *importantísimo* en la fundación de la industria nacional (J. de Viana); ...he mos caído en la cuenta, de que el comer es *excelente,* y de que las materialidades de la vida son *excelentísimas* (B. Pérez Galdós).

3.Важным показателем именного значения является субстантивация формы на -nt-, например: ср.: Aquella voz tan armoniosa y dulce en la conversación *corriente,* tornábase un tanto áspera... (B. Pérez Galdós) и León sintió *una co rriente* glacial por todo su cuerpo (ib.) или Todo el día *si guiente* lo pasé concertando mi plan diplomático de ataque (A. Palacio Valdés); *El presente* revela el pasado (B. Pérez Galdós) и La carta decía *lo siguiente* (ib.). Как пример обра зования лексических дублетов с субстантивированной фор мой на -nt- и их стилистического употребления можно привести следующий отрывок: En el comedor había dos hombres, *viajantes* de comercio según averiguó después, to mando café.

Uno de *los viajantes,* el más viejo, leía un periódico que se llama "Nueva Alcarria"... *El viajero* se sentó delante de su plato de huevos fritos con chorizo.

—Buenas noches.

—*Los viajantes* dejaron, uno, la lectura, y el otro, su escritura, y miraron para *el viajero.* La mujer de la posada se ha sentado en una banqueta baja, de madera, y habla con *el viajero.*

—¿Es usted *viajante"?*

—No, señora (C. Cela).

4. Переход ее в разряд наречий и предлогов: от формы на -nt-, как и от качественных прилагательных, наречия

могут образовываться: а) либо путем прибавления к прилагательному суффикса **-mente,** б) либо путем перехода формы мужского рода (при наличии разных форм) в наречие, ср. например: usted me ha tenido en *constante* ausencia de la escogida de mi corazón (B. Pérez Galdós) и Los grupos de obreros revolucionarios se mantenían fuertes, promoviendo *constantemente* conflictos (J. Arderius); ср.: Algún día no habrá guardias civiles *bastantes* para pegar tiros en todos los pueblos (ib.)'и Mantúvose, pues, *bastante* grave durante el curso de la fastidiosa tertulia,... (B. Pérez Galdós).

5.От формы на -nt-, как и от качественных прилага тельных, при помощи различных суффиксов образуются отвлеченные имена существительные: valiente — valentía[1]; diferente — diferencia; importante — importancia; asisten te — asistencia и т.д. Например: Yo me llamo *Constancia* y soy *constante* (R. de Campoamor).

6.Форма на -nt- может пользоваться теми же основны ми словоизменительными суффиксами субъективной оцен ки, как и качественные прилагательные, например: Decidió no utilizar a la *sirvientita* y fue el mismo hasta el almacén de la esquina... (A. Gravina), а также приставками, в част ности, отрицательным префиксом ¡п-, а не глагольным отрицанием по, например: La primera parte de la General Historia, ... puede presentar una estructura y tendencias algo *diferentes* (M. Criado de Val); Entablamos **una** conver sación *indiferente* (A. Palacio Valdés).

7.Форма на -nt- может образовывать сложные формы путем сложения двух основ: наречие+форма на -nt-, на пример: su espíritu daba fácil acceso a todo lo que viniera por aquella vía y llegase a él en el vehículo de *lo bien olien te,* de lo tangible, de lo bonito y de lo apetitoso (B. Pérez Galdós); ...formaron un grupo abigarrado y *mal oliente* (R. I. Payró).

Все перечисленные особенности характерны для разряда качественных прилагательных, но не все качественные прилагательные обладают перечисленными выше признаками. Так и формы на -nt- в испанском языке, будучи способными обладать этими признаками, не всегда обладают ими одновременно.

[1] См.: Y a k o v M a l k i e l. Development of the Latin Suffixes *-antia* and *-entia* in the romance languages. University of California Publ. in Linguistics. Vol. I, № 4. Berkeley and Los Angeles, 1945, стр. VI, 41, 188.

Синтаксические показатели именного значения формы на -nt- таковы: 1. Согласование в числе с существительным, к которому она относится, например: Aquel hombre era muy interesante, muy simpático, muy... (B. Pérez Galdós); Aquí tenemos varios objetos interesantes, curiosos, pintorescos (Azorín). 2. Устойчивость синтаксической функции в предложении: как и прилагательное, форма на -nt- употребляется главным образом в качестве определения существительного и как именная часть составного сказуемого (atributo sujetivo и atributo objetivo). 3. Неупотребительность в функции обстоятельства в абсолютном причастном обороте.

Показателями наличия глагольных свойств формы на -nt- могли бы быть категория времени и залога, а также сохранение управления, свойственного соответствующему глаголу; однако категории времени и залога в испанской форме* на -nt- отсутствуют, а что касается управления, то, несмотря на то, что в редких случаях оно имеется, и глагольность, вернее, реминисценция о ней оживляется при употреблении прилагательного-определения при наличии дополнения, это не дает основания признавать форму на -nt- причастием, поскольку это же слово может употребляться и употребляется и без управления, как в постпозиции, так и в препозиции, в так называемой «рамочной конструкции», например: ...las llamas se movían *semejantes* a las alas de aves amarillas (J. Arderius); ср.: En la historia de explotación de la comarca no se había conocido robo *semejante* (ib.); ...no tiene sentido *semejante* cosa (A. Palacio Valdés).

Глагольное происхождение производящей основы, от которой была образована исходная форма на -nt-, обусловливает возможность в отдельных случаях и особых условиях оживления видовой характеристики и даже относительной временной, которая зависит от семантики глагола, от которого образована данная форма, от семантики определяемого существительного и их взаимодействия, а также от синтаксических условий — наличия обстоятельств времени, места и пр., которые конкретизируют в отношении момента, продолжительности времени связь данного признака с его носителем и могут способствовать оживлению его видового и временного значения.

Известная нечеткость грамматического значения данной формы и невозможность определить все ее признаки ярко выраженными формальными средствами отнюдь не

мешает отнесению ее к определенной части речи, хотя и с оговоркой, что еще не во всех случаях она достигла, а для некоторых лексических единиц, возможно, и никогда не достигнет, той «законченности» (в смысле определенности признаков и полноты наличия соответствующих категорий), которая присуща основным представителям данного лексико-грамматического разряда, в первую очередь качественному прилагательному.

Полный отрыв подавляющего большинства форм на -nf- от своего отправного глагола и прочие черты свидетельствуют об именном характере формы на -nt- в испанском языке. Речь может идти, с одной стороны, об освоении разрядом имени прилагательного остатков прежнего латинского причастия настоящего времени, полученных иберороманскими языками в процессе пополнения лексики книжного языка в различные периоды их истории (язык юридических и пр. документов, язык церкви и т.д.), с другой стороны, — о не слишком продуктивном, но живом процессе словообразования от основы глагола с помощью суффикса -nt(e), словоизменительного в латыни и некоторых романских языках, но выступающего в качестве словообразующего в языках Пиренейского полуострова.

Наиболее отчетливо выражены именные признаки формы на -nt- в каталанском языке (несмотря на то, что особенностью каталанского сравнительно с прочими иберороманскими языками является совпадение формы на -nt- и герундия), затем в испанском, галисийском и португальском. Результаты исследования дают полное основание считать, что категория причастия настоящего времени в романских языках Пиренейского полуострова отсутствует[1].

Причины, обусловившие непродуктивность латинского причастия настоящего времени в иберо-романских языках, которое оказалось чуждым требованиям закономерностей этих языков и вышло как таковое из их грамматической системы, заключены в самой природе этой категории и в условиях ее исторического пути.

На основании изучения памятников поздней латыни выясняется, что в послеклассический период усиливается

[1]О. К. Васильева-Шведе. Именные свойства причастия настоящего времени на материале иберо-романских языков. - «Ученые записки ЛГУ», 1961, № 301, стр. 24-25.

распад латинской системы причастий. В поздней латыни вместе с усилением адвербиальной функции причастия настоящего времени происходит ослабление его номинативного значения, что в результате взаимодействия с развитием обстоятельственного значения герундия приводит затем к вырождению причастия настоящего времени как продуктивной грамматической категории в пиренейско-романских языках.

Видовое значение, некогда бывшее основным в латинском причастии настоящего времени, в результате длительного пути исторического развития испанского языка, в новых условиях нашло свое выражение в новой форме.

Причастие I в атмосфере общего ослабления выражения вида и усиления категории времени стало приходить в упадок как причастие и постепенно утратило все свои глагольные свойства, перейдя в разряд имени, а видовое значение в поисках новых средств проявления нашло новые формы, более соответствующие всей глагольной иберороманской системе, а именно: длительную (конкретно процессуальную) форму (estar+герундий)[1].

Ликвидация причастия настоящего времени способствовала развитию определительного придаточного предложения с простым глагольным сказуемым, выраженным длительной формой.

Латинские причастия будущего времени действительного залога и страдательного залога (так называемый герундив) в испанском языке также не сохранились, оставив лишь незначительные следы в виде отдельных имен прилагательных и существительных. Не сохранился и супин.

Единственно сохранившимся продуктивным причастием в испанском, португальском (и галисийском), каталанском языках являются причастия, восходящие к латинскому причастию прошедшего времени страдательного залога (Participiurn perfecti passivi), оказавшемуся вне системы и соотнесенности с другими формами причастия.

Система причастий, ущербная уже в классической латыни (сравнительно, например, с системой причастий в греческом языке), — отсутствие Participium perfecti activi и Participium presentís passivi и др. — заключала в себе за-

[1] См.: О. К. Васильева-Шведе. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол estar+герундий). «Сб. статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева». Изд-во ЛГУ, 1957, стр. **107** — 137.

чатки элементов будущего распада, который осуществлялся в послеклассический и завершился в романский период, в частности в испанском языке, для грамматического строя которого оказывается закономерным формирование собственной системы неличных форм глагола (причастие, герундий, инфинитив), обладающих рядом общих черт и взаимосвязанными тенденциями дальнейшего развития, обусловленными закономерностями движения всей системы грамматического строя данного языка.

При стремлении языка в процессе неустанного совершенствования уточнить, разграничить свои функции для разрешения новых задач, продиктованных общими тенденциями в языке, потребностью в выражении новых оттенков мысли с помощью переосмысления старых форм или замены их новыми и т.д., единственное причастие, оказавшись вне системы и соотнесенности с другими формами причастия, имеет склонность к преодолению присущей ему двойственности глагольно-именного значения, идет по пути самоопределения в каждой из данных функций.

С одной стороны, оно склоняется к выходу из разряда причастия и переходу в разряд имени прилагательного и существительного, с другой — в разряд глагола, в качестве компонента аналитической глагольной формы (см. грамматизованные конструкции с глаголами: haber, ser., estar, tener)[1]. Причем эта последняя тенденция значительно сильнее первой[2].

[1] Собственно говоря, причастия, входящие в виде компонента в грамматизованную глагольную форму и выражающие глагольное значение как действие (ha entrado и др.), а также причастия, ставшие настоящими прилагательными и выражающие глагольное значение в виде качества (leído, agradecido и др.), можно было бы, как это предлагает Рока Понс, исключить из разряда причастий, в котором осталось бы собственно причастие (подлинное причастие), равноотстоящее и от глагола, и от прилагательного ("El verdadero participio es equidistante de ambos extremos", II, стр. 89). Это было бы целесообразно, если бы entrado и др., кроме ha entrado и т.п., не употреблялось бы больше в качестве собственно причастия, а leído и др., став прилагательным, не имело бы омонима в разряде причастия. Однако соответствующие формы на -do и др. продолжают оставаться (за очень редким исключением) и функционировать в качестве собственно причастия, и поэтому предложенное Рока Понсом распределение причастий остается весьма условным и умозрительным.

[2] См.: Olga C. Vassilieva-Svede. Algunas tendencias en la evolución de la estructura gramatical del español, catalán y portugués. Actele celui de al XII-lea Congres internacional de lingüistica si filologie románica. Extras. Bucuresti. 1970, стр. 497-504.

На противоположной точке зрения стоит Рока Понс, полагая, что в испанском причастии превалируют его именные свойства; по его мнению, это подтверждается наличием у причастия именных признаков и отсутствием некоторых глагольных, свойственных не только личным формам глагола, но и герундию, и инфинитиву, как, например, энклиза местоимений (стр. 89).

Вопрос о соотношении именных и глагольных свойств у испанского причастия в современном языке может быть уточнен данными, полученными в результате и статистического обследования большого языкового материала; самым существенным, однако, является при этом живая в современном испанском языке тенденция к пополнению видо-временной системы глагола новыми аналитическими формами, образующимися на базе неличных форм глагола, в частности причастия.

Прогрессирующая грамматизация описательных конструкций с неличными формами и переход некоторых из них в качестве новых аналитических форм в морфологию свидетельствуют также о силе глагола в романских языках Пиренейского полуострова, развивающегося за счет имени. Процесс этот, конечно, очень противоречив, зигзагообразен и можно говорить лишь ориентировочно о некоторой общей тенденции.

В отношении формы причастия испанские глаголы обычно делятся на три следующие группы:

1. Глаголы, имеющие одну типовую, так называемую «правильную» (regular) форму причастия на -do:

I спряжения: tomar — tomado, -a, -os, -as;
II спряжения: beber — bebido, -a, -os, -as;
III спряжения: subir —subido, -a, -os, -as.

В староиспанском причастие имело также, преимущественно для глаголов II спряжения, окончание -udo: tendudo, -a, -os, -as — соврем, tendido, -a, etc.; venzudo, -a, -os, -as — соврем, vencido, -a, etc., например: e tanto andaua perdudo et coytado por ende, que ouo assacar un fecho much estranno (Primera Crónica general).

2. Глаголы, имеющие одну особую, нетиповую, так называемую «неправильную» (irregular) форму причастия на -to, восходящую к соответствующей особой форме латинского причастия: abrir — abierto < лат. apertu(m); cubrir — cubierto < лат. coopertu(m); decir — dicho < лат. dictu(m); escribir — escrito < лат. scriptu(m); hacer — hecho

< лат. factu(m); morir—muerto < лат. mortuu(m); poner — puesto < лат. posítu(m); resolver — resuellto < лат. solutu(m); ver — visto < лат. visitu(m); volver — vuelto < лат. volutu(m) и их производные. Например: Me *han abierto* los ojos (J. Arderius); tiene usted un carácter *abierto,* campechano, que le hace muy simpática (A. Palacio Valdés); Pero ahora el pobre *está* en los huesos y *cubierto* de barro (J. Izcaray); Al Sur, una llanura *cubierta* de olivares (J. Arderius); Y los ojos *cubiertos* por dos grandes manchas moradas (ib.); se juergueban con siete u ocho máscaras, todas *cubiertas* con "dominó" (ib.): De los labios le colgaba una pipa con el cañon *hecho* de un pedazo de carrizo (ib.); Por una pasarela *hecha* de grandes piedras cruzó un agua transparente (ib.); Y después, todos los trabajadores, *hechos* un solo hombre, a vivir en la tierra felices, sin amos y sin hambre (J. Arderius); Mire usted como tenemos nosotros las manos. *Hechas* pedazos de trabajar! (ib.); ¿Qué *has dicho* que eres, Venancio? (ib.); Hay en el juzgado una querella *suscrita* por Gloria (A. Palacio Valdés); Los brazos, larguísimos y gruesos, se le balanceaban, *muertos,* al compás del lento andar (ib.); Pero es que *se ha muerto* alguien (ib.); *Me ha puesto* de mal humor (ib.); Andaba ligero, con paso *resuelto* sin detenerse a mirar a nada ni a nadie (J. Arderius); *¿Has visto* que cuando ha sonado tu voz se ha callado? (ib.); La casa *andaba* un poco *revuelta* (A. Palacio Valdés).

3. Глаголы, имеющие две формы причастия: типовую и особую, нетиповую от латинских причастий на -tu и на -su (сигматические причастия), например: fijar — fijado и fijo < лат. fixu(m); maldecir — maldecido и maldito < лат.taledictu(m); querer — querido и quisto < лат. quaes(i)tu(m); soltar — soltado и suelto < лат. solütu(m); suspender — suspendido и suspenso < лат. suspensu(m); teñir — teñido и tinto < лат. tinctu(m); например: A la hora *fijada* para la venganza del teniente, los viejos y las mujeres duermen (M. Benavides); ¡Yo sentía aquellos ojos de brasa fijos en mil... (R. Valle Inclán); Notaba que sus ojos *estaban fijos* en mí (A. Palacio Valdés); ¿O piensas tú que es Andrade como tu amo *maldecido,* que vendía por un lugar más su fe de caballero y la sangre de los suyos? (E. Gil y Carrasco); *Maldito* viejo!; *Maldita* suerte! (R. Valle Inclán); Te quiero, Claudia. Dime que me perdonas. — Te perdono. *Querido. Querido* mío (J. Goytisolo); Tu nombre, hermano *querido,* me alegra (B. Pérez Galdós); Martín.

—Si hubiese sido feliz en algún lugar, y *hubiera querido* vol ver, *habría vuelto* (J. López Rubio); Obscuro, olvidado, y no muy *bienquisto,* S a n t o r c a z se consuela con la ma sonería (B. Pérez Galdós); A ése se le *han soltado* los nervios —dijo el sargento... íbamos callados, menos el guardia de l o s n e r v i o s *sueltos,* que lloraba. De cuando en cuando, entre ellos, u n a p a l a b r a *suelta* (Fermín Galán); Q u e- d é *absorto,* señor, mudo y entre suspendido y aterrado (B. Pérez Galdós); Con la cabeza echada hacia delante, y e l á n i m o acobardado y *suspenso,* permanece breves instan tes en escucha... (R. Valle Inclán); …la n i e v e *teñida* con tu sangre... (P. Neruda); Entonces llegó a Teruel el gene- r a l Pizarro, *tinto* todavía en sangre asturiana (J. Izcaray).

Обычно в грамматиках указывается довольно большой перечень глаголов, имеющих две формы причастия (Грам. Исп. академии дает список 64 глаголов, в нашей Грамматике — 40 глаголов). Между типовыми формами причастия и нетиповыми происходит своего рода соревнование, которое приводит иногда к решительному перевесу одной из форм. Так, у некоторых глаголов: romper, freír, proveer, prender и др. наблюдается вытеснение нетиповой формой (roto, frito, provisto, preso и т.д.) соответственных форм на -do (rompi- do, freído, proveído, prendido и т.д.), которые постепенно почти совсем вышли из употребления. Иногда, но значительно реже, происходит и обратное вытеснение, и преимущество получает форма на -do, например: от глагола nacer — nacido, (а не nato). При наличии двух форм причастия фактически у очень небольшого числа глаголов в употреблении той или иной формы причастия в современном испанском языке замечены колебания. Например, можно встретить: A la hora fijada para..., con la vista fija en...; sus ojos estaban fijos en mí и т.д.

Традиционное мнение, что в сложных глагольных формах употребляются типовые формы причастия, а в качестве прилагательных — нетиповые, языковой действительностью далеко не всегда подтверждается. Ср., например: O pien- sas tú que es Andrade como tu a m o *maldecido...* (E. Gil y Carrasco) и *Maldito* v i e j o ! (R. Valle Inclán.); *Maldi- tas* sean l a s n i ñ a s piadosas! (B. Pérez Galdós); хотя в другом случае: "Se le *han soltado* los nervios" и "de l o s n e r v i o s *sueltos"* (Fermín Galán). И поэтому вряд ли следует на нем настаивать. Результаты исследования данного вопроса не позволяют пока выяснить соответствующую закономерность современной нормы.

Нетиповая форма причастий от некоторых глаголов, ранее имевших две формы причастий (например: sorprender, defender, manifestar) сохранилась лишь в субстантивированном виде, например: Me miró con *sorpresa* (A. Palacio Valdés); Antes nos excitaba a *la defensa* contra los invasores ... (P. A. de Alarcón).

Тенденция единственного причастия, сохранившегося в испанском языке, к преодолению присущей ему двойсщедности глагольно-именного значения проявляется в склонности его к переходу в другой лексико-грамматический разряд слов либо путем окачествления и превращения в прилагательные и существительные, либо путем включения в парадигму глагола в составе грамматизованной конструкции с одним из вспомогательных глаголов (haber, ser, estar и tener) или лексико-синтаксической с одним из глаголов, движения или состояния (ir, seguir, continuar, venir, andar,, quedar, permanecer и т.п.) в качестве полувспомогательно-. го глагола. Распределение причастия поэтам двум направлениям зависит от лексико-грамматическои видовой характеристики глагола, от которого образовано, причастие, а именно его перспективности и имперфективности, т.е. его предельности или непредельности. На основе классификации Херцога, который распределил латинские причастия на -to по их залоговому и временному значению на 4 основные группы[1], немецкий романист В. Маттиес также делит причастия испанских глаголов на следующие 4 группы[2]: I — Пассивное причастие прошедшего времени — matado, acabado, comenzado, atropellado, despertado, prolongado, etc.; II — Активное причастие прошедшего времени — desaparecido, etc. и причастия местоименных глаголов: salvado, casado, abogado, cansado, etc.; III — Пассивное причастие со значением настоящего времени: querido, honrado, despreciado, menospreciado и IV — Причастия с активным значением настоящего времени: callado, agradecido, osado, sabido, presumido, sufrido. Эту классификацию Маттиеса комментирует в своем «Введении» Рока Понс, уточняя ее **в** отношении видовой характеристики глаголов, от которых образуются соответствующие причастия. Причастия первой группы соответствуют основному характеру испанского

[1] E. H e r ζ o g. Das „to" Partizip im Altromanischen, Zeitschrift fur romanische Philologie. Beihefte 26-27, 1910, стр. 76-136.

[2] W. M a t t h i e s. Die aus den intransitiven Verben der Bewegung und dem Partizip des Perfekts gebildeten Umschreibungen im Spanischen. Jena u. Leipzig. 1933, стр. 8.

причастия по его происхождению и относятся к перфективным (предельным) глаголам. Причастия второй группы также относятся к перфективным глаголам, местоименным и непереходным с медиальным значением, т.е. способным создавать состояние субъекта. Можно было включить в эту группу малоупотребительные причастия cenado или almorzado. Причастия третьей группы относятся к имперфективным (непредельным) глаголам; а причастия четвертой группы имеют чисто именное значение — прилагательных (стр. 92). Непредельные (имперфективные) глаголы, будучи переходными, образуют причастие пассивное, настоящего времени, имперфективное, которое может употребляться в страдательном залоге или самостоятельно (querido, honrado, despreciado и др.). Со вспомогательным глаголом ser образуется форма страдательного залога; с estar —форма состояния, с другими служебными глаголами —преимущественно также форма состояния.

Если же непредельный глагол непереходный, то его причастие активно, настоящего времени и имперфективно. В своем самостоятельном употреблении оно сохраняет отчасти значение самого глагола (agradecído=agradece). Если при этом причастие выражает скорее качество, чем состояние, смешение с чистыми прилагательными становится полным; если же причастие выражает состояние, то оно сохраняет свой причастный характер. Ср., например, presumido 'чванливый, гордый' и preocupado 'озабоченный'. Во многих случаях используется та и другая возможность, например: es agradecido и está agradecido.

Некоторые причастия непереходных глаголов (nacido, venido, muerto, osado и др.) преимущественно предельных и некоторых непредельных еще в старом языке имели активное значение и, выражая достигнутое качество, в современном испанском языке перешли в категорию прилагательных. В некоторых грамматиках (Бельо и др.) они называются Participios deponentes по аналогии с отложительными глаголами в латинском языке (verba deponentia), которые имеют пассивную форму, но активное значение, например: orior, ortus sum, iri 'восходить (о солнце)' и др. Напомним, что причастия на -tu (Participium perfecti passivi) уже в латыни могли иметь активное значение. О наличии активного значения у испанского причастия от непереходных и др. глаголов упоминают все грамматики (Испанской академии, Бельо, Ленц и др.) и дают списки этих причастий. Хансен особо отмечает тенденцию к росту числа причастий с

активным значением (Грамм., стр. 257). Несколько подробнее об окачествлении причастий говорит Бельо (§ 118), но значительно глубже рассматривается вопрос о переходе причастия в имя в трудах русских и советских ученых[1]. Наиболее употребительные в испанском языке причастия с активным значением (частично перешедшие в разряд прилагательных): acostumbrado 'привычный, привыкший', admirado 'восхищенный', agradecido 'благодарный' и его производные, atrevido 'смелый', callado 'молчаливый', decidido 'решительный', desconcertado 'расстроенный, беспорядочный', entendido 'знающий, сведущий', fingido 'мнимый', instruido 'образованный', osado 'смелый, дерзкий', parecido 'похожий', pesado 'тяжелый', porfiado 'упрямый', presumido 'чванливый, гордый' и некоторые другие, например:

Asunción y Presentación, al oír que yo era una especie de santo, me contemplaron *admiradas* (B. Pérez Galdós); ... y salieron a recibirnos hasta dos docenas de personajes, *parecidos* a los con que estábamos (Mesonero Romanos); Sesonrió al mismo tiempo, comprendiendo al astuto ardid de mi *fingida* religiosidad (B. Pérez Galdós); Era don Juan María Villavicencio, gobernador de la ciudad, varón estimabilísimo, buen patriota, *instruido,* algo filósofo (ib.); ... centro de los hombres más *distinguidos,* Madrid se identifica entonces con los recuerdos más gloriosos... (Mesonero Romanos).

Несколько непредельных глаголов образуют причастие, которое может употребляться лишь в сложных формах с глаголом haber, например, cabido от гл. caber (см. Рока Понс, 94).

Предельные глаголы, будучи переходными, образуют причастие пассивное, прошедшего времени, перфективное или имперфективное, в зависимости от того, выражают ли они действие как результат процесса или нет, например, vendido или expulsado, cerrado или apartado, если, как это делает Рока Понс (95), принять во внимание видовое значение длительности обоих причастий в выражениях, подобных estuvo cerrado tres años или mientras está apartado.

Причастия же непереходных или местоименных глаголов имеют активное значение прошедшего времени и пер-

[1] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М.,1958, стр. 142 и след.; В. В. Виноградов. Ук. соч., стр. 273 и след.; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 156 и др.

фективны или неперфективны в зависимости от тех же обстоятельств, т.е. имеется или нет в виду состояние как достигнутое в результате действия или нет. Следует иметь в виду, что эти причастия могут совпадать по форме с причастием соответствующего переходного глагола, сохраняющим залоговое страдательное значение, но часто расхождение между именным (качественно-прилагательным) и глагольным значением формы причастия настолько велико, что приходится говорить об омонимии[1]. Ср., например: está decidido, идет ли речь о вопросе, который был решен — ha sido decidido, или о человеке, который решился на что-то — que se ha decidido; или el problema resuelto — решенная задача (от переходного глагола resolver — р.ешать что-нибудь) и un hombre resuelto — решительный человек (resuelto от возвратного глагола resolverse — решаться на что-нибудь): L a s n o v e l a s inventadas son peores que las *leídas,* señora doña Presentacioncita (B. Pérez Galdós) и Es mi s e ñ o r a muy principal, muy honesta, muy recogida, muy discreta, muy *leída* (M. de Cervantes).

Несколько предельных непереходных глаголов, например salir или llegar, имеют причастие, очень ограниченное в своем употреблении, а именно: как и некоторые причастия непредельных глаголов они встречаются почти исключительно с глаголом haber в сложных глагольных формах.

Идя по пути окачествления, причастие разделяет все свойства прилагательных и в том числе способность переходить в существительные[2]: *los empleados* del Ayuntamiento; daba vueltas y vueltas; un establecimiento de *bebidas;* El día 24 de octubre, las meditaciones alcanzaron *un resultado* (M. D. Benavides); Barrito perdía *la vista* (A. M. Matute).

Причастия могут участвовать также в образовании сложных слов[3], например, boquiabierto — с открытым от удивления ртом: ...hay g e n t e s que *boquiabiertas* se preguntan: Todo eso es verdad, pero, ¿cómo diablos lo saben? (J. Izcaray); ...parecía de edad de cuarenta y cinco a cuarenta y

[1] Переход причастий в разряд прилагательных характерен для многих языков, в частности для русского; см. В. В. В и н о г р а дов. Русский язык. М. —Л., 1947, стр. 281.

[2] См.: А. М. П е ш к о в с к и й. Ук. соч., стр. 148.

[3] О возникновении сложных слов и вообще о путях пополнения словарного состава языка различными способами словообразования см. исследование Н. Д. Арутюновой «Очерки по словообразованию в современном испанском языке», М., 1961 и другие ее статьи.

seis años, alto de cuerpo, moreno de rostro, *cejijunto,* barbinegro y muy espeso, los ojos hundidos (M. de Cervantes).

Относительно большое число наречий на **-mente,** образованных с причастием в форме женского рода (по типу прилагательных), свидетельствует также о продуктивности процесса окачествления причастий определенного типа. Например: ...me miraba *fijamente* con ojos compasivos (A. Palacio Valdés); Miradla *atentamente;* su marcha desigual y *fingidamente* penosa, su mirar oblicuo y descendente, hacen descubrir en ella su costumbre... (Mesonero Romanos).

Субстантивация причастий, как и адъективация их, являясь одним из видов морфолого-синтаксического словообразования, имеют место и в других романских языках, но самое широкое распространение они получили в испанском. Субстантивацию причастий, их употребление в качестве имени существительного можно наблюдать еще в классической латыни: Vae victis! (Livius Titus). На протяжении всего исторического пути испанского языка осуществляется процесс перехода причастий некоторых глаголов в лексико-грамматический разряд имени существительного, их субстантивация, которая состоит в том, что соответствующее причастие приобретает своеобразное предметное значение и, обретя эту предметность, становится существительным со всеми вытекающими отсюда «грамматическими последствиями» (см. стр. 47). Как известно, наиболее часто транспонируются в разряд существительных имена прилагательные, чему способствует то общее, что имеется у них с именами существительными как в отношении морфологических свойств (наличие категории рода, числа), так и в функциональном плане (эти имена могут выполнять сходные функции в предложении). Естественно, поэтому, что наиболее склонны к субстантивации были причастия так называемой 4-й группы (причастия с активным значением, настоящего времени, имперфективные от непереходных глаголов) (callado, osado и пр.), являющиеся в сущности прилагательными. Однако субстантивации подвергаются не только и даже не столько причастия указанной группы, но и причастия прочих категорий; несколько меньше — причастия первой группы (пассивные причастия со значением прошедшего времени, от предельных переходных глаголов: matado, comenzado, despertado и др.). Явление полной субстантивации, т.е. исторически совершившегося перехода причастия в класс существительного наблюдается в языке реже, чем явление субстантивации, реали-

зующейся в данном акте речи и интересующей в первую очередь грамматиста (а не лексиколога) (см. стр. 51). Испанские причастия обладают морфологическими свойствами, присущими именам прилагательным и существительным (наличие категории рода и числа) и могут выполнять все синтаксические функции, присущие именам существительным, а именно: подлежащего, например: Yo sospechaba — respondí — que *ese perdido* recalaría por aquí (B. Pérez Gal dos); именной части сказуемого (atributo sujetivo): Los campesinos s o n *los aliados* naturales de la clase obrera (Dolores Ibárruri); прямого дополнения: No volveré a ver *una salida* del sol como aquella (J. Izcaray); Barrito perdía *la vista* (A. M. Matute); косвенного дополнения: ...había estado en el sitio de Zaragoza, asombrando *con mis hechos* heroicos a españoles y a franceses (B. Pérez Galdós); обстоятельства: Esto es ya que van *a la desesperada* (J. Arderius); определения: ...en la cerradura de la puerta *de entrada* (ib.); приложения: A nadie ha confiado el secreto de sus amores, y sólo tenemos noticias de él por indicios primero y después por pruebas irrecusables, *resultado* de un espionaje largo y minucioso (B. Pérez Galdós).

Субстантивированное причастие, перейдя в класс имени существительного и подчиняясь его "modus vivendi" (образу жизни), может употребляться с суффиксами субъективной оценки, например: Me asombro de ver por ahí madres muy cristianas que, celando hasta lo sumo a las hijas solteras, ven con indiferencia los pecadillos de *las casadas* (B. Pérez Galdós); ¡Pues si yo cantara lo de *las saliditas* por las noches! (ib.).

Вся система словообразования базируется на том, что в ней участвуют не семантически аморфные основы, а основы тех или иных частей речи. Словообразование от основы каждой части речи имеет более или менее определенные закономерности. От глагольных основ, обладающих общим значением процесса, как правило, создаются существительные со значением действия, результата действия, действующего лица, инструмента, места и времени действия, а также прилагательные с активным, пассивным и модальным значениями (см. Н. Д. А р у т ю н о в а . Очерки по словообразованию..., стр. 81—82). Значительное большинство аффиксов присоединяется к строго определенному кругу основ, характеристика которых входит в структуру соответствующей словообразовательной модели; так, испанские суффиксы **-dor, -ante/-iente** примыкают к основам глагола,

образуя nomina agentis, в частности, исполнителей профессионального действия. Слова подобного значения могут быть созданы также при помощи других суффиксов, например; **-ero, -ista.** К основе субстантивированного причастия estado примыкает суффикс **-ista,** образуя новое существительное, например: ¡Ahí Desde que hay en España filósofos y políticos charlatanes, y escritores con pujos de *estadistas* se ha empezado a declarar ominosa guerra a estos mis buenos amigos... (B. Pérez Galdós). Именные признаки причастия следующие:

1.Причастие, как и прилагательное, может обозначать признак предмета, его качество, например: Todo en aque lla mujer parecía horrible y *desastrado,* hasta la verdosa den tadura que me sonreía (C. Laforet), где причастие наряду с прилагательным выступает в функции именной части ска зуемого (atributo sujetivo).

2.Причастие обладает грамматической категорией рода и числа и, изменяясь по роду и числу, согласуется с опре деляемым им именем существительным, например: e l c a ñ ó n *hecho* de un pedazo de carrizo (J. Arderius); Por u n a p a s a r e l a *hecha* de grandes piedras cruzó un agua transparente (ib.); u n o s p i l a r e s gruesos *hechos* de rollizos de chopo (ib.); ¡Mire usted como tenemos nosotros l a s m a n o s ! *Hechas* pedazos de trabajar! (ib.).

3.Причастие, как и прилагательное, определяется наречием muy (а не mucho): ...pantalón m u y *apretado,* cha queta corta y apretada también y hongo flexible (ib.).

4.Причастие обладает свойством изменяться по степеням сравнения, являющимися важным различительным (категориальным) признаком прилагательных, например: Mientras permanecí en el círculo de la alta sociedad, tuve intrigas amorosas m á s o m e n o s *complicadas...* (Meso nero Romanos); Una mañana entró en el cuartelillo el hijo de uno de los vecinos m á s *conocidos* por su querencia dere chista (J. Izcaray); El nombre del Soberano lo acompañé de una reverencia t a n *exagerada* que casi hube de besarme las rodillas (B. Pérez Galdós).

Наречие tan не находится в ряду формальных элементов, передающих значение сравнения в категории степеней сравнения, а относится к свободным, неформализованным способам передачи идеи одинаковой интенсивности качества (tan ... como, наряду с así ... como и т.д.). Окачествленное причастие употребляется даже — хотя и довольно редко — с суффиксом **-ísimo** в так называемой «абсолютной превос-

ходной степени», значение которой, в сущности, не выражает сравнения, а передает значение' высшей степени качества, например: Os diré lo que hacían, y esto es reservado, *reservadísimo* ... (B. Pérez Galdós); ...seas desgraciada, *desgraciadísima* y digna de lástima en este breve vida (ib.).

5.К причастию как к основе могут присоединяться суф фиксы субъективной оценки, например, **-ito, -illo:** Ellas se han estado my *calladitas* (B. Pérez Galdós); La hermanidad de la porra no es tan antigua como el mundo, no; pero *entrodilla* en años, es (ib.).

6.Окачествленное причастие меняет управление, при сущее глаголу, от которого данное причастие образовано, или теряет его вовсе, например: Un jabalí herido vino a morir en *la entrada* d e nuestro agujero (J. Izcaray); La .mo ra, herida de muerte, logró sin embargo, arrastrarse a *la entrada d* e l subterráneo (G. A. Bécquer).

7.Причастие, как и прилагательное, может выполнять синтаксическую функцию определения: Quico es un mu c h a c h o fuerte, muy *lavado* y muy *peinado,* que lleva una camisa limpia, una camisa inmaculada (C. Cela); Parecía la buhardilla de un p a l a c i o *abandonado, y* era, según supe, el salón de la casa (C. Laforet); Barrito era un n i ñ o *callado,* como si no pudiera quitarse del todo su aire triste, huraño y como amedrentado (A. M. Matute).

В составном именном сказуемом с глаголами ser и некото рыми другими непереходными глаголами в качестве связки причастие, подобно прилагательному, может выступать как именная часть составного именного сказуемого, характери зуя подлежащее и согласуясь с ним (atributo sujetivo): En toda la provincia de Orense e s bien *conocida* mi f a m i - l i a... (A. Palacio Valdés); en mi Galicia l a s m u j e r e s s o n más *reservadas* (ib.); Se s e n t í a *aturdido,* inerte (J. Goytisolo).

Глагольными признаками, которыми может обладать причастие, являются:

1.Наличие грамматического залогового значения; для переходных глаголов — значения страдательного залога: Veía la silueta de su cabeza primorosa *cubierta* de cabellos ondeados (A. Palacio Valdés); для возвратных — значения возвратного залога: Fue una niña ...*llamada* Maximina (ib.).

2.Сохранение управления, свойственного глаголу, от которого образовано данное причастие. В испанском языке,

как и в ряде других языков, одним из характерных синтак
сических признаков глагола является свойственное ему

управление (без предлога и с предлогом). Поскольку причастие является «категорией, теснейшим образом связанной с глаголом» (хотя и обладающей зачастую свойствами имени прилагательного и присущими ему грамматическими категориями), то «управление всякого глагола всегда совершенно тождественно с управлением причастий..., от них образованных»[1]. Например: La familia de los Piscinos que vivía en Laguardia estaba formada por un señor, *casado* con una Ribavellosa, y por dos solteronas viejas (Pío Baroja), ср. casarse con; Recordaba el teatrucho de un pueblo *convertido* en hospital, con el escenario *lleno de* heridos y de enfermos (Pío Baroja), ср. convertirse en; Queremos mudarnos, pero no encontramos cuarto *parecido* a este (ib.), ср. parecerse a; Al llegar de la casa, ellos vieron que por el camino venía un hombre *montado* a caballo, *envuelto* en una bufanda (Pío Baroja), ср. с гл. montar a и envolver en; Este, *metido* en la cama, fumaba tranquilamente (Pío Baroja), ср. meterse en и т.д. Утрата управления или его изменение является одним из свидетельств окачествления причастия и транспозиции его в класс прилагательных.

3. Синтаксическое употребление в глагольном сказуемом: а) в простом (в качестве одного из компонентов грамматизованной глагольной временной формы со вспомогательными глаголами haber, ser, estar, tener, например: ...explicó que Rafael *había pasado* a despedirse de ellos a las diez y *había cogido* el avión de Madrid dos horas más tarde (J. Goytisolo); Me *he quedado* sin mozo y sin burra (J. Arderius); En algunos presidios *era conocido* por los barateros de más renombre como uno de los jaques, de bandera, de España (ib.); Hasta la misma ropa *está fabricada* por los pobres (ib.); Falfana y Alfonso también *estaban tocados* con gorros republicanos (ib.); Como tiene usted las pestañas ... Las *tengo mojadas* (ib.); Como no *tenía nublados* los ojos como antes, veía con claridad todo lo que había en el despacho (ib.); б) в составном глагольном сказуемом (в составе неграмматизованной лексико-синтаксической глагольной конструкции), например: La casa andaba un poco *revuelta* (A. Palacio Valdés); Ya iba *empalagada* de tanto dulce (ib.).

4. Предикативность причастия, которая проявляется в том, что являясь неличной формой, оно не может быть грам-

[1] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. стр. 144.

матическим сказуемым, но может, однако, служить для выражения логического предиката и иметь свое «подлежащее», указывающее на субъект суждения. Это бывает в тех случаях, когда причастие входит в самостоятельный (независимый) причастный оборот (абсолютную конструкцию), который выражает как бы отдельное суждение, грамматически выраженное в виде обособленного члена простого предложения; характерным признаком абсолютного оборота является несовпадение логического субъекта суждения, выраженного в грамматически независимом причастном обороте «подлежащим» (или выявленного косвенным путем из контекста), с субъектом, обычно выраженным (но иногда и не выраженным) подлежащим всего предложения; предикат суждения при этом обозначается причастием. «Подлежащим» в самостоятельном причастном обороте может быть целое предложение, а иногда само «подлежащее» может отсутствовать и указания на (логический) субъект соответствующего суждения могут быть косвенными: Supuesto que usted haya dicho la verdad, conviene proceder de otra manera. Наряду с причастием в самостоятельных оборотах может употребляться прилагательное: La serrana con la atención fija en aquel espectáculo, asombrada, trémula, los labios blancos y el pecho palpitante, no se movía ni hablaba (B. Pérez Gal dós). Такой причастный оборот, как и абсолютные конструкции с другими неличными формами, выступает в предложении преимущественно в функции обстоятельства и переводится на русский язык либо существительным с соответствующим предлогом, либо придаточным предложением: *Pasado* el año de noviciado, se la envió a Guipúzcoa (A. Palacio Val des) — 'По прошествии года послушничества (или после того как прошел год) ее послали в Г.' В абсолютной конструкции или самостоятельном обороте причастие обычно находится в препозиции по отношению к своему «подлежащему», если оно выражено существительным: *Trascurrido* un momento de silencio, levantóse de la silla (ib.); однако, если «подлежащее» выражено личным местоимением, то причастие часто стоит в постпозиции: Después de yo *muerto,* ni viña, ni huerta (Sbarbi).

Самостоятельный причастный оборот стоит обычно в начале предложения, но может стоять и в конце, и (значительно реже) в середине его: *Transcurridos* unos segundos de estar contemplándola, en la cara de Yesca se marcó la expresión de una convicción rotun-

da (J. Arderius); Su pulso era firme; pero, *encalladas* s u s m a n d í b u l a s , los dientes se rechinaban (ib.); Se comenzó a amanecer *pasada* la m i t a d d e l c a m i n o (ib.).

Способность участвовать в образовании самостоятельного причастного оборота не ограничивается в зависимости от предельности и непредельности глаголов или их переходности, и непереходности. Как те, так и другие могут выступать в так называемых абсолютных конструкциях, например: *Internado en la sierra,* se empezó a oscurecer (J. Arderius); *Puesta la conversación en este terreno de franqueza un poco ruda,* seguimos platicando (A. Palacio Valdés); *Transcurridos unos segundos,* dijo Damián... (ib.); *Excitada de súbito mi imaginación,* me consideré ya como novio de la monja (ib.).

Выступая обычно в функции обстоятельства, самостоятельный причастный оборот (абсолютная конструкция с причастием) чаще всего встречается в функции обстоятельства времени как устойчивое сочетание. Обороты acabada la semana, pasados los meses, terminada la noche и т.п. закрепляются в языке, расширяя свое употребление: Pero su sueño era un sueño sobresaltado, como el lejano galope de los caballos o como el fragor del río en el deshielo, *amanecida la primavera* (A. M. Matute). Иногда самостоятельный причастный оборот в функции обстоятельства времени употребляется с соответствующими временными предлогами: de, hasta, antes de, después de, luego de, преимущественно обозначая сопутствующее действие в виде обстоятельства предшествующего действию глагола-сказуемого, например: Los políticos, sin embargo, continuaban disputando en la sala vecina, aun *después de retirada la ultima moneda* (B. Pérez Galdós). С предлогами hasta и antes de самостоятельные причастные обороты выражают обстоятельство, имевшее место после действия глагола сказуемого, например: Las dos damas ... permanecieron en sus asientos *hasta entrada la noche* (B. Pérez Galdós).

Причастный самостоятельный оборот встречается также в функции обстоятельства образа действия, употребляясь в этом случае без предлогов, например: Las familias de los obreros miraban ansiosas a la bocamina, desmesuradamente *abiertos los ojos, dilatados las pupilas* (I, Acevédo). Иногда в этой функции он может употребляться лишь с предлогом con, но тогда он теряет свое обособление и примыкает к одному из членов предложения, например: Iba *con la cabeza inclinada, fruncido el ceño* y mudo como una estatua (B. Pérez Galdós). В этом случае, как и при выражении дру-

гих обстоятельств, самостоятельный причастный оборот может переводиться на русский язык существительным с предлогом, а также и деепричастным оборотом.

В функции обстоятельств причины и уступки самостоятельный оборот употребляется значительно реже. Учитывая специфику грамматической синонимичности абсолютных причастных конструкций с придаточными обстоятельственными предложениями со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, невозможно в отдельных случаях точно определить характер выраженного причастным самостоятельным оборотом обстоятельства, тогда как более распространенное и громоздкое в стилистическом отношении придаточное обстоятельственное предложение благодаря наличию вводящего его союза и некоторых других условий гораздо точнее указывает характер выражаемого им обстоятельства. Ср., например, в предложении Como usted guste — repuse, fuertemente excitada mi curiosidad (A. Palacio Valdés) самостоятельный причастный оборот может восприниматься как обстоятельство уступки, образа действия, причины и др., тогда как в следующем сложном предложении обстоятельственное придаточное, вводимое союзом aunque бесспорно является уступительным: Las monedas arrojadas por tierra — aunque fueron arrojadas con desprecio — eran más útiles que los estremecimientos de su corazón delicado (J. Goytisolo) и т.п.

Синтаксическая функция определения является для прилагательного первичной и основной, а так же и для причастий — постольку, поскольку они перешли в класс прилагательных или стремятся к этому. Функцию определения причастие может выполнять само или в сопровождении поясняющих его слов, вместе с которыми оно образует связный причастный оборот, так называемую связную конструкцию (Construcción conjunta con Participio). Этот связный оборот, т.е. причастие вместе с сопутствующими ему словами, выступает в предложении в функции распространенного определения одного из членов предложения: Allí expuse con firmeza mi q u e r e l l a , *apoyada por Gloria* (A. Palacio Valdés); ...los carros de los héroes griegos, *arrastrados por veloces corceles,* debían contribuir no poco a aumentar suesfuerzo y coraje en las batallas (ib.). В этих оборотах причастие управляет своими дополнениями в соответствии с управлением своего исходного глагола: ...entraron, por un corredor, en u n a s a l a muy iluminada, *adornada con lujo barato y chillón* (Pío Baroja).

Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с причастием

Для испанского языка, как и для прочих романских языков, характеристика грамматического строя которых была в значительной мере осложнена влиянием латинской традиции[1], особенно необходимо изучить природу и происхождение новых аналитических конструкций как проявление одной из основных закономерностей развития их грамматического строя.

Причастие образует следующие грамматизованные глагольные конструкции, ставшие аналитическими глагольными формами:

Со вспомогательным глаголом **haber** — сложные (перфектные) временные формы: Atrás *se ha quedado* el cerro de la Horca un altonazo que termina en una meseta lisa como un plato (C. Cela).

Со вспомогательным глаголом **ser** — глагольную причастную форму страдательного залога: Un rumor extraño ***era*** *producido* por el golpe de las manos sobre el lienzo almidonado de los chales (A. Palacio Valdés); Las primeras palabras de ella *fueron dirigidas* a dar las gracias a la señora por la cortesía que... (ib.).

Со вспомогательным глаголом **tener** (+причастие переходных глаголов) — видовую глагольную форму, выражающую завершенность действия, его результативность: El médico *tiene publicado* un libro que se titula: "Datos..." (C. Cela); Yo le *tengo dados* más palos en esta vida a las máscaras (J. Arderius). В конструкции tengo escrita la carta форма tengo escrita выражает настоящее, в котором налицо результат прошлого действия. Tener в качестве вспомогательного глагола употребляется в личной форме, выражая время, наклонение, лицо, и число, а причастие смыслового глагола в конструкции с глаголом tener согласуется с прямым дополнением: Manuela nos *tuvo encantados* durante largo rato (B. Pérez Galdós); Todos los papeles los *tengo arreglados* (J. Arderius). Pretérito compuesto (he escrito) выражает и подчеркивает действие, совершенное ранее времени, обозначенного вспомогательным глаголом

[1] См.: О. К. Васильева-Шведе. О месте каталанского среди романских языков. — «Романская филология». «Ученые записки ЛГУ», 1961, № 299, стр. 58.

haber, т.е. в прошлом, хотя результаты этого действия и интерес к нему существуют и в настоящем.

Со вспомогательным глаголом **estar** — форму состояния, выражающую состояние в результате ранее совершенного действия: El viajero *está encantado;* el jerez, las galletas y el tabaco le *han sentado* muy bien (C. Cela); *Estaba apoyado* en la angarilla del huerto de los Mediavilla, cuando por el camino del puente aparecieron los dos carros (A. M. Matute); Salieron de allí. Un viento suave alegraba la noche. La taberna *estaba abierta* (ib.); ср. Durón es un pueblo donde la gente e s *abierta* y simpática y trata bien al que va de camino; al viajero se le muestra curiosa e incluso amable (C. Cela).

В данной конструкции глагол estar, в качестве вспомогательного, употребляется в личной форме, выражая время, наклонение, лицо и число, а причастие смыслового глагола изменяется в роде и числе, согласуясь с общим для всей конструкции подлежащим. Признаками грамматизации конструкции estar+Participio (как и остальных конструкций с глаголами ser, tener, haber) и превращения ее в аналитическую глагольную форму, выражающую состояние, служат: независимость грамматического значения данного сочетания от лексического содержания его составных частей и прочие признаки (см. стр. **211),** а также широкое распространение данной конструкции, употребление ее во всех лицах и числах, временах и наклонениях в виде системы временных форм, соотнесенной с системой временных глагольных форм страдательного залога и являющейся частью всей системы спряжения испанского глагола. В конструкцию estar+Participio как грамматическую форму, выражающую состояние, может входить причастие всех непереходных и возвратных глаголов и части переходных, а именно с активным значением. Причастия переходных глаголов (непредельных), сохраняющие пассивное значение, с глаголом estar иногда служат для выражения пассива, например: El papelito *está guardado* en Roma porque yo ya estoy, muy escarmentado, yo ya no me fío de nadie más que del Papá (C. Cela). Не всегда можно с достаточной определенностью установить степень окачествления причастия, т.е. степень близости его к прилагательному, так же трудно иногда установить преобладание в конструкции estar+Participio глагольных свойств над именными и определить данное сочетание (estar+Participio) как пассивную форму, см., например: El libro *está impreso* en Guadalajara, en 1907...

(C. Cela). Однако наблюдается сокращение и без того весьма ограниченного использования конструкции estar+Participio для выражения пассива. Глагол ser с причастием спрягаемого глагола, образуя глагольную форму страдательного залога, выражает само действие, испытываемое или испытанное субъектом, грамматически выраженным в подлежащем (в зависимости от того, в каком времени стоит глагол ser): La carta es (ha sido', será) escrita. Внимание обращается на то, что писалось письмо, а не на то, что оно сейчас оказалось написанным, как это выражает форма состояния (с глаголом estar). С глаголом ser действие глагола, обозначенного причастием, происходит во времени, выраженном временной формой глагола ser, а с глаголом estar действие глагола, обозначенного причастием, предшествует времени, выраженному временной формой глагола estar. Поэтому la carta está escrita (Presente) соответствует la carta ha sido escrita (Pretérito compuesto), а не es escrita (Presente).

Конструкция глагола estar+прилагательное или наречие (наречный оборот) типа: estar inquieto, de acuerdo и т.п. также может выражать состояние, но в отличие от конструкции estar+причастие, выражающей состояние как результат ранее совершенного действия, estar+прилагательное обозначает качественное состояние предмета безотносительно к факту приобретения этого качества: El viajero *está indeciso* y se sienta en la cuneta, de espaldas al pueblo, de cara al río, a esperar el momento de la decisión (C. Cela); Recostado sobre la mochila, *está cómodo* y descansado (ib.).

Все грамматизованные конструкции выполняют в предложении функцию простого сказуемого. Поскольку в языке зачастую одно и то же содержание может быть передано как средствами грамматики, так и лексики, для выражения состояния в испанском языке наряду с грамматизованной формой состояния (estar+причастие) употребляются и лексико-синтаксические конструкции, образованные из причастия и непереходных глаголов движения и состояния (ir, andar, seguir, venir, quedar, permanecer и др.), выступающих в сочетании с причастием в качестве служебных полувспомогательных глаголов. Эти лексико-синтаксические описательные конструкции выражают состояние с различными видовыми и модальными оттенками, зависящими от семантики служебных глаголов, а также от соответствующей временной глагольной формы и выполняют

в предложении функцию составного глагольного сказуемого.

Конструкция quedar(se)+Participio выражает состояние, иногда с видовым оттенком начинательности. *Quedó sorprendida* al verme y se apagó súbitamente la sonrisa que contraía sus labios (A. Palacio Valdés); Volvió a tumbarse en un jergón, y al poco *quedóse dormido* (J. Arderius). В Presente и Imperfecto эта конструкция может выражать состояние в результате повторявшегося действия: Los hombres *quedaban* por decenas *estrellados* contra el suelo en aquella línea que había sido muralla (B. Pérez Galdós); ср. El viajero sube con el pastor, y las ovejas, mientras tanto, *se quedan* con los perros (C. Cela).

Конструкция глагола permanecer+Participio выражает длительность состояния: La mano del viejo *permaneció posada* sobre una mejilla de Francisco (J. Arderius).

Глагол hallarse в самостоятельном употреблении иногда синонимичен глаголу estar. Конструкция глагола hallarse-+-Participio выражает состояние; она одна из наиболее употребительных лексико-синтаксических конструкций этого рода: Las familias y sus tertulios *se hallaban reunidos* en los patios (A. Palacio Valdés).

Конструкция глагола andar+Participio выражает состояние с видовым оттенком длительности проявления этого состояния и употребляется преимущественно с причастием от глаголов, выражающих настроение, моральное состояние: — Al principio *andábamos* un poco *escamados* con esto de la lepra; ahora ya nos vamos haciendo (C. Cela); La telefoneé para explicarle que *andaba ocupada* todo el día (J. Goytisolo); — Aunque no lo creáis hubo una época en que *anduvo enamorada* de mí (ib.).

Конструкция глагола ir+Participio передает действие с видовым оттенком длительности, протяженности, т.е. выражает состояние, близкое к процессу: *Van vestidas* pobremente y tienen unos ojos negros, hondísimos, llenos de encanto y de nobleza (C. Cela); El viejo tiene el pelo blanco y los ojos azules y brilladores. *Va derrotado,* con las carnes pobres escasamente cubiertas, pero sin aire de mendigo (ib.); El Cifuentes es un río precoz...; no tiene mucho más de dos leguas de curso, pero *va lleno* de agua; más lleno, sin duda, que muchos ríos más largos (ib.); El viajero piensa en estos pobres que *no van caracterizados* de mendigos... (ib.). Ср. употребление глагола ir с прилагательным: La niña *va descalza,* con los brazos al aire y lleva un lazo morado... gran-

de como un murciélago, sobre la despeinada cabeza rubia (ib.)· Глагол ir, как и другие глаголы, может иногда в сочетании с причастием сохранять полностью свое лексическое значение, не образуя описательной конструкции, например: Son las víctimas de la huelga... *Van caídos, derrotados, deshechos,* con el hatillo de su ajuar al hombre y la mente cargada de negruras y el corazón crujiente de rencor (I. Acevedo).

Конструкция глагола seguír+Participio тоже имеет видовой оттенок, выражая продолжение достигнутого состояния: La ventana *seguía abierta* y, medio en sueños, oí reír y gritar a los niños, mientras perdía conciencia de las cosas y las sienes me zumbaban (J. Goytisolo).

Конструкция глагола venir+Participio выражает длительное состояние: La mire con sorpresa y eso que *venía resuelto* a no asombrarme de nada (A. Palacio Valdés); pero como yo *venía dispuesto* a admirarme de todo y hallarlo de perlas... (ib.).

Конструкция глагола verse+Participio указывает на то, что субъект-подлежащее испытывает какое-либо действие: *Me vi precisado* a conversar exclusivamente con la madre Florentina (A. Palacio Valdés). Сочетание verse obligado приобрело устойчивый характер и часто употребляется: Dolores conducía sin decir nada. El sol acechaba a la vuelta de las curvas y, continuamente, *se veía obligada* a frenar (J. Goytisolo).

Конструкция глагола llevarse+Participio выражает состояние с видовым оттенком длительности: Y, además, ya *se lleva bebido* todo mi sudor, el de mi mujer y el de mis hijos (J. Arderius).

С переходными глаголами в качестве служебных (dejar, llevar, ver) причастие употребляется, характеризуя прямое дополнение сказуемого и согласуется с ним, тогда как в описательных конструкциях с непереходными глаголами причастие характеризует подлежащее и согласуется с ним: — En la albarda *llevo cosido* un papel que dice: "Cógeme, que mi amo ha muerto" (C. Cela); Pasaba por las puertas de algunas casas, y l a s *veía cerradas* (J. Arderius).

Конструкция глагола dejar+Participio выражает результат ранее совершившегося действия и может усиливать внимание к действию смыслового глагола: ...le dieron lo menos veinte navajazos. — ¡Pues lo debieron dejar buenol — Si, señor, 1 o *dejaron muerto.* El muerto era uno de Soto--ca (C. Cela); El silencio pertinaz de la monja m e *dejó aver-*

gonzado (A. Palacio Valdés); Nada n o s *deja* tan *paralizados* como el miedo de lo que se ignora (ib.); De súbito Tadea *dejó clavado* el p e i n e en la cabellera de Luisa (J. Arderius). Это сочетание, в соответствии с семантикой глагола dejar, имеет активное значение, которому с пассивным значением соответствует конструкция с глаголом **quedar**+Participio: *Quedé clavado* al suelo (A. Palacio Valdés).

Конструкция глагола llevar+Participio передает видовой оттенок продолжительности действия: Suelten esa joven, q u e *llevan secuestrada*... (ib.).

Причастие может сочетаться и с другими глаголами, образуя лексико-синтаксическую конструкцию: La hermana ... *se puso colorada* hasta las orejas (ib.); *me sentí sacudido* con dulce y grata vibración (ib.); ... *y me creía obligado* a dar gracias a la Providencia (id.); *Parecía hecha* de rabos de lagartijas (ib.).

Герундий

Герундий — глагольно-именная форма, совмещает в себе свойства глагола и свойства наречия.

Морфологической базой романского герундия является форма латинского герундия на **-ndo,** т.е. его аблатив, имевший по преимуществу инструментальное значение. Например: hominis autem mens *discendo* alitur et *cogitando* (Cic. Off. I, 30). — 'человеческий ум питается учением и размышлением'; alia animalia *gradiendo,* alia *serpeado* ad pastum accedunt, alia *volando,* alia *nando* (Cic, De natura deorum, 2, 122) — 'одни животные приближаются к корму ступая, другие ползком, одни — летая, другие — плавая' и др.[1]

На протяжении исторического пути развития латинского языка употребление аблатива герундия постепенно расширяется, становится более свободным, подменяя причастие настоящего времени в обстоятельственной функции или чередуясь с ним. В архаической латыни герундий образа действия был относительно редок, но встречался у класси-

[1]См.: A. D r a e g e r. Historische Syntax der lateinischen Sprache. Bd. II, 2 Aufl., Leipzig, 1881, стр. 846-847; J. N. O t t. Zur Lehre vom Ablativus Gerundii. Stuttgart, 1877. См. также: И. М. Т р о й с к и й. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 245 и 247.

ков; однако у классиков[1] причастие настоящего времени встречается значительно чаще, чем герундий. В поздней латыни этот герундий употребляется более свободно. См. у Пруденция, Коммодия, Фульгенция и др. Например: в «Муломедицине»: *Volutando* et *collidendo* se interius aliquid plurimum omentum, rumpat et fit tympanites (Mulom. 222, 6—8)[2]. В «Паломничестве Этерии» чаще, чем в других памятниках, и в более разнообразных функциях употребляется форма на -nt[3], но встречается также и аблатив герундия. Например: Et inde alia die subiens montem Taurum, et faciens iter iam noturn per singulas provincias, quas *eundo* transiveram ... perveni Calcedona (Per. Aeth. 23, 55)[4] — 'И оттуда, на другой день, поднявшись на гору Тавр и держа знакомый путь по всем провинциям, которые я проходила уже ранее, ... прибыла в Халкидон'[5]. В этом обстоятельственном употреблении герундий, в котором не всегда можно отличить обстоятельство образа действия от инструментально-причинного значения, имеет преимущественно народный характер. Ср., например: ita *errumpendo* ñaues, quae ad Baetim flumen fuissent, incendunt (Bell. Hisp. 36, 2). Лёфстедт, приводя данный пример, отмечает, что Цезарь не допускал подобного употребления[6]. Григорий Турский, как и другие позднелатинские авторы, употребляет аблатив герундия там, где можно было бы ожидать причастие настоящего времени.

Широкое употребление причастия настоящего времени действительного залога (параллельно с герундием) в функции обстоятельства, которое сопутствует основному действию, выраженному личной формой глагола (ставшее особенно характерным для поздней латыни), очевидно, и послужило одним из поводов к традиционному мнению, что

[x] См.: A. C. J и г е t. Systéme de la syntaxe latine. 2e ed P., 1933 стр. 252.

[2] Claudii Hermeri Mulomedicina Chironis, Ed. E. Oder, Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Lipsiae, 1901, стр. 67.

[3] См.: О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е. К вопросу о форме на -ante (-ente, -iente) в испанском языке. — «Ученые записки ЛГУ», 1958, № 232/35, стр. 85-119.

* Silviae vel potius Aetheriae peregrinatio ad loca sancta. Hgg. v. W. Heraeus. Heidelberg, 1939.

[5] См.: Peregrinatio ad loca sancta edita ...ab Joh. Pomialowsky, СПб, 1889, стр. 138.

[6] См.: E. L ó f s t e d t. Philologischer Kommentar zu Peregrinatio Aetheriae. Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache. Uppsala, 1936, стр. 159.

причастие настоящего времени в дальнейшем исчезло из испанского и других пиренейско-романских языков потому, что оно было вытеснено герундием[1]. Близость, можно сказать, синтаксическая однозначность адвербиального употребления латинского герундия и причастия настоящего времени наглядно выступает в их параллельном употреблении. Например: recipientes umorem turgescunt deinde siccescendo contrahantur (Витрувий, II, 8, 20)[2].

Если уже в латыни, языке строго кодифицированном, можно наблюдать в неличных формах глагола, как одна и та же форма колеблется между именем и глаголом, между синтаксическими функциями определения и обстоятельства и т.д. (причем эти колебания, естественно, усиливаются в поздней латыни), то в романских языках и, в частности, в пиренейско-романских по мере их расхождения колебания эти усугублялись и в отдельных случаях приводили к размежеванию некогда общих синтаксических функций между отдельными неличными формами. Произошло разграничение значений в конструкциях, соответствующих лат. hominem Iegentem video — 'я вижу человека, который обладает свойством часто читать' (имеет к этому склонность, читающий человек), гда Iegentem быстро утратило ограничение 'в то время, когда я его вижу' и лат. hominem video legendo 'я вижу человека, который сейчас читает=я вижу, что (или как) человек читает'. Тот исторический факт, что герундий воспринял обстоятельственные функции причастия, послужил основанием для ошибочного толкования «вытеснения» причастия настоящего времени герундием якобы во всех его функциях. Между тем к герундию перешли лишь функции адвербиальные, что же касается основной функции формы на -nt- атрибутивной, то она никогда не была воспринята герундием. Нельзя было Cum hominibus scuta *portan-*

[1] См.: Fr. Diez. Grammatik der romanischen Sprachen. Dritter Teil. 5 Aufl., Bonn, 1882, стр. 258; W. Meyer-Lubke. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd. III. Syntax. Leipzig, 1899, стр. 533; его же: Introducción a la lingüística románica. Versión de la tercera edición alemana, con notas y adiciones por Américo Castro. Madrid, 1926, стр. 321; E. Bourciez. Elements de linguistique romane. P., 1946; Э. Бурсье. Основы романского языкознания. Перевод с 4-го франц. изд. М., 1952, стр. 69 и 74; для испанского см.: F. Hanssen. Gramática histórica de la lengua castellana. Halle a. S. 1913, стр. 259-261.

[2] См.: E. Löfstedt. Studien und Beitrage zur historischen Syntax des Lateins. 2 Aufl., Teil I, Lund, 1942. Teil II, 1933.

íibus 'С людьми, несущими щиты' заменить на cum hominibus scuta *portando* или *portando* scuta[1].

Традиционное мнение о том, что латинское причастие было вытеснено герундием, привело к смешению этих двух категорий в описаниях грамматического строя пиренейскороманских языков, особенно у английских и американских грамматистов; оно основано, по-видимому, на недооценке специфических черт каждой из данных форм; усиление глагольного значения причастия в поздней латыни и употребление его в нехарактерной для него функции обстоятельства, наряду с употреблением в этой же функции герундия, для которого адвербиальная синтаксическая функция стала основной, приводит к тому, что герундий берет на себя все бремя обстоятельственного употребления.

Неправильна поэтому традиционная точка зрения на герундий как на узурпатора прав причастия: он скорее может рассматриваться как избавитель причастия от несвойственной ему функции обстоятельства; неверным нам представляется также и весьма распространенное мнение, особенно отрицательно сказывающееся на характеристике грамматического строя испанского (и других пиренейскороманских языков), о том, что герундий, восприняв глагольные свойства причастия настоящего времени, вместе с тем взял у него и способность выступать в качестве определения. Вопрос этот связан с проблемой французского влияния на романские языки Пиренейского полуострова, в том числе и испанский, и до сих пор служит предметом полемики среди романистов.

Герундий в испанском имеет простую и сложную форму (Gerundio compuesto o perfecto), которая образуется (как и сложные глагольные временные формы) из простой формы герундия, вспомогательного глагола haber (habiendo) и причастия смыслового глагола: I contar: contando — habiendo contado; II beber: bebiendo — habiendo bebido; III subir: subiendo — habiendo subido.

Некоторые нестандартные глаголы III спряжения имеют в форме герундия вариант основы с сужением гласного: decir — diciendo, dormir — durmiendo, erguir — irguiendo, mo rir — muriendo, poder — pudiendo, pedir - - pidiendo, venir — viniendo и др.

[1] См.: E. L e r c h. Participium praesentis und Qerundium im Franzosischen. „Zeitschrift für französischen und englishen Unterricht". **Berlin.** Bd. 26, H. 6, 1927, стр. 401-415; H. 7, стр. 481-495.

Признаками проявления глагольных свойств герундия могут быть следующие:

1.Наличие видового значения — имперфективного дли тельного у простой формы герундия и перфективного у сложной.

2.Способность выражать временную отнесенность вто ростепенного действия, выраженного герундием, которое, сопутствуя главному действию глагола-сказуемого, может быть одновременным с ним (если герундий имеет простую форму от непредельного глагола) или предшествовать ему (если герундий имеет простую форму от предельного или сложную от непредельного глагола). Ср., например: El barman contemplaba la escena *hilando* baba y el corazón me latía más aprisa (J. Goytisolo) и ¿Sabes una cosa? — dijo *cogiéndome* de la mano. Cada día te encuentro más guapa (ib.); Luego se secó las lágrimas, y *cogiendo* la azada entró en su pequeño huerto (A. M. Matute).

Когда глагол основного действия и глагол действия, выраженного герундием, оба непредельны, их совпадение во времени наблюдается на протяжении всего процесса: El vagabundo pidió hospitalidad por una noche: la noche del Miércoles de ceniza, exactamente, cuando se batía el viento *arrastrando* un polvo negruzco, arremolinado, que azotaba los vidrios de las ventanas con un crujido reseco (A. M. Matute). Там, где второстепенное действие, выраженное герундием предельного глагола, предшествует основному действию, непосредственное предшествование действия проявляется с очевидностью, когда оба действия (выраженное герундием и главное) как бы противоречат друг другу и осуществление одного предполагает прекращение другого, например: *Paseando* por la plaza, le detuvo la policía (Gili y Gaya); что касается возможности выражения герундием действия последующего по отношению к основному действию, то грамматисты сходятся на том, что герундий последующего действия выражать не может (Бельо, Хили и Гайа, Рока Понс[1] и др.).

[1] Хотя Рока Понс отмечает, что грамматики осуждают употребление герундия для выражения последующего действия, сопутствующего основному, например: el agresor huyó, *siendo detenido* pocos momentos después, он при этом делает оговорку, полагая возможным образование с герундием различных конструкций со значением будущего действия, например: habiendo de avisarle, teniendo que avisarle и т.д. (стр. 85-86).

Для выражения герундием непредельного глагола предшествующего действия, используется сложная (перфектная) форма, например: León no pudo menos de admirar la fidelidad del amigo espiritual, que *habiendo sido* dueño de la vida, quería ser custodio de la muerte (B. Pérez Galdós). В современном испанском языке сложная форма герундия встречается относительно редко.

На русский язык простая форма герундия от непредельных глаголов обычно переводится деепричастием несовершенного вида, от предельных — совершенного. Сложная форма — деепричастием совершенного вида.

3.Наличие грамматического залогового значения. Ге
рундий местоименного глагола имеет слитную местоименную
форму, выражая различные залоговые значения с место
имением в постпозиции, а также может, хотя и очень редко,
выражать залоговое значение в причастной форме страда
тельного залога. Например: *Ahogándose* de risa, la mujer-
cita explicó que les había tocado una cabra (J. Goytisolo);
La muy estúpida debe-andar por ahí, *emborrachándose* (ib.);
¡Seferino, sálvame! — gritó Gloria, tratando de acercarse
a mí y *siendo retenida* fuertemente de un brazo por D. Ma
nuel (A. Palacio Valdés). Неударенные личные местоимения
в функции прямого или косвенного дополнения также не
посредственно присоединяются к герундию в постпозиции.
Например: Rafael me miraba como *implorándome* ayuda
(J. Goytisolo); Y *echándole* los brazos al cuello descansó,
la cabeza sobre su hombro (R. Valle Inclán).

4.Глагольность герундия проявляется также в его спо
собности выступать в простом глагольном сказуемом в ка
честве одного из компонентов видовой длительной формы
(Forma continua): estar+Gerundio (см. стр. 214), например:
Le *estuvo pasando* billetitos toda la noche (J. Goytisolo) и
в составном глагольном сказуемом в ¿очетании с глаголами
движения ir, seguir, venir, andar и т. п. и с глаголами состоя
ния quedar, permanecer в качестве служебных (полувспомо
гательных), образуя лексические (точнее, лексико-синтак-
сические) описательные конструкции, которые служат од
ним из лексических средств выражения того, как протекает
действие во времени, т. е. его видовой характеристики, на
пример: Gregorio i b a *elevando* la voz, y los niños se acer
caron a curiosear (J. Goytisolo); Ahora s e g u i m o s *te*
niendo el monopolio, pero ya no nos sirve (J. Goytisolo);

Do
lores v i n o *pasándome* los talones (ib.); ... trabé
conversa
ción con un trabajador que a n d a b a *podando* unas
viñas

en aquellos vericuetos, y al cual me acerqué so pretexto de pedirle lumbre para encender un cigarrillo (G. A. Bécquer); Aquí está el amigo — le dice el jefe señalándome a mí. Y se me q u e d a *mirando* (J. Izcaray); Yo aborrecía también a los tipos que explotaban las situaciones hasta el máximo y p e r m a n e c í a n *fumando o durmiendo* cuando no se tenía necesidad de ellos (ib).

5.Не обладая сказуемостью, присущей лишь личным формам испанских глаголов, которые могут самостоятель
но, без помощи служебного глагола, выполнять функцию
глагольного сказуемого, герундий, как инфинитив и при
частие, обладает предикативностью. Его предикативные
свойства проявляются в том, что герундий, не будучи грам
матическим сказуемым, может, однако, служить для вы
ражения логического предиката и иметь свое «подлежащее»,
указывающее субъект суждения. В этом случае герундий
образует самостоятельный (независимый) оборот (так назы
ваемую абсолютную конструкцию), выражающий как бы
отдельное суждение и грамматически выступающий в виде
обособленного члена предложения.

6.Испанский герундий может управлять дополнениями как прямыми, так и косвенными, в зависимости от управле
ния, свойственного глаголу, от которого он образован; на
пример: ... después de incomodar a todos *buscando* s i l l a s ,
mudaron de idea y se arrodajaron en el suelo (J. Goytisolo);
Me arrebujé entre las sábanas, *reteniendo* el a l i e n t o
y encendí la perilla de la luz (ib.); El muy canalla escri
bió a mi padre esta mañana declarándose arrepentido
de sus infamias y *pidiéndole* p e r d ó n . . . (B. Pérez
Galdós).

7.Герундий, как и глагол в личной форме, может до полняться обстоятельственным наречием или сочетанием
существительного с предлогом: La monja se dignó mirarme
entonces, y *sonriendo* l e v e m e n t e de un m o d o
compasivo dijo... (A. Palacio Valdés); Por nada — res
pondí *sonriendo* c o n un p o c o de v e r g ü e n z a
(ib.); No lejos de la boca, *escarbando* en un m o n t ó n
de a s t i l l a s ..... tropezaron con un cuerpo humano (I. Acevedo).

Признаками именных свойств герундия является возможность употребления герундия некоторых глаголов в уменьшительной форме, например: Asunción le esperaba ... levantóse *callandito* de su cama y se vistió (B. Pérez Galdós).

Уменьшительная форма герундия в литературном испанском языке встречается относительно редко, несколько чаще в обиходном языке Латинской Америки: — ¡Ahí, doctorl Ya está *cogiendito* el paso. Y a usted, ¿cómo le va en lo suyo? (R. Gallegos).

Употребление герундия с предлогом en можно также рассматривать как признак его именного характера. Единственный предлог, который может управлять испанским герундием, это en. Обстоятельственный оборот из герундия с предлогом en служит для выражения действия, непосредственно предшествующего главному действию глагола-сказуемого в прошлом, например: *En acabando* la música, habla el sacristán (M. de Cervantes) 'По окончании музыки (= как только кончилась музыка) заговорил пономарь'; Sin embargo, *en concluyendo* de leer la carta, exclamó con una entonación de voz de mujer bonachona y sencillota (R. Gallegos).

Адвербиальность герундия заключается в следующем: герундий не изменяется ни по лицам,· ни по числам и может, как и наречие, выражать признак действия, выступая в роли обстоятельственного слова; как и наречие, он обычно стоит в этом случае после глагола, к которому он относится: Por último, l l o r ó *sonriendo* y me echó los brazos al cuello (B. Pérez Galdós); Román r e a p a r e c i ó *jadeando* en la superficie y se sacó las gafas (ib.); Un raposo, que viene huido de la aldea, a t r a v i e s a *corriendo* el sendero (R. Valle Inclán).

Герундий, как и наречие, выполняет в предложении функцию обстоятельства: Señores, miren ustedes que cara, añadió, *cogiéndole* por la cabeza y *presentándonoslo, sonriendo* (A. Palacio Valdés); Y le venían los sueños como un dolor incontenible: *hiriendo, levantándole* terrones de carne con su arado brutal (A. M. Matute). Герундий употребляется в основном как обстоятельство образа действия: Al otro día, el soldado que disparó la saeta vio un rastro de sangre a la orilla del río, y *siguiéndolo,* entró en la cueva, donde encontró los cadáveres del caballero y su amada, que aún vienen por las noches a vagar por estos contornos (G. A. Bécquer). Значительно реже герундий может употребляться в роли обстоятельства причины: и др.: *Temiendo* las consecuencias de la visita, los niños se escurrieron hacia el solar (J. Goytisolo).

Герундий может переводиться на русский язык как деепричастием, так и существительным в творительном падеже

с предлогом: ***Riendo,*** **le pregunté para** qué habíamos nacido **(J.** Goytisolo) — '(Со смехом) я спросил его для чего мы родились'; а также наречием: Volvimos a la playa *nadando* (J. Goytisolo) — 'Мы вернулись на берег вплавь'.

Вместе с поясняющими его словами герундий образует оборот, аналогичный русским деепричастным оборотам, — так называемую связную конструкцию (construcción gerundial conjunta). Связная конструкция выступает в предложении как распространенное обстоятельство и выражает действие второстепенное, сопутствующее основному действию, которое передается глаголом-сказуемым при общем субъекте действий, выраженном в подлежащем: — No sé — me contestó, *deslizándose* por las cuerdas (A. M. Matute); Y como Nelly tornaba la cabeza y se detenía *esperándoles,* suspiró, *mirándose* en ella con maternal arrobo (R. Valle Inclán).

Специфика герундиальных конструкций (их сжатость, краткость, неизменяемость герундия и т. п.) большею частью не позволяет точно определить характер обстоятельства, выраженного герундиальным оборотом, тогда как обстоятельственное придаточное предложение, благодаря наличию у него союза или союзного слова, личной формы глагола и др., распространенно, но точно выражает соответствующее обстоятельство (образа действия, причины и т. д.). В связи с наличием разных способов выражения одного и того же обстоятельства возникает ряд вопросов, — в частности о грамматической синонимии: сходные по значению, но различные по форме связные герундиальные обороты и придаточные обстоятельственные предложения могут лишь очень условно рассматриваться как параллельные синонимические обороты[1]: они близки, но не эквивалентны; соответствующее значение обстоятельства (причины, цели и т. д.) в сжатых герундиальных оборотах менее отчетливо (а иногда и вовсе неясно), чем в придаточных предложениях, где на него имеется прямое указание в союзе или союзном слове, вводящем придаточное предложение; точнее выражено в придаточных предложениях и время действия личными временными глагольными формами, которым присущи все глагольные категории (лицо, число, время, наклонение, залог и вид), тогда как герундий способен выражать

[1] См.: В. Н. Ярцева. О грамматических синонимах. — Сб. «Романо-германская филология». Вып. I. М., 1958.

лишь относительное значение, как значение одновременности или предшествования главному действию.

Существенным вопросом является и вопрос о стилистической характеристике герундиальных оборотов и обстоятельственных придаточных предложений и об их стилистическом использовании в различных функциональных стилях речи[1]. Ср., например: El gitano había vuelto a colocarse a su caballo y le miraba desde lejos, *agitando* la cuerda del ronzal como si le llamase. Batiste se aproximó lentamente, *simulando* distracción, *mirando* los puentos, por donde pasaban como cúpulas móviles de colores las abiertas sombrillas de las mujeres de la ciudad (V. Blasco Ibáñez) и там же: "Rodaron jarros y mesillas; la gente se hizo atrás instintivamente, aterrada por el ademán agresivo de este hombre siempre pacífico, que parecía ahora agigantado por la rabia; y antes deque pudieran todos retroceder un nuevo paso, "¡plafl", sonó un ruido de puchero que estalla y cayó Pimentó con la cabeza rota de un taburetazo" или: Eulalia besó con amor todas sus cartas, y *sollozando* las arrojó en la corriente. En la estela de la barca quedaron flotando como una bandada de nocturnas aves blancas. Eulalia entonces se inclinó, y sus lágrimas cayeron en el río. El viejo barquero, *doblándose,* sobre los remos, le gritó: "¡Cuidado, mi señora!" (R. Valle Inclán).

Криадо де Валь, отмечая стилистическую, выразительность герундия (вне сопоставления с придаточными предложениями), приводит следующий отрывок из романа Аларкона «Треуголка»: "En Andalucía..., las personas de su posición c o n t i n u a b a n *levantándose* muy temprano; *yendo* a la Catedral a Misa de prima, aunque no fuese día de precepto; *almorzando,* a las nueve, un huevo frito y una jicara de chocolate con picatostes; *comiendo* de una a dos de la tarde, puchero y principio, si había caza, y, si no, puchero **sólo;** *durmiendo* la siesta después de comer; *paseando* luego **por** el campo; *yendo* al Rosario, entre dos luces, a su respectiva parroquia; *tomando* otro chocolate a la Oración (éste con bizcochos); *asistiendo* los muy encopetados a la tertulia del Corregidor del Deán o del Título que residía en el pueblo; *retirándose* a casa a las Animas; *cerrando* el portón antes del toque de la queda; *cenando* ensalada y guisado por antono-

[1] См.: Ю. С. С т е п а н о в . Французская стилистика. М., 1965 § 103 и след.

masia, si no habían entrado boquerones frescos, y *acostándose* incontinenti con su señora (los que la tenían), no sin hacerse calentar primero la cama durante nueve meses del año..." (Gram. 122). Далее Криадо де Валь приводит еще пример синтаксического параллелизма как одного из стилистических приемов, который может также служить примером антитезы с герундием, т. е. такого сочетания герундия с личной формой глагола, в котором сталкиваются антонимические значения сочетаемых слов и выражений[1]· "Así que, *prohibiendo,* permites; *encubriendo,* descubres; *asegurando,* ofendes; *callando,* voceas o pregonas; *preguntando,* respondes" (стр. 123).

В связной конструкции герундий обычно переводится на русский язык деепричастием: Miró entorno, buscando al criminal (V. Blasco Ibáñez) — 'Он посмотрел вокруг, ища преступника'.

Герундий, как и причастие и инфинитив, может образовывать самостоятельные или независимые обороты, называемые также абсолютной конструкцией. Самостоятельный герундиальный оборот (или абсолютная конструкция с герундием) в отличие от связного герундиального оборота выражает как бы суждение с самостоятельным (логическим) субъектом, который может быть обозначен собственным «подлежащим» герундиального оборота и который не совпадает с субъектом суждения, выраженного всем предложением, и могущим быть обозначенным в подлежащем всего предложения (а при отсутствии подлежащего может быть выяснен из контекста). Герундий, в силу своей предикативности, т. е. способности выражать предикат, вместе со своим подлежащим выражает как бы законченное суждение.

Этот самостоятельный герундиальный оборот грамматически представляет собой развернутый обособленный член предложения (чаще всего обстоятельство времени, причины, образа действия). За неимением подобного оборота в русском языке он переводится на русский язык соответственным обстоятельственным придаточным предложением, вводящимся союзами «причем», «когда», «так как» и т. п. Деепричастным оборотом, как связная конструкция, самостоятельный герундиальный оборот переводиться не может: Y em-

[1] См.: М. К. Морен, Н. Н. Тетеревникова. Стилистика современного французского языка. М., 1960, стр. 281.

'pujándolas ambas, ama y criada, llevólas hacia la puerta y a la calle, *desapareciendo* las tres de nuestra vista (B. Pérez Galdós) — 'И подталкивая обеих, хозяйку и служанку, он повел их к двери и на улицу, и (причем) все трое скрылись у нас из вида'; *Rebajando* de improviso el nivel moral de nuestras almas, todos los que no habíamos caído deseamos unánimemente la vida... (ib.) — 'Когда неожи-. данно упал наш моральный дух, те из нас, кто еще не был убит, желали единодушно одного — жизни' и т. д.

«Подлежащее» герундиального оборота может быть выражено существительным или местоимением: Entonces, *bailándome* el corazón de gozo, me senté a la mesa (A. Palacio Valdés); *Expresándole* y o con tristeza mi desconfianza de que algún día llegáramos a unirnos, porque su madre no lo consentiría, exclamó riendo (ib.); субстантивированным инфинитивом, предложением: ...estableció plazos para el pago, *resultando* de este hábil trabajo que el riquísimo patrimonio de Polentinos· saliese a flote (B. Pérez Galdós).

«Подлежащее» независимого герундиального оборота может не быть выражено самостоятельным словом, т. е. может отсутствовать, а в таком случае логический субъект становится известным из косвенного указания на него или из контекста в целом: Una noche, *hallándome* [yo] como de costumbre amoroso, se me presentó de improviso un chico (A. Palacio Valdés); Gloria preguntó a la hermana lega que nos había introducido si seguía superior a la hermana Saint Just y *habiendo respondido* (=aquella) afirmativamente, le encargó... (ib.).

Самостоятельный герундиальный оборот (абсолютная конструкция с герундием) может стоять в начале, середине и конце предложения: Entonces, *bailándome* el corazón de gozo, me senté a la mesa (A. Palacio Valdés); El barón dijo que *viviendo* [ella] con él nunca le faltaría nada (J. Goytisolo); ¡Vaya con don Ceferino, llegar a Sevilla enamorado ya de una sevillana! Ya ve usted... y *siendo* y o gallego (A. Palacio Valdés).

Характерной синтаксической функцией, в которой проявляются глагольные свойства герундия, является функция сказуемого, которую герундий выполняет только в сочетании со служебным глаголом. Герундий может употребляться:

В простом глагольном сказуемом в составе видовой глагольной длительной формы (estar+Gerundio) — forma con-

tinua o actual: Andrea, en tanto, s i g u e *mirando* a lo lejos, muy apartada la vista de Félix; pero siente a Félix, que *está contemplándola deleitándose* en la visión de su hermosura (Azorín); Justina. — (Nerviosa) Un momento todavía, Méndez ... Precisamente, *estaba deseando* que viniese... (A. B. Vallejo).

В составном глагольном сказуемом: а) в сочетании с непереходными глаголами движения ir, seguir, venir, andar, pasar и т. п. и с глаголами состояния: quedar, permanecer и др. в качестве служебных (полувспомогательных), образуя лексико-синтаксические конструкции (см. стр. 138), служащие одним из лексических средств выражения видовой характеристики действия: Irritación que se va *convirtiendo* poco a poco en furor idiota (Azorín); Tú has hecho el milagro, mi dulce, mi triste Irene. S i g u e *salvándome,* tú que puedes hacerlo, y sálvate tú ... Acéptame (A. B. Vallejo); Se formaban lagos y ríos que v e n í a n *corriendo* en * busca de los pies de los que presenciábamos la escena (mi tía Pilar y yo); lo p a s é *concertando* (A. Palacio Valdés); Blas q u e d ó s e *aguardando* en la orilla de la vereda (J. Ar-derius); Aún p e r m a n e c í a m o s *hablando* algún tiempo (A. Palacio Valdés); No faltaría más que viniera yo ahora a asustarme después de tantos años como l l e v a m o s *corriendo* el campo a todas horas (J. Arderius); Dentro de sí, en su espíritu, se h a l l a *viviendo* lejos de estos parajes (Azorín); б) с переходными глаголами, выражающими восприятие, чувство и т. п.: sentir, ver, oír, mirar, observar, hallar, pintar, representar и др.; в этих конструкциях герундий относится к прямому дополнению и выступает как «объектный герундий» (complemento adverbial objetivo o Gerundio objetivo) в функции составного именного сказуемого. Например: La luna cabrilleaba sobre el mar y o í a el r u i d o d é l a s o l a s *embistiendo* contra la orilla (J. Goytisolo).

Не задерживаясь на обстоятельственном употреблении герундия в абсолютной конструкции (или в самостоятельном герундиальном обороте), в котором герундий не относится ни к подлежащему, ни к прямому дополнению главного глагола, а имеет как бы свое подлежащее[1], а также на его употреблении в сказуемом в качестве компонента

[1] Определение абсолютной конструкции с герундием в испанском языке см.: О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е и Г. В. С т е п а н о в. Грамматика испанского языка. М., 1956, стр. 202—204.

видовой грамматизованной (estar+герундий) и лексико-синтаксической конструкции (ir и другие глаголы движения и состояния+герундий)[1], перейдем к объектному употреблению его, которое часто смешивают с атрибутивным и ошибочно используют как доказательство существования герундия в функции определения.

«Объектным» (Gerundio objetivo) мы называем герундий, относящийся к прямому дополнению одного из переходных глаголов восприятия или изображения[2]: ver, mirar, oír, sentir, notar, observar, contemplar, distinguir, recordar, hallar, encontrar, dibujar, pintar, grabar, describir, representar и т. п. Например: Tuve ocasión de verle bien *paseando* por la Galería (A. Palacio Valdés). No oíamos o no queríamos oír los golpes del reloj *sonando* lentamente en el Silencio y Soledad de la noche (ib.)· Cuando regresaba a casa para comer, hallé a Paca *esperándome* a la puerta para entregarme una carta de Gloria (ib.).

Действие, выраженное объектным герундием, совпадает с основным действием (глагола в личной форме). Например: Otro día les hallé *retozando* con libertad enteramente pastoril (B. Pérez Galdós); A cincuenta metros de la casa, junto al sendero, encontrábamos siempre al mismo viejo, *cavando* en su huerta (J. Izcaray); No puedo oír a un hombre de tanto talento como Milord *hablando* así de sus compatriotas (B. Pérez Galdós); Pepe entró en el comedor en un estado moral muy lamentable. Vio a Doña Perfecta *hablando* con el Penitenciario... (B. Pérez Galdós); ...y, ayer, la encontré en el Eldorado, *bailando* con un negro (J. Goytisolo).

Объектный герундий выражает действие, происходящее в какой-то конкретный отрезок времени и совпадающее с главным действием в момент или на протяжении времени его осуществления, но отнюдь не качество, или состояние, или действие, настолько медленное, что оно уподобляется качеству, потому что происходящее изменение почти не ощутимо. Нельзя, например, сказать: le envío una caja

[1] Чаи же, стр. 104, 120-121, 155-160, 200. См.: также: О. К- Васильева-Шведе. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол estar+герундий). — «Романо-германская филология», сб. в честь акад. В. Ф. Шишмарева. ЛГУ, 1957, стр. 107-137.

[2] См.: О. К. Васильева-Шведе и Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка, стр. 200—201.

conteniendo frutas, а надо que contiene, потому что характеристика прямого дополнения (una caja) с использованием глагола contener не может быть осуществлена в форме герундия, поскольку герундий по своей сущности призван выражать действие, а не качество. Между тем семантика испанского глагола contener, обозначающая свойство, несовместима с выражением действия в его течении, характерном для герундия, а глагол enviar в данном случае не создает актуальности главного действия, как это делают глаголы восприятия или изображения, с помощью которых мы сообщаем, что субъект воспринимает изменение в состоянии предмета, которое выражает герундий, и тем самым актуализирует, усиливает процессуальность действия — обстоятельства, выраженного герундием[1]. Таким образом, герундий и в роли Gerundio objetivo остается верен своей природе и служит характеристикой прямого дополнения, выполняя синтаксическую функцию обстоятельства, а не определения. Он выражает действие или состояние своего субъекта, выраженного в прямом дополнении к глаголу восприятия и т. п., а не качество, выражение которого присуще прилагательному в функции определения (или придаточному определительному предложению).

Характерно то, что объектный герундий употребителен лишь в том случае, когда в качестве прямого дополнения выступает существительное, обозначающее лицо или олицетворенный предмет, что отмечалось уже рядом исследователей. Ср., например: Vi a una muchacha cogiendo manzanas. 'Я видел девушку, собирающую яблоки' (=как (что) она собирала), но невозможно сказать: Vi una caja conteniendo libros. В современном языке для объектного герундия характерно его стремление располагаться в предложении по возможности ближе к существительному или местоимению в функции прямого дополнения, которое обозначает субъект действия, выраженного герундием. Например,: Vi ayer a Juana paseando por el jardín (Gram, de A. E.) — 'Я видела вчера, как (что) Хуана гуляла по саду=Хуану, гуляющей по саду' (т. е. гуляла Хуана), тогда как в предложении Paseando (yo) ayer por el jardín, vi a Juana 'гуляла я'. Герундий (paseando) в том и другом случае служит для выражения обстоятельства действия,

[x] См.: S. G i l i y G a y a. Curso superior de sintaxis española. La Habana, 1966, стр. 173-174.

сопутствующего главному действию, выраженному глаголом в личной форме (vi). Однако в первом случае субъект этого сопутствующего действия (=Juana) был выражен в прямом дополнении (a Juana) главного глагола, т. е. гуляла Хуана, а во втором случае это был субъект главного действия (yo) и указание на него заключалось в окончании глагола в личной форме (vi), т. е. я гуляла, я же видела.

Несмотря на то, что объектный герундий и раньше привлекал внимание лингвистов (Мейер-Любке, Бельо, Ленц), Сехадор и Фраука первый признал более решительно, что в предложениях типа " H a l l ó l e *paseándose* por el patio de su casa" и "Vi a u n a m u c h a c h a *cogiendo* manzanas", кочующих из грамматики в грамматику, герундий не является определением, он не выполняет атрибутивную функцию, а объясняет обстоятельства, при которых 'он ее увидел', 'он его нашел', а "envió una caja conteniendo libros" — чистый галлицизм[1].

По вопросу о синтаксических функциях герундия в пиренейско-романских (галисийском, португальском, испанском и каталанском) языках в научной литературе существуют большие разногласия[2].

Одним из спорных вопросов романского синтаксиса является вопрос о так называемом атрибутивном герундии, которому посвящено немало статей и который зачастую неправильно, с нашей точки зрения, освещается в грамматиках и исследованиях, посвященных грамматическому строю романских языков.

Вопрос об атрибутивном употреблении герундия (т. е. о его способности выполнять синтаксическую функцию ~ определения) тесно связан с более широким и не менее дискуссионным в грамматической литературе вопросом о взаимоотношении причастия настоящего времени и герундия в романских языках. Успешное разрешение этого вопроса затрудняют следующие неблагоприятные для него обстоятельства:

[1] J. C e j a d o r y F r a u c a . La lengua de Cervantes. Madrid, 1905.

[2] См.: О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е . К вопросу о герундии в иберо-романских языках. — В сб.: «Вопросы теории и истории языка». ЛГУ, 1963 и ее же: К проблеме второстепенных членов предложения в романских языках (на материале неличных форм глагола). - В сб.: «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 39—54.

1. Малая изученность синтаксиса романских языков, в том числе и синтаксиса испанского[1].

Имеется несколько работ, специально посвященных синтаксису герундия и причастия настоящего времени в романских языках, но, несмотря на ряд достоинств этих исследований, с их выводами невозможно согласиться, в частности, по вопросу об атрибутивном употреблении герундия. К числу этих работ относятся «Синтаксис причастия настоящего времени и герундия в староитальянском» Станко Шкерли[2] и «Синтаксис герундия и причастия настоящего времени в романских языках» пражского профессора Станислава Льера[3], который в своей обстоятельной работе хотя и приводит материал различных романских языков, но при обобщении результатов исследования совершенно игнорирует их специфику, ориентируясь в основном на французский, и впадает в противоречие с действительностью иберо-романских языков и тенденцией развития их грамматического строя, утверждая, что романский герундий вообще находится на пути к исчезновению[4]. Однако результаты нашего исследования большого языкового материала письменных памятников иберо-романских языков на протяжении всей их истории с очевидностью подтверждают, что одной из закономерностей развития грамматического строя испанского, как и других пиренейско-романских языков, является рост употребления и расширение значения герундия, особенно в романских языках Латинской Америки[5].

Оба автора признают традиционное «вытеснение» причастия настоящего времени герундием и захват романским герундием всех функций причастия настоящего времени,

[1] См.: Р. А. Будагов. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков. — «Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 3—21; О. К. Васильева-Шведе. О месте каталанского среди романских языков. — «Ученые записки ЛГУ», 1961, №299. Сер. филолог, наук, вып. 59, стр. 59-60.

[2] S. Skerlj. Syntaxe du participe present et du' gérondif en vieil italien. P., 1926.

[3] St. Lyer. Syntaxe du gérondif et du participe present dans les langues romanes. P., 1934.

[4] Там же стр. 359.

[6] О. К. Васильева-Шведе. Некоторые закономерности грамматического строя иберо-романских языков. — В сб.: «Вопросы романского языкознания». Кишинев. Изд. Ин-та языка и литературы молдавского филиала АН СССР, 1958, стр. 64, 67.

в том числе и атрибутивной[1]**, что, с нашей точки зрения, не соответствует фактам** языка.

2.Влияние «латинской традиции»[2].

3.Недооценка со стороны исследователей пиренейско-романских языков национальной специфики каждого из этих языков и склонность ориентироваться на особенности грамматического строя других языков, например, смешение категорий причастия настоящего времени и герундия в ис панских грамматиках, особенно американских и англий ских авторов[3].

Путаница с определением неличных форм (или отглагольных образований) в исследованиях и грамматиках испанского языка достигает чрезвычайных размеров.

4. Влияние французского языка на пиренейско-романские языки, в частности на испанский. Одним из результа тов этого влияния в области синтаксиса следует признать употребление герундия в не свойственной ему функции определения (так называемый атрибутивный герундий), ко торому отчасти способствовало неправильное понимание синтаксической функции объектного герундия, происте кающее из недостаточного внимания к природе данной грам матической категории — к ее обстоятельственному харак теру. Основными синтаксическими функциями герундия, не вызывающими особых разногласий среди грамматистов, яв ляются функции обстоятельства (образа действия и реже — других).

Как известно, в функции обстоятельства герундий употребляется, в частности, в качестве наречия образа действия, определяя глагол-сказуемое. Например: Y se alejó *corriendo* (A. Palacio Valdés); так же, как некоторые наречия получают суффиксы субъективной оценки (например, исп. ahorita), так и некоторые герундии (хотя в очень ограниченном количестве) могут присоединять их. Например: Si son alpargatas, con ese calzado caminara la Santa tácitamente, muy *callandito,* por los largos claustros (Azorín).

[1] S. S k e r l y. Syntaxe du participe present et du gérondif en vieil italien, стр. 17; St. L y e r. Syntaxe du gérondif et du partici pe present dans les langues romanes, стр. 307—308.

[2] См.: О. К. В а с и л ь е в а - Шведе. Некоторые законо мерности грамматического строя иберо-романских Языков, стр. 111.

[3] J. P. W o n d e r. Some aspects of present-participial usage in six modern Spanish novelists. "Hispania", vol. XXXVIII, No. 2, 1955, стр. 193—201. — В статье Уондера под Present participle опять имеется в виду герундий.

Эта уменьшительная форма герундия чаще встречается в обиходном и просторечном стиле речи и особенно в языке стран Латинской Америки. В этой функции (т. е. в качестве наречия) именная природа герундия сказывается больше, чем в других его функциях, за исключением употребления с предлогом en (лат. in), которое также является одним из следов происхождения герундия от имени существительного.

Несмотря на это герундий и в функции наречия сохраняет в большей или меньшей мере свои глагольные свойства, в зависимости от характера связи второстепенного действия, выраженного герундием, и главного, которому это второстепенное действие сопутствует, характеризуя его или описывая. Ср., например:contestó llorando 'ответил плача,[1] со слезами': "Señora — madre — dijo Asunción *llorando* — Inés no volverá a faltar más" (B. Pérez Galdós). *Llorando* de risa, imploran a una voz el perdón para el fugitivo (M. Azuela).

Неправильно было бы, однако, допускать (как это делают некоторые грамматисты, платя дань психологическому подходу к грамматическим категориям) возможность воспринимать герундий в качестве наречия, как некое качество, относящееся к субъекту действия, и утверждать, как это, например, делает Хили и Гайа (§ 147) и многие другие, что когда нет главного глагола, герундий приобретает характер активного причастия, относящегося к подлежащему; приводятся обычно следующие примеры, кстати говоря, повторяющиеся у разных грамматистов, например, надписи у картин и т. п.: César *pasando* el Rubicon, Las ranas *pidiendo* rey (Samaniego) и т. д. Сюда же относят зачастую и примеры так называемого герундия в восклицательных фразах следующего рода: ¡Mi hermana *muriendol* Siempre *amenazando.* В подобных сочетаниях проявляются глагольные свойства герундия, в частности, его предикативность.

Между тем предложения типа César pasando el Rubicon в качестве подписи на картине можно также рассматривать либо как аббревиатуру так называемого объектного герундия (см. стр. 206) [Vemos a] César *pasando* el Rubicon, либо как выражение действия, протекающего в конкретный момент или отрезок времени, выраженное видовой конкретно-процессуальной глагольной формой (estar+Gerundio): César [está] *pasando* el Rubicon.

Такого же характера герундий и в восклицательных фра-

зах типа: ¡Mi hermana *muriendol* = **¡Mi** hermana *está muriendol* В восклицательных фразах типа: ¡Una casa *ardiendol;* ¡un pájaro *volandol* — можно предполагать Mira, veo, etc.[1] или опять же está ardiendo и т. д.

В отношении обстоятельственного герундия (который может быть в так называемой связной конструкции или в абсолютной) следует различать употребление герундия с объяснительным характером, когда он выражает второстепенное действие, сопутствующее главному, и с ограничительным. Так, в предложении Los alumnos, *viviendo* lejos, llegaban tarde a la escuela (Gili y Gaya, § 147) — 'Так как ученики жили далеко (живя далеко), они опаздывали в школу' — герундий выполняет характерную для него функцию обстоятельства (причины). Если же, устранив запятые, придать герундию ограничительный характер и сказать: Los alumnos *viviendo* lejos llegaban tarde a la escuela. 'Те ученики, которые жили далеко, опаздывали в школу', — то это будет неправомерно, так как герундий окажется выполняющим не свойственную ему функцию определения, в качестве атрибутивного герундия, употребление которого для ибero-романских языков нельзя признать закономерным, а следует рассматривать как галлицизм.

Полемика относительно атрибутивного употребления герундия была в основном сосредоточена на французском языке, что можно объяснить большим вниманием к изучению синтаксиса французского языка вообще, а также и тем, что разграничение синтаксических функций герундия и причастия' настоящего времени (точнее — формы на -nt) особенно затруднено в тех из романских языков, в которых формы их совпали, т. е. во французском (а также в провансальском и каталанском). Это фонетико-морфологическое совпадение форм герундия и причастия настоящего времени (лат. cantando и cantante(m), франц. chantant, прованс. cantan, chantan, катал, cantant и т. д.), усложнив вопрос о синтаксических функциях их во французском языке, послужило поводом к целому ряду контроверз, которым посвящена обширная литература, не дающая пока убедительного решения вопроса о природе и соотношении форм на -nt в романских языках.

Обстоятельная характеристика причастия настоящего

[1] См.: "Gramática de la lengua española (de la) Real Academia Española". Madrid, 1924, стр. 439, §456, 2°, b.

времени и герундия во французском языке дана в исследовании Вееренбека[1], однако и он не решает весь спорный вопрос разграничения их синтаксических функций[2]. Большой заслугой Вееренбека, с нашей точки зрения, является то, что он не навязывает герундию адъективно-атрибутивного значения и право на выполнение функции определения оставляет за отглагольным прилагательным и причастием настоящего времени[3].

Лерх в обстоятельной статье, насыщенной большим фактическим материалом, приходит к выводу, что во французском языке следует различать следующие значения формы на -nt:

1. а) Причастие настоящего времени (<лат. формы на **-nte** (m) без дополнения — изменяемое: une femme aimante;

б) причастие настоящего времени с дополнением — неизменяемое: une femme aimant ses enfants.

2. Герундий (<лат. формы на **-ndo)** — неизменяемый: (en) aimant. .

Лерх убедительно показывает, что в этих трех случаях природа формы на **-ant,** обусловленная историческим развитием французского языка, не вызывает никакого сомнения. На вопрос, почему отглагольное причастие-прилагательное в известных случаях при примыкающем к нему дополнении в новофранцузском больше не изменяет своего окончания, тогда как в латинском наличие такого дополнения не оказывало на флектирование причастия никакого влияния, например: timeo Dañaos et dona ferentes (Vergil. Aen. **II,** 49), — Лерх отвечает следующим образом: у причастия с близким к нему дополнением изменяемость была отнята грамматиками **XVIII** в. и окончательно решением Французской академии **1679 г.,** которое Лерх считает ошиб-

[1] B. H. J. W e e r e ŋ b e c k. Participe present et gérondif. P., 1927; в заключение своей книги Вееренбек пишет: « La legón utile que j'espere qu'on pourra tirer de ce travail, c'est que la forme verbale franfaise en **-ant** est tantót un adjectif, tantót un participe, et tantót un gérondif, et que le critere logique, pour ees formes verbales, reside dans la question de savoir si leur valeur est strictement adjective, ou bien attributive ou determinative et en méme temps verbale, ou bien si elle est foncierement adverbiale » (стр. 334).

[2] См.: T h. K a l e ρ k y. Рец. Weerenbeck B. H. J. « Participe present et gérondif ». P., 1927. „Zeitschrift für franzósische Sprache und Literatur", Bd. L.", H. 1, 2, 3, Jena u. Leipzig, **1927,** стр. **171-184;** см. также: E. L e r c h. Das invariable Participium praesentis des Franzosischen. „Romanische Forschungen", Bd. **XXXIII,** 1913, стр. 452.

[3] B. H. J. W e e r e n b e c k . Ук. соч., стр. 98.

кой; он основательно аргументирует в своей статье этот ответ[1]. Что касается герундия (на -do), то, по мнению Лерха, он ни в так называемой вульгарной латыни, ни в романских языках не стал атрибутивным.[2].

Против «атрибутивного» употребления герундия высказывается и Шпитцер[3], резко критикуя статью Калепки[4], в которой последний защищает правомерность признания атрибутивного герундия; признают адъективно-атрибутивную природу герундия и многие другие лингвисты, в частности Льер, который считает одной из обязанностей романского герундия замену им причастия настоящего времени в функции определения[5].

Шкерли в первых же строках предисловия к своей книге, посвященной исследованию синтаксиса причастия настоящего времени и герундия в староитальянском, утверждает, как само собой разумеющееся, что все функции причастия настоящего времени перешли к герундию. Шкерли отнюдь не склонен выделять номинативную функцию латинского причастия настоящего времени (в роли определения) как оставшуюся неприемлемой для герундия-обстоятельства, как это, скажем, делает Диц, правильно отмечая, что герундий воспринял от причастия настоящего времени его адвербиальные свойства, но не атрибутивные[6]. Напротив, Шкерли подчеркивает усвоение романским (здесь — староитальянским) герундием именно этой функции «прилагательного» и пытается доказать это на материале староитальянского языка[7].

Что касается атрибутивного употребления герундия в иберо-романских языках, то оно также служит предметом

[1] E. L e r c h. Participium praesentis und Gerundium im Franzosischen. „Zeitschrift fur franzosischen und englischen Unterricht Bd 26, H. 6, Berlin, 1927, стр. 413.

[2] Т а и же, стр. 425.

[3] L. S p i t ζ e r. Attributives Gerundium im Portugiesischen, Spanischen, Rumanischen und Franzosischen? „Zeitschrift fur franzosische Sprache und Literatur", Bd., L, H. 7-8, 1927, стр. 464-469.

[4] T h. K a l e p k y. Gibt es im Franzosischen ein Participe present? „Zeitschrift für franzosischen und englischen Unterricht", Bd. 26, H. 1, 1927 (Berlin), стр. 6-9.

[5] S. L y e r. Syntaxe du gérondif et du participe present dans les langues romanes. P., 1934, стр. 11.

[6] См.: Фт. D i e ζ. Grammatik der romanischen Sprachen. Dritter Teil, 4 Aufl., Bonn, 1877, стр. 258.

[7] S. S k e r l y. Syntaxe du participe present et du gérondif en vieil italien. P., 1926, стр. XXIII и др.

разногласий у лингвистов[1]. Его резко осуждают в испанском языке Бельо[2] (который называет его одним из самых отвратительных галлицизмов), Сальва[3], Падилья[4] и др.

Куэрво[5], в основном соглашаясь с Бельо, бракует предложение Envío una caja conteniendo libros, в котором употребление герундия неправомерно. Он приводит выдержку из «Трактата о причастии» Каро[6], который последовательно разбирает «причастные» функции, воспринятые герундием, правильно отделяя объектное его употребление от атрибутивного и допуская последнее лишь для герундиев ardiendo и hirviendo. Однако мнение Бельо некоторыми грамматистами подвергается критике: например, Суарес считает, что Бельо не обосновывает своих нападок на атрибутивное

[1] См.: О. К. Васильева-Шведе. К вопросу о герундии в иберо-романских языках. — В сб.: «Вопросы теории и истории языка», в честь проф. Б. А. Ларина. Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 42—52.

[2] A. Bello, R. Cuervo. Gramática de la lengua castellana. Edición completa, esmeradamente revisada, corregida y aumentada con un prólogo y frecuentes observaciones de Niceto Alcalá-Zamora y Torres. Buenos Aires, 1960, § 1128, стр. 345: "Si el gerundio pudiera emplearse como adjetivo, no habría motivo de censurar aquella frase de mostrador, tan justamente reprobada por Salva: "Envió cuatro fardos, conteniendo veinte piezas de paño"; este modo de hablar es uno de los mas repugnantes galicismos que se cometen hoy día".

[3] V. Salva. Gramática de la lengua castellana. P., 1897, стр. 166-167.

[4] S. Padilla. Gramática histórico-crítica de la lengua española. Madrid, 1911, § 396, стр. 267: "Es un galicismo que, desgraciadamente, se va extendiendo demasiado en este lenguaje chapucero y mercantil que está a la orden del día, darfal gerundio fuerza de participio, desnaturalizándolo por completo y obligándolo a desempeñar un oficio que nunca tuvo: "Remito a usted cuatro cajas conteniendo artículos de fantasía", es una locución bárbara, que pudo muy bien excusarse, diciendo: "Remito a usted cuatro cajas que contienen...", o simplemente, "con artículos de fantasía". Hay quien lleva el rigor hasta rechazar la frase "las ranas pidiendo rey". Pudiera, con todo citarse en abono de este uso incorrecto la autoridad de autores muy reputados, como la deMoratín, en el siguiente pasaje: "Represento a Cristo echando a los mercaderes del templo".

[5] См.: R. J. Cuervo. Notas a la gramática de la lengua castellana de Andrés Bello. — В кн.: A. Bello, R. J. Cuervo. Gramática de la lengua castellana. P. II. Buenos Aires, 1960, § 72, стр. 441-442.

[6] Работа колумбийского филолога прошлого века Каро (M. Caro. Tratado del Participio. — "Anales de la Universidad de Colombia", № 18, 1870, Junio), к сожалению, осталось для нас недоступной и мы имеем представление о ней лишь постольку, поскольку она упоминается у Куэрво, Криадо де Валь и др. (см. также предисловие, написанное Каро к книге Суареса "Estudios gramaticales").

употребление герундия[1]. Каро в своем «Трактате о причастии», по словам Суареса, признает уменье Бельо и Сальва отличать правильное употребление в языке от неправильного, но полагает, что в данном вопросе им не хватает ясности и определенности[2].

Грамматика Испанской академии также осуждает употребление герундия в te envío una caja conteniendo libros, отдавая предпочтение следующим оборотам: te envío una caja con libros, o que contiene libros[3].

Некоторые грамматисты, признавая допустимым и правильным адъективное («атрибутивное») употребление герундия, понимают под «атрибутивным» герундием то, что мы называем «объектным» герундием, т. е. употребление его после глаголов восприятия и т. п.[4]. Так, например, Мартин Алонсо приводит следующий пример «атрибутивного», по его мнению, герундия: Calderón describe a Sigismundo combatiendo a los monstruos 'Кальдерон описывает, как Сигизмунд сражается с чудовищами'[5]. С таким употреблением можно согласиться, но не следует его считать «атрибутивным».

Хансен беспристрастно характеризует положение вещей, не вступая в полемику[6].

Гарсия де Диего допускает возможность «атрибутов-

[1] M. F. Suárez. Estudios gramaticales. Introducción a las obras filológicas de Andrés Bello ... con una advertencia y noticia bibliográfica por Miguel Antonio Caro. Madrid, 1885, стр. 356—357; "Pero el principal yerro que Bello corrige es el empleo del gerundio como simple adjetivo en frases al tenor de "Envío cuatro fardos conteniendo veinte piezas de paño..." Este yerro, hay que confesarlo, ha sido atacado por Bello de una manera bastante vaga... Bello es, según esto, consecuente con su doctrina; pero hay que reconocer, que, a causa de ser incompleta su teoría sobre el gerundio, no quedaron en su obra perfectamente claros y determinados el uso correcto y el abuso de un importantísimo elemento del discurso".

[2] Там же, стр. 357. — Суарес ссылается на мнение Каро, высказанное в его «Трактате о причастии»^ "El Sr Caro, en su Tratado del participio, observa que, así Salva cómo Bello, distinguían perfectamente, como maestros en el habla castellana, el bueno del mal uso; pero que no expusieron con toda la extensión y claridad que requiere esta materia, vasta y difícil en verdad".

[3] См.: "Gramática de la lengua española de la Academia Española". Nueva edición, reformada. Madrid, 1924, стр. 440.

[4] См.: О. К- Васильева-Шведе. Ук. соч., стр. 48—50.

[5] M. Alonso. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. Madrid, 1953, стр. 109.

[6] F. Hanssen. Gramática histórica de la lengua castellana. Cap. XIX, Halle, 1913, § 621, стр. 260-261.

ного» употребления герундия, хотя и отмечает, что оно встречается не часто[1].

Исследователи, не признающие «атрибутивного» употребления герундия, склонны рассматривать его как галлицизм. Вопрос о влиянии французского языка на иберороманские языки для каждого из них решается по-своему. Он связан также с чрезвычайно сложной проблемой проницаемости или непроницаемости языка для влияния другого, в данном случае родственного языка на различные его уровни и должен служить предметом особого исследования.

Из числа испанских писателей, допускающих подобное употребление герундия, следует отметить особо Валье Инклана, Асорина, см., например: ...está pálido de cólera, con los ojos violentos y fieros *fulgurando* bajo el caño entrecejo (R. Valle Inclán); Irreprochable Andrea, pura de una limpieza inmarcesible, y *apoyándose* en esa irreprochabüidad para llevar una vida libre y suelta en absoluto (Azorín); Aquella noche, como de costumbre, "el maestrín" se sentó en la boca misma del escenario, simplemente urdido con unas colchas floreadas y pálidamente iluminado por el temblor de las luces *llameando* en las paredes (A. M. Matute) и некоторых латиноамериканских авторов, например, мексиканского поэта Гарсия Нарео: el huevo tibio de mamá gallina, /el tren *tosiendo* en el paisaje claro,/ la rana verde con su zambullida. Todo era hermoso (G. García Narezo).

Кроме этих отдельных случаев «неправомерного» употребления герундия в функции определения, у тех же авторов, как и у других, мы находим закономерное, хотя и не частое употребление так называемого «объектного герундия» при глаголах восприятия (чаще всего при глаголе ver), глаголах hallar, encontrar и значительно реже — при некоторых других переходных глаголах. Например: tuve ocasión de verle bien *paseando* por la Galería (A. Palacio Valdés); Oigo la oscura ruina *demoliendo* en secreto /Una orilla de hierba y una punta de astro (M. Michelena); Cuando regresaba a casa, para comer, hallé a Paca *esperándome* a la puerta para entregarme una carta de Gloria (A. Palacio Valdés).

[1] V. García de Diego. Gramática histórica de la lengua española. Madrid, 1951, стр. 335—336; "él gerundio en sustitución del participio relativo es poco frecuente".

Рассматривая синтаксические функции герундия, мы исходим из следующего определения обстоятельства, данного А. А. Потебней: «Под обстоятельством, или наречием, разумеем признак (стало быть, знаменательную часть речи), связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь через его посредство относимый к предмету (субъекту, объекту), а сам по себе не имеющий с ним никакой связи»[1]. В таком случае следует признать характерной чертой обстоятельства неизменяемость его формы, его «несогласуемость», поскольку его отношение к предмету «опосредствованно». Обстоятельства (выраженные герундием), при которых протекает действие (выраженное глаголом-сказуемым), производимое субъектом (выраженным существительным-подлежащим) предложения, обозначают характерный для данного момента признак субъекта-подлежащего, одновременно связанный с действием сказуемого и «через его посредство относимый к предмету». См., например, герундии riendo, sonriendo 'смеясь, со смехом', suspirando 'вздыхая, со вздохом': Mamá no te ha llamado — me dijo el niño riendo (J. Isaaks).

Сочетаемость существительного-подлежащего и глагола-герундия при сообщении последним своего признака субъекту имеет существенное значение для выяснения характера синтаксической функции герундия и связи выраженного им члена предложения с основными его членами. В связи с этим, очевидно, в подавляющем большинстве случаев герундий-обстоятельство в пиренейско-романских языках употребляется от переходных глаголов действия с распространением обстоятельства. Например: исп. el hombre aparecía de sorpresa, *abriendo* la puerta de un golpe (E. Larreta).

Взаимоотношение герундия с глаголом сказуемого и с существительным подлежащего и колебания в ту или иную сторону могут создавать промежуточные случаи, которые следует определять в зависимости от удельного веса и характера той или иной связи. Неточность в толковании синтаксической функции герундия объясняется и общностью обеих синтаксических функций (определения и сказуемого), которые служат для того, чтобы придать подлежащему

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, ред., предисл. и вступит, статья В. И. Борковского. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 124.

(логическому субъекту) характерный признак, и связь между определением и подлежащим может быть такой же неразрывной, как и связь между сказуемым и подлежащим.

Пока между герундием и глаголом-сказуемым предложения может быть установлена зависимость, герундий сохраняет свое обстоятельственное значение, оставаясь верным своей грамматической природе. Утрата герундием связи с глаголом-сказуемым и сохранение связи с близстоящим существительным означало бы утрату герундием характерного для него обстоятельственного значения, а связь с существительным стала бы непосредственной и приобрела бы «атрибутивный характер», не свойственный грамматической природе герундия, т. е. либо мы имели бы дело с неправомерным использованием герундия в несвойственной ему функции (как это изредка допускается некоторыми испанскими авторами и, по нашему мнению, правильно рассматривается многими исследователями как галлицизм), либо в тех языках, где происходит и морфологическое перерождение герундия (как, например, в румынском, где герундий изменяет свою форму, приобретая способность согласования), возникает вопрос о переходе герундия в разряд иной лексико-грамматической категории атрибутивно-адъективного характера (так называемый «герундиальный адъектив»,

Употребление в иберо-романских языках так называемого «атрибутивного герундия» мы считаем «случайным», т. е. не соответствующим закономерности грамматического строя этих языков: герундий, адвербиально-субстантивный по своей грамматической природе, есть нечто совершенно иное, чем адъективно-атрибутивное причастие настоящего времени, и не может заменять его или восполнять его отсутствие в синтаксической функции определения. Адвербиальный характер герундия обусловлен его происхождением и историческим развитием, его морфологические свойства — неизменяемость его формы[1], т. е. неспособность к согласованию, и др. — соответствуют его синтаксической

[1] Исключительные случаи «согласования» герундия являются диалектальными особенностями и вряд ли могут быть приняты во внимание. Например, в некоторых сельских пунктах Пуэрто Рико (Утуадо, Ларес) наблюдается согласование герундия со своим дополнением: quemándolo, quemándala; el hombre está muñéndose, la mujer está muriéndase (см.: A. Z a m o r a . Dialectología española. Madrid, 1960, стр. 342).

функции обстоятельства и не способствует его употреблению в качестве определения.

Связь между герундием и существительным, даже помещенными рядом[1], не должна рассматриваться как связь определения с определяемым (герундий никогда не отвечает на вопрос «какой?», а только «как?»); она является связью адвербиально-предикативного характера, поскольку герундий и в данном случае выражает в виде обстоятельства второстепенное действие, сопутствующее главному действию (сказуемого), производимому одним и тем же субъектом в связной герундиальной конструкции и самостоятельным субъектом в абсолютной герундиальной конструкции[2].

Неупотребительность герундия в синтаксической функции определения в литературном испанском и португальском языках подтверждается соответствующим исследованием языка памятников письменности и художественной литературы. Результаты статистических подсчетов свидетельствуют о чрезвычайно редких случаях «атрибутивного герундия»— 0,045%. Цифра эта в среднем не возрастает, но незначительно колеблется соответственно интенсивности французского влияния в различные исторические периоды и у различных писателей[3].

Неудовлетворительность существующих характеристик синтаксических функций герундия в романских языках в значительной мере обусловлена ограниченностью распределения членов предложения, а также несоответствием традиционной терминологии синтаксиса усложненным синтаксическим связям предложения при возросших требованиях речевой коммуникации.

[1] Тем более, что при относительно свободном порядке слов в испанском языке далеко не всегда позиционная близость слов имеет какое-либо грамматическое значение; зачастую она носит чисто стилистический характер.

[2] См.: О.'К- Васильева-Шведе и Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка. Изд. 2-е. М., 1963, стр. 208 — 210.

[3] Склонность к галлицизмам особенно сказывается в затруднениях при переводе на испанский и португальский языки французских форм на -ant: французского причастия настоящего времени (participe present) и отглагольного прилагательного (adjectif verbal) в связи с отсутствием причастия настоящего времени в иберо-романских языках. См.: О. К. Васильева-Шведе. Именные свойства причастия настоящего времени (на материале иберо-романских языков).

Особого внимания заслуживает употребление герундия в странах Латинской Америки[1]. Кроме чрезвычайной его распространенности отличительной чертой этого употребления является разнообразие функций, в частности, необычное для герундия модальное значение (императива).

В качестве примера сознательного использования писателем «мощи» герундия (la potencia del gerundio), этого «динамичного сына языка» (ese dinámico hijo del idioma), в стилистических целях можно привести любопытный отрывок — своеобразный «гимн герундию» — из романа современного прогрессивного уругвайского писателя Альфреда Гравины[2], а именно:

Nepo comienza:

— Más adelante, señores, más adelante.

El ómnibus se llena. Carga cuarenta, cincuenta pasajeros de pie, uno contra el otro, apinmados. Entonces Nepo blande el gerundio, como si fuera un ariete (потрясает герундием, как тараном):

— ¡*Corriéndose* (проходите вперед, потесните сь), *corriéndose!* ¡A ver, señorita, la de verde, ahí! *[Corriéndose!*

Empujada por la potencia del gerundio, ese dinámico hijo del idioma, la señorita de verde se corre, deja un pequeño hueco y, antes de que nadie respire hondo, Nepo, con el gorro ladeado a causa de los roces y estrujones, exige:

—¡*Pasandol* (проходите) *Pasando* adelante! ¡De a dos en el pasillo! — y rellena los huecos...

—¡*Bajando]* (выходите) Bueno, ¡*Subiendo* ahora! ¡*Pasandol*

Recibe pisotones, codazos, estrujones, reclamos, con la paciencia de un santo...

Estos especímenes son por la general refractorios al gerundio, se empacan en el pasillo, no se corren ni dejan correrse a los demás, lanzan miradas de indignación y repugnancia...

—¡*Pasandol* ¡*Corriéndose* a la izquierda! ¿Tiene boleto, señora? Bien. ¡*Pasandol*..

—¡De a dos en el pasillo! ¡*Pasandol*

El ómnibus s i g u e *rodando* con su carga humana, bajo

[1] См.: C h. E. К а п у. American-Spanish syntax. Second edition. Chicago, 1951, стр. 211, 212, 230, 236, 258.

[2] См.: A l f r e d o G r a v i n a. Las puertas de la primavera (Trilogía). V. I. El único camino. Buenos Aires — Montevideo, 1958, стр. 67-68.

el esplendoroso sol de este día que presagia la próxima pri mavera.....

Tal es lo que puede sentir un hombre en un día como éste, sin excluir a Nepo Correa, que concurrió hasta tercer año a la escuela, fue repartidor de pan, jugó en la cuarta de Nacional, aprendió a bailar el tango y ahora es guarda de ómnibus, amo del gerundio, padre de dos hijos pequeños.

Исследование обширного материала пиренейско-романских языков убеждает нас в том, что герундии как одна из неличных форм глагола является весьма существенным элементом грамматического строя этих языков, а тенденция к расширению частоты употребления герундия и разнообразия его синтаксических функций в испанском языке, особенно в странах Латинской Америки, представляет собой одну из закономерностей его синтаксиса в современном употреблении.

В связи с этим спорные вопросы соотношения причастия настоящего времени и герундия и, в частности, его атрибутивного употребления в испанском языке заслуживают особого внимания исследователя и ждут своего окончательного разрешения.

Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с герундием

Герундий с глаголом estar образует грамматизованную глагольную конструкцию, ставшую аналитической глагольной видовой формой (длительной, см. стр. 206): A mi me *están debiendo* ocho meses de mi viudedad (Mesonero Romanos); Al llegar a la plaza, el viajero ve a su amigo el viejo, con el burro Gorrión al lado. — Le *estaba esperando.* — ¿Sí? (C. Cela); Yo ya no voy al campo, ya no valgo; *estuve yendo* mas de cuarenta años, sin dejar un día, hasta que me rendí (ib.); Una de las chiquitas de la posada, la María, — se va a casar conmigo para la primavera, si Dios quiere. Yo ya lo *estoy deseando...* (ib.); *Estuve bailando* media hora con él y te aseguro que no empalmo (J. Goytisolo).

Герундий с глаголами движения ir, seguir, continuar, venir, andar, pasar и др., с глаголами состояния quedar, permanecer и др. в качестве служебных (полувспомогательных) образует лексико-синтаксические описательные видовые конструкции, которые служат для видовой характеристики действия, в частности длительности его, и выпол-

няют в предложении функцию составного глагольного сказуемого, тогда как грамматизованная конструкция estar с герундием выступает в роли простого глагольного сказуемого.

Чрезвычайно употребительная конструкция глагола ir+Gerundio выражает развивающееся длительное действие (от настоящего к будущему, от близкого к далекому): Ib a m o s *venciendo* y de pronto somos vencidos (B. Pérez Gal dos); Yo, aquí donde usted me ve, tengo tres años del bachiller. Pero no me quejo; v o y *viviendo* y con eso ya me conformo (C. Cela); El viajero que va *caminando* por el hocino del Solana, no ve ninguno de estos pueblos (ib.). Нередко условия протекания действия, выраженного этой конструкцией, т. е. его видовые оттенки уточняются или подчеркиваются соответствующими обстоятельствами, обычно выраженными наречиями: poco a poco, a media que, lentamente, cada vez и др.: La terraza se i b a *llenando* poco a poco (J. Goytisolo); Luego, poco a poco, f u é *escuchando* aquel raro parloteo que le llegaba, de lo alto... (A. M. Matute); Enviábame cartas y recados que también i b a n *escaseando* lentamente (B. Pérez Galdós); El camino de los chinarrcs v a *describiendo* curvas, todo cuesta abajo, hasta Coreóles, y durante el trayecto el viajero v a *hablando* con Felipe de lo hermoso que está el campo y de lo bien que se presenta el año (C. Cela); El sol, a medida que se ha i d o *bajando* al llano ha empezado a apretar y el viajero busca una sombra para sentarse a descansar un rato, echar un trago, comer un bocadito y fumar un p i t i l l o (ib.).

Конструкция seguir-f Gerundio, хотя и уступает в употребительности конструкции с глаголом ir, встречается довольно часто, и в современном испанском языке даже наблюдается тенденция к росту ее употребительности; конструкция эта выражает продолжение действия, безотносительно к его началу и концу, с одинаковой степенью интенсивности: ¿Pero por qué seré así, Dios mío?, se preguntaba, y s e g u í a *siendo* así, como era, ya que sólo de tal modo podía ser él el que era (M. de Unamuno). Seguir с герундием может выражать различные дополнительные оттенки: продолжение действия после перерыва, т. е. возобновление и дальнейшее продолжение его (часто в Pretérito simple): Les habíamos salvado el pellejo y su horizonte s e g u í a *siendo* el mismo, tan cerrado y redondo como el grupo de sus relaciones o el círculo de los valses que bailaban sus abuelos (J. Goytisolo); Ladró, se cansó de la-

drar, s i g u i ó *ladrando*... (A. Asturias), а также непрерывное протекание действия: "¡Arre, Gorrión!", y el Gorrión s e g u i r á *andando* hasta que el día venga y alguien se lo tope (C. Cela).

Конструкция глагола **continuar**-f Gerundio выражает непрерывно продолжающееся действие и, будучи книжной конструкцией, употребляется реже, чем конструкция с глаголом seguir: La Madre Cruces acudió a recoger su farol y tornóse adonde estaba Eulalia, que al verla llegar se alzó lánguidamente. C o n t i n u a r o n *andando*. La noche era calma y serena (R. Valle Inclán); C o n t i n u a r o n *soltando* badejadas y me pregunté si todo el verano estaría entre gente así (J. Goytisolo).

Конструкция глагола andar+Gerundio встречается не очень часто и служит для выражения длительного действия; глагол andar в значительной степени утрачивает свое основное лексическое значение и придает действию, выраженному всей конструкцией, характер постоянного занятия чем-либо: A n d a *arrastrando* los pies, apoyado sobre un bastón de cayada, con el espinazo doblado y el pecho hundido (C. Cela); ср. самостоятельное употребление глагола andar: ...un hombre que camina detrás de un burro. El hombre anda como un caballero en derrota (C. Cela); Yo digo que la mañana se ha hecho para andar y la noche para dormir (ib.).

Конструкция глагола venir+Gerundio, как и с глаголом ir, выражает длительность, развитие действия, но эта конструкция в отличие от конструкции с глаголом ir показывает, что действие развивается от прошлого к настоящему, от далекого к близкому; при этом иногда указывается время начала действия, а также конец его в виде намеченной цели, результата и т. п.: El Tajo, que de cerca es un río turbio y feo, desde lejos aparece bonito, muy elegante. V i e n e *haciendo* curvas y se ve desde muy lejos, siempre rodeado de árboles (C. Cela); ... un riachuelo casi sin agua que v i e n e *arrastrando* su miseria desde la Sierra de Umbría Seca (ib.).

Конструкция глагола quedarse+Gerundio выражает длительное действие с оттенком результативности: La mujer tiene los ojos tristes. Se q u e d a *mirando* fijo para la pared, y añade... (C. Cela); El viejo se sienta en la cuneta y el viajero se acuesta de espaldas y q u e d a *mirando* para unas nubéculas, gráciles como palomitas, que flotan en el cielo (ib.); ср. с самостоятельным употреблением глагола quedar: Moranchel queda a la izquierda del camino de Cifuentes, a dos centenares de pasos de la carretera (ib.).

Конструкция глагола **permanecer**+Gerundio имеет примерно то же значение: Yo aborrecía también a los tipos que explotaban las situaciones hasta el máximo y p e r m a n e c í a n *fumando* o *durmiendo* cuando no se tenía necesidad de ellos (J. Goytisolo).

Конструкция глагола llevar+Gerundio также имеет видовой характер, выражая длительное действие, ограниченное во времени: Los amigos l l e v a n *andando* ya un largo rato — un largo rato de tres o cuatro horas — cuando cruzan por Masegoso (C. Cela). Конструкция эта употребляется сравнительно редко.

Некоторые другие глаголы (empezar, acabar и т. д.) также могут употребляться в сочетании с герундием, образуя лексико-синтаксическую конструкцию с видовым оттенком, например: Entonces, no te mataron — le corté. — No. La bala me p a s ó *rozando*. Figúrate que me atravesó el sombrero (J. Goytisolo); Las gentes, tarde o temprano, siempre a c a b a n *pasando* por la albardería del Rata en busca de una cincha o un lomillo, detrás de un ataharre, en pos de un debajero o una cangalla (C. Cela); El viajero, con tanta felicidad, a c a b a *durmiéndose* en la mecedora (ib.).

НАРЕЧИЕ

Определение класса слов, объединяемых обычно названием «наречие», представляет известные трудности. Одна из этих трудностей состоит в том, чтобы найти наиболее емкое и всеохватывающее семасиологическое обоснование выделяемой части речи. Из любой нормативной грамматики нам известно, что наречием называется слово (лексема), которое модифицирует (характеризует) глагол, прилагательное или другое наречие. Уже из этого определения можно сделать вывод о том, что наречие характеризует либо то слово, которое само характеризует предмет в некоем его проявлении (с точки зрения деятельности этого предмета), либо то слово, которое тоже характеризует предмет, но с точки зрения его качества. Свойство наречия обозначать признаки других признаков (признак действия, признак качества) находит продолжение в способности характеризовать и признак признака, т. е. модифицировать другое наречие.

Таким образом, можно сказать, что слова, относимые к классу наречий, отличаются известной грамматической

универсальностью (поливалентностью), ибо модифицируют такие несходные части речи как, например, глагол и прилагательное. Для реализации этой своей универсальной функции наречие, очевидно, должно быть лишено реальных морфологических признаков зависимости от тех классов слов, которые оно модифицирует, т. е. не изменяться ни по лицам, ни по числам (как глагол); ни по родам, ни по числам (как прилагательное). Наречие как раз и характеризуется флективной неизменяемостью в отличие от других знаменательных слов[1]. В то же время оно отличается знаменательностью от всех прочих неизменяемых (служебных) слов. Однако выдвижение свойства морфологической неизменяемости в качестве основного признака наречий привело к тому, что, по меткому выражению В. В. Виноградова, «категория наречий исстари являлась свалочным местом для всех, так называемых, «неизменяемых» слов»[2]. Это впечатление сборности («свалочности») усиливается, когда мы начинаем рассматривать наречие в семантическом и в функциональном планах (как с точки зрения собственных функций наречия, так и с точки зрения функциональной близости к другим частям речи).

Семантическое разнообразие класса наречий связано с тем, что они характеризуют весьма различные признаки (действий, качеств, признаков) и с разных точек зрения (с качественной, с количественной). В связи с этим к наречиям относится и слово maquinalmente 'машинально' и слово así 'так' (hace maquinalmente, hace así), siempre 'всегда' и aquí 'здесь' (hace siempre, hace aquí), más 'больше' и muy 'очень' (más bueno, muy bien) и т.д.

В испанских грамматиках деление наречий на разряды проводится по разным признакам: 1) по характеру образования: primitivos, т.е. непроизводные (bien, muy, cerca) и derivados, т.е. производные с суффиксом -mente; 2) по функциональному признаку с учетом структуры: fuertes, т.е. сильные (непроизводные) и funcionales, т.е. функциональные, возникшие из различных именных дополнений,

[1] Совершенно противоположной точки зрения придерживается автор «Структуральной грамматики» Э. Аларкос Льорак, относя все наречия (и «адвербиальную форму прилагательного на -mente, и наречия места aquí, ahí, allí, acá, allá, управляемые предлогами») к флективным или номинальным плеремам (Ук. соч., стр. 85—86, 94).

[2] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 726.

используемых в адвербиальном значении (например, en todas partes); 3) по соотнесенности (соотв. несоотнесенности) с другой частью речи: pronominales, т.е. местоименные (относительные, вопросительные, указательные, неопределенные) и no pronominales, иначе называемые verdaderos, т.е. истинные наречия. Вариантом этого последнего деления является деление на calificativos, т.е. качественные (no pronominales, verdaderos) и determinativos, т.е. определительные (pronominales). Имеются и другие классификации, в частности, по семантическим признакам. Однако главным основанием для деления должен служить лексико-грамматический принцип.

По лексико-семантическим и грамматическим признакам наречия целесообразно разделить на качественные и обстоятельственные.

В разряд качественных наречий входят:

1. Наречия, обозначающие качественную оценку действия:

equivocadamente se había llevado su abrigo; *insensiblemente* alargué el paso (A. Asturias); Una barraca arde *pronto* (V. Blasco Ibáñez); Cierra *bien* la puerta (P. A. de Alarcón); Lánceme *a todo correr* (A. Palacio Valdés); rueda de reloj de la que dependía que pasara *rápido* o *ligero* el tiempo de muchas vidas (A. Asturias).

К этому типу наречий примыкают некоторые другие, не связанные непосредственно с качественной оценкой действия, но характеризующие все высказывание в целом. Наречия со значением логической оценки высказывания в целом можно назвать модальными наречиями. К ним относятся такие наречия на -mente как indudablemente, naturalmente, ciertamente: *Indudablemente,* esta noche va a volver de visita al molino (P. A. de Alarcón).

Если иметь в виду, что модальные наречия, несмотря на их индивидуальные особенности семантического характера, могут быть объединены с общесемасиологической точки зрения в подразряд наречий, передающих идею утверждения (соотв. отрицания) истинности сообщения, то сюда же можно бы было отнести слова sí, no, ni, también, tampoco и квалифицировать их как наречия утверждения /sí, también) и наречия отрицания (no, ni, tampoco):[1]

[1] Целый ряд синтаксических особенностей наречий утверждения и главным образом наречий отрицания no, ni давало и дает повод грамматистам выделять их в отдельную часть речи, называемую

¿Le conviene? — A mí, sí; pero a usted creo que *no*. — A mí *también* (H. Quiroga); Nunca ha estimado a Feliciano. — *Tampoco* le estimo (A. Palacio Valdés); *Ni* ella *ni* yo tenemos la culpa (J. Izcaray).

2. Наречия, определяющие интенсивность совершения действия:

El cielo había oscurecido *aún más;* Allí, un hombre con diez mentiras, que poco podía ya (A. M. Matute).

3. Наречия, обозначающие интенсивность качества, приписываемого предмету:

Tenía *muy* buena montura (H. Wast); Artamila estaba esperando *tan* honda y *tan* negra como la llevaba él en el alma (A. M. Matute); sus pupilas claras de huevo *ligeramente* azul; la noche era muy hermosa, fragante y estrellada, *ligeramente* tibia (A. Asturias).

4. Наречия, обозначающие интенсивность признака, характеризующего действие:

Dingo sabía *muy* bien que se le irían muriendo sus ... compañeros (A. M. Matute); Dormí *bastante* mal aquella noche (A. Palacio Valdés).

Наречия, обозначающие качественную оценку действия, обычно называют наречиями образа действия. Наречия, обозначающие интенсивность совершения действия, интенсивность (меру) качества или признака, называются многими грамматиками количественными.

Границы между наречиями образа действия и наречиями интенсивности действия не абсолютны. «В некоторых наречиях,— пишет Х. Гомес, — таких, как fuertemente, vigorosamente, enérgicamente и др., с качественным значением может переплетаться количественный оттенок... Потеря качественности ведет к тому, что наречие перестает быть наречием образа действия и превращается в наречие количества, интенсивности, как это имеет место с terriblemente: hallaba a la ciudad ... con una población terriblemente mermada».[1] Для разграничения этих подразрядов автор предлагает учитывать: а) семантику наречия; б) наличие или отсутствие вторичной предикации по отношению к субъекту; в) возможность или невозможность замены

обычно частицами. Однако вопрос этот не подвергался до сих пор подробному исследованию. Поэтому окончательное суждение по этому поводу высказать трудно.

[1] Х. Х. Гомес. Качественные наречия образа действия (на -mente) в испанском языке. Автореферат канд. дисс, Л., 1953, стр. 16.

наречия (выступающего не с обычным собственно качественным значением, а с количественным) другими наречиями интенсивности (mucho, muy, enormemente и т.д.)[1].

Грамматическими признаками качественных наречий являются: 1) способность модифицировать не только глаголы, но и прилагательные и наречия; 2) способность образовывать степени сравнения.

В разряд обстоятельственных наречий входят наречия, обозначающие временные и пространственные обстоятельства, при которых совершается действие. В связи с этим они делятся на наречия времени и места. К наречиям времени относятся такие распространенные наречия, как ahora, antes, ayer, aun, después, ya, entonces, hoy, jamás, luego, mañana, nunca, siempre, tarde, todavía, recién, cuando, cuándo, de día и др.

Te tendré *siempre* conmigo (M. Hernández); Muerto de sueño *jamás* se atrevía ... a dormir en el carro (V. Blasco Ibáñez); *ya* no puede saludarlo más (C. Cela).

Наречие recién нормативно употребляется только в сочетании с причастиями и всегда стоит в препозиции:

se hacían gachas como dos *recién* casados (J. Goytisolo); Los *recién* llegados avanzaron... (G. López y Fuentes); El *recién* venido me pareció sospechoso (J. E. Rivera).

В испанском языке Америки наряду с «правильными» (в смысле общенормативности) случаями употреблений этого наречия (см. два последних примера из произведений латиноамериканских писателей) наблюдается сильная тенденция снять ограничения как в плане сочетаемости, так и в отношении позиции. Наречие recién в испано-американском ареале ведет себя как обычное наречие и может модифицировать любые глагольные формы и употребляется не только в препозиции:

Llegaría *recién* al amanecer; como si *recién* apercibiera (R. Güiraldes).

К наречиям места относятся такие употребительные наречия, как abajo, arriba, aquí, allí, ahí, acá, allá, cerca, junto, lejos, encima, delante, detrás, en casa, donde, dónde и др.

Delante iba Santiago, ... *detrás,* don Manuel (C. Cela).

Наречия aquí 'здесь' (близко от говорящего), ahí 'здесь' или 'там' (близко от того, с кем говорят), allí 'там' (далеко от говорящих) соотносятся с указательными местоимениями

[1] Там же.

este, ese, aquel. Ср., например: *Ahí* tienes. Ese estaba lleno de vida (A. M. Matute); ¿Qué haces *ahí* con esa escopeta, maño? (J. Izcaray). В примере *Aquí,* como *ahí* fuera (A. Buero Vallejo) противопоставление aquí — ahí представлено очень четко.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ

Изменение по степеням сравнения характерно в основном для качественных наречий. Так же как у прилагательных, в классе наречий выделяют собственно сравнительную степень, положительную (исходную) степень и превосходную степень сравнения. Формальными коррелятами соответствующих грамматических значений являются: 1) для собственно сравнительной степени — вспомогательное наречие más (или menos): más bien, más alto, más claramente; 2) для положительной степени — отсутствие вспомогательного наречия: bien, alto, claramente; 3) для превосходной степени — наличие артикля среднего рода lo при форме собственно сравнительной степени: lo más bien, lo más alto, lo más claramente:

Me despedí con aquel sujeto *lo más pronto* que fué posible (A. Palacio Valdés).

Некоторые наречия образуют особую (супплетивную) модель степеней сравнения, которая существует наряду с типовой моделью: bien — mejor — lo mejor (bien — más bien — lo más bien), mal — peor — lo peor (mal — más mal.— lo más mal).

Ряд обстоятельственных наречий имеет формы, выражающие сравнительную степень интенсивности признака:

Más tarde o *más temprano* iría a parar (A. Palacio Valdés); Allí *más arriba* se veía una capilla medio destruida (J. Valera).

Однако наречия этого разряда не имеют «полного комплекта» форм: превосходная степень сравнения (с артиклем lo) со многими из них не употребительна, например, с наречиями aquí, allá, acá и т.д.

Выражение равных степеней интенсивности действия: tan ... como, а также высшей степени интенсивности, безотносительной к сравнению (так называемая «абсолютная превосходная степень»): muy alto, altísimo, clarísimamente, muy bien можно, вероятно, отнести к свободным, неформализованным способам передачи интенсивности признака.

К этим неграмматическим способам выражения интенсивности относятся повторы (muy muy bien, alto alto), использование суффиксов субъективной оценки (poquito) и т.д. Пэследние характерны для разговорной речи и охватывают разряд обстоятельственных наречий:

me levanté *de buenas buenas* (J. Goytisolo); A su voz sobrevino un silencio helado, *luego luego* una queja, otra queja más luego (A. Asturias); *Lueguito* abajo, en la mina (A. Nazoa).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НАРЕЧИЯ

Основная функция наречия в предложении — обстоятельственная. Модифицируя глаголы, прилагательные и наречия, оно передает обстоятельства образа действия или интенсивности действия, качества или интенсивности другого качества или другого признака. Наречия в некоторых случаях могут модифицировать существительные, если эти последние адъективированны (т.е. сближаются с прилагательными) или обозначают действие, движение и т.д.:

Una mujer como Suncha, *tan* persona (R. Gallegos); Era aun *muy* niño; sus pies hicieron *casi* ruido (A. M. Matute); Es una chica americana, *muy* artista (J. Goytisolo); él no es *muy* trigo limpio que digamos (R. J. Payró); ojos de *cuando* chaval (A. M. Matute).

Наречие может выполнять также функцию определения (с предлогом): el combate *de ayer* ... la lucha *de hoy* (J. Izcaray), а также быть элементом составного сказуемого: Si he querido bromear, dispénsenme todos: yo soy *así* (B. Pérez Gal dos).

АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ

Наиболее часто адвербиализируются прилагательные. Это происходит путем лексического и грамматического переосмысления слова. Прилагательное отрывается от своего исходного класса (транспонируется) в форме мужского рода (если прилагательные имеют две формы рода) или в форме, общей для обоих родов. Грамматическим признаком адвербиализованного прилагательного становится его неизменяемость по родам и числам:

— ¿Viene *mucho* por aquí? — Sí, con mucha frecuencia. Dicen que tiene mucho dinero (F. Gonzálbez Ruíz).

В построениях типа habla alegre, entró presuroso именной элемент сказуемого является прилагательным. Многие авторы указывают на функциональную и содержательную близость прилагательных в подобной конструкции к наречиям (обстоятельство образа действия), а некоторые из них прямо говорят о явлении адвербиализации прилагательных[1]. Однако функциональное и смысловое сближение не означает еще полной адвербиализации. Прилагательные в подобных конструкциях не теряют свойств согласования: hablan alegres, (ella) entró presurosa.

Путем транспозиции адвербиализуются также существительные (mañana 'завтра'), числительные (primero 'сначала'), предлоги (hasta 'даже') и т.д. Часто адвербиализуются существительные с предлогом (a casa 'домой', en casa 'дома', de golpe 'вдруг' и т.д.).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Непроизводные или первообразные наречия в современном испанском языке сравнительно немногочисленны: ahora, antes, más, muy, acá и др. Пополнение класса наре-чий осуществляется, как было сказано выше, за счёт"транспозиции различных частей речи или синтаксических сочетаний. К чисто морфологическим способам образования наречий относится использование -mente (из лат. аблатива mente от существительного женского рода mens, mentis), который прибавляется к формам прилагательных женского рода для прилагательных двух окончаний (buena+mente, lenta+mente), либо к формам, общим для обоих родов (fácil+mente, alegre+mente). Когда в предложении за одним наречием следует другое наречие (или другие) с окончанием на -mente, то это окончание сохраняется только в последнем наречии:

Esto es: no sentía el pasado *lírica* ni *musicalmente* (R. Pérez de Ayala).

Суффиксы субъективной оценки в разряде наречий редко используются в литературном языке, но в живом разговорном языке наблюдается, по выражению многих ис-

[1] Подробно об этом см.: Н. Л. Трауберг. К вопросу о глагольно-именном сказуемом в современном испанском языке (Построения типа habla alegre). Канд. дисс, М., 1955.

панских грамматистов, abuso de diminutivos, т.е. 'злоупотребление уменьшительными суффиксами':

Lueguito abajo (A. Nazoa); ¡Si yo supiera me iría *lejotes, tejotesl* (R. Gallegos).

ПРЕДЛОГ

По сравнению с русским языком употребительность предлогов в испанском языке больше, что объясняется главным образом отсутствием в испанском языке склонения существител ьных:

Fue *a* la tienda, α comprar el pan, *con* el dinero *dentro del* puño ... se entretuvo *en* la esquina *para* contar los tapones *de* botella *de* cerveza (A. M. Matute).

Трудности определения предлога как части речи и описания системы предлогов кроются в их противоречивой природе[1]. Почти все грамматисты, говоря о предлогах, подчеркивают их несходство со знаменательными частями речи (существительным, прилагательным, глаголом, наречием). Эта правильная констатация приводит исследователей к разным выводам. Одни считают, что поскольку с помощью предлогов выражаются отношения, аналогичные тем, которые в ряде языков выражаются падежными флексиями, предлоги не являются самостоятельными словами и не могут квалифицироваться как часть речи. Другие относят их наряду с союзами к служебным частям речи. Вторая точка зрения представляется более правильной (ср. Рока Понс, II, 107). В самом деле, предлог имеет не только самостоятельную грамматическую функцию, но и самостоятельное, хотя и особое, семантическое содержание.

Вопрос о том, имеет ли предлог лексическое значение, является до сих пор спорным. Если под лексическим значением предлога понимать тот тип значения, которым характеризуются знаменательные слова, обладающие предметно-вещественным значением, то приходится признать,

[1] По общей теории предлогов см., например: V. B г δ π d a 1. Théorie des prepositions. Copenhague, 1950; K. G. L y u n g g r e n. Towards a Definition of the Concept o Preposition. "Studia Lingüistica", 1951, V, стр. 7—20. О различных принципах описания предлогов см.: А. М. Ф и н к е л ь. Предлоги, выражающие категорию причинности в современном русском литературном языке. Л., 1965 (автореферат докт. дисс), стр. 3—4; M a r í a L u i s a L ó p e z. Problemas y métodos en el análisis de preposiciones. Madrid, 1970.

что предлоги таковых не имеют. **Они не обладают свойством** называть предметы, качества, состояния и т.д. Именно поэтому Ельмслев определяет их как «неноминативные плеремы». Однако отсутствие свойства наименования, называния еще не свидетельствует об отсутствии у предлогов особой семантики. Предлогу как самостоятельному слову свойственно указывать в более или менее обобщенной, абстрактной форме на характер отношений между управляющим и управляемым словом, т.е. в конечном счете отражать потребности мысли, направленной на предметы реальной действительности, находящиеся в определенных (выделяемых мыслью) отношениях.

Грамматическая (синтаксическая) функция предлогов состоит в том, что они используются для выражения связи между словами в предложении, раскрывая отношения между предметами реальной действительности, отношения предметов к различным явлениям действительности (действиям, качествам, состояниям и т.д.).

Функциональная самостоятельность предлога является веским доводом для выделения этого класса слов в самостоятельную часть речи. Сходство предлогов с другой служебной частью речи — союзами — состоит в том, что и те и другие используются не самостоятельно, а для выражения отношений между лингвистическими единицами. Однако между ними есть и существенное различие. Если предлоги осуществляют связь между словами и всегда передают подчинительный характер связи между ними, то союзы осуществляют связь между предложениями, отдельными частями предложений и при этом могут передавать не только подчинительный характер связи, но и сочинительный.

По характеру обозначаемых отношений — обобщенности (соотв. конкретности) — предлоги обычно делятся на два подкласса.

1. Предлоги, выражающие самые общие грамматические отношения, наподобие тех, которые выражаются в языках синтетического строя с помощью падежных флексий, называются предлогами а б с т р а к т н о г о з н а ч е н и я (абстрактные, предлоги). Таким свойством обозначать наиболее общие грамматические отношения обладают предлоги a, de, **con,** en, para, **por.** Примеры вроде Ribot dó *a* la muchacha un buen consejo или Habló de las marismas *a* don Rosendo Belinchón, *a* don Feliciano y *a* dos indianos más (A. Palacio Valdés) свидетельствуют о том, что

предлог a вводит 'управляемые косвенные дополнения к управляющим глаголам-сказуемым dió (dar) и habló и передают общее значение лица, для которого что-то делается. В примерах вроде A lo lejos vi *a* un hombre que iba *a* mi encuentro (A. Palacio Valdés); *A* nadie encontraron por el camino (P. A. de Alarcón) предлог a служит средством присоединения управляемых слов определенного разряда к управляющим глаголам-сказуемым: vi (ver), encontraron (encontrar) и передает общее значение перехода действия на лицо (предмет).

Обобщенный характер грамматических значений предлогов a, de и др. и, следовательно, слабо выраженное индивидуальное семантическое значение (Х. Рока называет их débiles, т.е. 'слабыми' — Roca, II, 111—112) делает их многозначными (с точки зрения передачи самых разнообразных отношений).

Предлог a, передавая в самом общем виде значение направленности, имеет много частных вариаций этой общей идеи:

He prometido llevar *al* cine *a* Laura (J. Goytisolo); Pedro se sentía tranquilo ... viendo *al* padre y α la madre, *al* cielo y *a* los niños que pasaban y *a* los árboles que bordeaban el Paseo del Mar (A.M. Matute); *¿A* qué vino? — *A* verla (H. Quiroga); el piso olía *a* lejía y *a* zotal (J. Goytisolo); *A* las puertas del banco se acumulaba la muchedumbre; Los remos cobraron *al* fin toda su agilidad (A. Palacio Valdés).

Частные значения и оттенки значений предлога de являются вариациями общих значений «движения от какой-то точки» и «принадлежности»:

Pronto salimos *de* la casa, *de* la calle y *de* Salamanca (B. Pérez Galdós); un lápiz *de* labios para la chica, un corte *de* vestido para la madre, una cartera *de* cuero para Manuel, un album *de* fotos *de* automóviles; seguimos adelante por un camino *de* carro; Apuré el vino *del* jarrillo; vació su vaso *de* un trago; eres un amor *de* chico (J. Goytisolo).

Семантическая немотивированность предлогов абстрактного значения является одной из главных причин трудности их усвоения иностранцами, а в среде самих носителей языка приводит к колебаниям в выборе того или иного предлога. Случаи смешения характерны для разговорного языка. В Латинской Америке «перебои» проникают и в письменную речь. Так, например, в одной из аргентинских газет на одной странице мы встретили De acuerdo *al* pri-

mer ministro congoleño ("Clarín", 18. X, 1964, стр. 9), а тремя страницами дальше — De acuerdo *con* (стр. 12).

От случаев смешения следует отличать синонимические замены и использование явления предложной синонимии в стилистических целях:

Paramos delante de una casa ... *con dos balcones y dos grandes ventanas* (A. Palacio Valdés); se recortaba en la noche un gran edificio *de ventanas iluminadas* (F. Avalos).

2. Предлоги, передающие более индивидуализированные отношения между управляющим и управляемым словом, называются предлогами конкретного значения (конкретные предлоги): **ante, bajo, contra, desde, entre, hacia, hasta, según, sin, sobre, tras.** Более индивидуализированная семантика этих предлогов делает их не столь многозначными (в смысле разнообразия передаваемых отношений). Доказательством их сравнительной семантической самостоятельности являются примеры вроде следующих:

— No hay guitarra. — Lo mismo da. *Sin* (J. Goytisolo); a mí me gusta *sin* mucha espuma — *¿Sin* o *con?* — *¡Sinl* — contestó el arriero (A. Asturias).

Такое изолированное употребление предлогов **sin** и **con** является фактом фамильярной разговорной речи и не может считаться нормативным, поскольку предлог здесь как бы «потерял» свои основные синтаксические (связующие) функции, лишившись «нормальной» грамматической среды.

Употребление большинства предлогов этого подкласса связано с исходным его значением, хотя в синхронном плане точная этимологическая мотивация отсутствует. Так, например, только исторический анализ может объяснить конкретное исходное значение предлога **hacía <faz a,** т.е. букв, 'лицо к' ('лицом к'). Однако современное значение направленности к объекту ('по направлению к чему-либо', 'в сторону чего-либо') несомненно связано с исконным пространственным значением старого сочетания faz a:

Pusiéronse en marcha *hacia* casa (A. Palacio Valdés).

Ср. употребление в современном языке сочетания **cara a,** равнозначного старому **faz** a и синонимичного современному **hacia:**

Desembocamos en un Paseo, *cara al* mar (J. Goytisolo); bajaba poco a poco por la calle de Cervantes, *cara al* Botánico (R. Pérez de Ayala).

Еще более конкретны так называемые двойные предло-

ги, которые «описывают» отношения между предметами как бы с разных точек зрения:

Pedro salió *de entre* los árboles (A. M. Matute). Здесь предлог de обозначает движение лица (Pedro) от предметов, а предлог **entre** — местоположение лица между предметами.

Las mujeres cruzaban el bulevar después de pasar *por entre* dos tranvías que dejaban un pequeño trecho entre sí (F. Avalos). В этом примере **por** указывает на место, по которому проходят женщины, и по смыслу соотносится с un pequeño trecho; предлог **entre** указывает на то, что прохождение осуществлялось между двумя движущимися трамваями.

Конкретный характер предлогов данного подкласса проявляется, в частности, в том, что в подавляющем большинстве случаев они используются для выражения конкретных пространственных отношений:

lo volvía a apoyar *contra* la pared; *entre* Borja y yo (A. M. Matute); *desde* la puerta de la barraca (V. Blasco Ibáñez); Estoy calado *hasta* los huesos (P. A. de Alarcón).

Наиболее полнозначными (или «сильными») предлогами в семантическом отношении являются сложные предлоги, образовавшиеся из сочетания простых предлогов с наречиями **(junto a, acerca de)** или существительными **(con respecto a, en atención a, al cabo de).**

Деление предлогов на два подкласса — абстрактные и конкретные — это только одна из возможных классификаций, которая имеет в виду самые общие свойства этой части речи. Так, например, Р. Ленц рекомендует различать три группы предлогов в соответствии с типами устанавливаемых ими отношений: пространственные (locales), временные (temporales) и предлоги условий (condicionales (Lenz. La oración..., 484—490). Последние подразделяются на предлоги причины, образа действия (modo) и цели.

Раскрытие внутренних закономерностей всей смысловой системы предлогов могло бы быть сделано как путем установления типов отношений, выражаемых разными группами предлогов, так и путем описания специфики передаваемого предлогами отношения внутри каждой группы[1].

[1] Примером такого исследования на французском материале является работа Т. А. Репиной «Роль предлогов в грамматической системе французского языка (Предлоги a и de при дополнении к глаголу)». Автореферат канд. дисс, Л., 1954.

Комбинации слов, соединенных предогами (предложные словосочетания), могут быть весьма различными, хотя все они относятся к тому типу словосочетаний, в которых слова соединяются по способу управления. Природа внутренних отношений в предложном словосочетании, очевидно, должна выясняться при учете всех элементов сочетания: начального, конечного и самого предлога[1]. В сочетании camino de Madrid связь предлога de со вторым (конечным) элементом представляется наиболее важной, поскольку именно этот элемент придает сочетанию завершающий характер. Все сочетание имеет значение 'дорога на Мадрид', букв, 'дорога Мадрида' или 'мадридская дорога'. При продолжении ряда: camino de Madrid a Valencia связь второго элемента с первым оказывается преображенной, ибо новый конечный элемент (Valencia), соединенный с предыдущим (Madrid) при помощи предлога a, опять-таки является более важным: именно он меняет характер связи второго элемента (Madrid) с первым (camino). В словосочетаниях типа servir de base (de ejemplo, de testigo) предлог de явно тяготеет к первому элементу, т.е. к глаголу[2].

Начальными элементами предложных словосочетаний в современном испанском языке могут быть существительные *(la casa* de mi padre), прилагательные *(deseoso* de verte), глаголы *(quiero* a mis padres), местоимения *(alguien* entre ellos), наречия *(más* de la cuenta), междометия *(ay* de mí). В чисто формальном плане первый элемент двойного предлога также можно рассматривать в качестве начального элемента (a por, *de* sobre, *por* entre). Иначе говоря, начальный элемент, т.е. «управляющее слово» не имеет ограничений, связанных с принадлежностью к той или иной части речи.

Что касается конечного элемента предложного словосочетания, т.е. «управляемого слова», то в качестве такового может быть использовано существительное или любое другое слово с эквивалентным значением (llegamos a *un monte,* el rumor del *agua,* entre *iodos).* Х. Рока замечает (Roca, II, 107), что предлогом могут управляться некоторые наречия (desde *aquí)* и группы слов, состоящие из

[1] См.: М. Н. Д е е в. Некоторые вопросы теории испанского предлога. Труды Военного института иностранных языков. Сб. статей «Иностранные языки», М., № 4, 1968, стр. 83.

[2] См.: М. Н. Д е е в. Ук. соч., стр. 83. Здесь же автор справедливо замечает, что в словосочетаниях voy con mi hermano, la casa de mi hermano зависимость предлога обнаружить весьма трудно.

имени, сочетающегося с другим предлогом (por *encima* ***de*** *la casa,* por *entre la multitud).* Если первое замечание совершенно справедливо, то второе не кажется бесспорным: por encima de, por entre можно рассматривать как единые комплексы, равнозначные одному предлогу.

Трудность определения грамматического значения конечного элемента зависит от трудности разграничения косвенных глагольных дополнении и обстоятельственных групп. М. Н. Деев сопоставляет два предложения-словосочетания: voy a pie и voy a casa и правильно, на наш взгляд, относит первое к словосочетаниям, образованным по способу примыкания, а второе — по способу управления. Он считает, что в первом случае предлог a не устанавливает связи между двумя элементами и является, по существу, морфемой (voy-(-a pie). Во втором случае предлог a осуществляет связь между двумя элементами (voy+a+casa) и может быть заменен другими предлогами (hacia, para), а слово casa может иметь при себе артикль, местоимение, прилагательное. В связи с этим автор относит сочетание a pie к лексике, а a casa — к грамматике[1].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРЕДЛОГОВ

Класс предлогов пополняется в современном языке только за счет сложных предлогов или предложных оборотов, возникающих путем сочетания простых предлогов с наречиями **(junto a, frente a, acerca de, cerca de, debajo de, por debajo de, dentro de** и др.) и с существительными **(con respecto a, en atención a, en orden a, en referencia con, a consecuencia de** и **др.).**

СОЮЗ

Союз, так же как предлог, является служебной частью речи. Его служебность состоит в осуществлении связи между отдельными словами (членами предложения), самостоятельными предложениями и частями сложного предло-

[1] М. Н. Деев. Ук. соч., стр. 82. Интересные соображения по поводу определения обстоятельственной группы см.: Н. Н. Середюкова. О некоторых закономерностях синтаксической и семантической валентности глагола в современном испанском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

жения. Не называя тип самой связи, союзы указывают в обобщенной форме на характер отношений между соединяемыми элементами. Таким образом, связующие функции союза шире и разнообразнее, чем у предлога. То же можно сказать и о типах связи: если предлог устанавливает только подчинительную связь, то союз способен осуществлять и подчинительную (между частями сложноподчиненного предложения), и сочинительную (между отдельными членами предложения и между самостоятельными предложениями). В соответствии с этими различными грамматическими способностями союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы осуществляют различные виды связи в рамках сочинения и в соответствии с этим делятся на союзы:

1. Соединительные: главным образом союз y (e перед словами, начинающимися на i-, hi-), а также **ni** ... **ni:**

...la chimenea agrietada del teso *y* los restos calcinados de un molino; preguntó uno *y* ... desapareció; Ahora, toda la vida parecía concentrarse en el mar, *y* el puerto abrigaba medio centenar de embarcaciones (J. Goytisolo).

В примере porque yo ni soy sabia, *ni* filósofa, *ni* teóloga (B. Pérez Galdós) первое **ni** является наречием отрицания, второе и третье (ni ... ni) относятся к соединительным союзам. Ср.: *Ni una espantada, *ni* un tropezón, mi madre! (B. Lynch).

2. Разделительные: главным образом союз o (и перед словами, начинающимися на -o, ho-), более редко **ora** ... **ora,** ya ... ya:

Tomando *ora* la espada *ora* la pluma; *ya* en la milicia, *ya* en las letras.

3. Противительные: **pero, más (но), sino** (при отрицании), **aunque:**

...no se trataba de robar, *sino* de dar vida a la cosecha (V, Blasco Ibáñez).

Подчинительные союзы осуществляют различные виды подчинения одного предложения другому в сложноподчиненном предложении и в соответствии с типами придаточных предложений делятся на союзы: изъявительные **(que** 'что', 'чтобы', например, в дополнительных предложениях), временные **(cuando, así que, luego que, desde que, antes que** и др.), причинные **(porque, puesto que** и др.), целевые **(para que, a fin de que,** а **que** и др.), условные **(si, dado que, en caso que** и др.), сравнительные

(como, como si и др.), уступительные **(aunque, bien que,** и др.):

Creo *que* aquella misma tarde tomamos un trago juntos; Le pregunté *si* en el Veradero servían bebidas; Yo le había dicho *antes que* allí me sentía existir; *cuando* voy llamo (J. Goytisolo); Levantamos el campo *porque* la tarde está cayendo (J. Izcaray); *Como* ya dice el refrán, yerba mala nunca muere, y *sin que* yo quiera decir con esto *que* Rosario fuera mala *(si bien* tampoco pondría una mano en el fuego por sostener *que* fuera buena) (C. Cela).

Функциональное своеобразие союзов наиболее полно может быть раскрыто в синтаксисе предложений и словосочетаний. Некоторые грамматики вообще исключают союзы из раздела морфологии.

В словообразовательном отношении союз, как ни одна другая часть речи, характеризуется бедностью репертуара первообразных элементов (у, о) и, с другой стороны, активной связью с другими частями речи, на базе которых путем транспозиции или синтаксических сочетаний конституировалась эта самостоятельная часть речи. В основном класс союзов пополняется за счет различного рода относительных местоимений (que, quien), относительных наречий (cuando, donde), предлогов в сочетании с que (para que, **a** que), целых фразеологических единств (a pesar de que, sin embargo, no obstante).

МЕЖДОМЕТИЕ

Чтобы решить вопрос о возможности причисления междометий к системе частей речи и о их месте в этой системе, необходимо применить те же критерии определения, которые использовались нами для описания признаков самостоятельности любой другой части речи. С семасиологической точки зрения такие слова как **oh, eh, ay** или **caramba, arre, vaya,** несомненно, обладают общим значением, которое состоит в передаче «эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность»[1]. В отличие от других форм и способов выражения эмоций (например, суффиксов эмоциональной оценки) или волевых побуждений (например, форм императива глагола) междометие,

[1] **В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр.**

как отдельное слово, само по себе является знаком этих чувств, хотя и не обозначает их предметно:

Bah\ Ya sé que nada de eso te interesa — dijo simulando irritación... Pero *qué demoniol,* déjame hablar; ... *0h*\ — exclamó Martín con desaliento; *Bah,* |te conozcol; *Vamos,* Jordi, no seas rencoroso; — ¿Es largo el trayecto?... *Psé*\ Nueve- o diez kilómetros; *Oh*\ ¿es usted?; *Eh*\ ...Vigile; ¿Dónde están los niños? ... *Ah,* los niñosl — dijo; *Caramba*\ — dijo — |Qué sorpresal (J. Goytisolo).

Возможность опредмечивания отдельных обозначений того или иного чувства (путем субстантивации: sus ayes) подтверждает наличие у этих слов-знаков некоторого подобия номинативной функции. В отличие от всех других частей речи использование междометий предполагает особую ситуацию, которая состоит в том, что ее создают говорящий и слушающий, меняющиеся ролями, и непосредственно выражающие свои переживания. Т.е., иначе говоря, междометия используются только в прямой речи и не переводятся в косвенную речь. В письменной речи (в тексте) междометия используются лишь постольку, поскольку в ней может воспроизводиться ситуация, предполагающая непосредственное общение собеседников. В синтаксическом плане подобная ситуация с использованием знаков-чувствований наиболее типична для восклицательных предложений:

jOh, sil ... ¡Bahl ¡Mire la cara de ese gordol; ¡Ah! |Ah! ¿Seca?; ¡Caramba, mamá!; ¡Ah, ah, mi madre, ah, ahí (B. Lynch).

Особенности обозначения эмоционально-волевых чувств и переживаний определили, видимо, возможность использования этих слов либо в качестве отдельных слов в составе предложения, либо в качестве самостоятельного предложения. В этом смысле междометия мало чем отличаются, например, от существительных, которые тоже могут использоваться изолированно (в функции обращения) или в качестве эквивалента предложения (назывное предложение). Однако разница состоит в том, что для существительных — это частные и отнюдь не главные и не единственные возможности их использования; междометия же не могут функционировать иначе, как в виде изолированного слова или отдельного предложения. Случаи связи междометий с другими словами по способу примыкания (vaya una cosa, vaya si quiero) или управления (ay de mí) не типичны для класса междометий в целом.

Свойство междометия быть эквивалентом отдельного предложения отмечается почти всеми испанскими грамматиками. Однако выводы из этой правильной констатации делаются прямо противоположные. Грамматика Испанской академии считает междометием «такую часть речи, которая в основном сама по себе образует полное предложение» (Gram. Ac, 126). Р. Ленц говорит о том, что «междометия не являются ни частями речи, ни предложениями, а должны квалифицироваться как «эквиваленты предложения» (La oración..., 51).

В морфологическом отношении междометия характеризуются неизменяемостью (что вполне согласуется с их функциональными особенностями).

С точки зрения происхождения междометия обычно делят на первообразные и производные. Первые не соотносятся по происхождению ни с какой другой частью речи: ah, oh, ay. Вторичные или производные образуются из знаменательных частей речи путем лексико-грамматического переосмысления слов или отдельных форм слов. Например, из глагольных форм:

Vamos, estás loca (R. Güiraldes); *Mira,* vamos al cuarto de Eulalia (A. Palacio Valdés); из существительного: *Cáscaras* ¿Has oído? (B. Lynch).

АЛФАВИТНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(цифры обозначают страницы)

абсолютная конструкция (самостоятельный оборот): инфинитивная к. 227, причастная к. 275, герундиальная к. 292

адвербиализация 320

адъективация: а. существительных 98, а. причастий 253

аналитическая форма глагола 139

аналитические глагольные конструкции 139

артикль: формирование системы а. 53, 54; место а. в системе частей речи 55; значение и функции а. 56—59; обобщающее и индивидуализирующее значение а. 60—62; значение соотнесенности/несоотнесенности 60—63; определенный а. 63; опр. а. со значением определенной соотнесенности 63; опр. а. со значением неопределенной соотнесенности 66; неопределенный а. 67; неопр. а. со значением неопред, соотнесенности 67—72; неопр. а. со значением несоотнесенности 73, 74; вопрос о принадлежности unos, -as к системе а. 68; отсутствие а. 74; нечленные формы имени со значением несоотнесенности 75; категория соотнесенности в разряде имен собственных 79; lo как субстантиватор 49—52, 53

атрибутивный герундий 297—309

взаимный залог

вид: аспектологические понятия вида (Aspect 193) и «способы действия» (Aktionsart 194); грамматическая категория глагола 194, 204, 213; имперфективный (несовершенный) в. 212; перфективный (совершенный) в. 222, 227; оппозиция имперфективного и перфективного видов в морфологич. системе испанского глагола 222; видовые формы испанского глагола 214, 215, 222; длительная форма (estar+герундий) 206—215; значение и употребление длительной формы 221 —222; признаки грамматизованности формы estar+герундий 210, 211; tener+причастие как результативная видовая форма 222, 277; грамматизованные конструкции, выражающие вид 210, 222, 246, 247; лексические конструкции, выра-

жающие вид 216—220, 248; см. также инфинитив, причастие, герундий; о видовых оттенках врем. гл. форм 213, 214
видо-временная система глагола (схема) 164 — 169
винительный с инфинитивом (Accusativus cum infinitivo) 237
возвратное местоимение se 123
возвратный залог 192
вопросительные местоимения 129
время: грамматическая категория глагола 154 — 172; временные глагольные формы 166 — 169
временные глагольные формы 164 — 169; значение и употребление Presente de Indicativo 155, 156; Imperfecto 156, 157; Pretérito simple 156, 157; Pretérito compuesto 156, 157; Pluscuamperfecto 158; Pretérito anterior 158; Futuro simple 159, 160; Futuro compuesto 160; Condicional 161; Condicional simple 161, Condicional compuesto 159, 161; Presente de Subjuntivo 158, Pretérito compuesto de Subjuntivo 158, Imperfecto de Subjuntivo на -se и на -га 158; Pluscuamperfecto de Subjuntivo на -se и на -га 158, Futuro de Subjuntivo 161
вспомогательные глаголы haber 137, 277; ser 137, 277; estar 137, 278; tener 137, 277; вспомогательные глаголы в грамматизованных глагольных конструкциях с инфинитивом 245—249; с причастием 277, 278; с герундием 209—216; см. также служебные глаголы
герундий: формы 282; признаки: глагольные 286—288, адвербиальные 288, 289; синтаксические функции г. 289, 293, 311; герундиальные обороты 290—293; связный герундиальный оборот 292, 293; самостоятельный (абсолютный) герундиальный оборот 292, 293; грамматизованная глагольная конструкция с герундием 311, лексические конструкции с герундием 312—314; см. также вид
глагол: значение г. 131—136; классификация г. по значению и употреблению 136, 137; г. знаменательные и служебные 136—141; г. переходные и непереходные 141—144; г. предельные и непредельные 144 — 148; г. местоименные 148 — 151; грамматические категории г. 151; категория лица и числа 151—154; к. времени 154 — 172; к. наклонения 172 — 183; к. залога 183 — 193; к. вида 193—222; спряжение г. 164 — 169; формы и употребление наклонений: изъявительное н. 175; условное н. 161, 178, 179; сослагательное н. 175, 177, 178 — 180; повелительное н. 182, 183; время 154 — 172; временные глагольные формы: см. время и наклонение; залог 183 — 193; действительный з. 195; страдательный з. 185 — 191; средний з. 191 — 192; возвратный з. 192; взаимный з. 192, 193; вид 193—222; длительная форма (estar+герундий) 206—216; грамматизованные конструкции, выражающие вид, 206—216, 222; лексические конструкции, выражающие вид,

216—220, 248; неличные (неспрягаемые) формы г. 222—228; инфинитив 228—249 (см.), причастие 249—282 (см.), герундий 282—314 (см.); грамматизованные глагольные конструкции с инфинитивом 245—248; временные к.: acabar de+инфинитив 245, 246; ir a+инфинитив 246; выдовые к.: ponerse a+инфинитив 246; echar(se) de+инфинитив 247; volver a+инфинитив 247; модальные к.: haber de+инфинитив 247; hay que+инфинитив 247; tener que (de)+инфинитив 247; deber de+инфинитив 248, 249; грамматизованные глагольные конструкции с причастием: haber+причастие 277, см. также сложные временные формы; ser+ +причастие 277, см. также страдательный залог: tener+причастие, (см. также вид) 277; estar+причастие 278; грамматизованные глагольные конструкции с герундием: estar+герундий, 206—216, 311; см. также длительная форма
глагольно-именные формы г. 222—228
грамматизация: признаки грамматизованности глагольных конструкций 210-212
грамматика: теоретическая г. 4, 16; типы грамматик 14
основные разделы г. 9,; г. и словообразование 10
грамматическая категория 6—9
грамматическая форма 5, 6
грамматическое значение 4, 5
действительный залог 183 — 193, см. также залог
длительная форма (estar+герундий) 206—216, см. также вид
дробные числительные 104
залог: грамматическая категория глагола 183; залоги в исп. языке 183—185; действительный з. 185; страдательный з. 185—191; причастная форма (ser+причастие) страдательного з. 186—190; местоименная форма страдательного з. 190, 191; средний з. 191, 192; возвратный з. 192; взаимный з. 192, 193; залоговая много значность местоименных глаголов 190
залоговая многозначность 190
знаменательные глаголы 137
изъявительное наклонение (см. также наклонение): значение и употребление и.н. 175, 176; временные формы и.н. 164, 165
императив, см. повелительное наклонение 182, 183
имперфективный (несовершенный) вид 212
имперфектные временные формы глагола 146, 187
инфинитив: формы и. 229; признаки и.: глагольные 229—238; именные 238—245; синтаксические функции и. 240—243; инфинитивные обороты 236—238; винительный с и. 237; связная конструкция с и. 236; самостоятельный (абсолютный) инфинитивный оборот 234—236; грамматизованные глагольные (временные, видовые и модальные) конструкции с н. 245—248; временные к.: acabar

de+и. 245, 246, ir a+и. 246; видовые к.: ponerse a+и. 246,echarse a+и. 247, volver a+и. 247; модальные к.: haber de +и. 247, hay que+и. *247,* tener que+я. 247, deber de+и. 248; описательные лексические глагольные (видовые и модальные) конструкции с инфинитивом 248, 249; субстантивация и. 238—245
качественные наречия 316
качественные прилагательные 83, 84
классификация глаголов по их значению и употреблению: знаменательные и служебные г. 136—141, переходные и непереходные г. 141 — 144, предельные и непредельные г. 144-148, местоименные г. 148-151
количественные наречия 317
количественные числительные 102
кондиционал 178, 179, см. условное наклонение
косвенное дополнение: инфинитив в функции к. д. 241; самостоятельный (абсолютный) инфинитивный оборот в функции к.д. 241
лексико-синтаксические глагольные конструкции 138, 139; их грамматизация 139, 140, 208—212
лексические (лексико-синтаксические) описательные глагольные конструкции с инфинитивом 248, 249; с причастием *280—282;* с герундием 311—314
лицо: грамматическая категория глагола 151—154
личные глаголы 136
личные местоимения: формы л.м. 108; склонение л.м. 108; употребление л.м. 109 — 123; ударенные формы и их употребление 109—117; неударенные формы и их употребление 117 — 123; функции л.м. в предложении 109, 115 — 123
междометие: значение м. 330; разряды м. 332; синтаксис м. 331; происхождение м. 332; первообразные м. 332; производные м. 332;
местоимение: значение 105; функция замещения 105; личные м. 107; склонение личных м. 108, 109, 113, 116—123; ударенные формы личных м. 109; "voseo" 113; неударенные формы м. 117; синтаксические особенности неударенных форм м. 117—123; "leísmo" 119; "loísmo" 121; возвратное м. se 123; притяжательные м. 124; указательные м. 125; относительные м. 127; вопросительные м. 129; неопределенные м. 129; отрицательные м. 130
местоименные глаголы 148 — 151; характеристика м.г. 148; разряды м.г. 149; залоговая многозначность м.г. 149, 150
местоименные прилагательные: притяжательные м.п. 124; указательные м.п. 125
модально-видо-временная система г. 162
модальность: модальность грамматическая и модальность лексическая 173, 174

морфемная структура форм испанского г. 162, 163
морфемный анализ 163
наклонение: грамматическая категория глагола 172—183; иъявительное н. 175, 176; условное н. 178, 179; сослагательное н. 178 — 180; повелительное н. 182, 183
наречие: значение н. 314; разряды н. 315; качественные н. 316; н. образа действия 317; степени сравнения н. 319; обстоятельственные н. 318; н. времени 318; н. места 318; синтаксическая функция н. 320; адвербиализация 320; словообразование н. 321
неличные (неспрягаемые) формы глагола 222—228; инфинитив (см.) 228-248; причастие (см.) 249-282; герундий (см.) 282-314
неопределенно-личная конструкция глагола 150
неопределенные местоимения 129
непереходные глаголы 141—144
непредельность: лексико-грамматическая категория н. 144 — 148
непредельные глаголы 144
несовершенный (имперфективный) вид 212, 222
несоотнесенность: см. соотнесенность/несоотнесенность 60—63
неспрягаемые (неличные) формы г. 136, 222—228
неударенная форма личных местоимений 117
норма языка: территориальная н. 18; социальная н. 18; полуостровная н. испанского языка 19; национальные н. испанского языка Америки 19
образ действия: наречия о.д. 317; обстоятельства о.д.: инфинитив в функции обстоятельства о.д. 242; самостоятельный (абсолютный) причастный оборот в функции обстоятельства о.д. 275; герундий в функции обстоятельства о.д. 289
обстоятельственные наречия: н. времени 318; места 318
обстоятельство: самостоятельный (абсолютный) инфинитивный оборот в функции о. времени 241; инфинитив в функции о.: времени 241; образа действия 242; причины 242; цели 242; условия 242; уступки 242; самостоятельный причастный оборот в функции о: времени 275; образа действия 275; герундий в функции о.: образа действия и причины 289; самостоятельный (абсолютный) герундиальный оборот в функции о. времени и причины 292; наречия в функции о. 320
объектный герундий 294—297, 305, см. также герундий
описательные глагольные конструкции, см. аналитические глагольные конструкции
определение: существительное в функции о. 42; прилагательное в функции о. 93; инфинитив в функции о. 241; причастие в функции, о. 272; связный причастный оборот в функции о. 276; наречие в функции о. 320;
оптатив 178, см. также наклонение

относительные местоимения 127
падеж; см. склонение личных местоимений 108
переходные глаголы 141—144
перфективный (совершенный) вид 200, 202
перфектные временные формы глагола 157, 158
повелительное наклонение; см. также наклонение
подчинительные союзы 329
положительная степень сравнения прилагательных 89, 92
полувспомогательные глаголы 138: полувспомог. г. в лексических глагольных конструкциях с инфинитивом 248, 249; с причастием 280—282; с герундием 216, 311—314; см. также служебные г.
порядковые числительные 103
превосходная степень сравнения: прилагательных 90—93; наречий 319
предельность/непредельность: лексико-грамматическая категория п./неп. 144-148
предельные глаголы 144, 267
предикативность 231-238, 273, 274, 288
предлог: значение п. 322; синтаксическая функция п. 323; классы п. 323; п. абстрактного значения 323; п. конкретного значения 325; типы отношений, передаваемых п. 326; словообразование п. 328; простые п. 323—326; сложные п. 326
прилагательное (имя): значение п. 81; структурная близость сущест" вительных и п. 81; морфолого-синтаксические признаки п. 81; разряды п. (типы классификаций) 81—83; качественные п. 84; относительные п. 85; переход относит, п. в качественные 86, 87; род п. 87; число п. 88; особые случаи согласования п. с существительным 88; степени сравнения п. 89; синтаксические функции п. 93; адъективация п. 98; словообразование п. 100
причастие: формы 250, 262—268; признаки: глагольные 272—276; именные 271, 272; синтаксические функции 273—276; причастные обороты: связный причастный оборот 276; самостоятельный (абсолютный) причастный оборот 273—276; грамматизованные конструкции с п.: haber+n. 277; ser+n. 277; tener+π. 277; estar+π. 278, 279; описательные лексические конструкции с п. (см.) 280—282; субстантивация п. 269—271; адъективация п. 265—268
простые временные формы глагола 162, см. также глагол
процессуальность как признак глагольности 208
разделительные союзы 329
род: существительных 26; прилагательных 87; артикля 56, 57, 63, 67; местоимений 108, 112, 117, 119, 122-125, 127, 129
самостоятельный оборот (абсолютная конструкция): инфинитивный 227; причастный 275; герундиальный 292
связка составного именного сказуемого: гл. ser с инфиниШвом *в*

именной части 242; гл. ser с прилагательным 95; непереходные глаголы quedarse, permancer, andar, hallarse, ir, seguir, venir, correr и др. в качестве связки 140, 141
связный оборот: инфинитивный 236, причастный 276, герундиальный 290-292
связочные глаголы 140
сказуемость 233, 234
склонение личных местоимений 108, 115 — 123
словообразование: его отношение к грамматике 10; грамматическая функция суффиксов 12, 13; грамматическая роль конверсии 13, 14; префиксы 13; суффиксы эмоциональной оценки 13; с. существительных 12, 13; с. прилагательных 100; с. числительных 104
сложные временные формы глагола 162, см. также временные гл. формы
служебные глаголы 137, 138, см. также вспомогательные глаголы
собственное имя существительное 37—40
совершенный (перфективный) вид 222, 227
соотнесенность/несоотнесенность (грамматическая категория) 60—63; определенная соотнесенность 63; неопределенная соотнесенность 66
сослагательное наклонение 176 — 180, 182; временные формы с.н. 166, 167
составное сказуемое: глагольное с.с. с инфинитивом 231, 248; с причастием 273; с герундием 287; именное с.с. с инфинитивом 242; с причастием 272; связка в составном именном с. 140
союз: значение с. 328; функции с. 329; сочинительные с. 329; соединительные с. 329; раздепительные с. 329; противительные с. 329 подчинительные с. 329, словообразовательные с. 330
«способ действия» 194, 195
спрягаемые личные формы г. 136, 164 — 168
сравнительная степень сравнения: прилагательных 89, 90, 92, 93; наречий 319
страдательный залог 185—191; причастная форма (ser+причастие) 186 — 190; местоименная форма 190, 191
субстантивация 43; типы с. (в языке и в речи) 44; «метасубстантивация» 45—47; с. с помощью lo 49—52; с. прилагательных 48—51; с. причастий 269; с. инфинитива 48; с. наречия 50
субхунитиво 178—180, см. наклонение
суффиксы: с. существительных 52; с. прилагательных 100; с. наречий 321
существительное (имя): основной категориальный признак с. 26; лексико-семантические разряды с. 26; род. с. 26; семантические признаки рода с. 28, 30; формальные (морфологические) признаки рода с. 29; лексическое противопоставление с. по роду 28; отме-

ченные и неотмеченные признаки рода с. 28, 29; мужской род с. 29—33; женский род с. 29—33; вопрос о среднем роде с. 27, 51; исторические колебания в роде с. 30, 31; географическая и социальная вариативность форм рода с. 31; формы рода имен собственных 33; число с. 34; ед. ч. с. 34—39, существительные, употребляющиеся только в ед. ч. 36, 37; ми. ч. с. 34—39; типовая модель мн. ч. с. 34; реализация модели мн. ч'. у некот. заимствованных слов 34, 35; понятие собирательности 38; число имен собственных 38, 39; существительные, употребляющиеся только во мн. ч. 39, 40; категория соотнесенности 60—63; вопрос о склоняемости с. 40; синтаксические функции с. 42; субстантивация 43; с. прилагательных 48—51; с. наречий 50; с. причастий 269; с. инфинитива 48
ударенная форма личных местоимений 109
указательные местоимения 125
указательные местоименные прилагательные 125
условное наклонение 178, 179
часть речи: история изучения ч.р. 20; принципы классификации (морфологический 21, функциональный или синтаксический 22, логический 23, «психологический» 23, синтагматический 24, семасиологический 25), классификация ч.р. в испанском 25; самостоятельные ч.р. 25; служебные ч.р. 25
числительное (имя): значение ч. 101, 102; количественные ч. 102; порядковые ч. 103; дробные ч. 104; множительные или кратные ч. 104; словообразование ч. 104; место ч. по отнош.к определяемому существительному 102, 103
число: существительных 34; прилагательных 88; ч. как грамматическая категория глагола

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов Общие вопросы

ЧАСТИ РЕЧИ

Существительное 26
Род имен существительных 26
Число имен существительных 34
Вопрос о склоняемости испанских существительных . . . 40
Синтаксические функции существительного 42
Субстантивация 43
Словообразование имен существительных 52
Артикль..... 52
Определенный артикль 63
Неопределенный артикль 67
Отсутствие артикля 74
Категория соотнесенности в разряде имен собственных 79
Прилагательное 81
Род имен прилагательных 87
Число имен прилагательных 88
Степени сравнения имен прилагательных 89
Синтаксические функции прилагательного 93
Адъективация 98
Словообразование имен прилагательных 100
Числительное 100
Местоимение 104
Личные местоимения 107
Возвратное местоимение se 123
Притяжательные местоимения 124
Указательные местоимения 125
Относительные местоимения 127
Вопросительные местоимения 129
Неопределенные местоимения 129
Глагол 131
. Классификация глаголов по их значению и употреблению 136
Знаменательные и служебные глаголы 136
Переходные и непереходные глаголы 141
Предельные и непредельные глаголы 144
Местоименные глаголы 148

Грамматические категории глагола 151
Лицо и число..... 151
Время 154
Наклонение 172
Залог 183
Вид 193
Неличные формы глагола: инфинитив, причастие, герундий 222
Инфинитив 228
Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с инфинитивом..... 245
Причастие..... 249
Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с причастием 277
Герундий 282
Грамматизованные и лексико-синтаксические конструкции с герундием 311
Наречие 314
Степени сравнения наречий 319
Синтаксическая функция наречия 320
Адвербиализация 320
Словообразование наречий 321
Предлог 322
Словообразование предлогов 328
Союз 328
Междометие..... 330
Алфавитный предметный указатель 333

Ольга Константиновна Васильева-Шведе
Георгии Владимирович Степанов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Морфология и синтаксис частей речи

(для институтов и факультетов иностранных языков)

Редактор И. С. Маненок
Издательский редактор З. И. Кулейкина
Художник В. К. Васильев
Художественный редактор Э. А. Марков
Технический редактор З. А. Муслимова
Корректоры В. И. Гаврилова, Н. Н. Сидоркина

Сдано в набор 24/1-72 г. Подп. **к** печати 18/VII-72
Формат 84X108V3J. Объем 10,75 печ. л.
Усл. п. л. 18,06. Уч.-изд. л. 18,88. Изд. №
РГ-27. Зак. 1094. Тираж 10000 экз. Цена 87 коп.
План выпуска литературы
издательства «Высшая школа»
(вузы и техникумы) на 1972 г. Позиция Ns 174

Москва, К-51. Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 7 «Искра революции»
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
г, Москва, пер. Аксакова, 13